ISSN 2225-5346

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

2011

3—4

Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2011

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2011
№ 3—4

Калининград:
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2011.
329 с. + 4 л. отд. ил.

Точка зрения авторов
может не совпадать
с мнением редсовета
и редколлегии

© БФУ им. И. Канта, 2011

Редакционный совет

А.П. Клемешев, д-р полит. наук, профессор, ректор БФУ им. И. Канта (Россия, Калининград) — председатель;
М.Е. Швыдкой, д-р искусствоведения, профессор, научный руководитель Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва) — сопредседатель;
Ф. Апанович, д-р филол. наук, профессор, продекан филологического факультета Гданьского университета (Польша, Гданьск); *М.Н. Громов*, д-р филос. наук, профессор, зав. сектором истории русской философии РАН, проректор Государственной академии славянской культуры (Россия, Москва); *И.Н. Данилевский*, д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Россия, Москва); *Л.А. Кудрявцева,* д-р филол. наук, профессор Киевского национального университета им. Т. Шевченко, президент Украинской ассоциации преподавателей русского языка и литературы, член Президиума МАПРЯЛ (Украина, Киев);
Г. Кундротас, д-р филол. наук, профессор, декан филологического факультета Вильнюсского педагогического университета (Литва, Вильнюс);
Б.Н. Тарасов, д-р филол. наук, профессор, ректор Литературного института им. А.М. Горького (Россия, Москва); *Б. Ханзен,* д-р филол. наук, профессор, директор Института славистики Регенсбургского университета (Германия, Регенсбург)

Редакционная коллегия

В.И. Грешных, д-р филол. наук, профессор — главный редактор
Т.В. Цвигун, канд. филол. наук, доцент — зам. главного редактора
В.В. Малащенко, канд. филол. наук, доцент — редактор номера
Н.Г. Бабенко, д-р филол. наук, профессор
В.И. Гальцов, канд. ист. наук, доцент
В.И. Повилайтис, канд. филос. наук, доцент
В.А. Смирнов, зам. директора Социально-гуманитарного парка БФУ им. И. Канта
А.Н. Черняков, канд. филол. наук, доцент

Издание осуществлено при финансовой поддержке
фонда «Русский мир»,
грант № 557Гр/I-063-10

ISSN 2225-5346

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

2011

3—4

Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2011

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2011
№ 3—4

Калининград:
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2011.
329 с. + 4 л. отд. ил.

Точка зрения авторов
может не совпадать
с мнением редсовета
и редколлегии

© БФУ им. И. Канта, 2011

Редакционный совет

А.П. Клемешев, д-р полит. наук, профессор, ректор БФУ им. И. Канта (Россия, Калининград) — председатель;
М.Е. Швыдкой, д-р искусствоведения, профессор, научный руководитель Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва) — сопредседатель;
Ф. Апанович, д-р филол. наук, профессор, продекан филологического факультета Гданьского университета (Польша, Гданьск); *М.Н. Громов*, д-р филос. наук, профессор, зав. сектором истории русской философии РАН, проректор Государственной академии славянской культуры (Россия, Москва); *И.Н. Данилевский*, д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Россия, Москва); *Л.А. Кудрявцева,* д-р филол. наук, профессор Киевского национального университета им. Т. Шевченко, президент Украинской ассоциации преподавателей русского языка и литературы, член Президиума МАПРЯЛ (Украина, Киев);
Г. Кундротас, д-р филол. наук, профессор, декан филологического факультета Вильнюсского педагогического университета (Литва, Вильнюс);
Б.Н. Тарасов, д-р филол. наук, профессор, ректор Литературного института им. А.М. Горького (Россия, Москва); *Б. Ханзен,* д-р филол. наук, профессор, директор Института славистики Регенсбургского университета (Германия, Регенсбург)

Редакционная коллегия

В.И. Грешных, д-р филол. наук, профессор — главный редактор
Т.В. Цвигун, канд. филол. наук, доцент — зам. главного редактора
В.В. Малащенко, канд. филол. наук, доцент — редактор номера
Н.Г. Бабенко, д-р филол. наук, профессор
В.И. Гальцов, канд. ист. наук, доцент
В.И. Повилайтис, канд. филос. наук, доцент
В.А. Смирнов, зам. директора Социально-гуманитарного парка БФУ им. И. Канта
А.Н. Черняков, канд. филол. наук, доцент

Издание осуществлено при финансовой поддержке
фонда «Русский мир»,
грант № 557Гр/I-063-10

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 7

АКТУАЛЬНО

«Мы живем в эпоху мифов, рождающих страхи». *Интервью с О. Гаман-Голутвиной* 11

Якунин В. ЕС — Россия: ценностные основания. *Беседа со студентами БФУ им. И. Канта* 17

ОБЩЕСТВО: ПОЛЕМИЧЕСКИЙ СЛЕД

Мчедлова М. Российская цивилизация: координаты интерпретации в новых реалиях 27

Мельков А. Христианские ценности и европейская идея 40

Розенвалдс Ю. Проблема «(де)герметизации» политической элиты Латвии и Эстонии: перспективы русскоязычного меньшинства 43

Брюшинкин В., Андрейчук Н., Мазур Ю. Русские в Литве: проблема социокультурной идентичности 60

ЯЗЫК: ПУЛЬС ВРЕМЕНИ

Ботникова А. О вреде чтения книг (Опыт национальной самоидентификации) 75

Балшайтите Д. Что говорят и пишут о русском языке в современной Литве 84

Шмелева Т. «Москва, люблю тебя безмэрно»: вспышка парономазии в медиаречи 95

ЗНАКИ ИСТОРИИ

Данилевский И. Александр Невский и Тевтонский орден 105

Яковлева М. «Из них был славен не один…»: князья Юсуповы 112

Максимов И. Русско-немецкий торговый договор 1904 года 121

СЛОВЕСНОСТЬ

Жилина Н. Антоний Погорельский и его роман «Монастырка» 127

Исаев С. Эротическое и духовное в поэтической системе раннего А. Пушкина: «Гавриилиада» 135

Кибальник С. Гайто Газданов и военная проза Льва Толстого 150

ИКОНА

Коннова М. Икона времени: словесный образ праздника в русской культуре 161

ДОКУМЕНТЫ ВРЕМЕНИ

Костяшов Ю. Русские на Восточной ярмарке в Кёнигсберге 171

ФИЛОСОФСКИЕ СТРАНИЦЫ

Повилайтис В. Историософия Д. С. Мережковского: в плену мифа 187

ИСТОКИ

Дорофеева Л. «Помыслил я в душе своей…»: о чем пишет Владимир Мономах? 195

Поучение Владимира Мономаха 199

РУССКИЕ В КЁНИГСБЕРГЕ

Кузнецова И. «С русской душой» 211

ПОБЕРЕЖЬЕ

Современная польская поэзия в переводах *И. Белова* 225

ПЕРСОНА

Шмелева Т. Словесность Ежи Фарыно 251

Фарыно Е. «Бессонница» Марины Цветаевой (Опыт анализа цикла) 259

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

Лукьяненко И., Вертинская О. В Польше пишут по-русски 303

Балобаев В. Международная молодежная летняя школа STUDIA BALTICA: начало новой традиции 307

Сутырин В. Международная конференция «Политические элиты стран Балтийского региона в 1991—2011 годах. Итоги и перспективы» 310

Красецкая О. Есть русские женщины в польских селеньях… 314

Summary 322

Об авторах 324

CONTENTS

Editors' Preface 7

FEATURE

Ours Is the Time of Nightmare-Inducing Myths. *An interview with O. Gaman-Golutvina* 11

Yakynin V. EU/Russia: in Search of Common Values. *A talk with the students of IKBFU* 17

SOCIETY: TRACING CURRENT DISCUSSIONS

Mchedlova M. Russian Civilization: Coordinates of Interpretation in New Reality 27

Melkov A. Christian Values and European Idea 40

Rosenvalds J. The «(Un)Encapsulation» of the Political Elites of Latvia and Estonia and Russian-speaking Minorities 43

Bryushinkin V., Andreychuk N., Mazur J. Russians in Lithuania: a Study in Socio-Cultural Identity 60

LANGUAGE: THE PULSE OF LIFE

Botnikova A. Reading is Bad for You (a Parable of National Self-Identification) 75

Balsaityte D. What They Say and Write on Russian Language in Lithuania Today 84

Shmeleva T. «I Luurve You, Moscow»: Paronomasia in Media-Speech 95

THE SIGNS OF HISTORY

Danilevsky I. Alexander Nevsky and the Teutonic Order 105

Yakovleva M. «Among Them Many Famous Names»: the House of Yusupov 112

Maksimov I. Russo-German Trade Treaty of 1904 121

THE ART OF LETTERS

Zhilina N. Antony Pogorelsky and His *Monastyrka* 127

Isayev S. The Erotic, the Spiritual and the Poetic in Early Pushkin: Gavriiliada 135

Kibalnik S. Gaito Gazdanov and Leo Tolstoy's War Prose 150

ICONS

Konnova M. The Icon of Time: the Metaphor of Celebration in Russian Culture 161

DOCUMENTS OF TIME

Kostyashov Y. Russians at the Eastern Fair in Königsberg..... 171

NOTES ON PHILOSOPHY

Povilaitis V. Historiosophy of Merezhkovsky: Myth-trapped..... 187

ORIGINS

Dorofeyeva L. What Vladimir Monomakh Really Writes About..... 195
Vladimir Monomakh's Instruction..... 199

RUSSIANS IN KÖNIGSBERG

Kuznetsova I. «The Soul Is Russian» 211

ALONG THE COAST

Contemporary Polish Poetry. *Translated by I. Belov* 225

SPECIAL GUEST

Shmeleva T. Philology of Jerzy Faryno 251
Faryno J. Marina Tsvetaeva's «Insomnia» (Analyzing the Cycle)..... 259

REVIEWS

Lukianenko I., Vertinskaya O. Polish People Write in Russian..... 303
Balobaev V. STUDIA BALTICA: International Youth Summer School Starts a New Tradition..... 307
Sutyrin V. International Conference «Political Elites of the Baltic Sea States in 1991—2011. Conclusions and Prospects» 310
Krasetskaya O. A Russian Room of Their Own … 314

Summary 322

About authors 324

От редакции

Дорогие читатели!

Перед вами очередной выпуск журнала, который издается Балтийским федеральным университетом им. Иммануила Канта при финансовой поддержке фонда «Русский мир». Он соответствует основным положениям программы журнала, которая манифестировалась в одном из первых номеров, — осмысление проблем гуманитарного существования региона, информирование читателей о существенных событиях в жизни «русскоязычного пространства», анализ диалогического состояния культуры малых и больших этносов Балтийского региона с русским сообществом.

Традиционная для журнала и одна из тем нового выпуска — это тема России в контексте современного европейского общественно-политического и культурного развития. Важный аспект обсуждаемой на страницах «Слово.ру» проблемы — место России в мире, ее цивилизационные характеристики, нравственные и идеологические предпосылки диалога культур и политических систем.

Такие вопросы на страницах журнала представлены совершенно обоснованно: университет за последнее время становится своеобразным центром исследования различных гуманитарных проблем в отношениях России со странами Балтийского региона. На сентябрьской международной конференции «Политические элиты стран Балтийского региона, 1991—2011. Итоги и перспективы» обсуждалась специфика формирования политических элит бывших прибалтийских республик. Чуть раньше, в августе, в университете прошла первая молодежная Летняя школа по международным отношениям и политическим наукам Studia Baltica: «Россия и ЕС: новые институты, новые элиты, новые образы», состоялся «круглый стол» по весьма актуальной проблеме идентичности русского населения Литвы. Публикуя в журнале статьи, посвященные общественно-политическим вопросам, мы стараемся тем самым знакомить наших русскоязычных читателей с актуальными и в известной мере полемичными аспектами в отношениях России и ЕС, представить их вниманию исследования отечественных и зарубежных авторов по важнейшим проблемам существования русскоязычных диаспор.

Другие материалы журнала также совершенно открыты для конструктивного диалога. Читатели наверняка обратят внимание на статьи рубрики «Язык: пульс времени», где выражается беспокойство авторов по поводу утраты в России интереса к книге и статуса русского языка в Литовской Республике, предлагается захватывающееся лингвистическое действо, главной фигурой которого является слово «мэр». Думаю, им интересно будет познакомиться и с новым, достаточно полемичным взглядом на личность Александра Невского («Знаки истории»), и с несколько неожиданной трактовкой русской классики («Словесность»), совершить путешествие в Кёнигсберг и попытаться осмыслить своеобразие русского «присутствия» в этом городе («Документы времени», «Русские в Кёнигсберге»), прочитать материалы рубрик «Икона», «Философские страницы», «Побережье» «Персона», «Обзоры и рецензии».

Должен сказать, что материалы разделов отличаются друг от друга и содержанием, и пульсацией профессионального языка, но их объединяет магистральная линия журнала — сказать соотечественникам за рубежом, согражданам свое слово о России, ее языке, культуре, подчеркнув при этом «балтийский акцент» разговора, тот акцент, который, в первую очередь, и определяет адресата «Слова.ру» — страны Балтийского региона.

Владимир Грешных

АКТУАЛЬНО

…одной из ключевых тем конференции стало осмысление все нарастающей роли политической элиты — образно говоря, влиятельные группы становятся все более влиятельными. Причем в случае стран Балтии фоном, контекстом для этого процесса является неопределенность, неустойчивость как неотъемлемое качество протекающих трансформационных процессов.

О. Гаман-Голутвина

…я выбираю подход, позволяющий определить ценностные основания взаимодействия двух культур, если хотите, двух цивилизаций; подход, позволяющий определить нравственную базу, моральное мерило жизнедеятельности человека и общества.

В. Якунин

«МЫ ЖИВЕМ В ЭПОХУ МИФОВ, РОЖДАЮЩИХ СТРАХИ»

Интервью с Оксаной Гаман-Голутвиной

В сентябре 2011 года прошла международная конференция «Политические элиты стран Балтийского региона, 1991 – 2011: итоги и перспективы», организованная Балтийским федеральным университетом им. Иммануила Канта совместно с Центром общественно-политических исследований «Русская Балтика». В беседе с членом редколлегии журнала Вадимом Смирновым профессор, доктор политических наук, президент Российской ассоциации политической науки ***Оксана Гаман-Голутвина*** *делится своими оценками специфики формирования политических элит бывших прибалтийских республик и размышляет над ролью России в постсоветском пространстве, «отягощенном» фобиями, мифами, усилением влиятельных групп и падением доверия населения к институтам власти.*

— Оксана Викторовна, тема конференции, ведущей которой Вы выступили, — «Политические элиты стран Балтийского региона, 1991—2011: итоги и перспективы». Какие из идей, прозвучавших в ходе дискуссии, Вы бы выделили?

— Во-первых, хочу подчеркнуть неслучайность того, что конференция по данной теме прошла именно в Калининграде. Балтийский федеральный университет совершенно очевидным образом становится ведущим интеллектуальным центром не только в рамках Калининградской области, Северо-Запада России, но и в масштабе Балтийского региона. В последнюю четверть века мы отмечаем всплеск исследовательского интереса к изучению властных групп — как в России, так и за рубежом. И, на мой взгляд, БФУ им. И. Канта вполне мог бы стать одним из значимых элитологических центров, фокусирующимся на балтийской тематике. Уже сейчас здесь работают специалисты-страноведы, что весьма ценно.

Что же касается самой конференции, то я бы выделила высокий уровень экспертов, которые приняли в ней участие. Причем организаторам удалось справиться с весьма непростой задачей: собрать не только ключевых российских и европейских элитологов (а такие профессора, как Хайнрих Бест из Йены, Андраш Бозоки из Будапешта, Яцек Василевски из Варшавы, — это эксперты, которые создают европейскую элитологическую «повестку дня»), но и представителей самой политической элиты, причем как прежней, так и нынешней. Подобный «сплав» я считаю редкой удачей.

Конечно, одной из ключевых тем конференции стало осмысление все нарастающей роли политической элиты — образно говоря, влиятельные группы становятся все более влиятельными. Причем в случае стран Балтии фоном, контекстом для этого процесса является неопределенность, неустойчивость как неотъемлемое качество протекающих трансформационных процессов. И другой сюжет, подробно рассмотренный в ходе дискуссии: «фобии» современных элит бывших прибалтийских республик. Профессор Бест из Германии убедительно показал, как элиты, например Литвы, стали в Евросоюзе главными проводниками темы «российской угрозы», даже страха, который в итоге сплачивает ЕС. Тема сколь интересная, столь и сложная. В свою очередь Михаил Родин из Латвии в своем докладе увязал действия элит стран Балтии с политикой США.

— И насколько долго Россия будет восприниматься через призму угрозы?

— Вопрос справедливый, особенно если учесть, что чаще других о российской угрозе говорят элиты стран Балтии, то есть те группы, которые свой основной капитал сформировали именно на советском наследии и на бизнесе с Россией в современное время. Действительно, отношения России и стран Балтии за последние 20 лет были не только окрашены позитивными тонами, но и характеризовались рядом проблем, которые не решены по сей день. Закрывать на это глаза было бы неверно.

Однако позволю себе высказать, если угодно, украинский взгляд на «российскую угрозу»: я украинка по происхождению, но давно живу в России и, честно говоря, не могу отойти от впечатления, что все-таки исторические мифы продолжают давить на наше восприятие ближних и дальних соседей. Я полностью разделяю позицию, что, конечно, историческая память — я бы добавила, негативные мифы в этой исторической памяти, — к сожалению, продолжает по инерции оказывать влияние на формирование общественного мнения. Мы живем в эпоху мифов, рождающих страхи.

Нынешние политики, например Латвии, строят свои отношения с Россией, смотря на недавнее советское прошлое. А я всегда предпочитаю более длительную историческую ретроспективу. Например, вспоминаю, что латыши в XVIII веке не могли попасть в Ригу, потому что над городскими вратами висела известная надпись: «Собакам и латышам вход в Ригу запрещен». И не кто иной, как Петр Первый, император Российский, открыл латышам доступ в Ригу, которая тогда совсем не была латышским городом.

Что же касается, например, Литвы, я вспоминаю конференцию в Вильнюсе в 2004 году. Меня потрясли беседы с двумя таксистами — один меня вез из аэропорта в город, а другой, наоборот, из города в аэропорт. Меня очень интересовало, как относятся в Литве к русским, к советскому прошлому, и оба таксиста не были русскими: один — чистый литовец, другой — наполовину поляк, наполовину литовец. Первый таксист в ответ на мои вопросы сказал: «Я не буду высказывать свою точку зрения, я процитирую своего друга, активного деятеля "Саюдиса". Это цитата, я не комментирую никак: "Так хорошо, как при Советах, Литва больше не будет жить никогда"». Я была глубоко впечатлена, даже шокирована.

Польша — для меня это очень близкая тема. Вот как часто вспоминают, например, о Катыни. Понятно, что это трагедия, которую не отменишь. Но, говоря об этом факте, не упоминают почему-то о другом: в 1921—1922 годах около 20 тысяч русских солдат погибли в Польше. Меня невозможно упрекнуть в предвзятости в этом вопросе, потому что я сама украинка. Другой пример: в 1943 году в украинской области Волынь вырезали 70 тысяч поляков, причем это были женщины, дети и старики, потому что мужчин мобилизовали в армию. Это чисто этническая чистка, но об этом никто не говорит. Постоянно апеллируют к несомненно чудовищной Катыни, но не вспоминают, например, о том, что в 1818 году Александр Первый инициировал введение первой в Российской империи конституции, находясь именно в Польше, выступая в польском парламенте.

Я намерено обостряю и показываю эти острые углы, потому что, если мы будем говорить о том, что все замечательно, это не очень нас продвинет вперед.

— Мы говорим о фобиях и мифах со стороны стран Балтийского региона по отношению к России. А как сама Россия смотрит на балтийские страны, на постсоветское пространство вообще?

— Было бы неправильно говорить об отсутствии у России амбиций на пространстве постсоветского ареала. Однако одних амбиций недостаточно, учитывая крайнюю чувствительность, даже деликатность не-

которых вопросов, возникающих во взаимоотношениях России с ее ближайшими соседями. Особенности современного этапа российских отношений с ближним зарубежьем лучше других формул выражает парадоксальная игра слов во французской песне «Je t'aime — moi non plus», условно переводимая как «я тебя люблю — и я тоже нет…»

— Страны Балтии, как и ряд других государств Центральной и Восточной Европы, за минувшую четверть века пережили стремительную трансформацию, ныне претендуя на роль не просто либеральных демократий, а буквально «миссионеров» демократического порядка. Вы упомянули, что тенденция роста влияния властных групп присуща и им, как и странам постсоветского пространства, продемонстрировавшим иные результаты посткоммунистической трансформации. Как Вы думаете, почему?

— Во-первых, нельзя не отметить буквально «обвальное» падение доверия населения к институтам власти в странах Балтии. Это распространенная для государств Центральной и Восточной Европы тенденция. Причем если в случае с президентами или премьер-министрами падение доверия может компенсироваться персональной популярностью того или иного политика, то в случае с парламентом население совершенно четко демонстрирует свое разочарование в депутатском корпусе. На фоне такого разочарования экспансионизм исполнительной власти становится трудно игнорируемым фактом. И еще один нюанс: для стран Балтии важную роль играет их прошлое, а именно довоенный опыт государственности, который был взят ими за основу после обретения независимости. А ведь этот опыт — авторитарный, вспомните хотя бы режим Сметоны в Литве.

— На заре обретения странами Балтии независимости особую роль в этом процессе сыграли так называемые «политики морали» — представители культуры, науки, искусства. Однако очень быстро они были вытеснены на обочину политической жизни. Политика и мораль несовместимы?

— Политика и мораль близки в том смысле, что обе призваны сделать возможным сосуществование индивидов в обществе и уберечь их от взаимного уничтожения. Но с точки зрения содержательных и функциональных особенностей эти феномены существенно различаются. Суть морали — в укрощении эгоистической природы человека в пользу альтруизма исходя из стремления соответствовать некоторым незыблемым нормам, идеалам. В политике же константой является понятие «интерес», а не «идеал». Это не значит, что политика по определению безнравственна — просто базовый критерий нравственности здесь иной, не совпадающий с критериями «приватной» морали.

Если исходить из постулатов политического реализма, то важнейшей движущей силой мировой политики и политики вообще выступает интерес, в мировой политике — национальный, а межгосударственное взаимодействие имеет анархический характер столкновения несовпадающих и конфликтных интересов государств. Основная форма взаимодействия участников мировой политики — конфликт; главный принцип поведения государств на ее арене — «помоги себе сам». Решающим фактором политического успеха в мировой политике выступает сила. Если же рассуждать не в рамках подхода Realpolitik, а с точки зрения либеральной (идеалистической) парадигмы, то здесь политика трактуется как сфера сотрудничества, взаимопомощи, безопасности, права. Ментальность властных групп в отечественной истории, а также в постсоветский период, как правило, адекватно описывается в терминах политического реализма, отнюдь не идеализма.

Именно на рубеже 1980—1990-х годов авторитетнейшими учеными-этиками была инициирована дискуссия о сущности и возможностях ненасилия в политике. Ее смысл заключался в теоретическом обосновании возможности отказа от традиционной для мировой политики ставки на силу. Но парадоксальным образом именно в это время — в 1989—1990 годах — политическая жизнь СССР ознаменовалась чудовищными всплесками насилия. Именно тогда началась череда жесточайших межнациональных конфликтов, которые прошли в ряде областей СССР по сходному сценарию и порой приобретали чудовищные формы.

Традиционным стал тезис о том, что привнесение в политику норм нравственности есть условие ее эффективности. Это действительно так. Но проблема глубже и обусловлена тем, что критерии нравственности в политике специфичны и весьма существенно отличаются от норм и ценностей «приватной» морали.

— Разговор о политическом руководстве неизбежно предполагает вопрос о каналах формирования органов власти. Насколько хорошо, по-вашему, в современном российском обществе функционируют политические лифты? И есть ли здесь принципиальные различия по сравнению с государствами постсоветского пространства — странами Балтии, например, или странами Европейского союза?

— Давайте посмотрим на губернаторский корпус. В его становлении мы можем выделить два этапа. Первый — это 1990-е годы, когда был отмечен беспрецедентный для отечественной истории факт обретения региональными лидерами статуса полноправных с федеральными политиками субъектов российской политики. Центр был слаб,

региональные элиты — сильны. Демонстрируя лояльность, они получали, по сути, политическую автономию и статус политического игрока общероссийского масштаба. Однако с приходом к власти Владимира Путина очень скоро стала очевидной иллюзорность субъектности региональных элит. Проводившаяся в 2000-е годы политика усмирения регионов продемонстрировала, что «перетекание» властных полномочий из центра в регионы имело временный характер.

По мере укрепления позиций Москвы ее политика в регионах обретала большую определенность и даже жесткость. Переломным стал 2005 год — год начала фактических назначений губернаторов. Поначалу их преимущественно переназначали, но постепенно кадровая ротация губернаторского корпуса усилилась. Ушли из политической жизни такие тяжеловесы, как Шаймиев, Рахимов, Лужков, успешно сохранявшие власть в течение многих лет. Население же остается «великим немым» в региональной кадровой политике — даже у практически всегда лояльных региональных легислатур больше возможностей для влияния в этом вопросе.

Особенностью нынешнего губернаторского корпуса является его чрезвычайная разнородность. Еще недавно можно было выделить два крупных сегмента — предпринимателей и силовиков. Сегодня и тех, и других стало заметно меньше. Из когорты силовиков начала 2000-х остался практически только Борис Громов. Удельный вес крупных предпринимателей во главе регионов несколько снизился, однако их немало во втором эшелоне региональных руководителей — в составе обладминистраций, в региональных собраниях. Прогнозы публицистов о формировании милитократии не сбылись не только на федеральном, но также и на региональном уровне.

Одной из наиболее острых проблем на сегодняшний день остается качество кадрового пула, из которого черпаются кадры. Об этом свидетельствуют хотя бы крайнее скромные показатели востребованности региональных лидеров на федеральном уровне. За последние пять лет прецеденты вертикальной мобильности губернаторов крайней редки. В период президентства Медведева отмечены три случая перемещения губернаторов в полпреды: Хлопонин, Ишаев, Толоконский. Перемещения на иные, более высокие ступени властной иерархии не происходили. А вот «варягов», назначенных Москвой, становится в регионах все больше.

В этом смысле мы вряд ли похожи на страны Балтии. По крайней мере, гражданин США президентом России стать не может.

Владимир Якунин
(Москва)

ЕС — РОССИЯ: ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ

Беседа со студентами БФУ им. И. Канта

Выступая сегодня перед участниками политологической летней школы, я буду говорить и как заведующий кафедрой политологии Московского государственного университета, и как президент мирового общественного форума «Диалог цивилизаций». Этот форум является дискуссионной площадкой, на которой не только апробируются результаты политологических научных исследований, но и создаются условия для практического применения студентами теоретических знаний, накопленных в процессе обучения.

«ЕС — Россия: ценностные основания». Касаясь этой темы, экономист будет говорить об экономических основах взаимодействия: дорожных картах, промышленном сотрудничестве и т.д. Юрист, безусловно, скажет о том, что корни нашего права произрастают из континентального римского права и здесь непочатый край возможных рассуждений на тему того, что объединяет Россию и ЕС. Теолог будет рассуждать о христианских корнях европейской цивилизации. Правда, в написании первой европейской конституции тезис о христианской основе был изъят из соображений политкорректности. Должен сказать, мне не по душе два выражения — «ручное управление государственной экономикой» и «политкорректность в политике», поскольку их функция — понуждать людей говорить неправду и вести себя так сообразно заказу.

Итак, и экономист, и юрист, и теолог, и профессионал в любой другой области владеют обширным материалом по вопросу о том, что объединяет Россию и Европу, но редкий специалист будет говорить о том, что их разделяет. Почему? Во-первых, исходя из требований политкорректности. Во-вторых, вследствие того, что на протяжении веков (и не только в советский период) формировалась инфраструктура геополитики, разделяющая так называемые морские державы и страны хардленда — центральные континентальные государства.

Связь между этими частями Европы, с одной стороны, так очевидна и глубока, что, казалось бы, о чем, собственно, говорить? Но, с другой — наслоение политических догм, фетишей и противоречий, сформулированных в угоду той или иной политической доктрине, приводит к искажению картины. И в этом кривом зеркале бывает очень трудно разглядеть и свою собственную страну. Говорю об этом ответственно: я провел пять с половиной лет в командировке в Соединенных Штатах Америки как раз в тот период времени, когда происходило разрушение Советского Союза и начиналась перестройка. В то время информационные каналы отличались от сегодняшних, поэтому приходилось воспринималось происходящее в нашей стране сквозь призму американских средств массовой информации. Так вот, то, что сообщалось в заокеанских СМИ, разительно отличалось от действительно происходившего в Союзе.

Учитывая сказанное, я выбираю подход, позволяющий определить ценностные основания взаимодействия двух культур, если хотите, двух цивилизаций; подход, позволяющий определить нравственную базу, моральное мерило жизнедеятельности человека и общества. Вопрос о ценностях и интересах часто является основным в дискуссиях представителей Европейского союза и России. При этом зачастую выдвигается тезис об отсутствии общих целей (с точки зрения формирования политики или с точки зрения создания межцивилизационного общения) вследствие того, что в ценностном отношении мы разошлись еще в начале XX века. Мне кажется, что этот тезис не имеет права на существование по той простой причине, что реальная политическая жизнь демонстрирует противоположное. Достаточно вспомнить Вторую мировую войну, когда союзниками против фашистской Германии выступали лидеры капиталистического мира и бурно развивающаяся социалистическая Россия. Вы все хорошо знаете о современном стратегическом партнерстве на арабском Востоке между Соединенными Штатами Америки и, мягко говоря, не соответствующей критериям европейской демократии Саудовской Аравией. Почему же

когда речь заходит о взаимоотношениях Евросоюза и России, европейских государств и США с Россией, во главу угла ставится вопрос о наличии у сторон разных ценностей и отсутствии единых целей? Я считаю, что замена тезиса о том, что у Советского Союза было много врагов и мало партнеров, утверждением, что сегодня у нас нет врагов, есть только партнеры, не выдерживает никакого политологического анализа. Никто не отменял геополитические и геостратегические интересы государств. И эти интересы сегодня остаются примерно такими же, какими они были в начале XX века: борьба за природные ресурсы, за доступ к ним. Наконец, борьба за доступ к ресурсам *информационным,* что является приметой настоящего времени, как и их использование в качестве средства формирования общественного сознания. Хотя, если вспомнить о методах геббельсовской пропаганды, придется признать, что принципиально новых *информационных технологий*, направленных на побуждение массы людей, групп людей или отдельного человека к следованию поведенческой формуле определенного порядка, не создано. Появились только совершенно новые *средства* доставки информации и ее форматирования.

Так является ли разница в ценностных подходах непреодолимым препятствием для стратегического сотрудничества России и ЕС, если, к примеру, партнерству Европы и США не мешает запрет смертной казни в Европе и отсутствие такого запрета в США? Ведь отношение к смертной казни демонстрирует явное различие европейских и американских ценностных ориентиров.

Представляется, что реальными преградами на пути партнерства России и ЕС являются не отсутствие общих ценностей или различия в них, а просто-напросто их деформация или даже забвение, вызванные крушением Советского Союза и маятниковым движением многополярного мира к миру однополярному и обратно. Полагаю, этот процесс начался достаточно давно и продолжается сегодня. Эйфория, охватившая западный мир по поводу крушения Союза, была вызвана убежденностью в победе западной цивилизации над СССР и торжестве общечеловеческих ценностей. Однако И. Валлерстайн, постоянный участник форумов «Диалога цивилизаций» на Родосе, три-четыре года тому назад заявил, что уход Советского Союза с мировой арены привел к крушению всего комплекса либеральных идей, выработанных философией, социологией и социальной практикой XIX—XX веков. Сегодня об этом говорит уже не только он, но и многие другие политики западного мира.

Полагаю, что дух и идеология свободы, которые лежали в основе общественного развития в Европе и в Соединенных Штатах Америки

в период становления и развития капиталистической системы, к концу XX века — в период краткого одностороннего доминирования западной цивилизации или, иначе говоря, западной неолиберальной парадигмы — были подменены формальными декларациями о расширении демократии определенного образца и ее внедрением повсеместно, вне зависимости от региона. Свойственные западной цивилизации ценности были объявлены всеобщими и неизбежно актуальными для всех других цивилизациях, во всех других странах. По-другому это можно назвать повсеместным распространением ультралиберальной идеологии. Совсем недавно на политологической конференции в МГИМО идеолог постиндустриализма в России профессор В. Иноземцев прилюдно заявил о том, что постиндустриальная парадигма приказала долго жить и, наверное, сегодня мы должны вернуться к идеологии неоиндустриализации. Услышать такие слова из уст этого ученого — многого стоит. Но за формальной терминологией «постиндустриальное общество», «информационное общество» стоят очень практические и чрезвычайно важные для вас вопросы. Еще пять-семь лет назад, присутствуя на заседании правительства, на котором Герман Греф представлял первую программу социально-экономического развития России, я задал вопрос, каким образом в проекте отражена промышленная политика. Греф ответил, что в постиндустриальном информационном обществе «не может быть понятия "промышленная политика"»: «Рынок все определит». Прошло пять лет. Сегодня формируются планы социально-экономического развития страны, сегодня государство вырабатывает политику в области модернизации. К сожалению, несколько лет были бездарно потрачены в ожидании того, что рынок сам все расставит. Но если в постиндустриальном обществе не может быть промышленной, информационной политики, то тогда что должно составлять *социальную основу* развития общества? Его *идеологическую основу*? А ведь у нас сегодня (по официальным данным) полмиллиона бездомных детей живут на улице!

Когда в Европе и за океаном говорят о тоталитарном государстве, все взоры обращаются к карте бывшего Советского Союза. А кому-нибудь приходило в голову, что существует тоталитаризм неолиберальной теории? Именно эта теория обосновывает необходимость атомизации общества, естественность отчуждения молодежи от предыдущего поколения и каждого человека от общества. Именно она объясняет, что понятие «другой» равно понятию «враг». Идеология неолиберального тоталитаризма чрезвычайно опасна для социального и нравственного формирования подрастающего поколения россиян, которое

оторвано от исторической ретроспективы и открыто стороннему влиянию. Особенно это характерно для молодежи Калининграда, куда чаще выезжающей в Варшаву, Берлин и далее, нежели в Москву, в «материковую» Россию. Это проблема и политическая, и политологическая, она непременно должна быть предметом тщательного научного анализа.

Еще одной идеологически значимой проблемой нашего общества является дегероизация жизни. Посмотрите телевизионные программы. Президент Санкт-Петербургского университета Людмила Алексеевна Вербицкая рассказывала о результатах анализа программ одного дня всех телевизионных каналов, работающих в Санкт-Петербурге. В просмотренных передачах было зафиксировано 700 сцен грубейшего насилия и убийств и только две сцены героического поведения людей. Почему это происходит? О явлении дегероизации и ее причинах размышляют испанские социологи: если земная жизнь — это всеобщая и конечная ценность, то возникают вопросы «зачем рисковать?» и «ради чего рисковать?», а также «что такое нравственный долг?», «что такое почитание родителей?», «что такое Родина, за которую в свое время сражались, не щадя живота своего?» По справедливому замечанию Х. Ортега-и-Гассета, «развитие цивилизации опережает нравственные способности человека ею управлять».

Как известно, европейская цивилизация как целостный культурно-исторический феномен стала возможна прежде всего в результате утверждения христианской религии. В силу этого Россия и культурно, и ментально близка Европе (или Европа близка России). Россия, как и европейские страны, формировалась как государство именно на этих основах, на базовых ценностях христианства. Кстати, в следующем году мы будем праздновать 1150-летие Государства Российского. Если у кого-то будет время и желание, сопоставьте заповеди Моисея и моральный кодекс строителя коммунизма. Вы найдете языковые различия при близком смысловом подобии: речь идет об одних и тех же ценностях. Кто будет против них возражать? Кто же выскажется против заповедей «не убий», «не укради», «не возлюби жену ближнего своего», переложенных на коммунистический новояз?

Итак, поскольку в основе европейской и российской государственности лежит христианская религия, у России и Европы — общие ценности. Так называемые универсальные ценности христианских цивилизаций всегда и всюду утверждались прежде всего на религиозном фундаменте. Секуляризация общества отнюдь не сбрасывала со счетов эти традиции. Кстати, сейчас кое-кто говорит о десекуляризации об-

щества. Так, в Греции требуют отделения церкви от государства, Европейский парламент в 2003 году принимает решение о недопустимости существования традиции Афона в том виде, в котором она есть. Недавно проведенная нами в Зальцбурге конференция, собравшая представителей Великобритании, Нидерландов, Греции, России и других стран, показала, что многие не согласны с таким решением, поскольку видят в этом наступление на традицию, а далеко не всегда традиционное общество является сугубо консервативным или враждебным развитию. Можно поставить вопрос по-другому: возможно ли представить новое современное общество, в основе которого не лежат традиции? Я думаю, что невозможно, потому что это присуще нам на генном уровне. Если говорить о себе, то я активно сотрудничаю с Русской православной церковью не потому, что я такой глубоко воцерковленный человек, а потому, что я считаю, что христианские традиции, христианские ценности по-прежнему составляют основу ценностного кода нашей христианской цивилизации, разделенной на православную и западно-европейскую. У христианизации был еще один очень важный эффект — в христианской религии снимались социальные различия, все становились братьями и сестрами во Христе, вне зависимости от социального статуса. Так прекращались традиции язычества, когда чужой третировался по совершенно другим принципам, он мог быть рабом, его можно было насиловать, можно было убить. Христианская заповедь «не убий» положила этому конец. Хотя, как мы знаем, далеко не до конца изжиты человеческие пороки. «Нет ни эллина, ни иудея, но все и во всем — Христос» — это очень важный библейский вывод относительно того, что нас объединяет и что разделяет.

Нам представляется (и это есть идеология мирового общественного форума «Диалог цивилизаций»), что именно возрождение реально общих, а не надуманных ценностей — основа формирования нового общества XXI века. Различия — обязательный элемент развития. Необходимо последовательно претворять в жизнь идеологию «диалога цивилизаций» как основу построения новых межцивилизационных отношений. Мы исходим из того, что государства не способны вести диалог. Его вести могут только люди, представители цивилизаций или гражданских обществ. Каждый год в октябре на Родосе собирается интеллектуально мощная группа людей с целью изучения наиболее актуальных проблем современного развития, в том числе и с точки зрения взаимодействия религий, культур, цивилизаций. В диалоге участвуют ученые, политики, бизнесмены всех возрастов и цветов кожи.

Приведу слова одного из идеологов «Диалога цивилизаций» Фреда Даллмайера, который признает «важность интегрирования политических институтов и политической практики, заполняющей пропасть между абстрактной теорией и ситуативной практикой и придающей особое значение культурным источникам, необходимым для формирования некого глобального, общинного либерализма, который не предрешает конкретного содержания общности, свободы, демократии, но позволяет определить все эти понятия в плюралистическом ключе без утраты динамизма и межкультурной природы». На этом базируется наш подход, наш оптимизм с точки зрения возможности такой парадигмы развития. И хотелось бы обратить ваше внимание на то, что ведущую роль в создании диалога цивилизаций, на наш взгляд, призваны играть страны и общества Восточной Европы.

Потенциал восточноевропейских стран по-прежнему остается недооцененным. Несмотря на то, что декларация об объединенной Европе позволила многим государствам Восточной Европы, в том числе странам Балтии, стать членами единого экономического и политического пространства, вы хорошо знаете, когда дело доходит до денег, возникают несколько другие ощущения по поводу лучших, худших, старейших или молодых членов ЕС. Что ж, как известно, бытие определяет сознание.

В аспекте всего вышеизложенного большое значение имеет развитие молодежных международных контактов. Я только что приехал с молодежной конференции движения «Youth Time», которое сформировалось как результат участия молодых членов в деятельности родосского форума «Диалог цивилизаций». В прошлом году представители движения из 30 стран в возрасте до 30 лет встретились в Праге. Уже родился манифест движения, детализируется программа его деятельности. Я получил громадное удовольствие от общения с этими молодыми ребятами. Мне представляется, что социальная активизация молодежи — это один из инструментов стабилизации и энергичного развития социальной жизни в обществах, которым вы принадлежите.

Я глубоко уверен, что миссия вашего поколения — это миссия сближения разделенных частей Европы. Что бы там ни говорили, Россия — это все-таки европейская страна и по культуре, и по религии, и по традициям. Бывший премьер-министр Чехии Милош Земан во время форума «Диалог цивилизаций» сказал, обращаясь к своим коллегам из Западной Европы: «Что вы все время твердите о том, принять Россию в Евросоюз или не принять, присоединять или не присоединять. <…> Вы подумайте лучше о том, не присоединиться ли к Рос-

сии». Я не призываю вас к тому, чтобы вы присоединили Европу к России, но глубоко убежден, что устранять все накопившиеся за 100 лет взаимные предубеждения придется именно вашему поколению.

Еще раз хочу вернуться к тому, что общей заботой у нас с вами должно быть возвращение нравственного христианского идеала личности. Я говорю не об отправлении религиозных обрядов, а о нравственной доминанте, которая отличает человека от животного. Давайте вспомним, что языческая мораль позволяла ненужных младенцев выкидывать на улицу. Именно этой языческой прагматичности и жестокости были противопоставлены христианские ценности, в том числе и ценности жизни. Поэтому можно говорить о том, что именно христианство вывело из языческого тупика тогдашнее человеческое сообщество. Человечеству была поставлена высочайшая планка «на кого походить», и такая нравственная планка визуализирована в образе Христа, Бога, а отсюда уже проистекали все нравственные ценности, о которых я говорил ранее: жертвенность, ответственность, доброта, стремление помочь ближнему своему. Приведите мне хоть один пример публикации на эту тему в широкой печати или на телевидении. Сомневаюсь, что вы что-нибудь найдете, кроме специальной литературы у отдельных исследователей. Почему? Потому что общество как единое целое — это очень сложный объект управления. Сколько людей — столько и мнений. Попробуй их объединить для достижения той политической цели, которая, например, нужна мне, конкретному политику. Значительно проще управлять единицей, чем массой. И с этой точки зрения, декларация об абсолютной ценности интересов одной личности провозглашается как высшее достижение развития демократического общества. Но настолько ли думают об интересах конкретной личности те, кто об этом говорит? Ведь никто не устранял политические институты управления, никто не упразднял социальные различия в обществе, никто, в конце концов, не задумывался убрать различие между генерациями. Когда говорится о диалоге цивилизаций, рассматривается один вопрос — о диалоге поколений, потому что зачастую представителям разных поколений одной цивилизации между собой договориться значительно сложнее, чем поколениям, находящимся в разных социумах.

Завершить свое выступление хочу вечно прекрасными словами Канта: «Две вещи на свете наполняют мою душу священным трепетом: звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас».

23 июля 2011 года

Материал подготовлен к публикации Натальей Бабенко

ОБЩЕСТВО: ПОЛЕМИЧЕСКИЙ СЛЕД

В современном общественно-политическом знании проблема определения цивилизационного статуса России рассматривается в ряде проекций — от внешнеполитической до религиозной, от философской до сугубо идеологизированной, однако сама точка концентрации многочисленных дискуссий очевидна: это специфика российского общества, воспроизводящаяся на протяжении длительного исторического времени.

М. Мчедлова

Возьмем Россию и Европу. Что нас объединяло во все времена истории? Как это ни покажется странным, Россию и Европу связывают общая культура и христианские ценности. Это объясняется очень просто — культура Запада, основанная на христианстве, является и русской культурой. Исторически конфессиональные различия русского православия и европейского католичества нисколько не разрывают общие религиозные и культурные ценности.

А. Мельков

Усиление политической роли русскоязычных общин Латвии и Эстонии в ближайшем будущем (несмотря на сегодняшние различия между этими странами) — это закономерный процесс, который тесно связан с дальнейшей демократизацией общественно-политической жизни балтийских стран, ростом взаимного доверия между представителями различных общин Латвии и Эстонии. Последнее, в свою очередь, предполагает нахождение разумного компромисса… в понимании сложных исторических судеб Балтии, в сближении основных характеристик политической культуры и повышении уровня взаимной культурной компетенции.

Ю. Розенвалдс

Говоря о возможностях самореализации и саморазвития русских в Литве, их трудоустройства, правовой защищенности, социального и экономического положения, в целом эксперты приходят к единому мнению: русские в Литве — полноправные граждане страны и с правовой точки зрения во всех сферах имеют равные с коренным населением возможности. Если же речь вести в общем о русском населении, то большинство экспертов оценивают уровень его материального достатка, социокультурное положение, моральную удовлетворенность собственной жизнью ниже, чем у титульной нации.

В. Брюшинкин, Н. Андрейчук, Ю. Мазур

Мария Мчедлова
(Москва)

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: КООРДИНАТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В НОВЫХ РЕАЛИЯХ

Обращение к проблеме российской цивилизации, операционализация методологического инструментария данного подхода позволяет обеспечить эффективность гуманитарной рефлексии в условиях изменения структуры социального и политического пространства, амбивалентности политического процесса: универсализация и фрагментация. Современные реалии — глобальные и локальные — порождают потребность в определенных обобщенных представлениях о сути процессов, свойственных российскому обществу, потребность осмысления места и роли России в мировом социально-политическом процессе. Особое звучание данное положение приобретает в силу исходной посылки: «Степень воплощения цивилизационных черт в политике зависит от соотношения органических (автохтонных, естественных) и заимствованных, подражательских (являющихся результатом переработки и усвоения людьми иного, чуждого повседневным практикам опыта) элементов в ролевом поведении… А преломленный в политике цивилизационный материал может либо конфронтировать, либо не конфронтировать с современностью» [1, с. 6]. Методологически важно подчеркнуть, что социально-культурные характеристики любой цивилизации исторически устойчивы, постоянны, они действуют на протяжении длительного времени, легко переживая не только смену оче-

редных политических режимов, но и общественных систем. В числе этих факторов и глубинные психологические явления, связанные с определенными поведенческими и психическими стереотипами, духовной идентификацией, коллективными представлениями общества, включающего группы с различными социальными и идеологическими ориентациями.

В современном общественно-политическом знании проблема определения цивилизационного статуса России рассматривается в ряде проекций — от внешнеполитической до религиозной, от философской до сугубо идеологизированной, однако сама точка концентрации многочисленных дискуссий очевидна: это специфика российского общества, воспроизводящаяся на протяжении длительного исторического времени. Оценки данной специфики могут быть как позитивными (О. Платонов [2], В. В. Кожинов [3], А. С. Панарин [4; 5]), так и негативными — «русская система» [6; 7], «российская колея» [8], вплоть до отрицания самой такой специфики. С точки зрения В. М. Межуева, столкновение двух постоянно воспроизводящихся тем — самобытности и отсталости — говорит об отсутствии однозначности в ответе на данный вопрос. По его мнению, Россия является становящейся цивилизацией, находящейся в поиске своей цивилизационной идентичности, «своего места в мировой истории» [9, с. 151], а российская специфика более точно передается словом «культура» [Там же]. Также, согласно его точке зрения, «Россию столь же трудно представить и как совершенно особую, окончательно сложившуюся и во всем отличную от Запада цивилизацию, хотя подобные попытки время от времени предпринимаются разными авторами. Ее называют то православной, то восточнославянской, то евразийской цивилизацией — в зависимости от того, какой признак берется за основу — конфессиональный, этнокультурный или геополитический» [10, с. 44].

Существование различных, порой полярных, мнений о самой возможности наличия российской цивилизации обусловливается прежде всего отсутствием однозначных критериев цивилизационности, что подразумевает простор и открытость для расширения и движения социально-политического знания. Следовательно, сама постановка проблемы имеет большой научный и эпистемологический потенциал, использование которого создает определенные предпосылки для нахождения если не единых теоретических схем, то по крайней мере общего знаменателя в подходах к изучению социальной реальности и политического процесса.

В обществоведческом дискурсе наличествует множество определений и подходов к прояснению сущности российской цивилизации че-

рез различные стороны — от духовной до инструментально-политической, от стагнирующего характера до динамичного развития. Так, по мнению А. Ахиезера, специфика российской цивилизации объясняется разделением «суперцивилизаций», между которыми «застряла» Россия, что определяет «расшатанность» ее поведенческого стереотипа [11, с. 223] — речь идет о расколе в масштабе традиционной и либеральной суперцивилизаций.

Противоположное мнение высказывает А.Л. Темницкий, не соглашающийся с генеральным тезисом А. Ахиезера о расколотости, промежуточности России как цивилизации. В данной интерпретации Россия имеет цивилизационный статус, а ее «обещающей характеристикой, ее одним из главных маркеров и вместе с тем обладающей различимыми социальными и культурными признаками на разных исторических этапах можно назвать патернализм» [12, с. 462—463]. По мнению И. Яковенко, у России есть собственный цивилизационный статус, по вычленению в качестве самостоятельной аналогичный латиноамериканской цивилизации [13, с. 229]. Этого же взгляда придерживается и Я.Г. Шемякин, утверждая, что российская цивилизация есть «пограничная цивилизация» планетарного масштаба, для которой основным является преобладание многообразия над единством, гетерогенности над гомогенностью [14, с. 36; 15].

Определение России как «другой Европы» предлагает Ф. Бродель, говорящий о стране как о «развившейся почти так же поздно, как Америка, но на сей раз на самом Европейском континенте, что означает ее тесную связь с Западом» [16, с. 500]. Этой точки зрения придерживается В.Г. Федотова, изучающая специфику России в контексте модернизационных преобразований [17] и основывающаяся на концепции множественности модернизмов Ш. Эйзенштадта [18—20], которая, в свою очередь, центрируется вокруг констатации трансформации сущности осевой европейско-христианской цивилизации, приведшей к возникновению модерна как новой цивилизации с особой культурной и институциональной программой, распространившейся на другие части мира, что вызвало появление множественности модернизмов. Отдельно можно привести мнение о том, что российская цивилизация есть цивилизация аскриптивного типа социальности [21].

Одновременно следует выделить существование точки зрения, во многом прослеживающейся в исторической рефлексии и политической практике, а именно об определении Россией себя через соотнесение с Европейской цивилизацией. Существует множество дискуссий по вопросу о способности России быть составной частью европейского геополитического капитала культуры: от признания полного совпаде-

ния культурно-цивилизационных составляющих до их абсолютной несовместимости [22—26]. А.И. Зимин, признавая, что «русская культура тесно связана многими нитями с культурой Западной Европы», все же настаивает на том, что «русский мир с древности складывался и продолжает существовать вопреки всем попыткам представить Россию в качестве европейской державы». Он подчеркивает ценность западного опыта для российского общества, открытого к диалогу с другими культурами, но говорит о необходимости учитывать специфичность ментальности, которая сформировалась для обеспечения потребностей российской культурно-исторической системы [27, с. 120]. Существует также вариант отказа России в цивилизационном статусе: например, известный французский ученый А. Безансон в отклике на статью С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» вполне аргументированно показывает, что исторические корни «православной цивилизации» менее древние и прочные, чем кажется, чтобы можно было говорить о ней как о типе цивилизации. Более того, само понимание цивилизации приложимо к России только начиная с реформ Петра I [28, с. 256].

О совершенно ином статусе России пишет И.Л. Солоневич: «Россия — не Европа, но и не Азия, и даже не Евразия. Это — просто — Россия. Совершенно своеобразный национальный государственный и культурный комплекс, одинаково четко отличающийся и от Европы, и от Азии. Основные черты этого комплекса достаточно отчетливо определились раньше, чем европейское влияние или азиатские нашествия могли наложить на Россию свой отпечаток. На эти черты никакого влияния не оказала и Византия» [29, с. 15].

По нашему мнению, анализ цивилизационных особенностей российского общества предполагает освещение глубинных факторов устойчивых традиций, свойственных его истории, специфике политико-экономической деятельности, общественной мысли, идеологии, духовной жизни, анализ механизмов социального наследования и преемственности, обусловливающих сохранение и трансляцию общероссийского достояния. Целесообразным представляется прояснение ключевых, с нашей точки зрения, параметров, определяющих уникальность и самостоятельность российской цивилизации, поскольку определение цивилизационного статуса России, актуализирующего социально-историческую специфику, является едва ли не самым насущным методологическим вопросом для выработки действенной стратегии поведения в условиях инновационных вызовов.

При всей самобытности российской цивилизации она — будучи в рамках современной мировой цивилизации — не может не воспринимать ее лучшие достижения, ценности, нормы. Но реализовывать их,

как правило, целесообразно через развитие отечественных институтов, при использовании положительного потенциала своих форм социальной жизнедеятельности, взаимодействия с природой, что, разумеется, вовсе не снимает проблемы последовательного отказа от всего «своего», но уже отжившего, мешающего развитию. Не случайно в ходе осуществления реформирования и модернизации на первом плане, среди прочего, оказалась проблема оптимального сочетания отечественных традиций и достижений, реализованных в иных обществах, сочетания традиционной отечественной культуры и ценностей модернизации. Однако именно от механического заимствования предостерегал еще И. А. Ильин: «…механическое заимствование у других народов сулит нам добра меньше, чем когда-нибудь; и только те из нас, которые потеряли живое чувство России или, может быть, никогда не имели его, которые не видят, а может быть, никогда не видели ее своеобразную проблематику (духовную и религиозную, психологическую и национальную, политическую и хозяйственную), могут думать, что Россия спасается какою-нибудь новою слепою формою западничества» [30, с. 454].

Несомненно, внедряемые на протяжении более трех столетий европейские модернизационные ценности, связанные со сферой гражданского общества, постоянно вступают в противоречивые отношения с устоявшимся российским социокультурным наследием, однако постепенно происходит процесс их интериоризации и ассимиляции. Опыт российских политических и экономических трансформаций вскрыл то обстоятельство, что изменение такой самостоятельной цивилизационно-культурной метасистемы, как Россия, не укладывается в классический модернизационный сценарий. Поэтому важен анализ современного глобального контекста российской модернизации и реформационных процессов. Вероятно, хотелось бы надеяться на то, что спасительный и «рациональный» сценарий будущего человечества усматривается в сотрудничестве и взаимопомощи стран, в координации взаимных интересов на договорных началах, однако существует другая сторона политического и цивилизационного развития современности.

Устойчивость российской цивилизации поддерживается приверженностью большинства населения к сохранению своих традиционных ценностных представлений, своей концепции бытия, которая, формируясь на протяжении веков, характеризовалась приоритетом идей коллективного спасения, общественных интересов над личными, расположением к духовным ценностям и важной централизующей ролью государства. Уникальность российской цивилизации состоит в

том, что ее существование, с одной стороны, невозможно представить без русского основания (в том числе объединительной роли русского языка), но в то же время нет России и без добровольного союза других исконных этноконфессиональных общностей, традиционно живущих на ее территории, ибо «цивилизация — прежде всего добрая воля к совместной жизни» [31, с. 145]. В российской цивилизации русский народ сыграл интегрирующую, собирательную роль, что позволяет говорить о таких присущих ему чертах, как терпимость, толерантность, склонность к взаимообогащению культур, оказанию поддержки и помощи. Даже в самом общем плане разнообразие выступает необходимым условием развития, поэтому полиэтничная основа российской цивилизации, состоящая из физически и социально-исторически разновозрастных этносов, населяющих Россию, представляет собой залог выживаемости России: «…чудесна и смесь ее жителей, разноплеменных, разновидных и столь удаленных друг от друга в степенях образования. Подобно Америке, Россия имеет своих Диких; подобно другим странам Европы, являет плоды долговременной гражданской жизни» [32, с. 10].

В России, на цивилизационном фундаменте которой сохранились все автохтонные общности, включая самые малые, существует содружество народов с глубокими этническими и историческими корнями, привязанностью к определенной территории, имеющих в ряде случаев традиции самостоятельного государственного развития. Подобная ситуация позволяет сегодня предлагать стратегические политические проекты, использующие цивилизационную специфику и интегративные культурные интенции в качестве «мягкой силы». Одним из вариантов такой логики применения цивилизационных механизмов является концепция «Русского мира», предлагающая идеологические и политические основания современной российской политики, направленной на использование в качестве «мягкой силы» носителей российской цивилизационной идентичности. В свое время ареал французской культуры, ее роль локомотива европейской цивилизации позволили Антуану де Сент-Экзюпери говорить об «аромате Франции, сиянии Франции» [33, с. 341—342]. То же можно сказать и о русской культуре, своим ароматом притягивающей многие народы в свою орбиту.

Российская Федерация обладает одной из самых многочисленных диаспор в мире. По различным оценкам, вне России в настоящее время проживает около 30 миллионов наших соотечественников. Российское государство проявляет все больший интерес к «русскому миру», тому огромному количеству людей, которые в силу самых разнообраз-

ных причин оказались за пределами Родины, но, несмотря на это, проявляют неподдельный интерес к России, чувствуют сопричастность своих судеб судьбе Отечества. «Укрепилось политическое понимание того, что ответственный подход к российским соотечественникам, налаживание партнерства с теми, кто духовно связан с Россией, является моральным долгом нашей державы» [34, с. 15]. Поэтому не с русского, а «с российского народа необходимо начинать разговор о Русском мире» [35, с. 22]. Согласно социологическим исследованиям, в ситуациях, связанных с государством, «российское» неявно сливается, особенно за рубежом, с «русским», и наоборот: русскость представляет собой синоним российского [36, с. 225]. Политическая направленность данной концепции основывается на признании того, что «Русский мир шире наций, границ, политических систем, шире идеологий» [37, с. 22], «это в известной степени часть России, вынесенная на периферию, если иметь в виду, что центром российской цивилизации является многонациональное Российское государство» [38, с. 18].

Акцентирование и упор в современных политических процессах на цивилизационные основания позволяют выстраивать стратегию продвижения политических интересов России, основываясь на культурном потенциале, во многом определяющем новые политические практики. Переосмысление позиции государства, касающейся соотечественников, проживающих за рубежом, налаживание партнерских отношений с зарубежной российской диаспорой из плоскости дискуссий переросли в конкретные шаги уже в конце 90-х годов XX века. Этот процесс нашел свое отражение в серии законодательных актов, создании специальных инструментов в рамках существующей системы органов государственной власти, которые позволили сформулировать и проводить в жизнь системную политику государства в отношении соотечественников, проживающих за рубежом. Основными вехами этой политики стали образование Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом (ПКДСР), принятие федерального закона «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» в 1999 году, создание, утверждение и реализация трехлетних программ взаимодействия с соотечественниками за рубежом, налаживание информационной работы с диаспорой, запуск федеральной целевой программы «Русский язык», проведение как в России, так и за рубежом различных форумов соотечественников [39].

В данном ряду находится и политика, проводимая Русской православной церковью, направленная на поддержание единства цивилизационной принадлежности и одновременно выполнения роли «мяг-

кой политической силы», способной гражданскими, культурными, вероучительными объединительными моментами выполнять политические функции обеспечения национальных интересов и осуществления консолидации носителей российской цивилизационной идентичности. «Сегодня, действительно, глобализация, как теперь принято говорить, бросает вызовы прежде всего концепциям культурно-национальной идентичности, — считает Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. — Представители различных культур поставлены перед выбором: примкнуть к этим мощным глобальным проектам и раствориться в них или же самим быть самостоятельными субъектами в формировании мироустройства… В связи с этим необходимо ясно понимать, чтó представляет сегодня Русский мир. Мне кажется, что если мы будем считать его единственным центром только Российскую Федерацию в современных границах, то мы тем самым погрешим против исторической правды и искусственно отсечем от себя многие миллионы людей, которые осознают свою ответственность за судьбы Русского мира и считают его созидание главным делом своей жизни… В некоторых государствах бывшей единой страны существует навязчивый страх, что поддержка русской культуры может разрушить местную национальную культуру. Это напрасное опасение. Изначально русская культура формировалась как культура, имеющая стыковочные узлы для соединения с другими национальными традициями… Только сплоченный Русский мир может стать сильным субъектом глобальной международной политики, сильнее всяких политических альянсов. Кроме того, без координации усилий государства, Церкви и гражданского общества мы не достигнем этой цели» [40].

Одним из атрибутов российской цивилизации является поликонфессиональность, что позволяет выстраивать методологический фундамент для объяснения политических процессов и формирования параметров адекватной государственно-конфессиональной политики. В российской традиции цивилизационная устойчивость может быть интерпретирована и как сосуществование различных конфессиональных традиций, то есть определение российской цивилизации как православной кажется не вполне достаточным, хотя, безусловно, ни одна религия не может конкурировать с православием по силе и степени влияния на историю и культуру России. Нельзя не признавать вклад других религиозных традиций (ислама, иудаизма, буддизма, протестантизма, национальных религий), что свидетельствует о взаимовлиянии и взаимообогащении, совместном создании и защите общих ценностей и государственных структур в едином географическом, политическом, экономическом и духовном пространстве. Это формирует у

полиэтнического и многоконфессионального населения чувство сопричастности судьбам России, общие, глубинные для психологии и сознания российских этноконфессиональных общностей представления. Существование в поле российской цивилизации религий, имеющих цивилизациобразующий статус, уже само по себе является свидетельством и атрибутом более глубокой субстанциальной сущности. Данный методологический посыл представляется основным при выработке политических и государственно-управленческих стратегий.

Этот факт во многом определил дискуссии в философско-политологическом знании, где достаточно сильны теоретические классификации цивилизаций по религиозному признаку, относительно сущности российской цивилизации, а также векторы структурирования социально-политического пространства. Существующий спектр мнений можно свести к следующим основаниям: 1) Россия — уникальная православная цивилизация; 2) она имеет единые христианские корни с Европой; 3) необходимо отказаться от акцентуации религиозного фактора; 4) основанием страны является православно-мусульманский симбиоз; 5) Россия — поликонфессиональная цивилизация.

По мнению Ю. С. Пивоварова и А. И. Фурсова, Россия и Запад суть две разные системы, у истоков которых стоит один исторический субъект — христианский [41, с. 42]. С ними не согласен А. И. Липкин, с точки зрения которого ни христианство, ни такие параметры, как пространство/время и локальность/внелокальность, не представляются определяющими для российской цивилизации. Он утверждает, что основой цивилизационных общностей являются не различные типы религии, а личностно ориентированные базовые смыслы и ценности, имеющие светскую основу [42, с. 51]. С точки зрения В. М. Межуева, в основу своей государственности Россия, в отличие от Запада, вслед за Византией положила не национальный и правовой, а конфессиональный и династический принципы (православие и самодержавие), в силу чего русские осознавали себя не столько светской, сколько религиозной (православной) нацией, единой в своей вере и служении Богу. Православное и национальное сливались в одно понятие: «град земной» и «град Божий» предельно сближались между собой. Само служение государству наполнялось религиозным смыслом и содержанием, свидетельствовало о приверженности православной вере [10, с. 52].

По мнению В. Тишкова, цивилизаторская миссия российской нации состояла в распространении норм двух мировых культурных систем — христианства в форме православия и русского языка. Применительно к первому следует отметить, что цивилизаторская миссия затрагивала не столько последователей иных мировых религий, но пре-

жде всего население, придерживавшееся так называемых традиционных верований и практик [43, с. 23—24]. В России имеется вековая традиция толерантного сосуществования различных религиозных традиций при сохранении их самобытности. Эта традиция во многом заимствована и от Золотой Орды, при которой Русская православная церковь не платила подати, имела право осуществлять судебные функции над своими людьми, пользовалась свободой при избрании на духовные должности.

В то же время у православной России также остаются в активе многие традиции не только толерантного сосуществования, но и поддержки иноплеменного и иноверного населения. Это была большая ответственность: «…не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь; не задушить иноплеменную и инославную жизнь, а дать всем жизнь, дыхание и великую родину для всего этого разноголосого человеческого моря, всех соблюсти, всех примирить, всем дать молиться по-своему, трудиться по-своему и лучших отовсюду вовлечь в государственное и культурное строительство» [44, с. 356—357]. При этом роль религиозного фактора в формировании как толерантности, так и отчужденности этносов по отношению друг к другу в пределах одного государства весьма значительна. Многовековые традиции совместного проживания, формирующие культурно-бытовую и хозяйственную близость этносов, принадлежащих к различным конфессионально-культурным общностям, во многом представляются определяющими в формировании взаимной веротерпимости. Показательна в этой связи позиция Русской православной церкви, когда Архиерейский собор 2008 года в определении «О единстве Церкви» единодушно подтвердил, что «единство Святой Руси является величайшим достоянием нашей Церкви и наших народов, сокровищем, которое мы будем хранить, отдавая все свои силы на преодоление искушений, соблазнов и попыток разделения». При этом было подчеркнуто, что «лишь при таком условии Русская православная церковь сможет и далее вносить свой уникальный и значительный вклад в общеевропейскую и мировую цивилизацию, убедительно свидетельствуя о ценностях православной духовной традиции» [45].

Несмотря на то что каждая из религий утверждает свой абсолют и отвергает истинность других учений, доктринальные противоречия не всегда имеют своим следствием конфликт. Более того, «религиозный изоляционизм» и конфликт как результат «столкновения религий» в России находятся на самой периферии общественного сознания, что еще раз свидетельствует об уникальном российском историческом опыте толерантности. Вероятно, это связано прежде всего с ин-

стинктивным стремлением людей к тем нравственным канонам, которые лежат в основании любой религии и представляются «общечеловеческими». Далее, современные амбивалентные тенденции — усиление различий и одновременно интеграция, с одной стороны, подталкивают к «интеграционным» формам и в религии, с другой — в них можно усмотреть центростремительные цивилизационные механизмы, проявляющиеся в культурно-религиозной доминанте. Таким образом, и полная толерантность вплоть до единения, и абсолютная нетерпимость в сфере межрелигиозных взаимоотношений не представляются значимыми. Доминирующим является представление о конструктивном диалоге различных религий. В заявлении религиозных лидеров России четко сказано: «Мы решительно отвергаем любую национальную, религиозную и социальную рознь как явление, в корне противоречащее многовековым традициям российского добрососедства, миролюбивым основам всех религий» [46].

Многовековые традиции мирного интегрального сосуществования различных этнических и конфессиональных общностей в российском цивилизационном ареале представляются весомым фактором, способным уберечь российскую специфику, поддержать ее устойчивость в современном мире, бросающем все более угрожающие вызовы государствам и социокультурным общностям. Расшатывание этих устоев, деструктивные социальные причины, неадекватные политические стратегии могут существенно ослабить адаптивные возможности российской цивилизации. Поэтому необходимы консолидированные усилия государства и общества, целенаправленная государственная политика, учитывающая исторический опыт, поскольку «цивилизационная принадлежность страны — не столько вопрос свободного выбора, сколько явление исторической судьбы» [11, с. 367].

Социально-историческая онтология российской цивилизации предопределяет и рамки колебания российской идентичности. Эти рамки представляются инвариантными даже в кризисных состояниях в силу их принадлежности самому социальному бытию россиян. Однако отмеченная внутренняя дестабилизация и объективные общемировые тенденции, размывающие традиционные идентичностные формы, ставят на повестку дня необходимость выработки определенных экономических, социокультурных и политических стратегий выживания российской цивилизации. «Признание и внедрение в общественно-политическое сознание россиян общей идентичности и вера в негомогенное поле российского народа не менее важны, чем охраняемые границы. Государства потому и существуют, что каждое новое поко-

ление их граждан воспроизводит и разделяет общее представление о своей стране и считает себя единым народом» [43, с. 22].

Список литературы

1. *Соловьев А.И.* Цивилизационный облик российской политики: теоретические аспекты // Власть. 2008. № 11.

2. *Платонов О.* Русская цивилизация. М., 1992.

3. *Кожинов В.В.* О русском национальном сознании. М., 2002.

4. *Панарин А.С.* «Вторая Европа» или «Третий Рим»? Избранная социально-философская публицистика. М., 1996.

5. *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003.

6. *Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* «Русская система» как попытка понимания русской истории // Полис. 2001. № 4.

7. *Пивоваров Ю.С.* Русская политика в ее историческом и культурном отношениях. М., 2006.

8. *Азуан А.* Национальные ценности и модернизация. М., 2010.

9. *Межуев В.М.* Россия в поиске своей цивилизационной идентичности // В поисках теории российской цивилизации: Памяти А. Ахиезера. М., 2009.

10. *Межуев В.М.* Российская цивилизация — утопия или реальность // Россия XXI. 2000. № 1.

11. *Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С.* Реформы и контрреформы в России. М., 1996.

12. *Темницкий А.Л.* Социальные и культурные скрепы патерналистской цивилизации в России // Российское общество в современных цивилизационных процессах. СПб., 2010.

13. *Яковенко И.Г.* Теоретические основания цивилизационного анализа России // В поисках теории российской цивилизации: Памяти А. Ахиезера. М., 2009.

14. *Шемякин А.Г.* Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., 2001.

15. *Шемякин А.Г.* Цивилизации «пограничного типа»: формирование концепции // Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций: Междисциплинарное исследование. М., 2008.

16. *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций. М., 2008.

17. *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы. М., 1997.

18. *Eisenstadt S.N.* The civilizational dimension of Modernity // International sociology. 2000. Vol. 16, № 3.

19. *Eisenstadt S.N.* Multiple Modernities // Daedalus. 2000. № 3.

20. *Эйзенштадт Ш.* Модерн как цивилизация особого типа // Реферативный журнал. 2003. Сер. 11. № 1.

21. *Россия* как цивилизация: Сибирский ракурс. Новосибирск, 2008.

22. *Панарин А.С.* Россия в циклах мировой истории. М., 1999.

23. *Панарин А.С.* Россия в Евразии: политические вызовы и цивилизационные ответы // Вопр. философии. 1994. № 12.

24. *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.

25. *Дугин А.Г.* Философия войны. М., 2004.

26. *Дугин А.Г.* Геополитика постмодерна. М., 2007.

27. *Зимин А.И., Зуйков В.С., Мишарина И.К.* Россия в поисках культурно-исторической и национальной самоидентификации. М., 2001.

28. *Besancon A.* La "civilisation occidentale" est-elle solide? // Commentaire. 1994. № 66.

29. *Солоневич И.Л.* Народная монархия. Минск, 1998.

30. *Ильин И.А.* Творческая идея нашего будущего // Ильин И. А. Соч.: в 10 т. М., 1994. Т. 7.

31. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Вопр. философии. 1984. № 3.

32. *Карамзин Н.М.* История государства российского: в 12 т. М., 1989. Т. 1.

33. *Сент-Экзюпери А. де.* Избранное. М., 1987.

34. *Карасин Г.Б.* Россия и соотечественники // Международная жизнь. 2007. № 12.

35. *Тишков В.* Русский мир: смысл и стратегии // Стратегия России. 2007. № 7.

36. *Россия* на рубеже веков. М., 2000.

37. *Никонов В.* Всемирное и национальное // Стратегия России. 2007. № 12.

38. *Павловский Г.О.* Русский мир // Международная жизнь. 2006. № 11.

39. *Кальянов А.В.* Зарубежная российская диаспора в контексте межцивилизационных отношений // Россия в современном диалоге цивилизаций. М., 2008.

40. *Святейший Патриарх Кирилл.* Выступление на торжественном открытии III Ассамблеи Русского мира 3 ноября 2009 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/print/928446.html (дата обращения: 13.10.2010).

41. *Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* «Русская система» как попытка понимания русской истории // Полис. 2001. № 4.

42. *Липкин А.И.* Российская самодержавная система правления // Полис. 2007. № 3.

43. *Тишков В.А.* Самоопределение российской нации // Международные процессы. 2005. № 2 (8).

44. *Литература* русского зарубежья: Антология. М., 1997. Т. 3.

45. *Местоблюститель* Патриаршего Престола Митрополит Смоленский и Калининградский *Кирилл*. Доклад на Поместном Соборе Русской православной церкви. URL: http://www.mospat.ru/archive/44017.htm (дата обращения: 21.07.2011).

46. *Заявление* религиозных лидеров России — членов Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при президенте РФ 11 марта 2009 г. URL: http://www.religare.ru/2_63096.html (дата обращения: 18.07.2011).

Андрей Мельков
(Москва)

ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕЯ

Чтобы начать разговор о христианских ценностях и европейской идее, необходимо определить культурно-исторические категории обсуждаемых вопросов. В свое время Бисмарк достаточно четко установил рамки того, как следует воспринимать красноречивые призывы к европейскому идеализму. «Я постоянно слышал слово "Европа" от тех политиков, которые хотели добиться от других держав того, чего не осмеливались потребовать от своего собственного имени» (Цит. по: [1]), — говорил железный канцлер. Это утверждение со всей определенностью нужно отнести не только к прошлому, но и к настоящему, особенно когда разговор заходит о европейской идее и России.

Нынешняя модель интеграции в Европе, основанная на откровенно секулярных принципах, не способна сформировать устойчивую и долговечную европейскую идею. И сегодня, спустя столетие, процитированные выше рассуждения железного канцлера продолжает железная леди Маргарет Тетчер: «Идея Европы, я подозреваю, в немалой мере использовалась для надувательства. Не просто национальные интересы, а огромное множество групповых и классовых интересов (особенно сейчас) успешно скрываются под мантией синтетического европейского идеализма. Почти религиозное благоговение перед словом "Европа" идет рука об руку с явно материалистическим крючкотворством и коррупцией» [1].

Эти откровенные слова бывшего британского премьера красноречиво свидетельствуют о том, что при разговоре о европейской идее следует отказаться от чисто материалистических, экономических категорий и определить, что же является ее подлинным основанием.

Возьмем Россию и Европу. Что нас объединяло во все времена истории? Как ни покажется странным, Россию и Европу связывает общая культура и христианские ценности. Это объясняется очень просто — культура Запада, основанная на христианстве, является и русской культурой. Исторически конфессиональные различия русского православия и европейского католичества нисколько не разрывают общие религиозные и культурные ценности. В век великого церковного раскола Рима с Византией Киевская Русь наращивает династические связи с европейскими королевскими домами. Во второй половине XI — начале XII века брачные союзы рода Рюриковичей с княжескими династиями Польши, Венгрии, Германии, государств Скандинавии были делом обычным. Именно в это время внучка Ярослава Мудрого Евпраксия стала женой императора Генриха IV, главы Священной Римской империи. Различия между конфессиями в княжеской среде явно не рассматривались как серьезный барьер на пути взаимного общения. Подобные тенденции сохранялись и в более поздние времена. Вполне очевидно, что встречающиеся попытки противопоставить Россию и Европу по конфессиональному признаку спекулятивны и лежат на совести нечистоплотных политиков и одиозных религиозных деятелей.

Исходя из вышесказанного, следует, что подлинная европейская идея, как и идея России, заключатся не в секуляризации и материализме, а в возврате к традиционным христианским ценностям. Сегодня, несмотря на высокий уровень жизни и достижения научно-технического прогресса, разрушается институт семьи, сокращается численность населения, европейские народы вымирают. С этими неблагоприятными процессами столкнулась и Россия, переживающая сейчас демографический кризис. В сложившихся условиях Европе и России необходимо объединить усилия перед лицом воинствующего секуляризма.

В этом направлении следует отметить деятельность митрополита Волоколамского Илариона, председателя Отдела внешних церковных связей Московского патриархата, предлагающего создать стратегический альянс между православной и католической церквями: «Православные и католики встречаются с одними и теми же вызовами, которые современная эпоха бросает традиционному жизненному укладу. В данном случае речь идет не о богословских вопросах, а о настоящем и будущем человеческого сообщества. Это именно та сфера, в которой

православные и католики могут взаимодействовать без какого-либо ущерба для своей церковной идентичности. Иными словами, не будучи единой Церковью, будучи разделены по различным богословским и экклезиологическим вопросам, мы можем найти такие формы взаимодействия, которые позволяли бы нам совместно отвечать на вызовы современности» [2].

Следует откровенно сказать, что европейская идея сегодня — это решение вопроса о будущем христианской цивилизации и ее выживании завтра. Поэтому необходимо объединить усилия христиан Европы — прежде всего православных и католиков.

Для достижения этих целей в Европе у нас есть неожиданный союзник — Польша. Это наиболее моноэтническая и религиозная страна ЕС. Характерно, что сегодня две самые христианские страны Европы — католическая Польша и православная Россия — встали на путь примирения и возвращения к братским истокам славянства, к тем основам, на которых зиждется историческое бытие наших народов. И если нашим государствам и нашим народам удастся объединить усилия в борьбе за подлинные христианские ценности, то мы сможем положительно решить вопрос о европейской идее и месте России в общем культурно-религиозном измерении Старого света, сможем успешно противостоять либеральной идеологии и секулярному гуманизму.

В сложившихся исторических и политических условиях разговор о христианских ценностях в контексте европейской идеи должен звучать громко и твердо, для этого сегодня есть все предпосылки и имеются довольно весомые основания.

Список литературы

1. *Тэтчер М.* Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира М., 2003.

2. *Иларион (Алфеев), митр.* Православно-католические отношения на современном этапе. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/1319482.html (дата обращения: 16.03.2011).

Юрис Розенвалдс
(Рига, Латвия)

ПРОБЛЕМА «(ДЕ)ГЕРМЕТИЗАЦИИ» ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РУССКОЯЗЫЧНОГО МЕНЬШИНСТВА

Задачей этой статьи является рассмотрение влияния русскоязычного населения Латвии и Эстонии на формирование и развитие политических элит этих стран, иными словами, тенденции политической интеграции вторых по величине языковых общин Латвии и Эстонии. В силу ограниченности рамками статьи я делаю упор на констатацию положения, сложившегося за двадцать лет восстановленной независимости, не претендуя на более глубокое и развернутое рассмотрение причин, обусловивших различие ситуаций в Латвии и Эстонии. Учитывая, что понимание современной ситуации невозможно без обращения к истории, свое рассмотрение начну именно с этого.

Исторический экскурс

История русскоязычных общин Латвии и Эстонии восходит еще к XI—XII векам, когда здесь появились первые русские торговцы и обозначилось военное присутствие древнерусских княжеств; однако вплоть до XVIII века, когда Латвия и Эстония были включены в состав Российской империи, восточнославянское население этих стран оставалось крайне малочисленным и в основном состояло из старообрядцев, поселившихся здесь после церковной реформы 1650—1660-х годов.

По переписи 1897 года восточные славяне составляли 12 % населения Латвии и 4 % жителей Эстонии. В результате присоединения к Эстонии по Тартускому миру 1920 года территорий на восточном берегу реки Нарвы и окрестностей города Печоры удельный вес восточных славян в населении Эстонии возрос до 8,2 %, в Латвии же и после достижения независимости он сохранился на уровне немногим более 12 %. В довоенных Латвии и Эстонии законодательство предоставляло меньшинствам широкие права как в области культуры и образования, так и в политической жизни. Русские как национальное меньшинство участвовали в выборах в Конституционное собрание Латвии и во всех четырех выборах в Сейм (парламент), получая при этом от 4 до 6 % голосов. Это означало и соответствующее число депутатов Сейма, поскольку в довоенной Латвии не было процентного барьера на парламентских выборах. Латвия и Эстония играли значительную роль в жизни белой эмиграции.

Ситуация существенно изменилась в связи с насильственным включением этих стран в состав сталинского СССР летом 1940 года. За послевоенные годы этнический состав населения Латвии и Эстонии драматически изменился (табл. 1).

Таблица 1

Удельный вес титульных наций и восточных славян в Латвии и Эстонии, %

Национальность	1897	1922/ 1925	1934/ 1935	1959	1979	1989	2000	2009/ 2011
Латыши в Латвии	68	73,4	75,5	62,0	53,7	52,0	57,7	59,5
Восточные славяне в Латвии	12	12,6	12,1	30,9	40,0	42,0	36,4	33,3
Эстонцы в Эстонии	91	87,6	88,1	74,6	64,7	61,5	67,9	68,7
Восточные славяне в Эстонии	4	8,2	8,2	22,3	32,0	35,2	29,0	28,9

Причиной тому стали репрессии и депортации 1940—1950-х годов вкупе с форсированной индустриализацией, которая продолжалась вплоть до конца 1980-х годов. Наряду с чисто экономическими соображениями значительное место в процессах индустриализации занимали и геополитические — стремление «улучшить» этнический состав населения выходцами из «старых», прежде всего славянских, республик. В результате активной миграции рабочей силы (табл. 2) радикально изменились количественные пропорции титульных наций и приезжего русскоязычного населения. К 1989 году доля восточных

славян по сравнению с довоенной демографической ситуацией в Латвии возросла в 3,5, в Эстонии — в 4,3 раза. В Латвии в конце 1980-х годов русские составляли 42 % населения и были большинством во всех крупных городах (в Эстонии — 35,2 %). Не менее важно, что катастрофические для коренных наций Латвии и Эстонии демографические изменения повлекли за собой и существенную трансформацию общественных настроений: значительная часть латышей и эстонцев стала ассоциировать «русское» с «советским» и возлагать на послевоенных мигрантов ответственность за пережитое в годы советской власти. Этому в значительной степени способствовало и то обстоятельство, что удельный вес восточных славян в компартиях балтийских республик в послевоенные годы значительно превышал их удельный вес в населении Латвии, Литвы и Эстонии. Так, на начало 1980-х годов коммунисты титульных национальностей в компартиях этих республик были представлены следующим образом: в Литве — 69 %, в Латвии — 39 %, в Эстонии — 52 %.

Таблица 2

Приток трудовых мигрантов в Эстонию и Латвию, тыс. чел.

Годы	Эстония	Латвия	Литва	Всего
1965—1969	45	71	29	145
1970—1974	40	64	40	144
1975—1979	24	46	31	101
1980—1984	31	45	59	135

Взаимное отчуждение усугублял и сформировавшийся за годы советской власти «ассиметричный билингвизм» — существенные различия в уровнях владения русским языком представителей титульных наций и языками титульных наций — приезжего русскоязычного населения. Так, по результатам переписи населения 1979 года русским языком владели 52,1 % литовцев, 56,7 % латышей, 24,2 % эстонцев. При этом языком титульной нации владели 37,4 % русских, проживающих в Литве, 20,1 % — в Латвии и 13 % — в Эстонии.

Следует отметить и существенные различия между Латвией и Эстонией в плане формирования русскоязычных общин, которые вплоть до настоящего времени влияют на характер и перспективы политического участия этих общин. Первое различие связано с тем, что русскоязычная община в Латвии исторически была более многочисленной, организованной и образованной. Следующее различие связа-

но с традициями расселения. В Эстонии русскоязычное население сосредоточено в основном в северо-восточной части страны (в Нарве эстонцы составляют только 4 %, в Кохтла-Ярве — 21) и в Таллине (где восточные славяне представляют 44,5 % населения). На остальной территории Эстонии русскоязычное население относительно малочисленно. Эта географическая разобщенность является фактором, объективно препятствующим интеграции крупнейших этнических общин. В Латвии же русскоязычное население распределено гораздо более равномерно: не только в больших городах, но и в сельской местности, особенно в Латгалии — восточной части Латвии, а традиции совместного проживания гораздо более сильны. Следует отметить также то, что в Латвии традиционно распространеннее межнациональные браки. Это характерно и для советского периода, и для наших дней. В 2008 году около 20 % латышей заключали браки с партнером из другой этнической группы. В Эстонии этот показатель примерно в два раза ниже. Наконец не менее важны доминирующие в обществе настроения, определяющие «климат» межнациональных отношений. В этой связи следует упомянуть опубликованные в 2009 году результаты исследования положения меньшинств в Европейском союзе, которые свидетельствуют о том, что русские в Латвии гораздо реже, чем в Эстонии, сталкиваются с проявлениями дискриминации на основе этнической принадлежности.

Так, на вопрос «Ощущали ли Вы в течение последних 12 месяцев дискриминацию, связанную с Вашей этнической принадлежностью?» положительный ответ дали 17 % русских, проживающих в Эстонии, 5 % — в Латвии, 4 % — в Литве, 27 % — в Финляндии (Источник: EU MIDIS — European Union Minorities and discrimination survey, 2009).

Возвращаясь к событиям 1988—1991 годов, отметим, что в новых условиях, которые возникли в Латвии и Эстонии с началом перестройки, русскоязычные общины балтийских республик разделились в отношении к процессам «национального пробуждения», которые стремительно развернулись в конце 1980-х годов с созданием народных фронтов осенью 1988-го, противостоянием мятежных республик союзному «центру» и, наконец, восстановлением независимости Латвии и Эстонии в августе 1991-го. В общих чертах во взглядах представителей русскоязычных общин на происходившие в Латвии и Эстонии процессы демонтажа советской системы, восстановления положения языков титульных наций и постепенного движения к обретению утраченной в 1940 году независимости можно выделить три наиболее типичных позиции.

Во-первых, часть русскоязычного населения пыталась активно противодействовать происходившим изменениям, принимая участие в работе созданных в противовес народным фронтам «интернациональных» фронтов и движений. Значительное число занимало нейтральную позицию, полагая, очевидно, что усиление самостоятельности балтийских республик и даже восстановление их независимости принесет им социально-экономические выгоды, по сравнению с которыми возможные риски в плане языка и образования казались менее значимыми. Иными словами, в сознании большой части русских сработала «инерция нормальности» — представление, что существовавшая в СССР привилегия его русскоязычных жителей иметь возможность получения образования, удовлетворения культурных потребностей и доступа к информации на русском языке в любом уголке Советского Союза есть что-то само собой разумеющееся (подробнее см. [3]). И наконец, многие — прежде всего представители русскоязычной гуманитарной интеллигенции — активно участвовали в работе народных фронтов. Процентное соотношение вышеуказанных групп не было одинаковым в различных балтийских республиках, это зависело от таких факторов, как удельный вес так называемых «старых русских» (проживавших в них еще до установления советской власти) и готовность руководства народных фронтов к диалогу с русскоязычной общиной.

Следует учитывать также, что в годы «песенной революции» в Латвии и Эстонии активно обсуждались два пути перехода к независимости. Первый можно назвать «социально-реалистическим», поскольку он стремился учесть послевоенные реалии и заручиться поддержкой всех жителей, независимо от их национальности. В Эстонии и Латвии его представляли народные фронты. Второй — «легалистский» — путь, который проповедовали так называемые «гражданские комитеты», основывался на утверждении об антиправовом характере советской власти и рассматривал послевоенных приезжих как нелегальных иммигрантов, что по определению исключало какое-либо их участие в политической жизни.

В Латвии число «старых русских» было наибольшим среди всех балтийских республик. Первое поколение руководителей Народного фронта уделяло большое внимание работе с русскоязычной частью населения, в результате чего росла поддержка идеи независимости среди латвийских русских, а «гражданские комитеты» не занимали столь радикальной позиции, как в Эстонии. Так, в 1989 году эту идею поддержали 55 % латышей и 9 % русских, а в 1991-м — 94 % латышей и 38 % русских.

В результате к каждой из вышеуказанных групп, по оценкам экспертов, в 1991 году принадлежала примерно треть русскоязычных жителей Латвии и активно против идеи независимости выступали 20—30 %.

Именно то обстоятельство, что две трети русских относились к усилиям Народного фронта Латвии либо нейтрально, либо положительно, стало решающим фактором, позволившим стране (несмотря на то, что латыши составляли немногим более половины ее жителей) достичь независимости мирным путем, избежав каких-либо серьезных столкновений на этнической почве.

О различиях в позициях нетитульного населения балтийских республик можно косвенным образом судить по результатам состоявшегося в феврале — марте 1991 года выяснения мнения жителей республик по вопросу о независимости, которое в Латвии и Литве называлось «избирательной консультацией», а в Эстонии — «референдумом» (он проводился в балтийских республиках как альтернатива инициированного М. Горбачевым всесоюзного референдума о сохранении Союза ССР). В Латвии и Литве в голосовании могли принимать участие все избиратели, в Эстонии — лишь граждане довоенной Эстонской Республики или их прямые потомки, а также лица, сделавшие устное заявление о поддержке независимости Эстонской Республики и получившие так называемые «зеленые карточки» от «гражданских комитетов» (около 25 тыс. человек). Как следует из таблицы 3, в Латвии оказался самый высокий уровень явки избирателей и число проголосовавших за независимость было значительно выше, чем удельный вес латышей в населении республики. Для сравнения: в Литве удельный вес проголосовавших за независимость оказался ниже, чем количество литовцев, проживающих в республике.

Таблица 3

Результаты референдумов о независимости Балтийских республик (февраль — март 1991 года), %

Республика	Явка избирателей	Проголосовали за независимость		Удельный вес титульных наций
		Из явившихся	Из всех избирателей	
Эстония	82,9	77,8	64,5	61,5
Латвия	87,6	73,7	64,5	52,0
Литва	84,7	90,2	76,5	79,6

К сожалению, многие обещания, данные в годы «песенной революции» и особенно в период подготовки референдума о независимости, были не выполнены после достижения независимости Латвией и Эстонией. Политическое руководство Латвии и Эстонии сделало выбор в пользу «легалистского» пути, восстановив в своих правах граждан довоенных республик, а это, в свою очередь, означало, что послевоенные приезжие и их потомки были лишены политических прав и могли получить их только путем натурализации.

В наши задачи не входит выяснение того, были ли эти решения результатом эйфории первых месяцев восстановленной независимости, когда давление реальности вдруг «испарилось», или, наоборот, частью заранее продуманного плана, а также ответ на вопрос о том, насколько эти решения способствовали (или препятствовали) достижению социальной стабильности. Несомненно одно: для значительной части русскоязычных общин Латвии и Эстонии это существенно ограничило возможность влиять на происходящие в республиках процессы и привело к маргинализации политических лидеров русскоязычного населения.

«Герметизация» или «дегерметизация»?

После восстановления государственной независимости Латвии и Эстонии процессы политического участия русскоязычных общин этих стран имели целый ряд схожих исходных предпосылок и характеристик, хотя в целом они развивались по существенно различным траекториям и привели к разным результатам.

Начнем с общих черт. И в Латвии, и в Эстонии проблема политического участия русскоязычных общин была и остается тесно связана с проблемой гражданства. В результате миграции советских лет и реализации вышеупомянутого «легалистского» подхода число бывших граждан СССР, не получивших гражданство восстановленных государств автоматически, составило около 715 тыс. в Латвии и около 500 тыс. человек в Эстонии. В Эстонии процесс натурализации начался в 1992 году, в Латвии — в 1995-м. Если в Эстонии в начале натурализации ее условия были сравнительно либеральными и в дальнейшем требования были несколько ужесточены, то в Латвии процессы развивались в противоположном направлении: от непомерно жестких ограничений в начале натурализации к либерализации требований после принятия поправок к закону о гражданстве в 1998 году. В результате максимум натурализации пришелся в Эстонии на 1993—1997 годы.

В Латвии можно выделить два пика данного процесса: первый пришелся на годы сразу после принятия поправок к закону о гражданстве, второй — на период после вступления Латвии в Европейский союз. В последние годы темпы натурализации значительно снизились: в 2010 году — 1184 человека в Эстонии и 2336 в Латвии, что может быть объяснено рядом причин, среди которых не последнюю роль играет недостаточная мотивация самих претендентов на латвийское и эстонское гражданство (рис. 1).

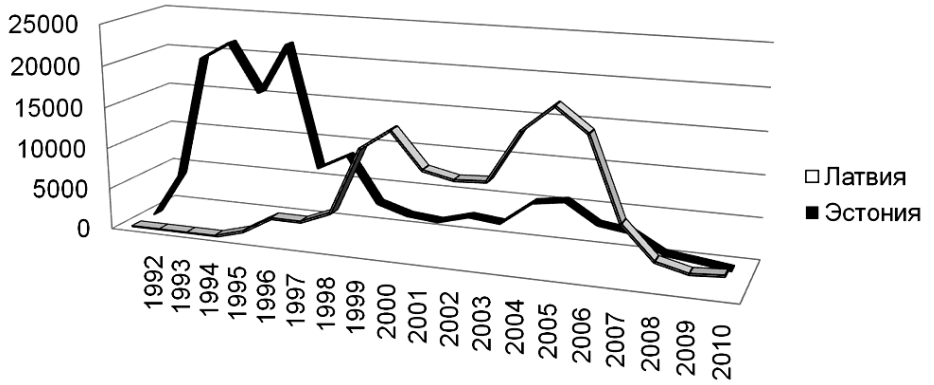

Рис. 1. Темпы натурализации в Латвии и Эстонии

В настоящее время удельный вес граждан в Латвии и Эстонии примерно одинаков: 84,2 % в Эстонии (2011) и 84,4 % в Латвии (2009). В то же время существенно отличается структура остальных 15 % жителей (табл. 4, 5). В Латвии и Эстонии различен удельный вес граждан других стран в составе их населения. Таковыми являются 21,2 % русских Эстонии и только 3,3 % русских Латвии. В Эстонии 38,4 % русских — лица без гражданства, в Латвии, напротив, 42,85 % проживающих там русских — «неграждане Латвии», что подразумевает правовой статус, отличный от статуса лица без гражданства.

Таблица 4

Гражданство и этническая принадлежность населения в Эстонии, %

Нация	% от общего числа		Граждане			Лица без гражданства
	жителей	граждан Эстонии	Эстонии	России	других стран	
Эстонцы	67,9	84,2	99,0	0,1	0,0	0,8
Русские	25,6	12,9	40,4	20,9	0,3	38,4
Другие	2,9	2,9	35,7	13,5	8,7	42,1

Таблица 5

Гражданство и этническая принадлежность населения в Латвии, %

Нация	% от общего числа		Граждане		Негражданe Латвии
	жителей Латвии	граждан Латвии	Латвии	других стран	
Латыши	58,8	73,5	99,7	0,15	0,08
Русские	28,6	19,2	54,0	42,65	3,3
Другие	12,6	7,3	46,6	48,1	5,1

Хотя Латвию и Эстонию объединяет проблема «дефицита демократии», проявляющаяся в отстранении значительных групп налогоплательщиков от национальных выборов, между этими странами существуют некоторые различия в плане правовых рамок участия неграждан в политических процессах. В Эстонии, например, они уже с начала 1990-х годов имеют право голоса на муниципальных выборах, а в Латвии неграждане могут быть членами политических партий и тем самым оказывать опосредованное влияние на политическую ситуацию.

Отметим, что одним из препятствий на пути к полноценному участию в политических процессах русскоязычного населения Латвии и Эстонии, которое имеет гражданство и обладает правом на подобное участие, является значительно более низкая степень политической активности данной категории граждан, чем представителей титульных наций. Например, согласно опросам конца 1990-х годов, в подписании петиций в Эстонии участвовали 12,1 % эстонцев и 10 % неэстонцев, в Латвии — 13,5 % латышей и 7,4 % нелатышей [2]. Эту тенденцию подтверждает опрос, проведенный в Латвии в 2010 году: существенных различий в активности на выборах между русскоязычными гражданами республики и латышами нет, чего не скажешь о таких важных для демократии формах политического участия, как общественные организации, общественные обсуждения, профсоюзы, подписание петиций — здесь она у русскоязычных жителей значительно ниже (табл. 6).

Таблица 6

Уровень политического участия жителей Латвии в 2010 году, %

Показатель	Латыши	Русскоязычные
Участие в выборах	69	65
Подписывали петиции	42	17
Участие в общественных организациях	40	30
Членство в профсоюзах	12,5	8,1
Участие в общественных обсуждениях	14	7

Какова роль представителей русскоязычного населения в процессах формирования и воспроизводства политической элиты Латвии и Эстонии, в какой степени можно говорить о «герметизации» политических элит балтийских стран, иными словами, об их замыкании в рамках титульных наций? Этот вопрос следует рассматривать на трех уровнях: муниципальном, национальном и, наконец, наднациональном (европейском).

Учитывая то, что политический процесс и в Латвии, и в Эстонии основан на особой роли политических партий, которые играют главенствующую роль на муниципальных и парламентских выборах, равно как и на выборах в Европейский парламент, прежде всего следует обратиться к особенностям партийных систем этих республик, которые наиболее ярко проявляются на парламентских выборах.

Характерной чертой партийной системы Эстонии является слабость и разобщенность «русских» партий, которые добились наибольшего успеха на выборах 1995 года (выборы 1992-го ими бойкотировались), когда им удалось набрать 5,87 % голосов. На последующих выборах их результаты были гораздо скромнее (в 1999 году — 2,03 %, в 2003-м — 2,44, в 2007-м — 1,2), а на выборах 2011 года «русские» партии и вовсе набрали менее 1 % голосов. Как показывают результаты опросов, русскоязычные избиратели Эстонии голосуют за эстонские партии, среди которых особенно выделяется Партия центра, лидер которой — бывший руководитель Народного фронта Эстонии Эдгар Сависаар (табл. 7).

Таблица 7

Результаты голосования на парламентских выборах в Эстонии в 2007 году, %

Партия	Эстонцы	Восточные славяне
Союз Pro Patria и ResPublica	11,5	1,9
Народный союз Эстонии	5,8	1,3
Партия реформ	22,7	3,9
Социал-демократы	10,3	1,3
Партия центра	12,9	51,6
Зеленые	7,6	0,6
Конституционная партия	0	0,6
Русская партия	0	0,6
Левая партия	0,1	0
Не ответили	27,3	37,4

Процентное соотношение проголосовавших за партию Сависаара эстонцев и восточных славян Эстонии оставляет место для дискуссий об ее «эстонском» характере. Впрочем, и за такие «эстонские» партии, как Союз ProPatria и ResPublica, Народный союз Эстонии и социал-демократы, русскоязычные избиратели отдали больше голосов, чем за традиционно «русские» партии. Все вышесказанное позволяет выдвинуть предположение, что в ближайшем будущем монополия эстонцев на определение путей развития эстонского общества и государства не будет поколеблена.

Совсем другую картину представляет партийная система Латвии, где отчетливо проявляется связь между этнической принадлежностью и поддержкой определенных партий (табл. 8).

Таблица 8

Этническая структура поддержки партий населением Латвии, %

Партия	Национальность		
	Латыши	Восточные славяне	Другие
Новое время	93	3	4
Народная партия	93	5	2
ЗаПЧЕЛ	19	74	7
Партия народного согласия	14	81	5
Союз зеленых и крестьян	95	4	1
ТТБ-ДННЛ	91	7	2
Первая партия	90	8	2
Социал-демократы	53	39	8

Источник: Nicolo Group, 2004; Auers, Ikstens, 2005.

Из таблицы 8 следует, что в 2004—2005 годах «русскими» можно было считать партию «За права человека в единой Латвии» (ЗаПЧЕЛ) и Партию народного согласия (на ее основе позднее сформировалось объединение «Центр согласия»). Проведенный в связи с выборами 2010 года опрос показывает, что на них за Центр согласия проголосовало 75,6 % русских граждан и 9 % латышей, а за крупнейшее «латышское» политическое объединение «Единство» — 3,8 % русских и 38 % латышей.

Сказанное не исключает того, что на протяжении двадцати лет восстановленной независимости различные политические силы стремились заручиться поддержкой русскоязычных избирателей, что делает задачу квалификации латвийских партий по этническому при-

знаку достаточно сложной. Одно несомненно: в отличие от Эстонии электоральная поддержка «русских» партий в Латвии имеет тенденцию к возрастанию (рис. 2).

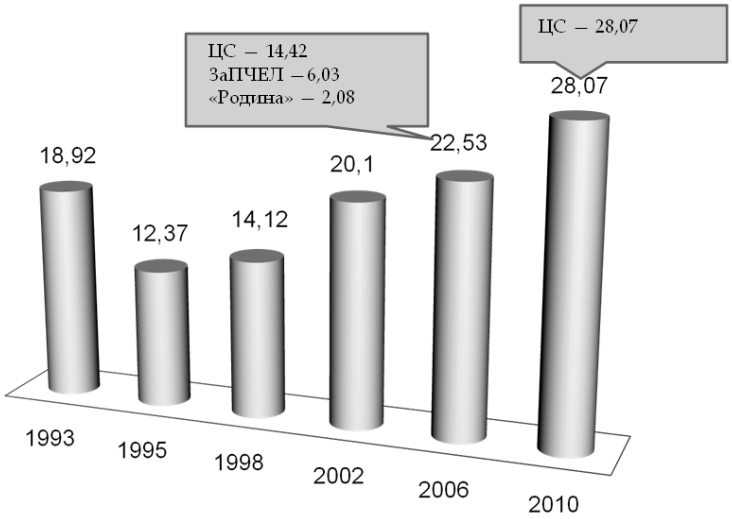

Рис. 2. Поддержка «русских» партий на парламентских выборах в Латвии, %

Различие между Латвией и Эстонией проявляется и в значительно большем (и растущем) числе депутатов нелатышского происхождения в латвийском парламенте. Так, в эстонском парламенте в 1992 году не было депутатов, не принадлежавших к титульной нации, в 1995-м их количество составило 6 человек, в 1999-м — 6, в 2003-м — 5, в 2007-м — 6, в 2011-м — 7. В латвийском парламенте таких депутатов в 1993 году было 12, в 1995-м — 10, в 1998-м — 17, в 2002-м — 22, в 2006-м — 23, в 2010-м — 23. Результатом всего вышесказанного стало то, что вхождение Центра согласия — наиболее влиятельной в последнее время политической силы, ориентирующейся на поддержку русскоязычных избирателей, — в правящую коалицию превратилось сегодня в вопрос практической политики. Важно отметить, что, в отличие от предыдущих лет, само обсуждение этой перспективы не вызывает шока у латышских политиков и подавляющего большинства рядовых латышских избирателей. Можно утверждать, что еще более актуальным этот вопрос стал в связи с проведенными в сентябре 2011 года внеочередными парламентскими выборами.

С точки зрения «классических» западных представлений о «нормальных» партийных системах наличие ярко выраженных этнических партий является аномалией, поскольку тем самым проблемы межэт-

нических отношений отодвигают на второй план единые для всего общества социально-экономические проблемы, что может привести к дестабилизации. Тем не менее, обращаясь к анализу политических процессов в Латвии и Эстонии, можно утверждать, что в известных условиях наличие этнических партий может быть и стабилизирующим фактором. Основания для такого утверждения дает сравнение двух кризисов последних лет, которые оставили заметный след в латвийской и эстонской политике. Речь идет о протестах против школьной реформы в Латвии в 2004—2005 году и событиях вокруг «бронзового солдата» в Таллине в 2007 году.

Протесты в Латвии, несмотря на их массовый характер, прошли исключительно мирно, не было зарегистрировано никаких серьезных конфликтов между их участниками и полицией. Представляется возможным утверждать, что это в значительной мере было обусловлено тесной связью между организаторами протестов и представленными в Сейме Латвии «русскими» политическими партиями, что во многом определило стремление организаторов удержать все в рамках легального политического поля. События вокруг «бронзового солдата» в Таллине такой связи не имели (в основном в силу слабости и непопулярности «русских» партий), что способствовало усилению роли стихийной компоненты и переходу протестов в конфронтацию с силами правопорядка.

Возвращаясь к вопросу о тенденциях развития политических элит Латвии и Эстонии, можно сделать вывод, что в Латвии намечается тенденция к «дегерметизации» политической элиты и вполне реальной становится возможность появления в составе правительства в ближайшее время министров — представителей национальных меньшинств, значительно возрастет влияние политических сил, поддерживаемых русскоязычными избирателями, и, как следствие, можно ожидать потепления межнациональных отношений в целом. В то же время следует отметить, что эта тенденция пока никоим образом не сказывается на этническом составе государственного и муниципальных аппаратов, которые в Латвии традиционно почти исключительно моноэтничны. Сложившая ситуация может быть объяснена рядом причин (традиционная — еще с довоенных времен — ориентация латышей на работу в государственном аппарате, языковые требования, которым не всегда соответствуют нелатышские кандидаты на места в органах власти, формирование бюрократической верхушки из выдвиженцев правящих «латышских» партий и др.). Тем не менее ясно, что она не вполне соответствует демократическим принципам формирования бюрократического аппарата в многонациональном государстве.

Общая тенденция к «дегерметизации» политической элиты Латвии проявляется и на муниципальном уровне, хотя здесь также не все однозначно. С одной стороны, характерной чертой всех муниципальных выборов, проведенных в годы восстановленной независимости, является то, что удельный вес русскоязычных депутатов ниже удельного веса не только восточных славян в населении Латвии, но и русских, украинцев и белорусов среди граждан Латвии. Эта тенденция прослеживается, несмотря на то что в последнее время все большее число депутатов самоуправлений вообще не указывают своей этнической принадлежности (табл. 9). С другой стороны, характерной чертой последних муниципальных выборов становится возрастающая роль политических сил, за которые голосуют в основном русскоязычные избиратели. На выборах 2009 года объединение «Центр согласия» добилось повышения своего представительства во всех крупных городах, но наибольшего успеха оно достигло на выборах в столице, набрав 37,59 % голосов и завоевав, таким образом, 26 из 60 мест в Рижской городской думе. Если на предыдущих выборах голоса русскоязычных избирателей распределялись между несколькими политическими силами (рис. 3), которые зачастую не были примером эффективного сотрудничества, на выборах 2009 года русскоязычные рижане единодушно проголосовали за «Центр согласия». В предыдущем составе Рижской думы (2005—2009 годы) представители меньшинств составляли 30 % депутатов, после выборов 2009 года их удельный вес возрос до 50 %. С 1 июля 2009 года мэром Риги является председатель объединения «Центр согласия», экономист и журналист Нил Ушаков. Его родители приехали в Латвию в конце 1940-х годов, а сам он стал гражданином Латвии в 1999 году посредством натурализации.

Таблица 9

Этнический состав депутатов местных самоуправлений Латвии, %

Национальность	1997	2001	2005	2009
Латыши	93,9	92,4	82,6	72,1
Русские	3,3	4,4	4,4	4,0
Поляки	1,0	1,1	0,8	0,7
Литовцы	0,9	1,0	0,8	0,5
Украинцы	0,0004	0,1	0,1	0,3
Белорусы	0,4	0,7	0,2	0,2
Другие	0,1	0,3	0,5	0,4
Национальность не указана	—	—	10,6	21,8

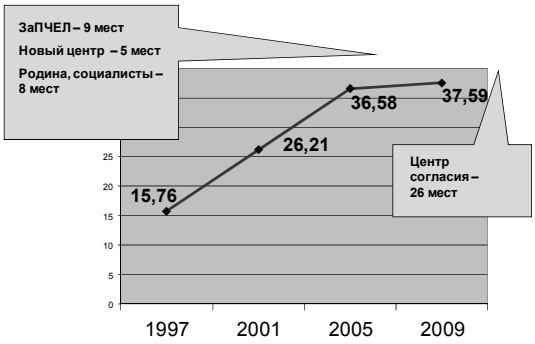

Рис. 3. Поддержка «русских» партий на муниципальных выборах в Риге (% голосов «за» и число мест в городской Думе — из 60)

Обратимся к вопросу о представленности политической элиты Латвии и Эстонии в Европейском парламенте. После вступления этих республик в Европейский союз в них дважды — в 2004 и 2009 годах — прошли выборы в Европарламент. В Эстонии шесть отведенных ей мест традиционно занимают депутаты-эстонцы (табл. 10). Одно место в 2004-м и два в 2009 году были у Партии центра, за которую традиционно голосует значительная часть русскоязычных избирателей (одно из мест получил Эдгар Сависаар).

Таблица 10

Депутаты Европарламента, избранные от Эстонии

2004		2009	
Тоомас Хендрик Илвес	Социал-демократическая партия	Эдгар Сависаар	Партия центра
Марианне Микко	Социал-демократическая партия	Кристиина Оюланд	Социал-демократическая партия
Ивари Падар	Социал-демократическая партия	Ивари Падар	Социал-демократическая партия
Сиири Овиир	Партия центра	Сиири Овиир	Партия центра
Тунне-Валдо Келлам	Союз Pro Patria и Respublica	Тунне-Валдо Келлам	Союз Pro Patria и Respublica
Тоомас Сави	Партия реформ	Индрек Таранд	Независимый

Существенно иная ситуация сложилась в Латвии, где на выборах 2004 года «русские» партии получили 10,66 % голосов (1 место из 9), а на выборах 2009-го — 29,23 % (3 места из 8) (рис. 4). В результате в 2004 году первым в истории русскоязычным депутатом Европарламента была избрана представительница ЗаПЧЕЛ Татьяна Жданок. В 2009 году она стала им повторно и к ней присоединились представители Центра согласия Александр Мирский и Альфред Рубикс. Вопрос о том, насколько деятельность Татьяны Жданок в качестве европарламентария и ее усилия по созданию некоей надгосударственной русскоязычной политической организации отражают интересы русскоязычной общины Латвии, выходит за рамки данной статьи, однако несомненно то, что она не укладывается в представления о некоей этнической замкнутости репрезентации латвийской политической элиты на европейском уровне.

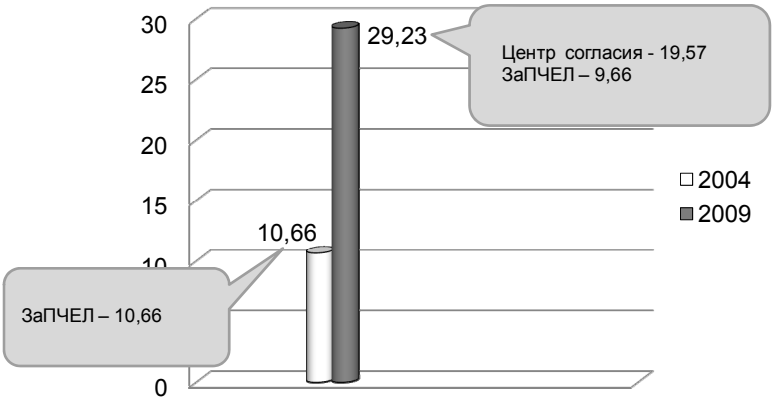

Рис. 4. Поддержка «русских» партий на выборах в Европарламент в Латвии, %

Каковы перспективы?

В заключение несколько слов о перспективах. Мне представляется, что усиление политической роли русскоязычных общин Латвии и Эстонии в ближайшем будущем (несмотря на сегодняшние различия между этими странами) — это закономерный процесс, который тесно связан с дальнейшей демократизацией общественно-политической жизни балтийских стран, ростом взаимного доверия между представителями различных общин Латвии и Эстонии. Последнее, в свою очередь, предполагает нахождение разумного компромисса в тех вопросах, которые не были рассмотрены в моей статье, а именно в по-

нимании сложных исторических судеб Балтии, в сближении основных характеристик политической культуры и повышении уровня взаимной культурной компетенции. Важной предпосылкой для обеих общин является изменение «вектора» мировосприятия — от концентрации на прошлых обидах (чему последние десятилетия истории Латвии и Эстонии дают обильную пищу) к ориентации на общие для всех жителей республик цели в будущем.

Что касается исключительно русскоязычных общин Латвии и Эстонии, важной предпосылкой усиления их политического влияния выступает то, что можно назвать «опорой на собственные силы». Под этим я понимаю как повышение уровня политической и общественной активности, так и освобождение от образа «руки Москвы» — осознание того, что при всем огромном значении сохранения и развития культурных связей с Россией проблемы балтийских русских в долговременной перспективе могут быть решены только ими самими. О том, что эти представления не являются плодом фантазии и чисто нормативными установками, свидетельствуют, как мне кажется, тенденции, наметившиеся в Латвии.

Список литературы

1. *Dreifelds J.* Latvia in Transition. Cambridge, 1996.

2. *Political* Representation and participation in Transitional Democracies: Estonia, Latvia and Lithuania / Loftsson E., Choe Y., eds. Sodertoerns hoegskola, 2003.

3. *Rozenvalds J.* Latvia After Twelve Years of Renewed Independence: the Search for Normality // Latvijas Universitātes Raksti. 663. sēj. Rīga, 2004.

Владимир Брюшинкин, Наталья Андрейчук, Юлия Мазур
(Калининград)

РУССКИЕ В ЛИТВЕ: ПРОБЛЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Исследование идентичности русского населения стран Балтии важно как для понимания интеграции этих стран в Европейский союз, так и для осознания особенностей русской идентичности вообще и возможных направлений ее эволюции. Такого рода исследования позволяют познавать социокультурную идентичность этнических русских в непосредственном общении с носителями других социокультурных идентичностей.

Для выявления тенденций развития русскоязычных сообществ в странах Балтии, оптимальных способов взаимодействия с новыми членами ЕС в целях эффективного развития Калининградской области как региона сотрудничества РФ и ЕС в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта в 2011 году был реализован проект «Эволюция социокультурной идентичности русского населения Литвы (ценностный аспект)». Данное исследование было направлено на определение особенностей изменения социокультурной идентичности русского населения Литвы в условиях трансформации социальной структуры. Грант был предоставлен автономной некоммерческой организацией «Ин-

ститут общественного проектирования». Изучение идентичности русского населения Литвы проводили автономная некоммерческая организация «Центр общественно-политических исследований "Русская Балтика"», кафедра философии исторического факультета БФУ им. И. Канта, лаборатория социологических исследований БФУ им. И. Канта в тесном сотрудничестве с Литовским центром социальных исследований (Вильнюс). С глубоким удовлетворением отмечаем плодотворное сотрудничество с литовскими коллегами, их глубокий интерес к исследуемой проблеме и высокий профессионализм. Актуальность исследования в немалой степени обусловлена и определенной озабоченностью судьбами наших соотечественников в ближнем зарубежье, и в частности в Литовской Республике.

Коллективом проекта была разработана методика исследования идентичности, в основе которой лежит последовательное различение трех отношений: *самоидентификации* — суждения субъекта о своей принадлежности к социальной группе или общности, *идентификации* — суждения некоторого субъекта о принадлежности другого субъекта к группе, *идентичности* — объективной принадлежности субъекта группе. Социологические исследования в области идентичности в основном сосредоточены на установлении самоидентификации, то есть субъективного отнесения респондентом себя к той или иной социальной общности. В этом случае респондентам предлагают ответить на вопросы типа: «Кем Вы себя считаете: русским, литовцем, европейцем?» Проблема суждений самоидентификации в том, что респонденты не всегда сознают содержание понятий, о которых их спрашивают. Кроме того, эти суждения носят субъективный характер и говорят лишь о том, кем себя видит сам респондент, а не о том, к какой социальной группе или общности он принадлежит на самом деле. Поэтому суждения самоидентификации нередко случайны и не дают достаточного материала для исследования идентичности.

В реальных эмпирических исследованиях мы имеем дело с данными суждениями, когда респонденты определяют не собственную идентичность, а принадлежность к той или иной общности других индивидов или групп. Например, «Михаилас Петровас является русским». Однако в этом случае в основе суждения также лежит субъективная оценка. В связи с этим возникает методологическая проблема: каким образом придать суждениям идентификации большую меру объективности? Здесь добавляется еще одна сложность: какова идентичность субъекта, выносящего суждение об идентификации?

Средство решения первой проблемы — отделение идентификации от самоидентификации (подробнее о методологии см. [2]). Наряду с прямыми вопросами самоидентификации часть вопросов анкет социологического исследования (как массового опроса, так и экспертных интервью) была сформулирована таким образом, чтобы опрашивае-

мый не осознавал скрытый смысл вопроса. Это позволило отвлечься от субъективных самооценок и получить материал для определения идентичности респондента. Кроме того, способом установления идентичности стало исследование текстов культуры и содержания повседневных практик. Это стало для нас возможным, с одной стороны, благодаря сотрудничеству с литовскими социологами, с другой — при личном посещении города Вильнюса, когда мы смогли «изнутри» оценить некоторые структуры повседневности.

В исследовании использовались методы описания, массового социологического, экспертного опросов, сравнительный и количественные (статистические) методы, метод контент-анализа. В целом массовый опрос был сосредоточен на установлении самоидентификации и идентификации русского населения Литвы в сравнении с идентификацией жителей Калининградской области и предоставил богатый эмпирический материал для аналитического исследования. С обеих сторон в опросе было задействовано 800 респондентов.

Респондентами экспертного интервьюирования выступали непосредственные участники исследуемых социальных процессов и явлений. Репрезентативность выборки устанавливалась по определенной методике. На первом этапе в качестве критериев отбора респондентов были использованы два признака: род занятий и стаж работы по интересующему нас профилю, профессиональная компетентность. В этом случае учитывалась не только объективно обусловленная возможность опрашиваемого судить о данном предмете, но и его реальная способность высказать обоснованное мнение. Кроме названных в качестве основополагающих критериев отбора респондентов также были выделены следующие: этническое происхождение, место и длительность проживания, социальный статус. Экспертный опрос был направлен на получение информации о представлениях, мнениях и оценках респондентами современной социокультурной ситуации в Литве и перспектив ее динамики. В экспертном интервьюировании участвовали 10 граждан Литвы, трое из которых этнические литовцы, семь — этнические русские, и семь жителей Калининграда, имеющих тесные контакты с русскими, проживающими в Литовской Республике. Следует отметить, что 9 из 10 опрошенных граждан Литвы родились в Литовской Республике. В экспертные группы входили представители управленческих структур, бизнеса, средств массовой информации, деятели культуры, работники образования, священнослужители.

Существенных различий в мнениях респондентов, опрошенных в Калининграде и Вильнюсе, при анализе интервью не обнаружено. Отвечавшие из обоих городов отмечают в целом равные правовые нормы для представителей титульной нации и для русских в Литве, условия для самореализации, условия здравоохранения, проведения досуга,

развития культуры и возможности общения русских между собой. Общими показателями являются достаточно пессимистическая оценка перспектив сохранения этнокультурной идентичности и отрицательная оценка ситуации с русскоязычным образованием.

К позициям, мнения по которым различаются у экспертов двух городов, относятся вопросы об отношении к русским со стороны литовцев, об удовлетворенности русских различными аспектами своей жизни в Литве. При ответах на эти вопросы литовские эксперты демонстрируют более негативные оценки, нежели калининградские. Кроме того, достаточно примечательным показался тот факт, что большинство респондентов в Литве предпочло отвечать на вопросы анонимно, в то время как в Калининграде все участвующие в опросе назвали себя.

Относительно проблемы социокультурной идентичности русского населения Литвы респонденты из обоих городов демонстрируют схожие мнения: перспектива интеграции и частичной ассимиляции при постепенном размывании этнокультурной идентичности и низкий уровень этнокультурной отличительности. Безусловно, в сравнении с анкетами массового опроса, ответы на вопросы экспертных интервью отличаются большой эмоциональностью, значительной резкостью и категоричностью в оценках ситуации.

Обобщая полученную из интервью информацию, можно заключить, что проблема сохранения русской идентичности и культурной самобытности в Литве обострилась в связи с новым законом об образовании, принятом 17 марта 2011 года, и несколькими санкционированными маршами неонацистов, прошедшими в начале 2011 года в крупных городах Литвы. Сам вопрос об идентичности эксперты в первую очередь связывают с развитием и распространением русского языка в Литовской Республике.

Говоря о возможностях самореализации и саморазвития русских в Литве, их трудоустройства, правовой защищенности, социального и экономического положения, в целом эксперты приходят к единому мнению: они являются полноправными гражданами страны и с правовой точки зрения во всех сферах имеют равные с коренным населением возможности. Если же говорить в общем о русском населении, то большинство экспертов оценивают уровень его материального достатка, социокультурное положение, моральную удовлетворенность собственной жизнью ниже, чем у титульной нации. Но связано это не с национальной принадлежностью, а с недостаточным уровнем владения литовским языком, что наиболее остро проявляется у русских жителей Литвы старшего поколения (после 50 лет). Особенно остро эта проблема ощущается, по оценке экспертов, в городе Висагинасе.

При этом русская молодежь, которая уже очень хорошо знает литовский язык, находится во всех отношениях наравне с литовцами.

В связи с этим среди русского населения возникает острая потребность в изучении литовского языка. Родители отдают своих детей в литовские детские сады и школы. Это влияет на сокращение количества учеников в русских школах, а соответственно, и на уменьшение числа самих школ. Следует отметить, что большинство экспертов неутешительно оценивают перспективы существования русских школ в Литве, а значит, и развития русского языка в целом. Но вместе с тем респонденты подчеркивают, что это совершенно закономерное обстоятельство: Литва — свободное суверенное государство, в котором государственный язык — литовский, и гражданин страны обязан владеть языком своего государства. В качестве возможного решения проблемы эксперты предлагают создание в литовских школах условий для усиленного изучения русского языка.

Помимо школы одним из основных социальных институтов является семья. Эксперты также отмечают, что русский язык перестает быть и языком повседневного общения. Если в семье оба супруга русские, то, естественно, общение происходит на русском. Раньше если один из родителей был русским, то в семье говорили на русском языке. Сейчас же между собой родители, возможно, общаются на русском, но дети уже говорят преимущественно на литовском. В профессиональной среде, безусловно, основным языком общения стал литовский, в то время как в период СССР это был русский. Именно поэтому людям старшего поколения сложно укоренится в новой социокультурной, экономической и политической среде.

Сходную ситуацию эксперты отмечают и в отношении основного круга общения русских Литвы: старшее поколение старается оставаться в своем кругу, среднее допускает общение и с литовцами, и с русскими, а общение молодежи зависит от повседневных ситуаций.

В качестве маркеров, которые позволяют говорить о той или иной идентичности, выделяют три основных: язык, религию, традиции.

В отношении языка, как уже было показано, эксперты практически единогласны: все отмечают тенденцию к снижению использования русского, причем как в профессиональной сфере, так и в сфере бытового общения. Во-первых, все, кто окончил школу после 1990 года, прекрасно владеют литовским языком. Во-вторых, большая часть русской молодежи, особенно учащиеся университетов, уже достаточно плохо говорит по-русски.

Число православных в Литве также сократилось, причем количество людей, которые регулярно посещают православные храмы, еще меньше. Однако здесь речь должна идти скорее о вере, а не о стремлении сохранять традиции своей культуры. Все зависит от того, на-

сколько придерживаются религиозных традиций в каждой отдельной семье. Есть общие религиозные праздники, которые чаще всего празднуются в семьях: Рождество, Пасха. Но если семья смешанная и религиозная, значит, в ней будут соблюдать как православные, так и католические традиции.

В поддержании традиций, по мнению опрошенных экспертов, определяющую роль должны играть социальные и культурные организации. Чаще всего респонденты упоминают Русский драматический театр и объединение «Мелос». С точки зрения экспертов, Русский драматический театр в Вильнюсе уже давно не выполняет функцию воспроизводства и трансляции ценностей русской культуры, так как наметилась явная тенденция к его литуанизации. Объединение «Мелос», скорее, социальный, а не культурный проект, главной функцией которого является организация досуга и объединение этнических русских, проживающих в Вильнюсе. Следует отметить, что «Мелос» популярен лишь в среде русских старшего поколения, как и другие русские общественные организации. За последние двадцать лет русская община не только не сформировала своего лидера, но вообще ее состав не обновился, то есть молодежь в нее практически не входит. Отдельно следует сказать о том, что эксперты отмечают социальную пассивность и инертность русского населения.

Если говорить о праздниках, в дни которых русские в Литве особенно остро начинают ощущать свою национальную принадлежность, то основные из них два: День России и 9 Мая. При этом способ их проведения в большинстве случаев критикуется: как правило, выступают коллективы в русских народных костюмах, лаптях, малопрофессиональные, близкие по уровню к самодеятельности, либо не лучшие представители российской эстрады. Мероприятия такого рода посещают и русские, и литовцы, и интересны они не потому, что позволяют приобщиться к русской культуре (не говоря уже о том, что всего лишь поддерживают сложившиеся стереотипы о русском народе), а скорее, из-за того, что представляют собой форму организации досуга и общения. Наиболее яркая и очевидная «манифестация русской идентичности», объединяющая всех русских, проживающих в тех или иных городах Литвы, — праздник 9 Мая. В его организации активное участие принимают и представители старшего поколения, и молодежь.

В отношении ценностных ориентаций эксперты отмечают, что в целом русские Литвы на бытовом уровне следуют национальным религиозным и культурным обычаям. С другой стороны, русские традиции, семейный уклад сохраняются в основном в семьях старшего поколения, у молодежи наблюдается трансформация традиций и ценностных установок, причем динамика здесь очень высока. Русские граждане Литвы среднего возраста и молодежь уже адаптировались к

литовской культуре до такой степени, что, приезжая в Россию, они испытывают культурный шок и чувствуют себя скорее чужими, особенно учитывая, что почти все имеют литовский акцент. Они гораздо комфортнее чувствуют себя в европейской среде и за рубежом часто позиционируют себя как «литовцы».

Выросло поколение детей, которые никогда не были в России. Выпускник литовской школы, как правило, далее учится в университете. Учитывая, что обучение происходит на литовском языке и основной круг общения составляют литовцы, вся «русскость» у него заключается в национальной принадлежности родителей. В связи с этим возникает вопрос: кто же он, русский или уже литовец? и с кем себя будет идентифицировать сам молодой человек?

И вместе с тем эксперты отмечают, что многие русские молодые люди в Литве все-таки чувствуют себя «другими» в силу отличий на ментальном уровне. Они существенно отличаются от литовцев, не говоря уже о более старшем поколении.

Наиболее устойчивой русской (точнее, советской) идентичностью обладают люди старшего поколения, приехавшие в Литву после Второй мировой войны для восстановления республики. Они по-прежнему не говорят по-литовски, их круг общения составляют в основном русские, они испытывают внутреннюю потребность в связи с Россией, чувствуют свои корни и т.д. К этой же группе с устойчивой идентичностью стоит отнести старообрядцев, компактно проживающих в районе небольшого жемайтийского города Кельма.

Следующая группа — это русские, которые родились в советское время и которым сейчас около сорока лет. Их поведение и идентичность зависят от места жительства, окружения, рода деятельности и т.п. Во многих случаях произошла интеграция русских в литовскую культуру, часто национальность выдают лишь фамилии.

Наконец, группа абсолютно молодого поколения, которые стали уже наполовину литовцами. Дети, даже из русскоязычных семей, которых родители определили учиться в литовских школах, как правило, начинают формулировать свои мысли, воспринимать информацию даже на семантическом уровне уже на литовском языке, то есть перестают быть русскоязычными.

Необходимо отдельно выделить те характеристики, которые, по словам экспертов, отличают этнических русских Литвы и являются нетипичными для русских в целом, что свидетельствует о частичной трансформации русской идентичности:

- систематичность, структурированность, упорядоченность как в организации жизни, так и в мышлении;
- дисциплинированность поведения;
- ценность индивидуальности, отдельного человека,

• тенденция к закрытости, замкнутости, индивидуализму.

В сочетании с массовым опросом и экспертным интервьюированием для достижения цели проекта был применен метод контент-анализа. В качестве объектов анализа были выбраны следующие русскоязычные СМИ Литовской Республики: газеты «Литовский Курьер», «Обзор», «Республика», «Пенсионер», сайты «Литовский курьер» (http://www.kurier.lt), «Русский клуб Литвы» (http://www.lithuania.russian-club.net), «Русское единство» http://rusedin.ru), «Русский клуб (Литва на русском языке)» (http://www.lithuania.russian-club.net), сайт Русского культурного центра (http://www.rkc.lt/).

Отдельно следует выделить выводы контент-анализа следующих источников:

• *Касаткина Н.* Русские в современной Литве: меньшинство, диаспора или часть гражданского общества? // Русские в странах Балтийского региона: меньшинство и государство. Вильнюс, 2007. С. 18—40.

• *Синочкина Б.* Русская пресса постсоветской Литвы: динамика изменений // Русские в странах Балтийского региона: меньшинство и государство. Вильнюс, 2007. С. 118—148.

• *Фреюте-Ракаускене М.* Неправительственные организации русских Литвы: основные социальные характеристики // Русские в странах Балтийского региона: меньшинство и государство. Вильнюс, 2007. С. 93—113.

Проведенный контент-анализ привел нас к ряду весьма интересных выводов, которые подтверждают результаты экспертного интервьюирования. Во-первых, в отношении русского населения Литвы чаще всего употребляется определение «русские», гораздо реже речь идет о «соотечественниках», «этнических русских» и т.п. Во-вторых, одни из наиболее часто употребляемых терминов — «русский язык», «русскоязычные школы», «русская культура», но снова в контексте проблемы русского языка; тема русскоязычного образования также является одной из центральных в рассмотренных источниках. Это свидетельствует о том, что в большинстве случаев проблемы русской культуры, русских традиций, протесты против насильственной ассимиляции, осознание собственной русской идентичности тесно связаны с проблемой реформы образования, которая подразумевает сокращение как дисциплин на русском языке в школах, так и количество самих русскоязычных школ и дошкольных учреждений. В-третьих, обращая внимание на основные темы публикаций, следует отметить, что первое место среди них занимает обращение к теме связи Литвы или русских, проживающих в Литве, с Россией. Однако здесь речь чаще идет либо о политических отношениях России и Литвы (в этом случае русское население не отделяется от литовского), либо об экономических связях в сфере бизнеса.

Достаточно редко подчеркивается тесная связь русского населения Литвы с Россией в сфере культуры, не говоря уже о внутренней потребности такой связи, осознании своих корней, трепетном отношении к российской истории. Напротив, неоднократно подчеркивалось, что Литва является родиной для русских Литвы, «нашей землей» и т. п. Еще одна часто упоминаемая тема — русские культурные и общественные организации. Причем, с одной стороны, указывается их роль в поддержании и развитии русских традиций в Литве, с другой — подчеркивается их недостаточно успешное функционирование в этой сфере, что во многом объясняется как малочисленностью таких организаций, так и трудностями их финансирования. Чаще всего упоминается политическая организация «Русский альянс», особенно в связи с выражением недовольства поправками к закону Литовской Республики об образовании. Но это во многом объясняется тем, что анализируемые нами источники вышли в период либо завершения предвыборной кампании, либо в первые месяцы после окончания выборов в Сейм. Вместе с тем нельзя не отметить активное функционирование в Литве Русского театра — одной из немногих русских культурных организаций Литвы, имеющих широкую поддержку как среди всего русскоговорящего населения (несмотря на его явную литуанизацию), так и среди коренного. Остальные русские объединения весьма малочисленны и локальны.

Большинство русскоязычных сайтов направлены преимущественно на ознакомление русских с литовской культурой, на освещение политической, экономической, социально-культурной жизни Литвы. Об этом во многом свидетельствует не только содержание указанных СМИ, но даже их наименования. Так, в названиях 22 перечисленных русскоязычных ТВ-каналов, радиопередач, газет и сайтов слова «русский», «Россия» и другие фигурируют 10 раз, в то время как «Литва», «литовский», «Прибалтика» и подобные им встречаются 14 раз.

Проблема интеграции русских в литовское общество, безусловно, в той или иной степени, отражается в большинстве источников и воспринимается как естественное и даже необходимое явление, в ряде случаев речь даже идет об изменении ментальности русского населения Литвы. Однако в связи с проблемой русскоязычного образования возникает проблема «насильственной ассимиляции и дискриминации русского населения по национальному признаку в Литве».

Однако, во-первых, из анализа СМИ можно сделать вывод о том, что протесты представителей русских общественных организаций как по поводу реформы образования, так и в отношении дискриминации по национальному признаку и насильственной ассимиляции не имеют агрессивного характера, не слишком активны и последовательны. Скорее, можно сказать, что позиция ряда представителей русского населения Литвы в этом вопросе «следует в фарватере» весьма активных

и масштабных выступлений польского национального меньшинства в Литве за свои права.

Во-вторых, анализируя в целом информацию, размещенную на указанных сайтах и в газетах, можно сказать, что, несмотря на ряд резких высказываний, большинство представителей русских общественных организаций признает отсутствие какой-либо дискриминации русского населения Литвы на национальной основе. Кроме того, отмечаются равные возможности обучения в вузах, устройства на работу (при знании литовского языка). Вместе с тем заметна обеспокоенность по поводу сокращения русскоязычных школ, факультетов в вузах, необходимости изучения литовского языка и приобщения к литовской культуре в качестве условия нормального социального функционирования в обществе, возможности профессиональной и личностной самореализации. Эта обеспокоенность связана с угрозой ассимиляции, смены системы ценностей, изменения ментальности русского населения.

В указанных источниках неоднократно упоминалось, что в День России русские в Литве вспоминают о своей «самости», отличительности от литовского народа. Это не было отмечено в отношении празднования 9 Мая, православной Пасхи, других российских и православных праздников. Создается впечатление, что только День России напоминает русским Литвы об их принадлежности к русской культуре и русским традициям. Во многом эта тенденция усиливается отсутствием поддержки русского населения Литвы со стороны России в духовной сфере.

Кроме того, неоднократно подчеркивается восприятие русскими Литвы как своей родины, осознание ими собственного вклада в культуру страны. Зачастую, говоря о социальном, политическом, экономическом положении, авторы статей не разделяют русское и коренное население Литвы. Очень часто по отношению к Литве употребляются следующие фразы: «наш общий дом», «родина», «вторая родина» и т. п. В то же время достаточно редко употребляются слова «традиция», «культурные ценности», «православные ценности», «национальные праздники».

В целом проведенный анализ русскоязычных материалов СМИ в аспекте выявления проблематики идентичности русского населения Литвы позволяет говорить о невысоком уровне обращения к данной теме как в явном, так и в неявном виде.

Еще одним фактором, который нельзя оставлять без внимания, является целевая аудитория рассматриваемых СМИ не только в национальном, но и в возрастном отношении. Так, например, газета «Пенсионер» наиболее агрессивна в отношении реформы образования, маршей неонацистов и других событий, в текстах неоднократно звучат ноты сожаления о распаде СССР, отделении Литвы от России. Скорее всего, явное стремление к единению с российским обществом,

привязанность к русской культуре, желание сохранить собственные культурные традиции и ценности в пространстве литовской культуры обусловлены возрастом читателей газеты, которые большую часть жизни прожили в советской Литве, их социальной и культурной неукорененностью в современном литовском обществе, сложностью инкультурации. В то же время авторы публикаций отмечают большую ориентацию жителей Литвы, в том числе и русской молодежи, на Европу, чем на Россию. Если говорить о возрастном составе русских общин, общественных и культурных организаций, то здесь также можно проследить эту тенденцию: основное количество составляют люди пенсионного либо среднего возраста, очень мало молодежи.

Таким образом, на материале исследованных источников можно заключить, что проблема идентичности русского населения Литвы — предмет обсуждения в первую очередь для ряда русских общественных организаций, политических партий и союзов. Причем основным маркером выражения и сохранения русской идентичности у жителей Литвы выступает русский язык. В большей степени данная проблема затрагивает русское население среднего возраста и старшего поколения, чего нельзя сказать о молодежи, которая больше ориентирована на Европу и европейскую культуру. В значительном количестве публикаций русское население Литвы не отделяется от литовского общества и в целом постепенная интеграция русских Литвы в литовскую культуру рассматривается как свершившийся факт. Все описанные выше процессы, особенно ярко выраженные в среде русской молодежи, рожденной в Литовской Республике после распада СССР, скорее, свидетельствуют о тенденции к размыванию русской идентичности, нежели о потребности в ее осознании и укреплении.

В результате анализа полученного в рамках социологического исследования богатого эмпирического материала мы пришли к выводу о том, что у старшего поколения сохраняется «ностальгическая» идентификация с советским народом, в то время как среди молодежи больше выражена литовская идентичность и ориентация на Евросоюз.

С точки зрения опрошенных русских Литвы, главными чертами портрета русского человека являются знание русского языка, ощущение себя русским и наличие русских предков. В нем отсутствуют такие важные качества, как патриотизм и любовь к России, уважение к ее государственности, подчеркиваемые респондентами, проживающими в Калининградской области. По мнению литовских респондентов, чтобы быть настоящим русским, не обязательно иметь связь с Россией.

Главная проблема заключается в том, что подавляющее большинство русских Литвы, независимо от возраста, определяя себя как «русские», в России чувствуют себя чужими.

Здесь речь должна идти о том, как мы трактуем идентичность. Если под идентичностью мы понимаем причисление человеком себя к

той или иной социальной общности, то есть самоидентификацию, то, безусловно, этнически русские Литвы, говоря о себе «Я — русский», имеют в виду русскую идентичность. Если же учитывать то, что самоидентификация — субъективное определение себя, имеющее индивидуально-психологический характер, то под идентичностью стоит понимать свойство человека быть кем-то, то есть его ментальную идентичность.

Идентичность как результат самоидентификации и ментальная идентичность в отношении одного человека могут быть различными. Самоидентификация может изменяться в связи с различными политическими, экономическими, культурными вызовами, она изменчива, подвижна. Проявление этнической идентичности, как правило, связано с возникновением ситуации, активизирующей определенные социальные настроения и типы поведения. В случае русского населения Литвы мы видим всплеск национальных настроений, этническую консолидацию, например в условиях реформы образования и связанной с ней проблемы развития русского языка.

Ментальность — более глубокий уровень сознания, «включая элемент бессознательного, выражает жизненные установки людей, их эмоциональные предпочтения, устойчивые образы мира, свойственные данному обществу и культурной традиции» [1, с. 44]. Ядром ментальности являются ценности, а также язык. Сегодня ценностные установки в сознании русских Литвы меняются, следовательно, можно говорить о трансформации ментальной идентичности у молодого поколения в сторону литовской.

Данные массового опроса, контент-анализа и в особенности экспертных интервью свидетельствуют о необратимой тенденции снижения роли русского языка в общении этнических русских Литвы как в профессиональной сфере, так и в сфере повседневного общения. Особенно явно динамику можно выявить в отношении разных поколений русских, проживающих в Литве. Большинство опрошенных экспертов отмечают, что русская молодежь по-русски говорит либо с акцентом, либо с ошибками, часто переходя на литовский или на английский язык, в то время как подавляющая часть представителей старшего поколения не знает литовского языка. Изменение структуры языка неизбежно влечет за собой изменение сознания, мышления.

Проведенное исследование позволяет выявить следующие тенденции в смене социокультурного положения и самоощущения русского населения Литвы. Во-первых, следует отметить его глубокую социальную укорененность в литовском обществе, восприятие частью этнических русских Литовской Республики как своей родины. Во-вторых, происходит постепенное изменение картины мира и ценностных ориентиров русских Литвы. В-третьих, наиболее остро стоит проблема сохранения русского языка как одной из основ русской ментальности.

Как профессиональный, так и язык повседневного общения существенно меняются в сторону литуанизации, особенно в молодежной среде. В-четвертых, увеличивается число смешанных браков. Таким образом, происходит смешение русских и литовских традиций. Этим тенденциям способствует проводимая правительством Литовской Республики национальная, геополитическая, экономическая, культурная, социальная политика при отсутствии единой, целостной русской общины, эффективно функционирующих русских культурных объединений, направленных на воспроизводство и трансляцию русской национальной культуры.

Исходя из анализа результатов массового опроса, экспертного интервьюирования и контент-анализа, можно заключить, что наиболее остро стоит проблема ассимиляции в литовскую социокультурную среду русских Литвы третьего поколения. Однако стоит отметить, что данная ситуация, связанная с положением русской молодежи в Литве, не является уникальной. Вопрос трансформации ценностных и языковых основ ментальности третьего поколения достаточно глубоко проанализировал американский социальный мыслитель Самюэль Хантингтон в книге «Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности» [3]. Проблема идентичности русской молодежи Литвы заключается не столько в том, что они не воспринимают Россию как свою родину, свой дом и позиционируют себя как «граждане Литвы» или европейцы, а в том, что в молодежной среде сильно выражена социокультурная неукорененность, неопределенность. Можно предположить, что третье поколение русских Литвы находится в ситуации ценностной «двунепринадлежности»: и не русские, и не литовцы.

Подводя итог проведенного исследования, опираясь на выявленные тенденции, следует сделать вывод о том, что происходит постепенное размывание социокультурной идентичности русского населения Литвы, наиболее интенсивно выраженное у представителей молодого поколения и проявляющееся главным образом в изменении ценностей и языка, лежащих в основании русской ментальности.

Список литературы

1. *Андрейчук Н.В., Гаврилина Л.М.* Феномен калининградской региональной субкультуры (социально-философский и культурологический анализ). Калининград, 2011.

2. *Брюшинкин В.Н.* Особенности исследования идентичности // Ценности и смыслы. 2010. № 5(8). С. 84—93.

3. *Хантингтон С.* Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.

ЯЗЫК:
ПУЛЬС ВРЕМЕНИ

К книге в России относились не только очень уважительно, а всегда с известным пиететом. Об этом свидетельствует вся русская литература, начиная от «Повести временных лет» и кончая второй половиной прошлого столетия. «Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книг, Скучнее вечной тьмы, тяжелее вериг! Тогда противен день, веселие — досада!» — восклицал Михайло Ломоносов в «Письме о пользе Стекла». Пушкину, как известно, Муза являлась не с лирой, а с книжкою в руках (то, что книжка французская приходится списать на особенности эпохальных привычек).

А. Ботникова

За несколько столетий бытования русского языка в Литве его статус, сферы использования и функции изменялись неоднократно. В каждую эпоху новой языковой политики и новой языковой ситуации взаимодействие систем функционировавших в Литве разных языков имело свои особенности и последствия.

Д. Балшайтите

Событие, которое вызвало вспышку парономазии, относится не к культурной, а политической жизни страны — это отставка мэра Москвы. <…> Ситуация смены мэра в Москве вызвала к жизни рождение паронимического гнезда «мэр — мера — мир», которое, возможно, больше никогда не будет востребовано.

Т. Шмелева

Алла Ботникова
(Воронеж)

О ВРЕДЕ ЧТЕНИЯ КНИГ
(Опыт национальной самоидентификации)

> Русскому человеку в высшей степени свойствен возвышенный образ мыслей, но скажите, почему он в жизни хватает так невысоко?
>
> *А. Чехов. Три сестры*

Общеизвестно: книга — культурная память человечества. Долгое время Россия считалась самой читающей страной. И немало гордилась этим. Миф, конечно. Но миф, как правило, не врет, хотя способен обрастать фантастическими подробностями. Почему в наши дни этот миф вмиг рассеялся, объяснят социологи. Не исключено, что это был тот случай, когда «романы... заменяли все». «Читающее время» еще у многих на памяти. Ведь была пора, когда выстраивались очереди за подписками на собрания сочинений классиков, когда глаз повсюду натыкался на слоган: «Книга — лучший подарок», а потрепанные номера «Нового мира» передавали друг другу с обязательством возвратить в нужный срок, чтобы книжка не «пролеживала» зря, а постоянно была в ходу. О поэтических вечерах в политехническом и сейчас часто напоминают в разных средствах массовой информации.

Шестидесятые годы — время культовых книг и культовых авторов. В их начале прошла мощная волна поклонения Ремарку. Потом на-

стало время Хемингуэя. Фотография писателя в грубом свитере украшала книжные полки многих домов, интеллигентных и не очень. Позже стали увлекаться даже Германом Гессе, потом Борхесом… Не самые простые авторы…

В ту пору читали, действительно, много. Читателями были студенты (отнюдь не только гуманитарии), научная молодежь — «физики», по тогдашнему определению, учителя и, конечно, библиотекари… Словом, интеллигенция…

Похоже, в этом было что-то от национальной традиции. Ибо еще в «Повести временных лет» говорилось: «Аще бо поищеши в книгах мудрости прилежно, то обрящеши велику ползу души своей; иже бо книгы часто чтеть, то беседуеть с богом или святыми мужи; почитая пророческыя беседы, и еуангельская ученья и апостолская, и житья святых отець, въспприемлеть души велику ползу» [1, с. 23].

К книге в России относились не только очень уважительно, но и всегда с известным пиететом. Об этом свидетельствует вся русская литература, начиная от «Повести временных лет» и кончая второй половиной прошлого столетия. «Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книг, / Скучнее вечной тьмы, тяжелее вериг! / Тогда противен день, веселие — досада!» — восклицал Михайло Ломоносов в «Письме о пользе Стекла» [2, с. 241]. Пушкину, как известно, Муза являлась не с лирой, а *с книжкою в руках* (то, что книжка французская приходится списать на особенности эпохальных привычек).

Русская литература вообще полна читающих героев. Еще Фамусов сетовал, что его дочь Софья «все по-французски вслух читает запершись». Начитанным был Онегин, он не только «читал охотно Апулея», но и более серьезные книги, правда, быстро разочаровался. Что уж говорить о Татьяне Лариной, как известно, она «влюблялася в обманы и Ричардсона, и Руссо», к тому же воображалась «героиней своих излюбленных творцов, Кларисой, Юлией, Дельфиной»…

Книги читали многие герои и героини Тургенева, Гончарова, Достоевского, Толстого, Чехова, да, по сути, всех русских классиков и неклассиков. Перечислять всех нет никакого смысла. От Онегина до арестантов «Мертвого дома», от Татьяны из «Евгения Онегина» до Насти из пьесы Горького «На дне». Даже судья Ляпкин-Тяпкин, как известно, «почитал пять или шесть книг»… И так почти вплоть до нашего времени. У лирического «Я» Владимира Высоцкого «сосало под ложечкой сладко от фраз», которые открывались ему «со страниц пожелтевших». «Я гомо читающий», — заявлял один из его ролевых героев.

Достаточно открыть любую русскую книгу, и мы почти обязательно натолкнемся на читающего персонажа. Читают в кабинетах, в гости-

ных, в садовых беседках, в кроватях («Но та, сестры не замечая, / В постеле с книгою лежит» — Пушкин), и даже в подворотнях («Листаю книги в глыбких подворотнях» — «И не живу, и все-таки живу» — Мандельштам). Читают в домах знатных и в разночинных, на каторге и в ночлежке…

Полка (полки) книг, книжный шкаф (шкафы) — почти обязательные приметы литературных российских интерьеров. Их неисчислимое количество. Пушкинская Татьяна «отдать бы рада» свою великосветскую известность «за полку книг, за тихий сад…», Онегин «отрядом книг уставил полку»… Книжные интерьеры могут быть местом действия или просто предметом воспоминания. «Зато здесь книгами полны / Стоят шкафы. Глядят портреты / Героев мысли со стены» (Плещеев); «Стол с газетами, с книгами шкап. / Неуместны здесь громкие речи» (Некрасов); «Осень. Древний уголок / Старых книг, одежд, оружья» (Пастернак)… Примеры можно множить.

Поразительно, но факт: в зарубежной литературе героев-книгочеев, «гомо читающих», тех, которых автор «застал» бы с книгой в руках, значительно меньше. Если с самого начала, то, конечно, Франческа и Паоло из «Божественной комедии». И конечно, самый наиславнейший из читателей — сеньор Алоносо Кихана, более известный как Дон Кихот Ламанчский. Затем провал в несколько веков, и память подсказывает: в немецкой литературе это — лишь «мученик мятежный» Вертер, черпавший наслаждение в Гомере, Оссиане, Клопштоке, и, разумеется, Фауст, что «над философией корпел», хотя прославился не этим… Ну еще, натурально, Кот Мурр — самый начитанный из всех своих предшественников. У французов вспоминается только Жюльен Сорель (читал «Мемориал Святой Елены»), Эмма Бовари и многочисленные симпатичные ученые Анатоля Франса. Не удается припомнить ни одного англичанина с книгой. Просперо из шекспировской «Бури» с его магическими книгами, да Робинзон, ежедневно посвящающий вечерний час Библии — не в счет. Это не те читатели.

Приведенный список, конечно, неполон. Но если и пополнится, то ненамного. По сравнению с русским он до смешного мал. Очевидно: чтение — это все-таки наше, родное, национальное пристрастие.

У Чехова есть рассказ под названием «Пари». Не из самых известных, но для настоящих размышлений по-своему симптоматичный. Его герой на пари согласился провести пятнадцать лет в одиночном заключении, чтобы по их истечении получить два миллиона. На что же он потратил годы уединенной жизни? Характерно, что ему и в голову

не пришло заняться каким-нибудь практическим делом. «В продолжение четырех лет по его требованию было выписано около шестисот томов» [3, с. 248]. Он читал, изучал иностранные языки, а в финале за пять часов до окончания срока, разочаровавшись во всем, сбежал из заключения, потеряв и миллионы и годы жизни.

Поучительная история.

Существует мнение, что именно пристрастием к чтению Россия обязана драматизмом своей истории. Для западного читателя это русское пристрастие, видимо, самоочевидно. «То, что русская культура литературоцентрична, давно стало общим местом — даже и за пределами России», — пишет немецкая славистка Ирис Беккер и продолжает: «…Уже на рубеже XIX и XX веков (если не понятийно, то литературно) стали очевидны и русский литературный центризм, и его драматические последствия» [4, S. 253].

Об этих «драматических последствиях» идет речь в ее обстоятельной работе, посвященной чеховским «Трем сестрам». И по глубине анализа, и по четкости итоговых выводов она заслуживает того, чтобы остановить на ней внимание. Статья называется «Экзистенциальная бездомность чеховских "Трех сестер": К вопросу о ценностном статусе текстовой реальности в русской литературе». Уже из заголовка ясно, что автор посягает на большее, чем просто на анализ известного произведения. В пьесе Чехова он видит самоанализ и самокритику.

«Три сестры» рассматриваются очень подробно и обстоятельно. Все исчерпывающе объяснено. Читателю не оставлено никакой возможности что-то домыслить. От начала до конца, двигаясь по пространству чеховского текста, автор показывает, как постепенно, но неуклонно сестры лишаются жизненного пространства в принадлежавшем им доме. Они становятся бездомными. Для автора это не просто потеря места жительства, это **— экзистенциальная бездомность,** так сказать, пространство, «сжатое до точки».

Теряя жизненное пространство, сестры, по сути, лишаются и реального времени. Знаменитое «В Москву! В Москву!» означает, что настоящее воспринимается ими как нечто временное, несущественное, а «томление по Москве выступает чем-то вроде воспоминания о будущем» [4, S. 261]. Утрата дома «приводит к дальнейшей потере — потере и без того непрочного настоящего, находившегося то в будущем, то в прошедшем» [Ibid., S. 263].

Замечено точно. Д. С. Лихачев писал: «…В России не было счастливого настоящего, а только заменяющая его мечта о счастливом будущем» [5, с. 4].

Причиной такой онтологической неопределенности, по мысли Ирис Беккер, является пренебрежение миром повседневности (исследовательница пользуется данным в транскрипции русским словом «быт» — *byt*) и упрямое пребывание в той сфере, которую автор обозначает как «текстовая реальность» (Textrealität). Она включает в себя, в первую очередь, книжный мир, но и не только: текстовая реальность — это любое погружение в занятия, уводящие от повседневности.

И. Беккер пишет: «Спектр читаемых или обсуждаемых по ходу действия текстов разнообразен. Маша читает романы, Ольга — школьные тетради, Андрей читает либо старые университетские лекции, либо деловые бумаги, Чебутыкин — читатель газет, Кулыгин дарит написанную им историю местной гимназии, Вершинин же, по его собственным словам, читает "все вперемешку"» [4, S. 278].

Для выявления круга чтения героев скрупулезно исследуются все элементы текста «Трех сестер». «Тема чтения, заявленная с самого начала, останется навсегда как в ремарках, так и в речи персонажей. Мелькают имена критиков, писателей и литературных героев (Добролюбова, Гоголя, Бальзака, Лермонтова, Шекспира, Вольтера, Алеко), возникают заголовки литературных произведений ("Записки сумасшедшего" Николая Гоголя), литературные цитаты, которые иногда варьируются, иногда даже сочиняются (из поэмы "Руслан и Людмила" Александра Пушкина, из басен Ивана Крылова "Крестьянин и работник" и "Гуси", из пьесы Уильяма Шекспира "Ричард III", из "Истории о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем" Николая Гоголя, из комедии Александра Грибоедова "Горе от ума", из стихотворения Михаила Лермонтова "Парус")» [4, S. 278].

Выстраивая типологию героев, И. Беккер делит их на две группы: читателей и не-читателей. Причем вторая группа представлена в единственном числе — Наташей, но она-то и выступает победительницей в настоящей, «не-текстовой» реальности.

Прочитанная так чеховская пьеса менее всего представляет собой историю «упадка одного семейства» (если воспользоваться известным подзаголовком Томаса Манна). Это — судьба русской интеллигенции, ее «экзистенциальная бездомность» [Ibid., S. 279], «онтологическая неуверенность» [Ibid., S. 269] и, по сути, историческая обреченность. Для сестер не остается места в жизни. «Их местонахождение — это экзотопия, "вненаходимость по отношению к *быту*"» [Ibid., S. 279]. «Из-за своей установки на "*безбытность*" не они управляют обстоятельствами, а обстоятельства (чьим воплощением и выступает Наташа) ими» [Ibid., S. 260]. И выхода нет.

Возразить трудно. Тем более что статья венчается данным без комментариев монологом Ани из последней пьесы Чехова. Ситуация ясна: вишневый сад уже продан. Родительский дом вместе с забытым в нем Фирсом заколочен. Раневская в Париже растратит последние деньги. А ее дочь восторженно восклицает: «Ты, мама, вернешься скоро, скоро… Не правда ли? Я подготовлюсь, выдержу экзамен в гимназии и потом буду работать, тебе помогать. Мы, мама, будем вместе читать разные книги… Не правда ли: *(Целует матери руки)*. Мы будем читать в осенние вечера, прочтем много книг, и перед нами откроется новый, чудесный мир *(Мечтает)*».

Словом, «литературный центризм» оказался судьбоносным для истории всей России. Национальное пристрастие обратилось национальной бедой. «Взгляд, конечно, очень варварский, но верный», — мог бы сказать Иосиф Бродский.

Впрочем, главная мысль статьи, пожалуй, не нова. Более ста лет тому назад ее уже высказал Иннокентий Анненский в известной статье о «Трех сестрах», озаглавленной «Драма настроений». Он тоже прочитал пьесу как произведение о русском обществе: «…Чехов более, чем какой-нибудь другой русский писатель, показывает мне *вас* и *меня*…» [6, с. 82]. И. Анненский, как и И. Беккер, тоже отмечал бесплодность утопических мечтаний, свойственных русскому человеку: «Это не сестры. Это мы вопрошаем и ждем, что наша обетованная земля придет за нами сама. <…> Мы столько читали, мы так любили, так желали» [Там же, с. 87]. И далее: «Что может быть более русским, чем этот вечный кирпичный завод, это спасительное *завтра*... У кого Москва, у кого кирпичный завод. Только бы зажмуриться и не жить. Покуда, конечно, не жить... до завтра...» [Там же, с. 88].

Первым Анненский сказал и о сугубо литературных установках жизни обитателей дома Прозоровых: «Люди Чехова… это *литературные* люди. Вся их жизнь, даже оправдание ее, все это *литература*, которую они выдают или и точно принимают за жизнь» [Там же, с. 82].

В основном точки зрения русского автора начала прошлого века и современного немецкого исследователя полностью совпадают. Разница только в форме выражения мысли. В одном случае — импрессионистическая, в другом — строго научная. Сравним. И. Анненский: «Я не знаю, что будет дальше, но я слышу одно: завтра, завтра, завтра… Москва… Школа… Триста лет… Бобик спит… Ну и пускай, все это прекрасно, живите, бог с вами, кто как умеет, но, право же, и "Тарарабумбия"… сижу на тумбе я, ну, ей богу же, я не понимаю, чем этот резон хуже хотя бы и кирпичного завода в смысле оправдания жизни» [Там же, с. 92]. И. Беккер, говоря о «последовательном сужении

жизненного пространства трех сестер», тоже вспоминает нелепую песенку Чебутыкина: «В конце концов, сестрам и их близким не остается больше никакого места, разве что "тумба", на которой даже вдвоем не усесться» [4, S. 259].

По некотором размышлении нетрудно заметить, что погруженность в литературу, в «текстовую реальность», как правило, плохо влияла на судьбу **всех** российских «читающих героев». Если бы пушкинская Татьяна с юных лет не увлекалась романами, едва ли бы она столь тягостно воспринимала выпавшую ей на долю роль светской дамы. Не выдержала приобщения к чтению рано скончавшаяся Вера Николаевна — героиня рассказа Тургенева «Фауст». Плохо кончили все читающие герои Достоевского. (Примечательно, что перед гибелью Настасья Филипповна читала «Madame Bovary».) Добродушный сирота Алифан из «Нравов Растеряевой улицы» Глеба Успенского настолько увлекся чтением, что утратил всякую жизнеспособность: «…читал-читал, а глядишь — и околеет, как собака».

Впрочем, если быть справедливым, то надо признаться, что не только в России «темен жребий» читающего героя. И в западной литературе, пожалуй, ни один из них не кончил хорошо. Франческо и Паоло обречены были на вечное круговращение в аду, дон Кихот сошел с ума. Жюльен Сорель кончил жизнь на гильотине. Вертер и Эмма Бовари прибегли к самоубийству… Может быть, только Коту Мурру начитанность не испортила жизнь. На то он и кот.

Приходится признать: опасность есть. Древняя мудрость гласит: «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (Еккл. 1:18). Лев Шестов в «Апофеозе беспочвенности» делился с читателем «практическим советом»: «Образованным, много читающим людям нужно постоянно иметь в виду, что литература — это одно дело, а жизнь — другое» [7, с. 218].

Справедливость доводов И. Беккер едва ли можно оспорить. Только «не поймет и не заметит гордый взор иноплеменный», что все обитатели дома Прозоровых в национальном самосознании окружены аурой положительных коннотаций. За границей внимания исследователя осталась проблема аксиологии.

Банальная жажда обеспеченности и сытого покоя никогда особенно не ценились российским национальным сознанием. Напротив. Милосердие, великодушие, доброта, способность поступать против своей выгоды, пренебрежение собственностью, даже житейская непрактичность для него — признаки душевного богатства и даже предмет эстетического любования. Прекрасна Наташа Ростова, выбра-

сывающая вещи родительского дома, чтобы освободить подводы для раненых; прекрасна Настасья Филипповна, кидающая в огонь пачку денег; прекрасны и сестры Прозоровы… Анненскому это тоже было ведомо: «Три сестры — какая это красивая группа! Как от нее веет чем-то благородным и трогательным. Сколько здесь беспомощности и вместе с тем чего-то греющего, неизменного. Какое-то прибежище»... — писал Иннокентий Анненский [6, с. 85]. Сходные чувства у Бунина: «А вот журналы с именами Жуковского, Батюшкова, лицеиста Пушкина. И с грустью вспомнишь бабушку, ее полонезы на клавикордах, ее томное чтение стихов из "Евгения Онегина". И старинная мечтательная жизнь встанет перед тобою... Хорошие девушки и женщины жили когда-то в дворянских усадьбах! Их портреты глядят на меня со стены, аристократически-красивые головки в старинных прическах кротко и женственно опускают свои длинные ресницы на печальные и нежные глаза...» [8, с. 190].

В известном чеховском рассказе «Дом с мезонином» несимпатичная рассказчику Лида Волчанинова призывает: «…Ах, Боже мой, ведь нужно же делать что-нибудь!», а ее нежная, поэтическая сестра Мисюсь «не имела никаких забот и проводила свою жизнь в полной праздности… Вставши утром, она тотчас же бралась за книгу и читала, сидя на террасе в глубоком кресле…» [9, с. 61].

От взора немецкого исследователя укрылась эстетическая составляющая явления. Несмотря на точность и справедливость поставленного диагноза, он неполон. Житейской укорененности у «читающих героев» нет, но есть укорененность в сфере духа, есть бесспорный и постоянно действующий нравственный ориентир. В их пренебрежении к быту содержится та верность себе, которая утверждает себя вопреки прямой выгоде и окружающим обстоятельствам. Именно эта нравственная непоколебимость позволила Юрию Живаго с неожиданным и не характерным для него высокомерием отнестись к "безнадежной ординарности" преуспевших в жизни Дударева и Гордона (см.: [10, с. 474]).

Остается только гадать, что предпочтительнее: житейская устойчивость или духовная самостоятельность.

В наше время, как уже говорилось выше, с перспективами чтения, кажется, все понятно. Появились иные источники общественного признания. И отнюдь не исключено, что, перестав читать, Россия отделается от «литературоцентричности», а с ней и от «экзистенциальной бездомности». И тогда обретет *реальное* жизненное пространство… Не потерять бы при этом и чего-то важного.

Список литературы

1. *Хрестоматия* по древней русской литературе / под ред. Н.И. Прокофьева. М., 1973.

2. *Ломоносов М.* Избр. произведения. Л., 1986.

3. *Чехов А.П.* Собр. соч.: в 12 т. М., 1955. Т. 6.

4. *Bäcker I.* Die existentielle Unbehausheit der Cecov'schen Drei Schwestern. Zum Wertestatus der Textrealität in der russischen Kultur // Eigen-und fremdkulturelle Literaturwissenschaft / Veröffentlichungen des Thomas-Mann-Lehrstuhls an der RGGU Moskau; Institut für deutsch-russische Kulturbeziehungen. Schriftenreihe. Bd. 3. München, 2011.

5. *Лихачев Д.С.* О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4.

6. *Анненский И.* Книги отражений. М., 1979.

7. *Шестов Л.* Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления). М., 2004. Ч. 2.

8. *Бунин И.А.* Собр. соч.: в 9 т. М., 1965. Т. 2.

9. *Чехов А.П.* Собр. соч.: в 12 т. М., 1955. Т. 9.

10. *Пастернак Б.* Собр. соч.: в 5 т. М., 1990. Т. 3.

Дануте Балшайтите
(Вильнюс, Литва)

ЧТО ГОВОРЯТ И ПИШУТ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТВЕ

Двадцать четвертого марта 2009 года в Москве в МГУ им. М. В. Ломоносова состоялся круглый стол «Балтия — центр межкультурных и межъязыковых контактов», название которого очень удачно отражает многовековые традиции мультикультурности и мультилингвизма в балтийских государствах.

За несколько столетий бытования русского языка в Литве его статус, сферы использования и функции изменялись неоднократно. В каждую эпоху новой языковой политики и новой языковой ситуации взаимодействие систем функционировавших в Литве разных языков имело свои особенности и последствия. В период после распада Советского Союза и восстановления независимости Литовского государства происходит резкое изменение статуса русского языка (от языка государственного, языка межнационального общения до языка национального меньшинства и языка иностранного), сужается сфера его функционирования, он вытесняется из официального общения и публичного пространства. Принятый в 1995 году закон Литовской Республики «О государственном языке» устанавливает «употребление государственного языка в общественной жизни Литвы…» (ст. 1 Общих положений Закона) и гласит: «Государственным языком Литовской Республики является литовский язык» (ст. 2 Общих положений Закона) (http://www.medialaw.ru/exussrlaw/l/lt/lang.htm).

Со времени принятия Закона о государственном языке прошло немало времени, однако в русскоязычных СМИ до сих пор не утихают страсти по поводу положения, употребления, преподавания русского языка в Литве. Надо отдать должное журналистам, чутко и оператив-

но реагирующим на любое событие, связанное с этой ситуацией. В литовских и российских еженедельниках и на интернет-сайтах публикуются интервью с авторами исследований по этой проблеме, обсуждаются поправки к законам, регламентирующим обучение в русских школах, размещается информация о работе научных конференций и круглых столов, на которых рассматриваются как социолингвистические, так и лингвистические вопросы изучения русского языка в Литве, приводятся многочисленные статистические данные об изменении количества знающих, изучающих, использующих русский язык в современной Литве.

Однако информация о статусе русского языка в новой языковой ситуации в Литве неоднозначна. Согласно данным исследований фонда «Наследие Евразии», «наиболее неблагоприятная политика в области законодательства в отношении русского языка проводится в странах Балтии и Закавказья», «…в Литве русским языком владеет только пятая часть населения, в Литве наиболее остро из балтийских стран стоит проблема получения образования на родном языке» [49].

Для того чтобы ощутить тревогу за судьбу русского языка, понять необходимость борьбы за русский язык и русскую школу в Литве, достаточно прочитать заголовки целого ряда опубликованных материалов: «Литва вводит скрытый запрет на обучение на русском. Мы сохраним тебя, Русская речь?» [32], «Есть ли будущее у русского языка в Литве?» [19], «В чьих руках судьба русского языка?» [39], «Литва: борьба за русский язык продолжается» [34], «Закон о просвещении: вице-министр успокаивает, школы в тревоге» [15], «Новое образование в Литве: Русские школы под угрозой» [25], «Ученые: пространство русского языка в Литве сужается» [42] и др.

Если некоторые оценки сложившейся ситуации вызывают пессимизм (например, доктор социологических наук, председатель общественного объединения «Русское собрание Литвы» Рафаэль Муксинов: «В Литве хотя и все тихо, но ситуация, на мой взгляд, гораздо более *неприятная* (чем в Латвии. — *Д. Б.*)» [26], журналист Нина Мацкевич: «…ситуация с русским языком в Литве *печальная*… сильных русских школ мало» [35], доктор философских наук Андрей Фомин: «*Драматическая* ситуация складывается с русскими школами Литвы» [44], председатель Ассоциации учителей русских школ Литвы Элла Канайте: «*Самая дикая и ужасающая* ситуация с вводным курсом истории Литвы, который идёт в 5-м классе!» [25]), то настоящую трагедию предвещают заголовки статей «Эксперты: страны Балтии уничтожают русский язык» [47] и «Репрессированный язык» [11], содержащие, однако,

довольно мирную информацию о региональной конференции в Риге российских соотечественников Латвии, Литвы и Эстонии, обсуждавших судьбу и перспективы русского языка и проблемы национальных меньшинств в Балтийском регионе.

Поправки к Закону об образовании, предусматривающему преподавание в русских школах некоторых учебных предметов (истории и географии Литвы, основ гражданственности, природоведения), вызвали обеспокоенность журналистов, представителей русских общественных организаций и учителей русских школ уже на этапе подготовки проекта этих поправок [32]. Принятие поправок к ст. 29 Закона об образовании негативно оценивалось в СМИ [21; 25; 34; 35], литовские участники видеомоста «Вильнюс — Москва» 13 октября 2011 года, говоря о сокращении количества русских школ, об отсутствии статуса русского языка в Литве, о нарушении прав нацменьшинств, о консолидации русской общины, акцентировали недостаточное внимание России к проблемам сохранения русского языка и образования на русском языке в Литве [35]. Этого хватило, чтобы назвать информацию о видеомосте следующим образом: «Русские Литвы просят помощи в сохранении образования на родном языке [35].

Тревожно звучат (отчасти благодаря драматизирующим заголовкам) сообщения о нежелании абитуриентов изучать русскую филологию в Литве. Анализируя результаты поступления на эту специальность в 2011 году, журналист портала ru.DELFI.lt так называет публикацию: «В Литве не хотят изучать русский язык» [6], российские источники перепечатывают сообщение с таким же названием (ср.: в 2010 году та же Наталия Зверко аналогичную информацию определяет как менее угрожающую: «В Литве упал интерес к русской филологии» [9]). Действительно, в Клайпедском и Шяуляйском университетах уже второй год нет желающих изучать русскую филологию, в Вильнюсском университете эдукологии наблюдается последовательное уменьшение числа студентов-русистов: от 62 в 2008 году до 8 в 2011-м. С определенной долей грусти заведующая кафедрой русской филологии Вильнюсского университета доцент Елена Бразаускене отмечает, что в 2010 году «заметно сократился интерес абитуриентов к русистике в ВУ. На бакалаврскую программу мы набрали всего 18 студентов, хотя было выделено 30 мест. В прошлом году мы недобрали 6 человек, а в этом году — 12. Это очень печально» [9]. Рассказывая DELFI о приеме студентов в 2011 году, доцент Е. Бразаускене отмечает: «На бакалаврскую программу в этом году мы набрали 22 студента, хотя было выделено 25 мест» [6]. Однако при таком незначительном недоборе

студентов на фоне результатов приема на русскую филологию в других вузах Литвы, кафедра русской филологии, продолжающая более чем двухсотлетние традиции преподавания русского языка и литературы в Вильнюсском университете, может по праву гордиться результатами своей деятельности. Необходимо отметить, что на кафедре успешно реализуется относительно новая магистерская программа «Русистика».

О том, что не все так драматично, печально, неприятно, ужасно, не просто говорят, а кричат заголовки публикаций часто на тех же интернет-сайтах и в тех же печатных изданиях. Например: «В Литве русский язык как иностранный остается первым по популярности в средних школах» [8], «В Литве растет количество студентов, желающих изучать русский язык» [7] (ср. с публикацией [6]), «Исследование: всего 5 % жителей не знают русского языка» [17], «Литовцы хотят знать русский язык» [22], «Почти половина учеников младших классов в Литве хотела бы выучить русский язык» [33], «Ученый: русский язык в Литве набирает вес» [43] (ср. с публикацией [42]), «В школах Литвы растет интерес к русскому языку» [10], «Русский язык в Литве знает почти каждый» [36], «Русский язык набирает обороты» [41], «В Литве английский проигрывает русскому языку в деловой сфере» [3].

На состоявшемся в апреле 2007 года в Паланге съезде Литовской ассоциации преподавателей русского языка как иностранного отмечалось, что «в Литве русский язык в национальной (литовской и польской) школе безоговорочно популярнее всех других изучаемых как второй иностранный». «Изучение русского языка в Литве в национальной школе — это осознанное решение учащегося, поскольку для литовцев и поляков уже полтора десятка лет он не является обязательным предметом и изучается с шестого класса по выбору как второй иностранный» [4].

Согласно данным статистического бюро Литвы, число обучающихся русскому языку как иностранному увеличилось на 40 % [22], в 2008/09 учебном году русский язык как иностранный учили более 40 % учащихся (186 тыс.), начиная с 2003 года их количество постоянно увеличивается [7].

По данным Департамента статистики в 2010/11 учебном году 96 % учащихся школ Литвы изучали английский как первый иностранный язык и 81 % — русский как второй иностранный. За последние 5 лет в Литве число изучающих иностранные языки увеличилось от 87 до 92 %, особенно возрос интерес к английскому (от 80 до 89 %) и к русскому языкам (от 39 до 41 %) [8].

Политолог Нериюс Малюкявичюс выделяет три основные причины выбора русского языка школьниками и студентами: проживание русскоязычных граждан на большой территории страны, популярность массовой русской культуры и распространенность православия. Сравнивая ситуацию в Литве с положением в Евросоюзе, в котором русский язык по популярности занимает 7-е место, политолог отметил, что «эту статистику можно назвать огромным достижением гуманитарной политики России» [12].

Еще одной причиной интереса к изучению русского языка в Литве является рост экономики, освоение новых рынков, развитие связей с восточными партнерами, увеличивающийся поток туристов из России и стран СНГ. Заголовки публикаций на литовских, российских, украинских интернет-сайтах или открыто заявляют о необходимости владения русским языком в секторе услуг: «Белорусов в Литве развлекают по-русски» [1], «В курортных ресторанах без русского языка не трудоустроиться» [2], «Официантов в Литве обяжут выучить русский язык» [29], «Хочешь продать товар — учи русский язык» [45], или вуалируют потребность в русском языке на рынке Литвы: публикация «Литва перестает считать русский "языком оккупантов"» снабжена неожиданным подзаголовком — «Стремление россиян покупать в Вильнюсе товары и квартиры заставляет литовцев брать уроки русского языка» — и содержит в основном информацию о посещении российскими и белорусскими туристами торговых центров, приобретении ими недвижимости, автомобилей и различных бытовых товаров [20].

Русский язык становится необходимым условием трудоустройства в сферах туризма и обслуживания, работодатели отдают предпочтение работникам, владеющим русским языком [3; 14; 17; 20; 24]. В телесюжете «Наплыв туристов из России побуждает к изучению русского языка» Первого балтийского канала 27 января 2011 года генеральный директор компании VŠĮ «Eksportojančioji Lietuva» говорил о важности знания русского языка не только в секторе услуг, но и в крупном бизнесе, директор компании по отбору персонала «Search Group» Шарунас Дубурис отметил, что в настоящее время знание русского языка необходимо специалистам, занимающим руководящие позиции, без этого они не смогут выполнять свои функции, молодым сотрудникам русский язык необходим для карьерного роста [30].

Согласно данным опроса, проведенного в 2008—2010 годах в рамках проекта «Города и языки», русский язык в Литве достаточно распространен в сфере делового общения. Около 60 % жителей Вильнюса и Клайпеды общаются на русском языке с клиентами и 70 % — с коллегами, тогда как в трех крупнейших городах Литвы английский язык для общения с клиентами используют 17,9 и 24,7 % — с коллегами. До-

цент Вильнюсского университета Мейлуте Рамонене отмечает, что русский язык в рабочей обстановке используется как внутри организации, так и в общении с клиентами в Вильнюсе и Клайпеде, в Каунасе такие случаи очень редки. Примечательно, что из всех участвовавших в опросе констатировали, что не владеют русским языком, только 3,4 % жителей Вильнюса, Каунаса и Клайпеды и 7 % жителей остальных городов [3]. Это только одно из немногих сообщений информационного портала ru.DELFI.lt о промежуточных результатах исследования, проведенного учеными Вильнюсского университета, Университета им. Витаутаса Великого и Института литовского языка в рамках проекта «Kalbų vartojimas ir tautinė tapatybė» («Языки и национальная идентичность в городах Литвы») (см. [17; 18; 27; 33; 36]).

Результатом трехлетней работы литовских ученых стала коллективная монография «Miestai ir kalbos» («Города и языки»), опубликованная в 2010 году Издательством Вильнюсского университета. Поскольку книга издана на литовском языке, позволю себе перевод некоторых фрагментов о русских в Литве. В монографии анализируются проблемы языкового поведения, языковых установок и национальной идентичности жителей трех крупнейших городов Литвы (Вильнюса, Каунаса и Клайпеды). Данные собраны в период осуществления вышеназванного проекта в 2007—2009 годах. Цель проекта — изучить соотношение функционирующих в крупнейших городах Литвы языков и национальной идентичности [50, p. 11][1]. Исследование характеризуется хорошо разработанной методологией, выборка анализируемых данных статистически значима. Вопросники составлялись для учеников начальных классов и для взрослых в возрасте от 15 до 74 лет. Монография состоит из двух частей. В первой части, посвященной проблемам билингвизма и выявлению тенденций и типов этого явления в крупнейших городах Литвы, приводятся данные о том, что большинство русских жителей Вильнюса (86 %), Каунаса (71 %) и Клайпеды (84 %) считают родным языком русский, однако соответственно 13, 26 и 16 % респондентов утверждают, что говорят на двух родных языках [50, с. 39]. Анализ полученной информации показал, что большинство опрошенных владеют русским языком: в Вильнюсе — 95 % литовцев, 100 % поляков, 99 % представителей других национальностей, в Каунасе — 89 % литовцев, 100 % представителей других национальностей, в Клайпеде — 95 % литовцев и 100 % представителей других национальностей [50, p. 51]. Отвечая на вопрос о том, какой язык является самым

[1] Все отрывки текста, заканчивающиеся указанием страницы, представляют собой перевод с литовского языка автором этой статьи.

необходимым, подавляющее большинство респондентов называют английский, требование владеть русским языком отмечает только пятая часть опрошенных. На основании этого автор данного раздела Лорета Вилькене делает вывод о пассивном русском билингвизме в Литве и возможности его исчезновения [50, с. 57]. Интересными представляются данные о национальном самоопределении русских Литвы. Так, 46 % русских абсолютно не важно, назовут ли их русскими или литовцами, четырем из десяти (39 %) жителей Каунаса и трем из десяти (29 %) жителей Вильнюса и Клайпеды было бы даже приятно, если бы их назвали литовцами. Однако 14 % русских в Каунасе и 12 % в Клайпеде и Вильнюсе были бы этим недовольны, поскольку хотят принадлежать своей нации. С литовцами отождествляют себя 15 % русских Каунаса, 11 % — Вильнюса и 8 % — Клайпеды [50, p. 79].

Автор раздела «Lietuvos miestų rusų diasporos portretas» («Портрет русской диаспоры в городах Литвы») первой главы монографии Елена Бразаускене приводит данные Департамента статистики 2009 года, согласно которым русские Литвы, национальное меньшинство Литовской Республики, составляют 4,9 % населения, или 165,1 тыс. Численность русских в Литве постепенно сокращается (в 2001 году их в стране проживало 6,3 %, в 1989 году — 9,4) Во время проведения исследования число опрошенных русских соответствовало официальному (по данным Департамента статистики) национальному распределению в трех крупнейших городах: в Вильнюсе они составили 14 % от общего числа опрошенных, в Каунасе — 19 и в Клайпеде — 22. Ощущают свою принадлежность к русской нации 80 % русских в Клайпеде, 77 — в Каунасе, 69 — в Вильнюсе [50, с. 111].

Во всех трех городах 92 % русских указали, что окончили русские школы. После восстановления независимости Литвы русские начали отдавать детей в литовские школы, однако 62 % опрошенных русских и 49 % представителей других национальностей (например, белорусов, украинцев) обучают или хотели бы обучать своих детей в школах с русским языком обучения. В Каунасе только 25 % носителей русского языка учились или учатся в школе с русским языком обучения.

Все опрошенные русские указали в качестве родного языка русский, 8 % респондентов указали два родных языка, наиболее частое (4 %) сочетание — литовский и русский языки [50, p. 112].

Владение литовским языком очень важно для 71 % русских и для 29 % — важно. Мнение большинства (72 %) основывается на прочной гражданской позиции — гражданин Литвы должен знать литовский язык. Русские Каунаса (100 %) утверждают, что литовским языком владеют так же хорошо, как и родным русским. Русские Клайпеды и

Вильнюса понимают литовский язык (99 и 95 % соответственно), говорят (95 и 85 %) и умеют писать по-литовски (81 и 76 %) [50, p. 112].

Половина опрошенных жителей Каунаса считает, что говорит по-литовски без акцента, 38 % чувствуют в своей литовской речи акцент [50, p. 114—115].

Родной язык для русских Литвы — самый привычный (для 76 % жителей Вильнюса и Клайпеды и для 54 % жителей Каунаса) и самый красивый (для 61 % жителей Вильнюса и Клайпеды и для 67 % жителей Каунаса). Самыми необходимыми являются литовский (57 %) и английский (50 %) языки, самым престижным — английский (60 %) [50, p. 120].

Респонденты в различных жизненных ситуациях говорят и на литовском, и на родном русском языке. Результаты исследования в разных городах различны. Так, русские Каунаса в семейной среде на литовском языке общаются чаще, чем русские Вильнюса и Клайпеды, в каждодневной жизни русских Каунаса преобладает литовский [50, p. 114—115].

Завершает первую главу раздел, посвященный месту и роли английского языка в пространстве литовских городов.

Во второй главе монографии «Miestų sociolingvistiniai portretai» («Социолингвистические портреты городов») обсуждаются социолингвистические ситуации трех литовских городов (Вильнюса, Каунаса и Клайпеды), выявляются сходства и различия в соотношении функционирующих языков и национальной идентичности.

Это мощное, многоаспектное социолингвистическое исследование, являясь очень своевременным, дает ответы на некоторые до сих пор нерешенные вопросы, сглаживает существующие противоречия.

В последнее время заметно проявление интереса не только к статистическим данным о популярности/непопулярности, востребованности/невостребованности русского языка, но и к его качеству с точки зрения нормативности/ненормативности, а также к его региональным особенностям в Литве и к проблемам преподавания русского языка и литературы современным школьникам [40; 48]. Об особенностях русского языка в Литве молодые люди рассуждают на форумах, посвященных проблемам правильности русской речи [27].

Процессы, происходящие в последние два десятилетия в русском языке, функционирующем в окружении доминирующего литовского языка, находятся в фокусе внимания лингвистов, исследующих особенности взаимодействия системы русского языка с системами других языков. Но это уже другая история.

Список литературы

1. *Белорусов* в Литве развлекают по-русски. URL: http://ru.delfi.lt/news/live/belorusov-v-litve-razvlekayut-po-russki.d?id=45216061 (дата обращения: 08.06.2011).

2. *Зверко Н.* В курортных ресторанах без русского языка не трудоустроиться. URL: http://ru.delfi.lt/news/live/belorusov-v-litve-razvlekayut-po-russki.d?id=45216061 (дата обращения: 18.09.2011).

3. *Зверко Н.* В Литве английский проигрывает русскому языку в деловой сфере. URL: http://ru.delfi.lt/news/economy/v-litve-anglijskij-proigryvaet-russkomu-yazyku-v-delovoj-sfere.d?id=46436001 (дата обращения: 09.07.2011).

4. *В Литве* большинство учеников национальных школ, изучающих второй иностранный язык, выбирают русский. URL: http://www.gramota.ru/lenta/news/8_2073 (дата обращения: 25.09.2011).

5. *В Литве* набирает популярность изучение русского языка. URL: http://www.tvc.ru/allnews.aspx?id=58adef0a-564b-499f-9d16 (дата обращения: 02.02.2011).

6. *Зверко Н.* В Литве не хотят изучать русский язык. URL: http://ru.delfi.lt/news/live/belorusov-v-litve-razvlekayut-po-russki.d?id=45216061 (дата обращения: 22.08.2011).

7. *В Литве* растет количество студентов, желающих изучать русский язык. URL: http://www.baltinfo.ru/2009/11/03/V-Litve-rastet-kolichestvo-studentov-zhelayuschikh-izuchat-russkii-yazyk-113272 (дата обращения: 15.08.2011).

8. *В Литве* русский язык как иностранный остается первым по популярности в средних школах. URL: http://www.newsru.com/world/22apr2007/liyt.html (дата обращения: 06.09.2011).

9. *Зверко Н.* В Литве упал интерес к русской филологии. URL: http://ru.delfi.lt/news/live/v-litve-upal-interes-k-russkoj-filologii.d?id=35891727 (дата обращения: 27. 08. 2011).

10. *В школах* Литвы растет интерес к русскому языку. URL: http://ru.delfi.lt/news/live/v-shkolah-litvy-rastet-interes-k-russkomu-yazyku.d?id=45288983 (дата обращения: 10. 07. 2011).

11. *Гущин В.* Репрессированный язык // Литературная газета. URL: http://1001.ru/arc/lit_gazeta/issue502/ (дата обращения: 29.09.2011).

12. *Две трети* литовцев свободно владеют русским языком. URL: http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/news/common/news5920.html (дата обращения: 23.11.2009).

13. *Ермолаева Н.* Литве не хватает русских // Российская газета — Федеральный выпуск № 5454 (78). URL: http://www.rg.ru/2011/04/13/litva.html (дата обращения: 13.04.2011).

14. *Зверко Н.* За 10 лет число учащихся в русских школах уменьшилось вдвое. URL: http://ru.delfi.lt/news/live/za-10-let-chislo-uchaschihsya-v-russkih-shkolah-umenshilos-vdvoe.d?id=32684199 (дата обращения: 24.06.2011).

15. *Зверко Н.* Закон о просвещении: вице-министр успокаивает, школы в тревоге. URL: http://ru.delfi.lt/news/live/zakon-o-prosveschenii-vice-ministr-uspokaivaet-shkoly-v-trevoge.d?id=43705999 (дата обращения: 28.03.2011).

16. *Знание* русского языка в Литве является преимуществом при устройстве на работу. URL: http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/news/common/news22769.html (дата обращения: 26.09.2011).

17. *Зверко Н.* Исследование: всего 5% жителей не знают русского языка. URL: http://ru.delfi.lt/news/live/issledovanie-vsego-5-zhitelej-ne-znayut-russkogo-yazyka.d?id=26287771 (дата обращения: 18.07.2011).

18. *Зверко Н.* Исследование: знание русского языка при трудоустройстве приветствуется. URL: http://ru.delfi.lt/news/live/issledovanie-znanie-russkogo-yazyka-pri-trudoustrojstve-privetstvuetsya.d?id=37026587 (дата обращения: 18.07.2011).

19. *Лазутова М.* Есть ли будущее у русского языка в Литве? // Причал – Клайпеда. 2008. 29 сент. — 5 окт.

20. *Литва* перестает считать русский «языком оккупантов». URL: http://svpressa.ru/society/article/38543/ (дата обращения: 19.08.2011).

21. *Литва*: Для русских школ зазвенел последний звоночек. URL: http://svpressa.ru/world/article/24209/ (дата обращения: 19.08.2011).

22. *Литовцы* хотят знать русский язык. URL: http://admin. russkiymir.ru/russkiymir/ru/news/common/news5826.html (дата обращения: 25.08.2011).

23. *Найти* работу в литовских курортных ресторанах без знания русского невозможно. URL: http://www.rosbalt.ru/exussr/2011/08/19/881051.html (дата обращения: 20.08.2011)

24. *Независимость* не отменила потребность в русском языке. URL: http://ru.delfi.lt/news/live/nezavisimost-ne-otmenila-potrebnost-v-russkom-yazyke.?id=50033362 (дата обращения: 26.09.2011).

25. *Новое* образование в Литве: Русские школы под угрозой. URL: http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/publications/comments/comment0103.html (дата обращения: 17.09.2011).

26. *Новоселова Е.* С литовским акцентом. По данным социологов, русские школьники Вильнюса не стремятся учить русский язык // Российская газета — Федеральный выпуск № 3614 (27). URL: http://www.rg.ru/2004/10/27/russkie.html (дата обращения: 25.09.2011).

27. *Зверко Н.* Опрос: подавляющее большинство горожан Литвы владеет русским. URL: http://ru.delfi.lt/news/live/opros-podavlyayuschee-bolshinstvo-gorozhan-litvy-vladeet-russkim.d?id=44446915 (дата обращения: 15.04.2011).

28. *О словах* и языках (Как правильно говорить и писать). URL: http://wap.vilnius.borda.ru/?1-19-0-00000008-000-40-0 (дата обращения: 08.08.2011).

29. *Официантов* в Литве обяжут выучить русский язык. URL: http://poltava.info/entertainment/article/item/23-08-2011-13-31-25/Oficiantov-v-Litve-objazhut-vyuchit-russkii-jazyk.htm (дата обращения: 02.09.2011).

30. *ПБК*: наплыв туристов из России побуждает к изучению русского языка. URL: http://tv.delfi.lt/video/nesek7pI/ (дата обращения: 12.07.2011).

31. *Петерс И.* Часть речи. Русский язык укрепляется в Литве. URL: http://www.svobodanews.ru/content/article/407224.html (дата обращения: 29.07.2011).

32. *Письменкова Е.* Литва вводит скрытый запрет на обучение на русском. Мы сохраним тебя, русская речь? // Экспресс-неделя. 2008. 28 марта.

33. *Почти* половина учеников младших классов в Литве хотела бы выучить русский язык. URL: http://www.msrs.ru/news/3269.html (дата обращения: 78.07.2011).

34. *Рабин Е.* Литва: борьба за русский язык продолжается. URL: http://rusedin.ru/2011/09/03/litva-borba-za-russkij-yazyk-prodolzhaetsya/ (дата обращения: 09.09.2011).

35. *Русские* Литвы просят помощи в сохранении образования на родном языке. URL: http://www.ruvek.ru/?module=news&action=view&id=7518 (дата обращения: 14.10.2011).

36. *Русский* язык в Литве знает почти каждый. URL: news.rin.ru. (дата обращения: 25.09.2011).

37. *Русский* язык укрепляет позиции в Литве. URL: http://www.telegraf.lv/news/russkii-yazyk-ukreplyaet-pozicii-v-litve (дата обращения: 09.09.2011).

38. *Студенты* Литвы не хотят изучать русский язык. URL: http://news.bcm.ru/society/2011/8/23/227062/1 (дата обращения: 25.08.2011).

39. *Тарасенко Д.* В чьих руках судьба русского языка? // Литовский курьер. 2011. 7 апр.

40. *Тарасенко Д.* Русский язык в Литве: Как сказать лучше? // Литовский курьер. 2011. 21 апр.

41. *Тарасенко Д.* Русский язык набирает обороты // Литовский курьер. 2011. 28 мая.

42. *Зверко Н.* Ученые: пространство русского языка в Литве сужается. URL: http://ru.delfi.lt/news/live/uchenye-prostranstvo-russkogo-yazyka-v-litve-suzhaetsya.d?id=46732399 (дата обращения: 17.09.2011).

43. *Зверко Н.* Ученый: русский язык в Литве набирает вес. URL: http://ru.delfi.lt/news/live/uchenyj-russkij-yazyk-v-litve-nabiraet-ves.d?id=36892941 (дата обращения: 17.09.2011).

44. *Фомин А.* Русский язык в образовательном и культурном пространстве Литвы. URL: http://www.ruvek.ru/?module=articles&action=view&id=6027 (дата обращения: 02.09.2011).

45. *Хочешь* продать товар — учи русский язык. URL: http://www.n-europe.eu/topics/2011/01/26/khochesh_prodat_tovar_%E2%80%93_uchi_russkii_yazyk (дата обращения: 08.08.2011).

46. *Школьников*, изучающих русский язык, в Литве стало меньше. URL: http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/news/common/news2123.html (дата обращения: 05.09.2011).

47. *Эксперты*: страны Балтии уничтожают русский язык. URL: http://www.39.ru/neibsnews/3255-2011-08-22-20-16-32.html (дата обращения: 08.09.2011).

48. *Ясинская Т.* Этот загадочный русский язык // Обзор. URL: http://www.inosmi.ru/russia/20090604/249626.html (дата обращения: 23.07.2011).

49. *Яценко Е.* Нужен ли русский язык в СНГ? URL: http://www.rian.ru/analytics/20080304/100581741.html (дата обращения: 23.07.2011).

50. *Miestai* ir kalbos. Vilnius, 2010.

Татьяна Шмелева
(Великий Новгород)

«МОСКВА, ЛЮБЛЮ ТЕБЯ БЕЗМЭРНО»: ВСПЫШКА ПАРОНОМАЗИИ В МЕДИАРЕЧИ

Известно, что стилистические приемы поэтической речи не заперты в ней намертво и могут заработать в других речевых сферах. В связи с этим хотелось бы проанализировать ряд фактов, которые убеждают в том, что осенью 2010 года в отечественной медиаречи наблюдалось столь интенсивное использование парономазии, что можно говорить о ее вспышке, как говорят о вспышках заболеваний.

Но прежде чем представить обозначенное явление, надо сделать несколько предварительных замечаний.

Медиаречь, или медийная речь, или медиадискурс, понимается здесь максимально широко — это пространство обращения медиатекстов всех известных фактур — печатной, радийной, телевизионной, компьютерной, — обеспечивающее массовую коммуникацию. Однако специфика рассматриваемых фактов такова, что следует ограничиться *графическими медиа*, то есть теми, которые предъявляют своему адресату написанный, или графический, текст — это печатные и интернет-издания, блогосфера, интернет-форумы. Медиаречь интересна для лингвистов потому, что в ней происходят важные для эпохи процессы в языке, высвечиваются существенные моменты речи.

Парономазия, или паронимическая аттракция, понимается вслед за исследователями языка поэзии как намеренное сближение далеких по месту в системе слов на основе звуковой близости. Примеры можно

привести из текстов М. Цветаевой: ***Любовь*** *ли это или* ***любованье****?*; *Любовь, это значит* ***лук*** *Натянутый:* ***лук: разлука***; ***Поздно*** *и* ***порознь*** *— вот наш брак!* [1, с. 215]. В исследованиях русской поэзии отмечено, что этот прием характерен в разной степени для разных поэтов и разных эпох, в какое-то время наблюдается «вспышка» или «взрыв паронимии» [2, с. 173, 175]. В учебных и справочных изданиях обращается внимание на то, что это явление можно обнаружить и в прозе, и в языке газет, в частности в газетных заголовках.

Стоит добавить в свете нашего сюжета, что использование этого приема тем эффектнее, чем дальше друг от друга стоят в нашем сознании сближаемые слова по смыслу. И второе: важно не только сближение, хотя оно и само по себе весьма ценится, а тот смысл, который «высекается» при таком сближении. Именно на это будет обращено основное внимание.

Событие, вызвавшее вспышку парономазии, относится не к культурной, а к политической жизни страны — это отставка мэра Москвы. Казалось бы, одно из кадровых решений — откуда такое внимание медиасообщества? Это становится понятным, если вспомнить, что, во-первых, мэр Москвы Ю.М. Лужков — фигура значительная и давно известная в политическом истеблишменте; во-вторых, его отставка сопровождалась слухами, их опровержениями, неожиданными поворотами и оглушительным финалом; в-третьих, ожидание преемника и его появление внесли свой драматизм в ситуацию и свою интригу. Все это, как представляется, вызывало повышенное внимание к сюжету и толкало авторов и редакторов к особо продуманной подаче материалов. Среди средств, обеспечивающих такую особую подачу, и оказалась парономазия.

С какими же словами оказалось сближено слово *мэр* и каких эффектов удавалось достичь таким образом?

Отвечая на этот вопрос, несколько слов стоит сказать о самом этом слове. Оно появилось в нашей номенклатуре государственных должностей в период перестройки с отказом от номенклатуры советской, что зафиксировано в словаре, отражающем эпоху [3, с. 124—125]. Его происхождение из французского языка не затемняло реальный источник появления — американская система государственных должностей, так же, как и *президент*, *спикер*, *сенатор*… Надо сказать, что привлекательным слово показалось не всем: его нетипичное для русского языка произношение (твердость М перед Э) и написание (Э пишется в редких словах, хотя твердый согласный — уже распространенное явление:

темп, *бренд* и т. п.) тормозили адаптацию. Ряд, в котором оно оказалось, — *мэр, сэр, пэр* — воспринимался как чуждый и недемократичный, что было хорошо слышно в 1993 году[1]. Потом как-то все приутихло и стало привычным. Теперь во всяком городе есть мэр, даже если официально он именуется главой городской администрации. Следует отметить, что по отношению к Лужкову активно использовалось и слово с архаическим налетом *градоначальник* — не без иронии, конечно.

Слово *мэр* сразу попало в сферу повышенного внимания журналистов. Оно вошло в практику употребления вместе со словом *мэрия,* образовав небольшое корневое гнездо. Но ожидаемого прилагательного на *-ск(ий)* (ср. *президентский, спикерский, сенаторский*) в нем нет: оно оказалось практически омофоном (квазиомофоном?) прилагательного *мерзкий,* чем не преминули воспользоваться журналисты, и сочетания *мэрский пост*, *мэрское кресло, мэрские выборы* украшают страницы газет всех уровней — от федеральных до провинциальных городских. Об этом можно судить постольку, поскольку этот факт получает отражение в интернете: на запрос *мэрский* получаем 237 тысяч ответов со ссылками на медиа Москвы, Твери, Питера и других городов. Думаю, об этом можно было бы написать отдельную работу, во всяком случае, этот факт представляет интерес в свете идеи омонимического притяжения [5, с. 57—60].

Что касается персоны Лужкова, то в медиаречи были отработаны метонимические способы ее представления — прозвища *Кепка, Кепконосец, Метр с кепкой* зафиксированы не только в прессе, но и в словаре [6, с. 186].

Однако в интересующий нас период этих средств выразительности оказывается недостаточно[2], и на первый план выходит, как уже было сказано, парономазия. Как же она реализуется, в какой из разновидностей, встречающихся в поэтической речи?

Слово *мэр* сближается со словами *мера* и *мир* — как будто бы обычная консонантная парономазия [2, с. 176]. Но по реальному осуществлению она такая, которую называют *скрытой* [Там же, с. 212]: сближе-

[1] Из призыва полковника А. Макашова к захвату мэрии: «Чтобы никогда на русской земле не было ни мэров, ни пэров, ни херов» [4, с. 70].

[2] Хотя от них не отказываются: фильм, предшествовавший отставке и создававший ее предчувствие, назывался «Дело в кепке»; массированно эксплуатировалось прилагательное: см. названия статей в «Огоньке» — «Мэрское время», в «Невском времени» — «Судьба мэрского наследия» и т. д.

ние не явлено прямо в тексте, оно оказывается за кадром, читатель «вычисляет» его, наблюдая замену одного из элементов в воспроизводимой фразе. В другой интерпретации такой способ осуществления парономазии относят к паронимическому каламбуру [7, с. 234].

Первое из этих сближений — *мэр/мера* — едва ли не очевидно и обыгрывается давно. В статье [8] приводится заголовок ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ МЭРЫ из «Литературной газеты» за 16 октября 1991 года! В 2010 году в «Собеседнике» использовали очень близкий заголовок — ПЕРВООЧЕРЕДНЫЕ МЭРЫ (19 октября), а в «Коммерсанте» — МЭРЫ ПРИНЯТЫ (2 октября). Эти заголовки включаются в аллюзивную игру с прецедентными текстами [9, с. 68—72] и отсылают к бюрократическим формулам, подчеркивая бюрократический характер событий.

Второе сближение — *мэр/мир* — сопровождается аллюзивной игрой с известными крылатыми выражениями.

Газета «КоммерсантЪ» заголовком НИ МЭРА, НИ ВОЙНЫ (20 сентября) отсылает к формулировке Троцкого по поводу мирного договора с Германией в 1918 году, эксплуатируемой в заголовках современных газет типа «Тайвань: ни мира, ни войны» [10, с. 477; 11, с. 417—418]. Заголовок ТАК ПРОХОДИТ СЛАВА МЭРА (Русский Newsweek. 4—10 октября) — к фразе «Так проходит мирская слава» (Sic transit gloria mundi), которую произносят во время возведения в сан Папы Римского, сжигая перед ним кусок ткани в знак призрачности земного могущества [12, с. 727], а в качестве цитаты в переносном смысле употребляют, говоря «о падении чьей-либо былой славы, влияния и т. п.» [13, с. 393].

Журнал «Итоги» (№ 40) тоже прибегает к запасам латинских крылатых слов и использует заголовок ГОРОДУ И МЭРУ, прозрачно намекая на знаменитое выражение «Городу и миру» (Urbi et orbi) — «одну из формул благословения вновь избранного Папы римского, предназначенную подчеркнуть его мировое влияние» [13, с. 526; 12, с. 526; 11, с. 144[1]].

Заголовок МЭРУ — МЭР (Московский комсомолец. 22 октября) напоминает об известном советском лозунге МИРУ — МИР, ставшем

[1] В последнем словаре, кстати, указывается, что этот заголовок уже использовался журналом в сентябре 1999 года для статьи о Дне города в Москве, однако тогда, как представляется, актуализировалась аналогия «Москва — Рим», в то время как в нашем случае «мир — мэр», а по смыслу «мэр — Папа». Оценить аллюзивность такого рода замен без общего контекста и ситуации невозможно.

широко известным с 1951 года в рамках борьбы за мир; он восходит к молитвенному возгласу «Мир мирови даруй» из «Великой ектении» в православной литургии [10, с. 577; 11, с. 345].

Во всех этих случаях мы имеем дело с заголовком-квазицитатой: воспроизводя часть известного речения, а значит, создавая аллюзию на описываемую ситуацию, заменяют один из компонентов на актуальное слово на основе паронимической аттракции. Надо сказать, это распространенный в современной медиасфере прием, он сводится к замене слова в составе высказывания, а основанием для замены оказывается парономазия.

Второй случай работы с теми же паронимическими сближениями состоит в замене корнем *-мэр-* корней *-мер-* и *-мир-* в словах и получении таким образом новых слов, которые отсутствуют в языке и порождаются как окказиональные — именно и только для этого случая. Наиболее простой пример такого типа паронимической аттракции, которую можно назвать внутрисловной, представляет заголовок БЕЗМЭРНО в журнале «Итоги» (№ 40). Отметим, что хотя формально здесь корень *-мэр-* заменяет *-мер-*, на самом деле получаем слово со значением состояния из-за отсутствия мэра, ср. *безлюдно* — ‘состояние среды в отсутствие людей’.

Такого рода техника вторжения в структуру слова привлекает лингвистов и получает интерпретации с позиций стилистики — как фигура графон, словообразования — как графодериваты и синтаксиса — как нелинейный синтаксис. Не настаивая на последней интерпретации, подчеркну в контексте данной работы, что здесь осуществление парономазии связано не с синтагматикой слова, а с его морфемной структурой — и попытками через ее преобразование (создание квазислова) выразить новые дополнительные смыслы. Для нашего случая достаточно определить этот прием как внутрисловную парономазию. Следует при этом отметить, что нелинейный синтаксис может работать и безотносительно к парономазии, например в заголовке статьи Виталия Портникова МОСКОВСКОЕ МЕЖДУМЭРИЕ (http://grani.ru/opinion/portnikov/m.182650.html). Слово *междумэрие* создано по аналогии с *междуцарствием,* то есть держится на установлении смысловой аналогии *мэр — царь*, можно сказать — смысловой аттракции; оно указывает на мэра, но помнит и о царстве. Таково свойство нелинейного синтаксиса.

Уже рассмотренное квазислово БЕЗМЭРНО может использоваться и как наречие: обсуждая затянувшееся назначение нового мэра, один из блогеров заключает: ДА, БЕЗМЭРНО ВСЕ УЖЕ УСТАЛИ

(http://oleg-orlov.livejournal.com/335532.html). При этом (что характерно для нелинейного синтаксиса) сохраняется смысл безмерности и добавляется указание на ее причину — мэра[1].

Более сложный случай применения внутрисловной парономазии — когда она сочетается с аллюзивной игрой и включает смыслы, характерные для речения. Так, фраза МОСКВА, ЛЮБЛЮ ТЕБЯ БЕЗМЭРНО встречается в интернете многажды и как название серии анекдотов, и как самостоятельное высказывание. Видимо, ее следует отнести к интернет-фольклору.

С использованием внутрисловной парономазии построен заголовок СЕМЬ РАЗ ОТМЭРЬ — в «Коммерсанте» и «Московском комсомольце» (2 и 8 октября) и в журнале «Итоги» (№ 40). Этот прием сопровождается аллюзивной игрой с русской пословицей, чем и объясняется многократное предъявление заголовка; надо думать, его сочинили в разных изданиях независимо друг от друга.

К церемонии инаугурации в «Московском комсомольце» появилась статья БЛАГИЕ НАМЭРЕНИЯ, где публиковался список проблем, которые предстоит решить новому главе столицы (21 октября). Словосочетание явно отсылает к известному выражению «Благими намерениями вымощена дорога в ад» из английской речевой культуры — не хотели ли авторы списка сказать, что эти задачи не имеют решений?

Техникой внутрисловной парономазии корней *мэр/мир* воспользовались «Известия» — УМЭРОТВОРЕНИЕ В СТОЛИЦЕ. Стройки закрывают, замов увольняют (30 сентября) и «Коммерсантъ» — МЭРОПОМАЗАННИК (22 октября).

Итак, за вспышку парономазии принято появление в медиасфере с конца сентября до конца октября 2010 года приблизительно полутора десятков заголовков, построенных на основе паронимической аттракции с привлечением аллюзивного обыгрывания прецедентных текстов[2]. Важно при этом отметить, что аллюзии часто отсылают к «верхним слоям атмосферы», как говорил Лужков о властях предержащих, —

[1] Справедливости ради надо сказать, что это «наречие» используется и в других городах: «БезмЭрно счастливый Обнинск» (URL: http://obninsk.name/forum/viewtopic.php?p=11#top (дата обращения: 08.02.2005)); «БезМЭРно актуально» (информация из Бишкека. URL: http://www.msn.kg/ru/news/21108/ (дата обращения: 11.12.2007)).

[2] Очевидно, что об исчерпанности материала не может быть речи, это буквально то, что «попало под руку». Студенты-журналисты, получив задание найти паронимические заголовки, приносили и другие не менее интересные.

ситуациям избрания Папы, установления мира, миропомазания… Понятно, что отсылки к «высочайшему» создают *эффект иронии*, без которой невозможно сравнивать принятие должности мэра как восхождение на царский трон или папскую кафедру.

Если попытаться увидеть в рассмотренных фактах то, что отличает медийные паронимические вспышки от поэтических, надо сказать следующее.

Во-первых, в них попадают ключевые слова текущего момента, в нашем случае это было наименование должности *мэр* и две фамилии. Например, шутка о том, что теперь надо Лужники переименовать в Собяники, в которой старый московский топоним Лужники паронимически соотносится с фамилией экс-мэра и сооружается аналогичное образование от фамилии нового мэра. В поэтических же текстах выбор слов для аттракции зависит от индивидуально-авторских особенностей, поэтического идиостиля. Ситуация смены мэра в Москве вызвала к жизни рождение паронимического гнезда *мэр — мера — мир*, которое, возможно, больше никогда не будет востребовано; ср. рассуждения о поэтических паронимических гнездах [2, с. 245—258].

Во-вторых, в медийных текстах используется преимущественно скрытая паронимическая аттракция, она служит основой как для построения квазицитатных заголовков, так и окказиональных образований в разных частях речи. Это свидетельствует о том, что игра идет на больших глубинах культурно-языкового восприятия. Для самой парономазии это означает, что, устанавливая близость «слово — слово», она на самом деле «метит» в высказывание. Подключение к этому нелинейного синтаксиса усиливает интерес к нему лингвистов.

В-третьих, как можно было заметить, практически все рассмотренные случаи использования парономазии — заголовки. Это указывает на то, что медийная парономазия локализуется в паратексте, тогда как поэтическая — главным образом в стихотворном тексте. При этом заголовок как важнейший элемент паратекста не обязательно «отзовется» в тексте, он живет своей жизнью и выполняет свои задачи.

Анализ других паронимических вспышек в медиасфере, возможно, даст возможность сделать и другие выводы.

Список литературы

1. *Северская О.И.* Паронимическая аттракция в поэтическом языке М. Цветаевой // Проблемы структурной лингвистики 1984. М., 1988.

2. *Кожевникова Н.А.* Звуковая организация стиха. Паронимическая аттракция // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста. М., 1990.

3. *Максимов В.И. и др.* Словарь перестройки. СПб., 1992.

4. *Какорина Е.В.* Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996.

5. *Ермакова О.П.* Семантические процессы // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX—XXI веков. М., 2008.

6. *Моченов А.В., Никулин С.С., Ниясов А.Г. и др.* Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов. М., 2003.

7. *Сковородников А.П.* Парономазия // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003.

8. *Сковородников А.П.* Каламбур // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003.

9. *Гридина Т.А.* Языковая игра в художественном тексте: монография. Екатеринбург, 2008.

10. *Душенко К.* Словарь современных цитат: 5200 цитат и выражений XX и XXI вв., их источники, авторы, датировка. М., 2006.

11. *Князев Ю.П.* Словарь живых крылатых выражений русского языка. М., 2010.

12. *Бабичев Н.Т., Боровский Я.М.* Словарь латинских крылатых слов. М., 1982.

13. *Бабкин А.М., Шендецов В.В.* Словарь иноязычных выражений и слов. K—Z. Л., 1987.

ЗНАКИ ИСТОРИИ

…историческая реконструкция Ледового побоища, основывающаяся на верифицируемых данных, позволяет с полной уверенностью говорить о том, что Александр в 1242 году не мог нанести Тевтонскому ордену сколько-нибудь серьезный урон, а Ледовое побоище не может сравниваться с Грюнвальдской битвой ни по масштабам, ни по результатам.

И. Данилевский

Рассказывая в биографических записках «Былое и думы» о своем отце и круге его общения, А. И. Герцен вспоминал, что «к этому кругу принадлежал в Москве на первом плане блестящий умом и богатством русский вельможа, европейский большой барин и татарский князь, Н. Б. Юсупов».

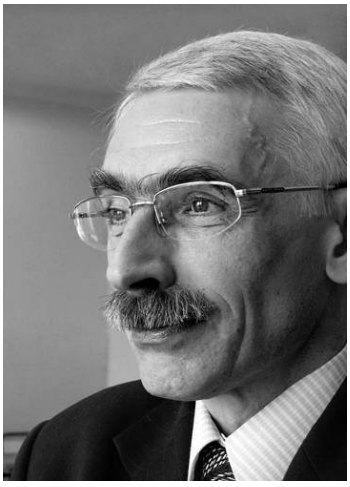
М. Яковлева

Русско-германские отношения на протяжении многих веков определяли европейскую и мировую политику, в разное время Россия и Германия были партнерами и соперниками, союзниками и военными противниками. На рубеже XIX—XX веков в русско-немецкие отношения вмешался экономический фактор.

И. Максимов

Игорь Данилевский
(Москва)

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И ТЕВТОНСКИЙ ОРДЕН[1]

В российских учебниках истории Грюнвальдская битва представлена крайне слабо. Причин тому несколько. С одной стороны, это, вроде бы, событие не «нашей» истории, а истории Великого княжества Литовского, которое принято рассматривать как государство, противостоящее «нашей» — Московской — Руси. С другой — значение Грюнвальдской битвы принято принижать, поскольку распространено мнение, сформировавшееся более полувека назад, будто основной удар Ордену нанес еще в 1242 году на льду Чудского озера Александр Невский. Приведу несколько цитат, определивших такое отношение к Ледовому побоищу (а косвенно — и к Грюнвальдской битве):

> Победа на Чудском озере — Ледовое побоище — имела огромное значение для всей Руси, для всего русского и связанных с ним народов, так как эта победа спасала их от немецкого рабства. Значение этой победы, однако, еще шире: она имеет международный характер;
>
> …этой крупнейшей битвой раннего Средневековья впервые в международной истории был положен предел немецкому грабительскому

[1] Индивидуальный исследовательский проект № 10-01-0150 «Историческая реконструкция: между реальностью и текстом» выполнен при поддержке Программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ».

продвижению на восток, которое немецкие правители непрерывно осуществляли в течение нескольких столетий;

Ледовое побоище сыграло решающую роль в борьбе литовского народа за независимость, оно отразилось и на положении других народов Прибалтики;

…решающий удар, нанесенный крестоносцам русскими войсками, отозвался по всей Прибалтике, потрясая до основания и Ливонский и Прусский ордена [1, с. 851, 852].

Понятно, что после такого разгрома объединенным польско-литовско-русским войскам через 168 лет оставалось лишь добить издыхающего врага. А такие сражения, как битва при Дурбе (1260), в которой пали 150 тевтонских рыцарей, а также магистр Ливонского ордена Бургхард Горнгузен и маршал Пруссии Генрих Ботель, или Раковорская битва (1268) — «страшно побоище, яко не видали ни отци, и дѣди» [2, с. 86], в котором, кстати, тоже принимали участие смоленские полки, — можно вообще не вспоминать…

Между тем обе посылки, заставляющие рассматривать Грюнвальдскую битву лишь как далекий отголосок победы Александра Невского, не имеют под собой достаточных оснований.

Прежде всего, следует вспомнить, что история Великого княжества Литовского — это история западных и юго-западных русских земель, значительная часть которых ныне входит в состав Российской Федерации, а потому это «наша» история. С момента своего образования Великое княжество Литовское, Жемоитское и Русское выступало как один из потенциальных центров объединения русских земель — и именно в таком качестве противостояло Москве и Твери. Изучение его истории как части истории отечественной необходимо. Иначе, скажем, смоленским школьникам будет непонятно, почему их предки принимали участие в «чужой» битве, тем более, что при описаниях Грюнвальдского сражения роль смоленских полков всячески подчеркивается.

К тому же история Ливонского ландмейстерства Тевтонского ордена — часть истории России, поскольку сейчас территория, которую оно занимало, входит в состав нашего государства. Так что, строго говоря, история Ордена меченосцев и Тевтонского ордена — в определенном смысле тоже «наша». Не зная и не понимая, что происходило в этих государственных образованиях, невозможно понять историю Северо-Западной Руси XIII—XVI веков.

Теперь обратимся к Александру Невскому и его победе на льду Чудского озера.

Значение этой битвы в российской историографии «осознали» только 70 лет назад. До этого первенство отдавалось — в полном соответствии с историческими источниками — Невской битве (1240). Перелом произошел после выхода на экраны гениального фильма С. М. Эйзенштейна «Александр Невский» (1938), снятого по сценарию С. М. Эйзенштейна и П. А. Павленко [3] (который М. Н. Тихомиров назвал «издевкой над историей» [4; 5]). До этого времени Ледовое побоище упоминалось только в гимназических курсах истории России, в то время как в университетских курсах ее уже не вспоминали.

Дело в том, что даже самые подробные описания битвы в древнерусских источниках крайне лаконичны (в летописях в лучшем случае — около 200 слов; в житийной повести — вдвое больше). Наиболее ранние сведения о ней сохранились в Новгородской I летописи старшего извода, в Псковских I, II и III летописях, в Суздальской и Лаврентьевской летописях, а также в Житии Александра Невского первой редакции. В какой-то степени недостаток информации компенсируется свидетельствами немецких источников, восходящих в конечном итоге к «Старшей ливонской Рифмованной хронике», написанной в последнее десятилетие XIII века.

Однако далеко не все сведения подлинных источников могут быть использованы в равной степени при восстановлении реального хода исторических событий (в нашем случае — для реконструкции Ледового побоища). Дело в том, что вся ретроспективная информация источников делится на три большие группы (типа): прежде всего, это верифицируемая информация (она может быть проверена показаниями двух или более независимых друг от друга источников), информация уникальная (она либо нигде больше не упоминается, либо расходится в источниках, тексты которых имеют самостоятельное происхождение) и, наконец, информация повторяющаяся (прямые и косвенные цитаты, центоны, парафразы, топосы, устойчивые словосочетания и формулировки «литературного этикета»). Причем каждый из этих типов информации может выполнять в конкретно-исторической реконструкции только свои, строго определенные функции. В основе ее должна лежать верифицируемая информация. Сведения уникальные нуждаются в серьезной проверке — с помощью данных и методов специальных исторических дисциплин, а также так называемой «внеисточниковой» информации — общих и конкретных представлений о ходе исторического процесса, которыми историк обладает до обращения к данному историческому источнику. Основная цель такой проверки — фальсификация (если пользоваться терминологией К. Поппера) уникальных сведений, исключение из реконструкции инфор-

мации недостоверной. Однако и та информация, которая прошла через «горнило» критической проверки, в силу своей принципиальной непроверяемости будет иметь лишь вероятностный характер и не может использоваться для доказательства каких-либо выводов. Наконец, информация повторяющаяся, как правило, исключалась из конкретно-исторических реконструкций, так как не могла свидетельствовать о том, «как это было на самом деле», поскольку появилась в другое время и изначально имела отношение к другим событиям и процессам. Использование в конкретно-исторических построениях информации, почерпнутой непосредственно из цитат, приведенных автором источника, ставит исследователя в ложное положение, а все «реконструкции», основанные на ней, оказываются фикциями. Между тем цитаты с их *памятью контекста*[1] представляют собой чрезвычайно важный для историка источник информации о восприятии, оценках и характеристиках изучаемого им события автором нарративного текста, в составе которого эти цитаты выявлены — при полной бесполезности их для реконструкции самого события как такового.

Как же распределяется информация письменных источников о Ледовом побоище?

Прежде всего, оказывается, что вся «избыточная» информация Жития святого благоверного князя Александра Ярославича является прямыми заимствованиями или реминисценциями из библейских Второй книги Царств и Книги Иисуса Навина, 3-й книги «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, а также из паремийного Чтения святым мученикам Борису и Глебу (подробнее см. [7, с. 19—26, 31, 43—46 и др.; 8, с. 50—58; 9, с. 47; 10, с. 499—500; 11, с. 184—185]. Их смысловое наполнение в данном случае нас, однако, не интересует.

Верифицируемая информация, полученная путем сличения прочих сообщений древнерусских источников и «Старшей ливонской Рифмованной хроники», сводится к следующим положениям.

В 1242 году князь Александр Ярославич организовал поход новгородцев на земли эстов, плативших дань Ордену. Ему в подкрепление отец, князь Ярослав Всеволодович, прислал отряд «низовцев», во главе которых стоял младший брат Александра, Андрей Ярославич. Объединенное войско Ярославичей внезапно напало на Псков и изгнало оттуда немецкий отряд, находившийся в городе по договору с Орденом; пленные, захваченные в Пскове, были отправлены в Новгород. После это новгородско-суздальское войско вторглось в земли Ордена,

[1] Термин, предложенный генетическими критиками (подробнее см.: [6, с. 224—237]).

которые непосредственно подчинялись дорпатскому епископу. Целью этого похода был грабеж местного населения (эстов). Передовой отряд Александра, посланный «в разгон», был встречен отрядом крестоносцев. Князь отвел свое войско на лед Чудского озера, к Вороньему камню, где и встретил объединенный отряд рыцарей Ордена и дорпатского епископа. На первом этапе сражения крестоносцы смогли разбить передовой полк Александра. Тем не менее князю удалось одержать победу: немцы были разбиты, а отряд дорпатцев бежал. Александр семь верст преследовал противников[1], часть из них была перебита, часть — взята в плен. Сражение произошло в первых числах апреля.

Остальные описания деталей Ледового побоища являются уникальными известиями, нуждающимися в крайне осторожном, критическом отношении. Это касается, прежде всего, указаний на потери крестоносцев. Согласно Новгородской I летописи старшего извода, «чуди» было убито «бещисла», «немцев» же пало 400 человек, а 50 было взято в плен [2, с. 78][2]. Ливонская «Рифмованная хроника» упоминает, что в ходе сражения было убито 20 рыцарей и 6 взято в плен. Попытки «согласовать» эти данные (скажем, предположение, будто новгородские летописцы посчитали всех павших, а немцы — только полноправных рыцарей) представляются сомнительными. Причина сомнений в том, что никто не задается вопросом: как древнерусские летописцы смогли подсчитать потери противника? Достаточно напомнить: когда летописец писал о Невской битве, он даже не смог точно назвать потери *своих* — новгородцев и ладожан. «А всѣхъ [павших], — пишет он, — 20 мужь с ладожаны, или мне [менее]: Богъ вѣстъ» [Там же, с. 77]. При такой «точности» летописных подсчетов можно не сомневаться, что указание численности павших противников явно носит условный характер.

Требует специального рассмотрения и вопрос о календарной дате сражения: новгородский летописец указывает в качестве таковой 5 ап-

---

[1] Впрочем, это сообщение нуждается в дополнительной проверке. Дело в том, что в летописном рассказе о Раковорской битве мы встречаем точно такое же указание: «Пособи Богъ князю Дмитрию и новгородцемъ, мѣсяца ферваря 18, на память святого отца Лва, в суботу сыропустную; *и гониша ихъ, бьюче*, и до города, въ 3 пути, *на семи верстъ*, якоже не мочи ни коневи ступити трупиемь» (см.: [2, с. 87]; кстати, там же есть упоминание и о немецкой «свинье»). Подобные совпадения свидетельствуют о взаимосвязи текстов: либо один из них цитирует другой, либо оба текста опираются на общий источник.

[2] В младшем изводе Новгородской I летописи число павших немцев возрастает до 500 человек (см.: [2, с. 296]).

реля («А бишася мѣсяца априля въ 5, на память святого мученика Клавдия, на Похвалу Святыя Богородица, в субботу» [Там же, с. 78]), а псковский — 1 апреля («Сии бои бысть месяца апрѣля в 1 день» [12, с. 13], ср. также [13, с. 21; 14, с. 88]). Не исключено, что расхождение в датах объясняется тем, что в Новгороде использовали юлианский, а в Пскове — лунно-солнечный календарь.

Все прочие «детали» знаменитого сражения (в том числе тонущие под обломками льда рыцари) — плод фантазии «реконструкторов».

Для нас, между тем, в данном случае принципиально важен другой момент: Александр Невский сражался не с основными силами Тевтонского ордена и даже не с отрядом его недавно образованного Ливонского ландмейстерства (остатками Ордена меченосцев). Против него выступил небольшой отряд дорпатского епископа, в состав которого, видимо, вошли несколько рыцарей-меченосцев. Именно в земли, переданные несколько лет назад Орденом дорпатской епископской кафедре, и вторгся Александр. Весть о набеге новгородцев и «низовцев» на землю эстов никак не могла достичь Риги до начала сражения, не говоря уже о возможности присылки оттуда на Чудское озеро даже небольшого отряда. От южного берега озера, где состоялось первое столкновение отряда Александра с братьями-крестоносцами, до Риги по прямой свыше 250 километров (по пересеченной местности — раза в полтора больше). Всадник, мчавшийся во весь опор, мог преодолеть это расстояние по хорошим дорогам (которых здесь в конце марта — начале апреля явно не могло быть) дней за 5. Для выдвижения же отряда к месту сражения должно было потребоваться еще не менее 15 дней. Стольким временем крестоносцы не располагали.

Таким образом, историческая реконструкция Ледового побоища, основывающаяся на верифицируемых данных, позволяет с полной уверенностью говорить о том, что Александр в 1242 году не мог нанести Тевтонскому ордену сколько-нибудь серьезный урон, а Ледовое побоище не может сравниваться с Грюнвальдской битвой ни по масштабам, ни по результатам.

Список литературы

1. *Очерки* истории СССР: Период феодализма. IX—XV вв.: в 2 ч. М., 1953. Ч. 1.

2. *Новгородская* первая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.

3. *Павленко П.А., Эйзенштейн С.М.* Русь: литературный сценарий // Знамя. 1937. №12.

4. *Тихомиров М.Н.* Издевка над историей // Историк-марксист. 1938. №3.

5. *Тихомиров М.Н.* Издевка над историей: О сценарии «Русь» // Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975.

6. *Феррер Д.* Шапка Клементиса: Обратная связь и инерционность в генетических процессах // Генетическая критика во Франции: антология. М., 1999.

7. *Мансикка В.* Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1913. Т. 180.

8. *Комарович В. Л.* Повесть об Александре Невском // История русской литературы: в 10 т. М.; Л., 1945. Т. 2. Ч. 1: Литература 1220-х — 1580-х гг.

9. *Лихачев Д.С.* Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1947. Т. 5.

10. *Лихачев Д.С.* Реплики // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. 15: К Четвертому международному конгрессу славистов.

11. *Бегунов Ю.К., Клейненберг И.Э., Шаскольский И.П.* Письменные источники о Ледовом побоище // Ледовое побоище 1242 г.: Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.; Л., 1966.

12. *Псковская* 1-я летопись // Полн. собр. русских летописей. М., 2003. Т. 5, вып. 1: Псковские летописи.

13. *Псковская* 2-я летопись // Полн. собр. русских летописей. М., 2000. Т. 5, вып. 2: Псковские летописи.

14. *Псковская* 3-я летопись // Там же.

Марина Яковлева
(Санкт-Петербург)

«ИЗ НИХ БЫЛ СЛАВЕН НЕ ОДИН...»: князья Юсуповы[1]

Николай Борисович и Татьяна Васильевна Юсуповы были не очень счастливы в браке. После разрыва Николай Борисович некоторое время жил в своем доме на Фонтанке, а она перебралась с сыном в дом на Английской набережной. Этот дом (современный адрес — Английская набережная, 54) был подарен Татьяне Васильевне на свадьбу императрицей Екатериной II. Здесь княгиня и прожила с сыном Борисом, а затем с невесткой и внуком вплоть до покупки дворца на Мойке в 1830 году.

Николай Борисович же в 1810 году продал дворец на Фонтанке в казну и осенью того же года уехал в Москву, которая стала теперь местом его постоянного проживания.

А. Я. Булгаков 15 ноября 1810 года писал своему брату: «Я познакомился с Юсуповым, который спрашивал о тебе; он здесь поселился. Переселения из Петербурга становятся все чаще и чаще, дороговизна там страшная» [4, с. 189]. В том же году Николай Борисович купил под Москвой у князей Голицыных усадьбу Архангельское. В Петербурге он бывал теперь довольно редко.

О детях Татьяны Васильевны от первого брака сохранилось не очень много сведений. Сын Александр Михайлович Потемкин был участником Отечественной войны. В 1814 году, вернувшись с русской армией из заграничных походов, в салоне своей матери он любил рассказывать о взятии Парижа войсками союзников, о падении Наполео-

[1] Окончание. Начало см.: Слово.ру: балтийский акцент. 2010. № 1—2.

на, о подписании капитуляции. Александр Михайлович женился в 1815 году на княжне Татьяне Борисовне Голицыной, оставившей о себе память как о женщине очень религиозной, занимающейся благотворительностью. Судя по переписке фрейлины княжны Варвары Ильиничны Туркестановой со швейцарцем Фердинандом Кристином, этот брак очень занимал высшее общество Москвы и Петербурга. Любопытно, что письма Кристина и Туркестановой, опубликованные впоследствии в журнале «Русский архив», были последним чтением императора Александра II. Их принесла императору графиня С. А. Бобринская за несколько дней до покушения 1 марта 1881 года [10, с. 497].

О браке А. М. Потемкина с Т. Б. Голицыной постоянно велись разговоры в светских гостиных. Тринадцатого июля 1814 года Туркестанова писала: «Татьяна Голицына выходит за Потемкина, сына от первого брака княгини Юсуповой. Жених не представляет собой ничего особенного, но добрый малый. Он хорошо служит, скоро будет произведен в полковники и имеет десять тысяч крестьян, чем нельзя пренебречь в наш век; кроме того, он влюблен и обещает быть прекрасным мужем. Девица прелестна. Я боялась, не романтична ли она несколько, однако же, она выходит замуж без особой любви, но охотно» [11, с. 520].

Татьяна Васильевна сразу привязалась к своей будущей невестке. «Княгиня Юсупова никого не видит, кроме княжны Голицыной», — написала Туркестанова 26 июля 1813 года [9, с. 354].

Отношения с другой невесткой — Зинаидой Ивановной, женой младшего сына Бориса Николаевича Юсупова, не складывались. Может быть, это происходило потому, что старая княгиня не одобряла образ ее жизни. В отличие от Татьяны Потемкиной, не любившей развлечений, Зинаида Юсупова была веселой, жизнерадостной женщиной. Свекровь осуждала ее за пристрастие к светской жизни (хотя и сама в молодые годы увлекалась ею). Но обе ее невестки были яркими личностями и, судя по всему, находились между собой в добрых отношениях. Не случайно художник Г. Чернецов изобразил их стоящими рядом на своей известной картине «Парад на Царицыном лугу».

Дочь Татьяны Васильевны, крестница Екатерины II, занимала при дворе высокое положение. Она была статс-дамой императрицы Марии Александровны, жены Александра II. Замуж вышла за одного из самых выдающихся людей своего времени, будущего дипломата — Александра Ивановича Рибопьера.

У Екатерины Михайловны и Александра Ивановича родились пятеро детей: сын и четыре дочери. Сын, Иван Александрович Рибопь-

ер, закончил юридический факультет Петербургского университета. Среди его университетских друзей был Владимир Карамзин, младший сын писателя и историографа Н. М. Карамзина.

Одну из дочерей назвали в честь бабушки Татьяной. Кто мог тогда предположить, что эта девочка впоследствии станет, как и бабушка, княгиней Юсуповой?[1]

Многие вспоминали о Татьяне Васильевне как о доброй, отзывчивой женщине. Но это была еще и женщина с сильным и властным характером. Владея громадным состоянием, она сама занималась управлением имений. Одаренная практическим умом, Юсупова очень умело вела дела. До самой своей смерти в 1841 году Татьяна Васильевна держала в своих руках и управление Большим домом в Петербурге[2]. Так, словно именно она была здесь полноправной хозяйкой, а не ее невестка Зинаида Ивановна. Впрочем, в этом сыграл свою роль и ее сын Борис, воспитанный матерью в глубочайшем к ней уважении и почтении, доходящем иногда до абсурда [15, с. 11].

И насколько с благоговением Борис относился к своей матери, настолько не уважал он отца. Судя по воспоминаниям современников, отношения отца и сына были довольно сложные. И не оттого, что, якобы, Борис не был такой артистической натурой, как его отец, и именно поэтому им было сложно найти общий язык. Противоречивая личность Бориса Юсупова не исключала серьезного увлечения искусством. Известно, что он переводил статьи о музыке для различных журналов [Там же, с. 10]. А когда в Россию в 1839 году приехал никому еще тогда не известный бельгийский виолончелист Анри Франсуа Серве, Борис Николаевич был одним из первых, кто стал пропагандировать его талант. К тому же Серве писал концерты для виолончели со скрипкой совместно с Анри Вьетаном — учителем музыки сына Бориса Николаевича. А Вьетан же, как известно, стал впоследствии одним из самых выдающихся скрипачей XIX века.

Так что при желании отношения отца и сына могли сложиться самым благоприятным образом. Кто был виной тому, что этого не вышло? А может быть, и сама Татьяна Васильевна, как всякая оскорбленная женщина, приложила руку к тому, чтобы сын принадлежал только ей?!

---

[1] Татьяна Александровна Рибопьер, будучи внучкой Татьяны Васильевны от ее первого брака, в 1856 году вышла замуж за ее внука от второго брака — Николая Борисовича Юсупова-младшего. Таким образом, у молодых была общая бабушка.

[2] Так Юсуповы называли свой дворец на набережной реки Мойки в Санкт-Петербурге.

«Сына своего, — вспоминал И. А. Арсеньев, — князь Николай Борисович терпеть не мог и говорил всегда про него: "Ce gros benet a la nature d'un maigre commercant (Большой простофиля и мелкий коммерсант)"» [1, с. 77].

Кажется, что Борис Николаевич и Архангельское не любил потому, что это имение так дорого было его отцу. «Князь Борис Николаевич, — утверждала Е. П. Янькова, — никогда не живал подолгу в Архангельском, и ни разу никто у него там не выпил и чашки чаю» [2, с. 172].

Поразительно, но Николай Борисович даже не был на свадьбе сына.

А. Я. Булгаков 19 января 1827 года отправил брату письмо, в котором описал свое посещение маскарада: «Я все сидел со стариком Юсуповым, который был очень весел и любезен (сегодня свадьба его сына)» [8, с. 9].

Рассказывая в биографических записках «Былое и думы» о своем отце и круге его общения, А. И. Герцен вспоминал, что «к этому кругу принадлежал в Москве на первом плане блестящий умом и богатством русский вельможа, европейский большой барин и татарский князь, Н. Б. Юсупов» [3, с. 97].

Высказывание А. И. Герцена очень важно при оценке личности Николая Борисовича. Пожалуй, даже важнее, чем мнение А. С. Пушкина, посвятившего князю стихи и называвшего его «мой Юсупов».

А. С. Пушкина вообще интересовали все екатерининские вельможи, и Юсупов — не больше других. Так же Пушкин тянулся к Загряжской, Голицыной, И. А. Римскому-Корсакову и прочим.

А Герцен очень верно подметил противоречивость натуры Николая Борисовича: с одной стороны — блестящий европеец, а с другой — лукавый восточный князь. Думается, что здесь Герцен имел в виду не татарские корни Юсуповых, а то, о чем позднее А. А. Блок напишет в поэме «Скифы».

Россия была и остается наполовину азиатской страной, и Н. Б. Юсупов стал воплощением своей страны. Это русское барство проявлялось у него даже в мелочах. Например, «в клеенчатом халате, в коем его сиятельство изволил, сидя в карете, один разъезжать» (Из письма А. Я. Булгакова от 10 мая 1822 года) [6, с. 411].

А. И. Герцену довелось служить под началом Николая Борисовича. Впрочем, назвать это «службой» можно лишь с очень большой натяжкой. Вот что по этому поводу вспоминал сам Герцен: «…отец мой определил-таки меня на службу к князю Н. Б. Юсупову в Кремлевскую экспедицию. Я подписал бумагу, тем дело и кончилось: больше я о службе ничего не слыхал, кроме того, что года через три Юсупов прислал дворцового архитектора… известить, что я получил первый офицерский чин» [3, с. 111].

Кремлевская экспедиция была создана для восстановления Кремля после пожара 1812 года. Ее начальником стал князь Юсупов.

Следует заметить, что, несмотря на строгость отца, Герцен все-таки только числился на службе, как многие дворянские дети. Своему же собственному сыну князь Юсупов «числиться» не позволил: Борис, действительно, служил в молодые годы в Министерстве иностранных дел под началом Каподистриа. Правда, это было в Петербурге, где всем руководила Татьяна Васильевна. Но, судя по всему, Николай Борисович интересовался делами сына. Вот только характер Бориса все равно формировался без влияния отца.

И в восточной лукавости европейца Юсупова Герцену также удалось убедиться на личном примере. Когда он захотел учиться в университете, его отец категорически возражал и говорил, что сын «своими капризами мешает ему устроить его карьеру». Но, видя, что Александр непреклонен, решил поехать к его начальнику — Николаю Борисовичу.

«Юсупов рассудил дело вмиг, — вспоминал Герцен, — отчасти по-барски и отчасти по-татарски. Он позвал секретаря и велел ему написать отпуск на три года. Секретарь помялся, помялся и доложил со страхом пополам, что отпуск более, нежели на четыре месяца, давать нельзя без высочайшего разрешения.

"Какой вздор, братец, — сказал ему князь, — что тут затрудняться; ну, в отпуск нельзя, пиши, что я командирую его для усовершенствования в науках — слушать университетский курс"» [3, с. 112]. Так А. И. Герцен был откомандирован от Кремлевской экспедиции на три года для учебы в Московском университете.

О татарском происхождении Николая Борисовича при каждом удобном случае вспоминали его современники, объясняя этим (иногда не к месту) многие его поступки, в том числе и известную юсуповскую скупость.

В начале 1826 года Николай Борисович был назначен ответственным за траурные мероприятия, проходящие в Москве в связи со смертью императора Александра I.

«Юсупов осрамился, — писал брату А. Я. Булгаков 2 февраля 1826 года. — Говорят, что траурная колесница стоит 1500 рублей. <…> Ужели Юсупов так скуп на казенные? Говорят, что в Курске колесница пылала златом и парчами; стыдно, что губернский город перещеголял столицу. Экой этот Юсупов кащей» [8, с. 353]. Эта тема долго не давала покоя А. Я. Булгакову. В следующем письме он описывает «катафалк, коего рисунок очень хорош, но украшения всюду являют татарскую юсуповскую скупость» (письмо от 4 февраля 1826 года) [8, с. 356].

«Юсупов сделал церемониймейстерами мальчишек, не имеющих самого понятия ни о порядке, ни о благопристойности. Все это шло слишком скоро, а не печальным шагом. Нет, брат, его дело оперу итальянскую набирать, а тут надобно иметь душу, сердце тронутое и преисполненное важности предмета предстоящего» [8, с. 364].

Впрочем, у императорской семьи были совершенно другие представления об организаторских способностях князя Юсупова. Не случайно именно Николай Борисович назначается главным маршалом на коронациях трех российских императоров: Павла I, Александра I и Николая I.

Деятельная натура Николая Борисовича не позволила ему уйти «на заслуженный отдых». Поэтому некоторый отход от дел в начале царствования императора Александра Павловича сменяется активным поиском среды для приложения своих сил.

В 1819 году, например, его энергия направляется на оживление деятельности московского Благородного собрания, старшиной которого он был. По инициативе Николая Борисовича (татарский князь!) стать членами этого уважаемого общества приглашается императорская семья. А когда согласие было получено, в разные уголки России рассылаются за подписью князя и еще десяти старшин Благородного собрания письма, подобные тому, что получил эстляндский гражданский губернатор Б. В. Икскуль:

«Его Императорскому Величеству со всею Августейшей фамилией угодно было принять звание членов Российского Благородного в Москве Собрания. Старшины сего знаменитого общества… посчитали обязательным предложить билеты бывшим членам, пребывающим в губерниях, как равно и не бывшими оными. Узнав же о чести, оказанной Императорским Домом, еще более пожелают быть членами того общества, которое украшено именем Монарха. Для того препровождаем при сем к Вашему превосходительству один экземпляр Правил Российского Благородного Собрания и при нем 35 мужских, 35 дамских и 35 для девиц билетов. Покорнейше просим предложить оные благородному дворянству вверенной Вам губернии. На основании 1-ого параграфа Правил Собрания стоимость за мужской билет по 50; дамский по 25 и для девиц по 10 рублей за каждый билет, надписав на оном под номером имя, отчество и звание. Билет действителен как на нынешний, так и на будущий 1820 год» [13, д. 265]. И заканчивается письмо указанием, чтобы деньги и оставшиеся не проданными билеты возвратили старшинам в Москву.

Несмотря на почтенный возраст (который постоянно напоминает о себе), Николай Борисович стремится быть в курсе всего происходяще-

го в Москве. Будучи директором Кремлевской экспедиции, он по приглашению начальника московского Главного архива иностранных дел А. Ф. Малиновского посещает это учреждение 12 сентября 1820 года.

А. Я. Булгаков написал брату: «Малиновский мучил Юсупова, чтобы иметь его посещение; возили его в Архив, где он хандрил и было ему скучно и откуда уехал через ¾ часа, спеша в Немецкий театр, который все-таки не так скучен, как Архив» [5, с. 557]. Через семь лет, забыв о своем посещении архива и, вероятно, чувствуя себя получше, Николай Борисович вновь захотел его увидеть. «Старик, — пишет А. Я. Булгаков 8 января 1827 года, — прибавил, что никогда не бывал в Архиве, но теперь поедет непременно посмотреть» [8, с. 6].

«Очень жаль, — говорила Е. П. Янькова своему внуку, — что не осталось писанного его дневника: много любопытного мог бы передать этот вельможа, служивший более шестидесяти лет при четырех государях, видевший три коронации, знавший столько иностранных королей, вельмож, принцев и знаменитостей, живших в течение полувека» [2, с. 348].

Хорошо известно, как Николай Борисович любил свое Архангельское. Но была еще одна подмосковная усадьба, которая занимала особое место в его жизни, — родовая вотчина на правом берегу реки Клязьмы — Спасское-Котово. Впервые она упоминается в архивных документах как деревня Курлыково еще в XVI веке. С 1676 года земли эти принадлежали князю И. Б. Репнину, который построил здесь хоромы и скотный двор. В 1684 году по приказу князя возвели каменную Спасскую церковь. С тех пор село именовалось по храму — Спасское-Котово. В 1720-е годы землю купил Г. Д. Юсупов. В 1755 году его сын Борис занялся реконструкцией поместья. При нем вокруг тогда еще деревянного господского дома был разбит прекрасный сад. В 1788 году во владение имением Спасское-Котово вступил Николай Борисович. Именно в это время, на рубеже XVIII—XIX веков, усадьба пережила небывалый расцвет. Здесь был разбит регулярный парк со строгими аллеями, плодовыми деревьями, искусственными прудами. В селе построили кирпичный завод. Так что Николай Борисович сумел в своей усадьбе, расположенной в удивительно красивом месте, не только создать прекрасный архитектурный ансамбль, но и наладить небольшие производства. В так называемых отказных книгах за 1799 год записано: «В селе Спасском, Котово тож, церковь каменная Спаса Нерукотворного Образа с приделом Владимирской Божьей Матери, деревянный дом с деревянными же службами. Легулярный сад с ранжереями, с плодовитыми деревьями, четыре пруда, кирпичные заводы» [12, д. 124].

С покупкой Архангельского значение Спасского для Николая Борисовича, конечно, уменьшается. Сердце его теперь навсегда отдано Архангельскому. И невольно напрашивается вопрос: «Почему же, так любя свои родовые земли на Клязьме, вложив в эту усадьбу столько сил и средств, князь не попытался устроить свой райский уголок здесь? Зачем он вообще покупает Архангельское?» Ответить на этот вопрос мог бы, наверное, только сам Николай Борисович. Мы же попытаемся только предположить. Недоходное Архангельское стало душой Николая Борисовича, выражением его сущности, его интересов. Спасское же, обзаведенное уже небольшим производством, так и осталось неопределившимся, незавершенным замыслом князя: с одной стороны, великолепный архитектурный усадебный ансамбль в живописном месте, а с другой — фабрика, заводы, красильня… Так уготована была Спасскому судьба родовой усыпальницы, о которой забыли даже следующие поколения Юсуповых. В 1912 году приехал в Спасское праправнук Николая Борисовича — Феликс Юсупов. Состояние некогда великолепной усадьбы привело его в трепет: «На пригорке близ елового бора стоял дворец с колоннадой. Казалось, он прекрасно вписывается в пейзаж. Но как только я приблизился, то пришел в ужас: все сплошь — развалины!» [14, с. 72].

Николай Борисович часто и подолгу живал в Спасском. Иногда сюда приводила беда: пожары в Архангельском. Так было в 1812 и 1820 годах, так было и в 1830-м. Казалось бы, с пожаром 1812 года все ясно: война. Москва сгорела — не то что Архангельское! Но оказывается, что именно этого военного пожара либо можно было избежать вовсе, либо он мог нанести меньше ущерба. Вот что писал своей жене граф Ф. В. Растопчин 27 октября 1812 года: «Мужики начинают опустошения; так как грабить нечего, они жгут. Это они сделали в Петровском у графа Льва и в Архангельском у Юсупова» [7, с. 482].

О пожаре 1820 года А. Я. Булгаков писал брату: «Юсупов повесил нос. Славное Архангельское сгорело от неосторожности людей, а другие говорят от скупости, потому что для убережения картин, а более дров, велено было топить галерею стружками, а от стружек до пепла долго ли?» [5, с. 328].

Во время пожара 1830 года сгорели две фабрики — фарфора и хрусталя. «Сгорели корпуса, и продукция, и даже бесценный севрский сервиз "Баррийская роза", купленный прежде в Париже», — писал Ф. Юсупов [14, с. 17].

Судьбе было угодно, чтобы доживал свой век Николай Борисович именно в Спасском. В 1831 году князь скончался и был погребен за ал-

тарем северного придела Владимирской иконы Божьей Матери. Над его могилой выстроили часовню-усыпальницу. Она вплотную примыкала к апсиде северного придела.

Князь Борис Николаевич Архангельское не любил, но вот Спасское-Котово, как родовое гнездо, не забывал.

Николай Борисович и Борис Николаевич были последними, кто завещал похоронить себя в Спасском-Котово. Не нашедшие общего языка при жизни, лежат рядом в фамильном склепе Спасской церкви отец и сын.

А рядом — две женщины, бывшие частью их жизни: первая жена Бориса — Прасковья Юсупова и крепостная актриса Е. Колосова. Княгини же Юсуповы, не жаловавшие друг друга свекровь и невестка, Татьяна Васильевна и Зинаида Ивановна не возымели желание найти вечный покой рядом с мужьями в их семейной усыпальнице.

Обе похоронены в Петербурге.

«Испытанья Господни, — любила повторять Татьяна Васильевна, — научают терпеть и верить» [14, с. 16].

Список литературы

1. *Арсеньев И. А.* Слово живое о неживых (Из моих воспоминаний) // Исторический вестник. 1887. № 1—2.

2. *Благово Д. Д.* Рассказы бабушки. Л., 1989.

3. *Герцен А. И.* Былое и думы. Л., 1978.

4. *Переписка* К. Я. и А. Я. Булгаковых // Русский архив. 1899. Кн. 3. № 10.

5. *Переписка* К. Я. и А. Я. Булгаковых // Русский архив. 1900. Кн. 3. № 9—12.

6. *Переписка* К. Я. и А. Я. Булгаковых // Русский архив. 1901. Кн. 1. № 1—4.

7. *Переписка* К. Я. и А. Я. Булгаковых // Русский архив. 1901. Кн. 2. № 5—8.

8. *Переписка* К. Я. и А. Я. Булгаковых // Русский архив. 1901. Кн. 3. № 9—12.

9. *Переписка* Ф. Кристина и княжны В. И. Туркестановой // Русский архив. 1912. Кн. 3. № 11.

10. *Переписка* Ф. Кристина и княжны В. И. Туркестановой // 1912. Кн. 3. № 12.

11. *Переписка* Ф. Кристина и княжны В. И. Туркестановой // 1913. Кн. 1. № 4—5.

12. *РГАДА*. Фонд 1290. Юсуповы.

13. *РНБ*. ОР. Фонд 777.

14. *Юсупов Ф. Ф.* Мемуары. М., 1998.

15. *Яковлева М. А.* «Важны лишь доброта и честность…» СПб., 2006.

Илья Максимов
(Калининград)

РУССКО-НЕМЕЦКИЙ ТОРГОВЫЙ ДОГОВОР 1904 ГОДА

Русско-германские отношения на протяжении многих веков определяли европейскую и мировую политику, в разное время Россия и Германия были партнерами и соперниками, союзниками и военными противниками. На рубеже XIX—XX веков в отношения стран вмешался экономический фактор: государства превратились в непримиримых конкурентов на рынке сельскохозяйственной продукции и промышленных товаров. Именно поэтому важную роль во внешней политике обеих стран наряду с дипломатами играли и финансисты: С. Ю. Витте в России и министр внутренних дел Пруссии А. фон Позадовский. Так экономические вопросы стали важным аспектом русско-немецких противоречий. Особенно ярко они проявились в ходе борьбы между царской империей и Германией в 1904 году и были связаны с заключением нового торгового договора. Эта проблема уже служила предметом отдельного рассмотрения в советской историографии, преимущественно в 50—60-е годы XX века, однако она требует свежего взгляда [2; 3].

В 1904 году истекал срок заключенного на десять лет русско-немецкого торгового договора, а до этого — в декабре 1902 года — в рейхстаге Германии был принят новый таможенный тариф. Немецкие аграрии, испытывавшие конкуренцию со стороны российских помещиков, пролоббировали увеличение таможенных пошлин на ввозимую сельхозпродукцию. Сделать это им удалось не без труда и при поддержке со стороны немецкого канцлера Бернгарда фон Бюлова,

который, несмотря на многочисленные обещания занимать позицию «средней линии» между промышленниками и юнкерством, принял сторону аграриев.

В России пристально следили за ходом парламентских дебатов, и немецкие социал-демократы справедливо обращали внимание канцлера на то, что царская империя не одобрит новый торговый договор. Однако Бюлов был настроен очень оптимистично. Еще в сентябре 1901 года он написал кайзеру, что экономические отношения между двумя странами таковы, что Россия вынуждена будет подписать договор на любых условиях. В качестве аргументов Бюлов приводил тот факт, что российский ввоз в Германию в два раза превышает немецкий ввоз в Россию, а следовательно, царская империя в большей степени заинтересована в договоре. Вместе с тем Германия может себе позволить потерять русский рынок сбыта, он, дескать, небольшой, а вот России найти нишу для своего сырья в условиях конкуренции США и других колониальных стран будет непросто [6, S. 23].

Когда в 1903 году начались переговоры с империей, немецкий канцлер придерживался той же точки зрения и не утратил своего оптимизма. Он даже приводил дополнительные аргументы, утверждая, что, например, высокая ввозная пошлина на рожь не нанесет ущерба России, так как она экспортирует ее не так много [6, S. 44]. Однако Бюлов был неправ: в 1901 году Россия ввезла в Германию 23,2 % всей поставленной ржи, а к 1905 году эта доля возросла до 43 % [9]. Одним словом, новый тариф ущемлял интересы царской империи серьезнее, нежели полагал канцлер.

Этим объясняются и удивительно долгие переговоры, которые продолжались в течение всего 1903 года. С. Ю. Витте, возглавлявший российских дипломатов, в марте 1904 года писал царю, что «торговый договор стоит на мертвой точке». Россия отказывалась принимать высокие ввозные пошлины на зерновые и суровый ветеринарный контроль на границе, который также должен был сократить русский экспорт в Германию. Позицию Витте упрощало и то, что вслед за Россией отказались подписывать новые торговые договоры Австро-Венгрия, Швейцария, Сербия и Италия. В начале 1904 года немецкий канцлер уже не был так уверен в успехе, как раньше, а это, учитывая непредсказуемость Бюлова, могло поставить под удар его карьеру. Не случайно на смягчение позиции России канцлер отреагировал так: «То, что мы идем с Россией к торгово-политическому взаимопониманию, имеет для нас (читай: «для Бюлова». — *И. М.*) жизненное значение» [6, S. 44]. Видимо, эта фраза дала повод историку В. Нойманну утверждать, что «Бюлову торговый договор с Россией был необходим, чтобы не потерять пост канцлера» [8, S. 143].

Ситуацию изменила начавшаяся русско-японская война, которая поставила Россию в весьма затруднительное положение. Финальная стадия переговоров началась 12 июля 1904 года, когда Витте приехал к Бюлову на Нордерней (остров в Северном море, где любил отдыхать канцлер). Немецкого канцлера сопровождал статс-секретарь внутренних дел А. фон Позадовский, причем Витте в своих мемуарах упоминает, что все разговоры по торговому договору он вел не с Бюловым, а именно с его помощником [1, с. 303]. Дело в том, что канцлер был несилен в экономических вопросах и предпочитал перекладывать их на плечи своих подчиненных. Но в мемуарах канцлера Позадовский, естественно, упоминается лишь мимоходом, как помощник [5, S. 48].

Решение вопроса, несмотря на положение России, продвигалось тяжело. Сам Бюлов 15 июля писал императору: «Переговоры о торговом договоре очень трудны. Русские согласились на минимальный тариф для четырех главных видов зерновых (пшеница, рожь, овес и ячмень), а также на свободу в области ветеринарного контроля, от главных условий которого они прежде отталкивались руками и ногами. Витте при этом подчеркнул, что он эту значительную уступку сделал только из-за категорического желания царя. Сейчас мы боремся за наши остальные сельскохозяйственные тарифы (гуси, свиньи, лошади, кормовой ячмень, рапс, яйца, картофель, бобы, дрова, верхнесилезский контингент свиней, смазочное масло) и русские промышленные тарифы (железо, машины, химикаты, кожаные и шерстяные товары и т.д.)» [7, S. 123—124]. В этом же письме Бюлов советовал кайзеру не распространяться о ходе переговоров, так как не был уверен в их успешном исходе, а это могло повлиять на позицию других стран по данному вопросу [7, S. 124]. Тем не менее Витте вынужден был смягчить свою позицию, и это объяснялось не только военными неудачами на Дальнем Востоке, но и тем, что Николай II неосторожно сообщил в письме Вильгельму II, что он посоветовал Витте идти на широкие уступки немецким дипломатам.

Соглашение было подписано 28 июля 1904 года и вступило в силу с 17 февраля 1906 года. Россия была вынуждена принять немецкие условия на зерновые. Однако следует сказать, что русско-германский торговый оборот в последующие годы сильно вырос. Ввоз зерновых из России, действительно, сократился, но оборот в целом увеличился. Поэтому отечественный историк Ю. Ф. Субботин полагает, что этот торговый договор нельзя считать для России неблагоприятным [4, с. 160].

Из таблицы хорошо видно, что существенно сократился ввоз ржи, пшеницы и овса, только лишь экспорт ячменя сохранился на прежнем уровне. Впрочем, падение цифр связано не только с более высокими тарифными ставками, но и с урожайностью в России. Одним словом, торговый договор хотя и бил по отдельным товарным категориям и в

России, и в Германии, но серьезных проблем экономическим отношениям между двумя странами все же не наносил.

Ввоз зерновых из России в Германию, тыс. тонн [4]

Год	Рожь	Пшеница	Овес	Ячмень
1900	834,3	278,1	389,7	381,1
1901	773,6	496,0	348,8	499,7
1902	841,9	628,1	325,8	717,6
1903	718,5	786,8	377,0	1123,4
1904	426,2	886,5	281,3	1107,2
1905	477,8	1006,2	868,6	1103,0
1906	515,7	756,8	461,1	1498,4
1907	453,7	564,5	179,3	1558,4
1908	258,6	258,1	164,2	1598,5

Но кроме последствий экономических были и далеко идущие последствия политические. Весьма негативно восприняла соглашение русская общественность, усмотревшая в этом дипломатическое поражение, а это не могло не сказаться на росте антигерманских настроений. Германская дипломатия во главе с Бюловым осознавала этот факт, но у нее не было возможности сломить упорное сопротивление аграрных кругов внутри страны. В итоге Германия шаг за шагом отрезала себе пути к возможной нормализации отношений с Россией. Беспрерывное экономическое противоборство России и Германии, начавшееся в 70-е годы XIX века, привело в конечном счете к тому, что обе страны оказались по разные стороны баррикад во время Первой мировой войны.

Список литературы

1. *Витте С. Ю.* Воспоминания: в 3 т. Минск, М., 2002. Т. 1.

2. *Копычев Н. И.* Таможенный тариф 1902 года и русско-германские отношения // Учен. зап. Псковского гос. пед. института. Псков, 1964. Вып. 19.

3. *Острецова М. Л.* Русско-германский торговый договор 1904 года // Учен. зап. Московского государственного педагогического института им. В.М. Потемкина. М., 1959. Т. 92 (93).

4. *Субботин Ю. Ф.* Россия и Германия: партнеры и противники (торговые отношения в конце XIX века — 1914). М., 1996.

5. *Bülow B. v.* Denkwürdigkeiten: bd. 1—4. B., 1930. Bd. 2.

6. *Die Grosse* Politik der Europäische Kabinette 1871—1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. B., 1924. Bd. 18/1.

7. *Fürst* Bülow und der Kaiser. Mit einer Wiedergabe aus ihrem geheimen Briefwechsel. Dresden, 1930.

8. *Neumann W.* Die Innenpolitik des Fürsten Bülow 1900—1906. Kiel, 1949.

9. *Statistisches* Jahrbuch für das Deutsche Reich. B., 1880—1918.

СЛОВЕСНОСТЬ

Литературное наследие Погорельского невелико, тем не менее исследователи единодушно признают его заслуги в развитии русской прозы: он стал создателем первой фантастической повести и одного из первых бытовых, «семейных» романов и занял в литературном процессе заметное место, оказав влияние на формирование и развитие романтического направления и отразившись в творческом сознании таких младших современников, как В. Ф. Одоевский и Н. В. Гоголь.

Н. Жилина

В «Гавриилиаде» Пушкина совмещены сюжеты благовещения и грехопадения. Сюжетная контаминация обусловила в поэме переплетение принципиально разных «материй»: семейно-бытовых с «мистериальными», святого восторга с описанием «насилия», совершаемого с помощью греховно-совратительного любовного обмана.

С. Исаев

…в «мирных сценах» бронепоездной жизни Газданов конструирует свое художественное высказывание, отталкиваясь и переосмысляя классическую книгу Достоевского о народе. Обращаясь собственно к «войне», он создает своего рода метатекст военной прозы Толстого. Газдановский образ «человека на войне» создается при помощи неатрибутированных аллюзий и цитат из нее как трансформация аналогичного образа Толстого.

С. Кибальник

Наталья Жилина
(Калининград)

АНТОНИЙ ПОГОРЕЛЬСКИЙ И ЕГО РОМАН «МОНАСТЫРКА»

Имя писателя Антония Погорельского (1787—1836) современному читателю мало знакомо, широкой известностью пользуется лишь одно его произведение — волшебная повесть «Черная курица, или Подземные жители», заслужившая, как известно, высокую оценку В. А. Жуковского и давно вошедшая в золотой фонд детской классики. Литературное наследие Погорельского невелико, тем не менее исследователи единодушно признают его заслуги в развитии русской прозы: он стал создателем первой фантастической повести и одного из первых бытовых, «семейных» романов и занял в литературном процессе заметное место, оказав влияние на формирование и развитие романтического направления и отразившись в творческом сознании таких младших современников, как В. Ф. Одоевский и Н. В. Гоголь. В самой личности и судьбе Алексея Алексеевича Перовского — таково его настоящее имя — отразились черты современной ему эпохи. Внебрачный сын графа Алексея Кирилловича Разумовского (фамилия *Перовский* происходит от названия подмосковной вотчины Перово), он получил блестящее домашнее образование, а Московский университет окончил за два года с ученой степенью доктора философских и словесных наук. К этому времени относится его первый литературный опыт — перевод на немецкий язык «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина — и начало государственной службы, прерванной вторжением Наполеона в Россию. Молодой литератор, имеющий неплохую чиновничью должность, в самом начале Отечественной войны оставил службу и стал офицером, чтобы принять участие в сражении с врагом.

Вернувшись после войны в Петербург, Алексей Перовский возобновил свои литературные связи, сблизившись с Н.М. Карамзиным, В.А. Жуковским, П.А. Вяземским и другими известными русскими писателями, а позднее — с А.С. Пушкиным и А.А. Дельвигом. Вскоре он проявил себя блестящим критиком, тонко и остроумно отразив нападки тех литераторов, которые с позиций «классицистской» нормативности обрушились на поэму А.С. Пушкина «Руслан и Людмила», а уже через несколько лет появились его собственные первые повести, подписанные новым литературным именем — Антоний Погорельский. Своим происхождением этот псевдоним обязан названию черниговского села Погорельцы (доставшегося Перовскому по наследству после смерти отца), в котором он поселился вместе с сестрой и племянником, чьим воспитанием много занимался, оказав тем самым заметное влияние на творческое формирование будущего русского писателя Алексея Константиновича Толстого.

Повести Погорельского сразу обратили на себя внимание, вызвав заслуженное одобрение читателей, а критики справедливо связали их с именами Н.М. Карамзина и Э.Т.А. Гофмана — именно Погорельский заложил особую традицию освоения в России творчества великого немецкого романтика [1, с. 56—68]. Особо выделялась в цикле наиболее удавшаяся писателю сказочно-фантастическая повесть «Лафертовская маковница», в которой отчетливо проявило себя фольклорное начало. Это был «не только первый, но и в своем роде классический образец русской фантастической повести в той ее разновидности, где основой сюжета является колдовство, т.е. известные по народным поверьям связи людей с потусторонними, адскими силами, дающими богатство и материальную власть, но и ведущими к гибели» [3, с. 142]. Известен восторженный отзыв Пушкина, писавшего брату, что «перечел два раза и одним духом всю повесть, теперь только и брежу» котом Мурлыкиным — ее главным героем [5, с. 133].

В совершенно ином ключе написано самое значительное произведение А. Погорельского — роман «Монастырка», публиковавшийся двумя частями с перерывом в три года (1830 год — 1-я часть, 1833-й — 2-я), который заслужил высокие оценки критиков и очень быстро приобрел большую популярность. Причин этому несколько. Прежде всего, читателя занимала напряженная событийная основа, позволяющая даже говорить об авантюрном начале. Привлекательным было и само место действия — Малороссия, заключающая в себе определенную экзотичность; вызывали интерес характеры персонажей, в которых, несмотря на некоторую односторонность и прямолинейность, заметно было и стремление к психологическому анализу; производила яркое впечатление живая, сочная народная речь. Все это заставляло с

неотрывным вниманием следить за приключениями героев. «Не чуждый некоторой сентиментальности и искусственности сюжета, роман раскрывал внутреннюю логику характеров, и картины быта и нравов обретали в нем силу жизненной правды» [6, с. 17].

Главная героиня романа — Анюта Орленко, отец которой «Трофим Алексеевич Орленко происходил от древней малороссийской фамилии», а когда «по воле незабвенной Екатерины Малороссия приняла новое образование» [4, с. 175], он в восемнадцатилетнем возрасте поступил на службу в гусарский полк. «Молодой Орленко был исправен на службе и храбр против неприятеля; начальники и товарищи любили его за правоту и добродушие. В турецкую войну получил он георгиевский крест за отбитие пушки, а во французскую кампанию с Суворовым заслужил ордена Св. Анны и Иоанна Иерусалимского» [4, с. 176]. Во все время службы Орленко мечтал о том, какой радостной будет его встреча с отцом, но когда, «украшенный ранами и лаврами, он получил чистую отставку с чином майора и приехал в свою деревню, то не застал уже в живых почтенного старика» [4, с. 176]. Приведя в порядок доставшееся ему имение, Орленко женился и счастливо прожил с женой несколько лет, пока неожиданная болезнь не прекратила ее дни. Не сумев оправиться от горя, через несколько месяцев ушел из жизни и сам Трофим Алексеевич, назначив опекуном своей дочери дальнего родственника, время от времени посещавшего их семью и сумевшего войти в доверие к хозяину. По словам автора, «будучи сам правдив и добродушен», майор Орленко «легко поверил, что внучатный брат его, которого, впрочем, видал редко, действительно так добр, каковым хотел казаться» [4, с. 181]. Оставшаяся сиротой в пятилетнем возрасте, Анюта вначале была взята на воспитание двоюродной сестрой своего отца, а затем, по стечению обстоятельств, стала воспитанницей Института благородных девиц при Смольном монастыре, после окончания которого вернулась к себе на родину, в Малороссию. Здесь она встретила Владимира Блистовского, богатого и знатного гвардейского офицера, служащего в Петербурге и приехавшего в командировку. Убедившись в своих серьезных чувствах к Анюте и в ее взаимности, Блистовский делает предложение и получает согласие ее тетушки Анны Андреевны; однако та, вспомнив, что официальным опекуном племянницы является помещик соседней губернии Клим Сидорович Дюндик (никогда не заботившийся о своей подопечной и даже не вспоминавший о ней), предлагает жениху получить его согласие. Чтобы ускорить получение ответа, Блистовский сам отправляется к Дюндику, хотя воспоминание о прежнем кратковременном общении с ним было не из приятных: командированный в эти края для закупки лошадей, Блистовский познакомился с Дюндиком на конной ярмарке, где из-за обмана последнего упустил хорошую по-

купку. Приезд Блистовского вселил большие надежды в сердце Клима Сидоровича и его жены Марфы Петровны, которые увидели в нем хорошую партию для своей старшей дочери; узнав же, что выгодный жених посватался к Анюте Орленко, и восприняв его поступок как оскорбление, они всеми силами стараются расстроить предстоящий брак, составив для этого план разлучения влюбленных. Это кажется им тем более необходимым, что в замыслы Марфы Петровны входило выдать Анюту замуж за своего племянника, шалопая и бездельника Прыжкова, настоящая фамилия которого — Прыжко — переделана им на русский лад. В полном соответствии со своими этическими установками они не останавливаются ни перед какими препятствиями, чтобы добиться своего: хитростью и обманом заманив Анюту к себе в имение, насильно удерживают ее там, затем устраивают ее похищение, подделывают завещание ее отца, угрозами и шантажом вынуждая принять их требования.

Фабульная основа романа, система персонажей, характеры его действующих лиц дают все основания говорить о сходстве с комедией Д. И. Фонвизина «Недоросль» (см: [2, с. 77—108]) — особенно ярко эта параллель проявляется во взаимоотношениях семейной пары Дюндиков, чрезвычайно напоминающих господина и госпожу Простаковых. Однолинейность психологического рисунка четы Дюндиков тем не менее не помешала автору нарисовать их портреты яркими и сочными красками. Данная в экспозиции характеристика Клима Сидоровича не оставляет никаких сомнений в его внутреннем облике и постоянно подтверждается событиями романа: «Он был подл и низок в отношении к высшим, надменен и горд с равными и низшими, притом зол, мстителен, глуп и хвастлив» [4, с. 178]. Властная, своенравная и упрямая Марфа Петровна помыкает своим мужем, постоянно попрекая его за все неудачи, произошедшие в их жизни, и всегда следуя одному правилу: «…ни в чем не уступать мужу и исполнять волю свою, не слушая ни просьб его, ни убеждений» [4, с. 185]. Особенно сближает эту семейную пару с фонвизинскими персонажами принцип во всем следовать своей выгоде, не считаясь с окружающими. В противоположность Простаковой, считающей образование делом ненужным и даже вредным, Марфа Петровна готова учить своих дочерей французскому языку, но эта готовность, результаты которой изображаются автором в карикатурном виде, всецело продиктована ее тщеславием.

Сюжет романа организован таким образом, что в сознании читателя постоянно напрашивается невольное сопоставление жены Дюндика и Анны Андреевны Лосенковой — тетушки, приютившей Анюту после смерти ее родителей. В целостном портрете Анны Андреевны авторская характеристика дополняется восприятием нескольких различных персонажей — таким образом достигается впечатление объек-

тивного подхода к этой героине, мнения о которой всех окружающих ее людей близки к совпадению. Главное качество, отмеченное всеми, — ее простота: «Анна Андреевна Лосенкова была женщина простая, добродушная, и Трофим Алексеевич любил и уважал ее за отличные качества ее души, которые заставляли забывать совершенную ее необразованность и незнание правил светского общежития» [4, с. 177]. Таким образом, «отличные качества души» героини в сознании автора очевидным образом перевешивают ее простоту и необразованность. Такое же мнение о ней складывается и у отставного полковника, который после смерти майора Орленко берется устроить Анюту вместе со своей дочерью в Смольный монастырь: «Он успел короче познакомиться с тетушкой и, узнав ее кроткое сердце, ее скромную и незаносчивую добродетель, возымел к ней искреннее уважение. "Если б невозможно было поместить Анюту в монастырь, — подумал он, — то несравненно полезнее для нее было оставаться у доброй, хотя необразованной тетушки, нежели у злой и полупросвещенной Марфы Петровны"» [4, с. 187]. Доброту героини дополняет сила характера и твердость принципов, постоянно проявляющиеся в ходе событий. После смерти мужа, вместо того чтобы прибегнуть к различным способам «для приискания искусного управителя и ученой гувернантки… она, по простоте своей, отслужив усердно молебен и твердо полагаясь на помощь Всевышнего, решилась принять в собственное свое попечение и детей и имение. И, в самом деле, молитва ее за Богом не пропала! При наблюдении простого правила, чтоб расходы всегда были менее прихода, успела она в короткое время выплатить все долги мужа. Притом дети ее, видя перед глазами пример доброй, скромной и некапризной матери, еще в младенческих летах показывали хороший нрав и добрые качества» [4, с. 182]. Простая, необразованная, грубоватая и прямая, Анна Андреевна обладает поистине благородным сердцем, способным полюбить двоюродную племянницу как родную дочь. Однако к таким выводам о характере этой героини читатель приходит далеко не сразу.

Первое знакомство с Анной Андреевной показано глазами Анюты, увидевшей ее после долгой разлуки и выразившей свои впечатления в письме к подруге: «На крыльце стояла дама высокая, толстая, седая, в большом мужском колпаке и в красной стамедовой юбке; на шее у нее накинут был ситцевый платок, едва прикрывающий плечи. Ноги ее, Маша! ноги были босы! Она подала мне руку, поцеловала меня в губы и сказала: "Здорово, Галечка! (тетушка называет героиню на свой лад — Галей. — *Н. Ж.*) Як же ти пидросла!" Маша, не показывай никому моего письма: эта дама была — моя тетенька!» [4, с. 167—168]. Ни «тетенька», ни ее дочки Праскута и Гапочка, не умеющие говорить по-французски, никогда не носящие корсетов и обувающиеся дома в большие

кожаные сапоги, не стремятся к соблюдению этикета: например, просьбу племянницы не носить по утрам мужского колпака и не ходить босиком Анна Андреевна оставила без внимания: «И матушка, и бабушка, и прабабушка ходили в колпаках,— отвечала она, — и я сама к тому с малолетства привыкла, а теперь, на старости лет, некстати мне перенимать ваши моды. А что касается до того, что ты меня видела босиком, так сама ты в том виновата: я так обрадовалась, когда ты приехала, что забыла и чулки надеть!» [4, с. 170]. Это не лишенное комизма изображение дополняется сочным украинским наречием, на котором изъясняется хозяйка имения и которое главной героине приходится переводить в своих письмах к столичной подруге. Например, рассказывая, как на ее предложение послать старинные ювелирные украшения в Петербург для переделки на модный лад тетушка ответила: «Що ти городышь, Галя! …ты збылась с пантелыку!» — героиня добавляет: «Это по-здешнему, кажется, значит: ты с ума сошла» [4, с. 168]. Ярким комизмом отличается также история о «барде»: услышав, как тетенька в разговоре с винокуром наказывала ему беречь *барду*, Анюта решила, что это «жена какого-нибудь барда, или поэта» [4, с. 169], и стала просить познакомить ее с бардою. «Ах, Маша! как же мне стыдно было, когда я узнала, что такое барда! — признается она подруге. — Здесь барда не то, что у вас в Петербурге: здесь так называют гущу, которая остается на дне, когда делают вино!» [4, с. 169].

Отсутствие утонченности в тетеньке и сестрицах, так поразившее вначале выпускницу Института благородных девиц, в полной мере возмещается их внутренними, душевными качествами, что особенно ярко проявляется в ситуации с женихом Анюты. Авторскому анализу здесь подвергается и такая тонкая психологическая материя, как материнская любовь. Поняв, что одна из ее дочерей страдает от неразделенной любви к Владимиру Блистовскому, Анна Андреевна очень сильно переживает за нее, но поступает в полном соответствии со своими принципами: ее глубокое сочувствие к дочери не может никак изменить отношения к племяннице, счастье которой она устраивает всеми силами. «Она любила Анюту, — пишет автор, — столь же горячо, как родных дочерей своих. Но при всем том не могла быть равнодушною к положению Праскуты. Она вообразила себе, какой удар для нее будет известие о сватовстве Владимира, — и сердце ее разрывалось при мысли, что счастие одной из дочерей ее сопряжено с несчастием другой. Наконец всегдашняя надежда Анны Андреевны на Промысел Божий ее ободрила. "Бог милостив! — подумала она, — и нас не оставит. Праскута еще так молода, что успеет полюбить другого! Анюта же, верно, будет счастлива за таким добрым человеком, каков Владимир Александрович"» [4, с. 195—196]. Эта сюжетная ситуация снова наталкивает читателя на сопоставление Анны Андреевны с Марфой

Петровной, которая в сходном положении решила сделать все возможное, чтобы отомстить несостоявшемуся зятю и разрушить счастье подопечной своего мужа. Значимым представляется также изображение той внутренней борьбы, которая происходит в самой Праскуте: преодолевая в себе зависть к счастливой сопернице, она сделала все, чтобы низкие страсти не разъедали ее душу, и сумела остаться для ничего не подозревающей Анюты по-настоящему любящей и заботливой сестрой. Немолодая уже Анна Андреевна обнаруживает наивное детское мировосприятие, свидетельствующее о ясности души и чистоте сердца, показывая всей своей жизнью благотворный пример не только дочерям, но и всем окружающим. Вместе с Аней Орленко читатель получает глубокий урок понимания истинной красоты и душевного благородства: в ходе событий героиня учится отличать внешнее от внутреннего, истинное от ложного.

Большое внимание уделяется в романе взаимоотношениям помещиков с их крепостными, и в этом плане чета Дюндиков также противопоставлена Анне Андреевне — патриархальную привязанность и теплоту ко всем Лосенковым хорошо ощущает Анюта сразу при въезде в их деревню Барвеново: при виде ее кареты «из домиков выбежали дети и женщины» [4, с. 166], низко поклонились, а потом последовали за ней до самого господского дома, к которому ее сопровождала уже толпа дворовых, бежавших за каретой и кричавших: «Се наша панночка, се наша панночка!» [4, с. 166]. Приехав в поместье Будище к Дюндикам, она же отмечает, «какая разница между угрюмым видом будисских жителей и радушною приветливостию, с которою встречали ее в Барвенове, когда приехала она из Петербурга! Теперь никто не бежал за ее каретою; крестьяне, снимая шапки и низко кланяясь, посматривали на нее исподлобья, нахмурив брови; а дети, завидя еще издалека карету, стремглав убегали в дворы свои, стараясь скрыться от нее, как цыплята скрываются при появлении коршуна. Страх их, вероятно, происходил оттого, что карета Анютина похожа была на карету Марфы Петровны, а Марфа Петровна… вовсе не имела свойств, могущих внушить крестьянам симпатические к ней чувствования» [4, с. 266]. Именно это становится причиной той помощи, которую оказывает Анюте крепостной Дюндиков цыган Василий, в решающую минуту с риском для собственной жизни спасая ее от своих господ и их племянника.

В основу разделения всех действующих лиц на две противоположные группы положен этический принцип: на одной стороне находятся персонажи, чье поведение соотнесено с эталоном, каким является высший нравственный закон, другую часть составляют те, которыми правит лишь стремление любой ценой достигнуть собственного житейского благополучия и утвердить свою волю, возвысившись над ок-

ружающими. В противостоянии этих двух групп силы оказываются неравными, поскольку такие, как Дюндик и его жена, готовы, не раздумывая, использовать в борьбе любые, самые низкие и подлые средства, к которым никогда не прибегнут их противники. Автор постоянно подчеркивает, что простодушная Анна Андреевна, как и все ее родственники, долго не может поверить в низость и коварство недругов, настолько ей чужды мотивы их поведения. Главным оружием «простаков» становится упование на Божий Промысел: крест и молитва постоянно укрепляют Аню Орленко в ее испытаниях, а ее тетушка даже в самые трудные минуты, не имея никаких известий о судьбе любимой племянницы, не перестает повторять: «Вся моя надежда на Бога: Он не оставит мою Галечку» [4, с. 337]. И одержанная ими победа оказывается вполне закономерной, поскольку в схватке с безнравственностью и злом эти герои действовали сообща, объединившись *всем миром,* без всяких социальных и иных различий. Именно это дает все основания причислять всех персонажей этой группы к «людям прежнего века», действующим в соответствии с *патриархальными*, *семейными* установками и исповедующим *любовь* как главный принцип своей жизни. С другой стороны, не выглядит непонятным и удивительным наказание, постигшее Марфу Петровну, которая «задохлась от гнева в точном смысле этого выражения. Прочитав письмо Анны Андреевны (с извещением о бракосочетании Анюты и Владимира. — *Н. Ж.*), она покраснела, потом посинела, кровь хлынула ей в голову, и она упала со стула. Ее подняли, положили в постелю и послали в ближайший город за доктором; но еще до прибытия его она скончалась, тщетно напрягая все силы, чтобы говорить» [4, с. 346]. Особое значение приобретает помещенное в конце романа замечание повествователя о судьбе цыгана Василия, получившего со всей семьей волю благодаря усилиям Анюты и Владимира и ставшего для них по-родственному своим и близким. Такой финал напоминает о высшей справедливости, которой не может избежать ни один человек.

Список литературы

1. *Ботникова А. Б.* Э. Т. А. Гофман и русская литература. Воронеж, 1977.

2. *Иезуитова Р. В.* Пути развития романтической повести // Русская повесть XIX века: история и проблематика жанра. Л., 1973.

3. *Измайлов Н. В.* Фантастическая повесть // Там же.

4. *Погорельский А. А.* Избранное. М., 1985.

5. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. М., 1958. Т. 10.

6. *Турьян М. А.* Жизнь и творчество Антония Погорельского // Погорельский А. Избранное. М., 1985.

Сергей Исаев
(Великий Новгород)

ЭРОТИЧЕСКОЕ И ДУХОВНОЕ В ПОЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РАННЕГО А. ПУШКИНА: «ГАВРИИЛИАДА»

Элементы лица в литературной характерологии семантизированы[1]. В портретировании конца XVIII — начала XIX века традиционно на первый план по значимости ставятся глаза как зеркало души. Алые губы и ланиты — проходной, клишированный элемент романтической литературной лицевой характерологии. Однако уже в эстетике Шопенгауэра особое внимание обращено на зрение и слух, соответственно — не только на глаза, но и на уши. Антропология начала XX столетия заставляет взглянуть на лицо, в том числе и на портретах XIX века, с позиции иных приоритетов. Здесь на передний план выдвинуты глаза и рот. Отношение к ним существенно усложнилось в связи с разработкой ценностных аспектов информации о человеке, которые они способны означить. В частности, эти вопросы вынес на обсуждение П. Флоренский в известной работе «У водоразделов мысли»: «Известно, что в портрете части труднейшие — глаза и рот. Труднейшие — ибо ответственнейшие, ответственнейшие же — ибо в них именно, ими именно дается художником идея изображаемого лица. Между глазом и ртом располагается весь

[1] Анализируя их, мы опираемся на диалектику лица, души и тела, установленную «Иконостасом» П. Флоренского [12, т. 2, с. 433—438].

диапазон его жизни, наибольшая его восприимчивость мира и наибольшая же отзывчивость на мир» [12, т. 3 (1), с. 42].

В «Гавриилиаде» (1821) Пушкина совмещены сюжеты благовещения и грехопадения [11, с. 55—59] Сюжетная контаминация обусловила в поэме переплетение принципиально разных «материй»: семейно-бытовых с «мистериальными», святого восторга с описанием «насилия», совершаемого с помощью греховно-совратительного любовного обмана. Поступки трех персонажей (Марии, архангела и сатаны) различно соприкасаются с тремя сферами бытия — естественного, сверхъестественного и противоестественного[1]. Авторское понимание связи персонажей с бытийными сферами жизни предопределило подход и к изображению «лица»[2].

Эротика в поэме не грех. Материалы, собранные исследователями, убедительно опровергают оценку пушкинской поэмы, с одной стороны, как «кощунства» в адрес ревнителей платонической любви, а с другой — как завуалированной пропаганды телесной разнузданности[3]. Любовная модель, представленная Пушкиным, может быть оце-

[1] Использованное в настоящей работе терминологическое разграничение бытийных сфер на естественную, сверхъестественную и противоестественную предложено С. Семеновой [9, с. 242—243].

[2] Внутренние связи между названными типами бытия и «лицом» раскрыты Ж. Пруайяр. К первому типу исследователь относит повседневно-семейное существование, в котором «лицо» раскрывается в своем телесном воплощении. Во втором значении «лицо» фигурирует в аномальных условиях войны, борьбы за власть, террора, которые порождают обстановку насилия и жизненных угроз. Здесь «лицо» реагирует на искаженные противоестественные формы жизнепонимания и жизнеповедения, и на нем появляются признаки разложения и смерти. Третий тип действительности проявляется в обстановке сверхъестественной, где происходит победа духа над силами зла и смерти. В этой ситуации искусство получает возможность описать личность в состоянии предчувствия Бога и раскрыть «внутреннее лицо» героя, «лицо» его духа, а также узрение героем Лика Господня [5, с. 38— 62].

[3] Вопрос о творческих стимулах для поэта на сегодняшний день остается открытым. Традиционно в качестве таковых принято считать «Потерянный рай» Дж. Мильтона, антицерковную поэму Вольтера «Орлеанская девственница», «кощунственно-порнографические» поэмы Э. Парни «Война богов», «Утраченный рай» и «Галантные приключения Библии», а также отечественные «ирокомические» поэмы XVIII века. Совокупность приведенных источников позволяет увидеть в генезисе пушкинского замысла различные травестийные черты. Обстоятельное исследование источниковедческой проблемы «Гавриилиады» предпринято М. В. Строгановым [10, с. 121—141].

нена как вполне «нормальная» форма (М. В. Строганов) познания телесной красоты мира, как постижение ее многообразия, а также как вполне человеческое переживание любовного томления и сладострастия[1].

Однако реабилитация греховного в поэме неожиданно приводит к ситуации совершенно иного плана — необходимости его сокрытия. В поэме таких сюжетных преткновений по меньшей мере три. Во-первых, отметим то невольное смущение, которое испытала Мария перед неожиданно возникшим архангелом Гавриилом. Это случается после того, как она, подобно Еве, уже познала сладость любовного «падения»: «От ужаса при виде Гавриила / Красавица лицо свое закрыла…» [6, с. 131]. Даже бесстрашный и коварный бес, застигнутый рядом с совращенной красавицей, растерялся перед неожиданно появившимся небесным посланником: «Пред ним восстав, смутился мрачный бес» [Там же, с. 131]. Второе преткновение не менее красноречиво. Теперь уже сам Гавриил, посланник небес, лжет Богу, скрывая от него свои любовные похождения. И наконец, третье, может быть, самое ответственное сомнительное положение: любовные «дерзновения» архангела и бурные переживания Марии, вызванные очередным ее падением, провоцируют появление в тексте ироничного и кощунственного авторского отступления: «Не сетуйте, красавицы мои, / О женщины, наперсницы любви, / Умеете вы хитростью счастливой / Обманывать вниманье жениха / И знатоков внимательные взоры, / И на следы приятного греха / Невинности набрасывать уборы…» [Там же, с. 134]. «Момент истины», обозначенный ниже, даже современного читателя может поразить бесстыдством: «И поутру, оправясь понемногу, / Встает бледна, чуть ходит, так томна. / В восторге муж, мать шепчет: слава богу, / А старый друг стучится у окна» [Там же, с. 134].

Авторское глумление можно объяснить реализуемой в поэме биографической моделью поведения. К предположениям такого рода располагают разыскания исследователей пушкинского наследия[2]. Основания дает и текст «Гавриилиады», где в авторском дискурсе находим признание: «Досель я был еретиком в любви, / Младых богинь

---

[1] По мнению М. В. Строганова, представленную в «Гавриилиаде» модель человеческих отношений следует рассматривать не как «богохульную», «но как пример "нормального" человеческого поведения, в котором (для большей убедительности) приведены, так сказать, крайние случаи» [10, с. 130—131].

[2] О биографическом оправдании эротических мотивов в «Гавриилиаде» Пушкина см.: [11, с. 39—54; 10, с. 127—132], а мотивов лицемерия в лирике поэта см.: [3, с. 149—174].

безумный обожатель, / Друг демона, повеса и предатель…» [Там же, с. 136]. Однако вопрос в ином. Насколько пушкинское признание смыкается с теоретически обоснованным *авторским* выбором, с тем, что потенциировано не биографически, но поэтически и утверждено согласно законам художественной выразительности?

Когда скандальная история с «Гавриилиадой» давно уже была «сдана» в государственный архив[1], Пушкин пишет «Сказку о попе и о работнике его Балде» (1830). Видный отечественный «специалист по куклам» Б. П. Голдовский обратил внимание на то, что Пушкин, занимаясь сбором материалов для этой сказки, зафиксировал эпизод, «свидетельствующий о кукольном происхождении сюжета» [1, с. 325]. Голдовский имел в виду завершающий абзац из записи № 3, сделанной Пушкиным со слов Арины Родионовны в Михайловском в 1824 году. В этом фрагменте, мотивы которого Пушкин в текст самой сказки не включил, Балда, действительно, предстает неким кукольником. «Балда у Царя — дочь одержима бесом — балда под страхом виселицы берется вылечить [кня] Царевну — с нею ночует — берет с собою орехи железные и старые карты да молоток — знакомого бесенка заставляет грызть железные орехи; играет с ним в щелчки и бьет бесенка молотком — На другую ночь тоже — На третью делает куколку на пружинах, у которой рот открывается — Что такое балда? — Пить хочет — всунь ему стручок-то свой, свою дудочку в рот — бесенок пойман и высечен и проч.» [7, с. 366]. В приведенном тексте просматривается протосюжет одного из ответвлений центрального события «Гавриилиады» — борьбы человека с инфернальными силами.

Конечно, Балда-кукольник мало чем напоминает архангела Гавриила. Но придуманный им способ расправы с чертом весьма похож на прием, которым ранее воспользовался персонаж «Гавриилиады»: «Уж ломит бес, уж ад в восторге плещет; / По счастию проворный Гавриил / Впился ему в то место роковое / (Излишнее почти во всяком бое), / В надменный член, которым бес грешил. / Лукавый пал, пощады запросил / И в темный ад едва нашел дорогу» [6, с. 133]. Мотивное сходство позволяет увидеть определенные совпадения и на более глубоком структурном уровне. Автор «Гавриилиады» поразительно походит на организатора театрального представления. Он монтирует переключение повествования из одного временного пласта в дру-

[1] Седьмого октября 1828 года Пушкин, дотоле пытавшийся отрицать свое авторство, написал Николаю I письмо с признанием своей вины; 31 декабря того же года император вынес резолюцию: «Мне это дело известно и совершенно кончено» [8, с. 569].

гой, чередует точки зрения, совмещает сон и реальность и особым образом обращается с персонажами. Ему свойственно то вызвать их на «откровенность», то в чем-то упрекнуть, потешаясь над их легковерием: «Нет, милая, ты, право, обманулась: / Я не тебя, — Марию описал…» [6, с. 121].

Поэтика народного кукольного театра, вплотную соприкасающегося с балаганом, не стесняется бесстыдством высказываний, грубостью жестов, не боится «антиповедения». Эта эстетически выверенная игровая стихия, на наш взгляд, присутствует и в «Гавриилиаде». Характер переходов между сценами поэмы, как и в балаганной постановке, — интермедиен. Переходы и отступления искусно вращаются вокруг главной поэтической темы, но их стилистика ориентирована на легкую «болтовню». Об этом, обнажая прием, говорится в одном из отступлений поэмы: «Когда любви забыли мы страданье / И нечего нам более желать, — / Чтоб оживить о ней воспоминанье, / С наперсником мы любим поболтать» [Там же, с. 124].

Шуточность задуманной миссии «спасения» выражается в ее двуплановой поэтике. Распространенная традиция балаганного пародирования библейских сюжетов допускает напускное «смирение» и такую же трансформацию понятия «спасение души». Автор обещает: «Смиренных струн, быть может, наконец / Ее пленят церковные напевы, / И дух святой сойдет на сердце девы; / Властитель он и мыслей и сердец» [Там же, с. 121]. Но в действительности спасение мыслится как избавление от тяжких мук *скучной* и *тягостной* повседневности. В результате акт Спасения разыгрывается как факт грехопадения, в котором участвуют и земные, и небесные персонажи.

Библейский сюжет поэмы реализуется в глухом, провинциальном пространстве, где в полной безвестности живет героиня. Провинции в поэме противостоит еще не христианский столичный вертеп (Ерусалим) — место забав, неги и сладострастия. Противопоставление периферии центру придает первой особый статус: пространственная удаленность выступает своего рода залогом покоя Марии, ее наивности и невинности. «В глуши полей, вдали Ерусалима, / Вдали забав и юных волокит, / (Которых бес для гибели хранит), / Красавица, никем еще не зрима, / Без прихотей вела спокойный век» [Там же, с. 121—122]. Ценностные ориентиры христианского мифа, переплетаясь с оценками, потенциально включенными в тему полноты/неполноты семейной жизни («…не много он смотрел / На прелести, которыми владел…» [Там же, с. 122]), актуализируют все семантические поля текста, примыкающие к мотиву личного, внутреннего, обыденно-повседневного бытия, концентрируя внимание на теме томления жизнью.

Как видно, экспозиция библейского сюжета показана Пушкиным в ее традиционных семейно-бытовых аспектах. В этом контексте образ лица и его метонименты фиксируют телесно существенные внешние черты лицевой части головы Марии. Автором названы и другие части тела. Эротическое начало в портрете обозначено указанием на грудь и ноги. Скомпонованы же все детали зарисовки так, чтобы взгляд начинал свое движение с созерцания элементов лица и к ним возвратился. «Бровь темная, двух девственных холмов / Под полотном упругое движенье, / Нога любви, жемчужный ряд зубов…» [Там же, с. 121]. Значимость приведенного портрета в том, что он, фактически, знакомит читателя с внешностью Марии и потому особенно репрезентативен. В качестве семантически знаковых элементов лица выступают не глаза, а брови, а также не собственно губы и рот, а зубы. Заметим, глаза в системе лицевых элементов портрета Марии появятся позже. Но и брови в приведенном описании означены характерологически нейтрально. В них названа только темная цветовая гамма как характерная для Среднего Востока. Иные же возможные для бровей семантизирующие задачи приглушены. Не так с зубами. В тексте поэмы портрет Марии реплицировано «рифмуется» с внешностью воображаемой слушательницы Пушкина, которая «отвечает» поэту улыбкой («Зачем же ты, еврейка, улыбнулась, / И по лицу румянец пробежал? <…> Я не тебя, — Марию описал» [Там же, с. 121]). Последнее, на наш взгляд, придает завершающей описательной детали, интересующей нас, особое значение. Во-первых, читатель получает представление о непосредственной реакции своей аудитории на эротическую проблематику произведения. Во-вторых, эта знаковая деталь дает старт созиданию в поэме обобщенного лица. И в-третьих, улыбка «еврейки», будучи композиционно связана с портретом Марии, дает возможность «прицельно» интерпретировать семантику «жемчужного ряда зубов». Этот элемент (несмотря на его художественную затертость) использован автором для того, чтобы сфокусировать восприятие не столько на показателях здоровья и молодости, какими можно считать белоснежные зубы, но и на качестве обозначаемой ими улыбки. Современная невербальная семиотика делит улыбки на две большие группы: «Улыбки, в названиях которых отображается *участие тех или иных органов* при их производстве, и улыбки, в названиях которых отражается *восприятие* адресатом или третьим лицом формы рта, губ, зубов и пр. улыбающегося» [4, с. 356. Здесь и далее курсив в цитатах наш. — *С.И.*] Во втором случае, когда улыбающийся рот широко открыт и ряд зубов виден, улыбка представляется знаком коммуникации. С учетом этого обстоятельства русские люди «последовательно различают, например,

такие жесты, как *улыбка*, *усмешка, гримаса, оскал и ухмылка*, и такие слова, как глаголы *усмехаться, скалиться, лыбиться* и *осклабиться*» [Там же, с. 351]. В нашем варианте описанную в портрете Марии улыбку и по лексическому исполнению, и по символическому обозначению следует квалифицировать как открытую и доброжелательную, а не скрывающую что-то «свое».

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что между бровями и ртом Пушкин не отметил ни одной другой лицевой детали. Более того, этот «пробел» поэт заполнил эротическими символами («два девственных холма» и «нога любви»), обозначив узкую, сугубо мужскую, но своеобразную точку зрения на женскую внешность и, шире, на женщину и наслаждение. Подобное представление «лица» героини и ее внешности, перемежающее определения чистоты, невинности и совершенства с эротическими деталями, сохранится в тексте и в последующем, обеспечивая поэме не только удивительный поэтический баланс, но и необычную антропологию.

Фокусируя внимание на женской красоте, пушкинское произведение тем самым создает вокруг земного существования героини атмосферу особого ожидания, которое оправдывается резкой сменой планов бытия. Переход от земного существования к небесному приводит к стремительному развороту духовно-религиозной семантики концепта «лицо». Небожители восприняты и осознаны с двух точек зрения: авторской и персонажной. В авторском варианте формирование божественного лица опирается на понятие Божественного промысла, а затем и на мотив Благовещения. Первое Пушкин метафорически воплощает в образе *взгляда*, брошенного Всевышним с неба на землю. Эта метафора одновременно выполняет и метонимическую роль, давая косвенное представление о божественном лице. «Но, братие, с небес во время оно / Всевышний бог склонил приветный взор / На стройный стан, на девственное лоно / Рабы своей — и, чувствуя задор, / Он положил в премудрости глубокой / Благословить достойный вертоград…» [6, с. 122]. Повествование, инструментованное в разговорном регистре, конечно, не претендует на узрение Лика Господня. Более того, Бог, по пушкинской версии, смотрит с небес на Марию примерно так же, как балаганный зазывала с балкончика своего театра. Подобное впечатление создается с помощью укрупняющей оптики. В фокусе божественного взгляда не *лицо* Марии, но ее *фигура*. Мотив божественного всеведения предвещает профанацию мотива «непорочного зачатия».

При обращении к поэтологии концепта «лицо» в принципиальных для библейской истории сценах благовещения и грехопадения важно

учитывать авторскую корректировку способов развертывания обеих сцен. Относительно действий, совершающихся на небесах с участием Марии, в тексте есть четкие указания — это сон. Завершаются события на небесах, как известно, упоминанием о тенях в «волшебном фонаре»[1]. А вот случившееся вслед за мистерией грехопадение, согласно авторским пояснениям, происходит на грани яви и сна.

Сообщая о вознесении Марии к божественному престолу и появлении там же небесной рати (ангелов, архангелов, серафимов, херувимов), Пушкин соблюдает традицию. В древней Иудее лицо Бога видеть не позволялось. Это положение ясно проговорено в поэме «Потерянный рай» Д. Мильтона. И у Пушкина юная героиня в момент появления Всевышнего в трепете опускает голову вместе с божественной свитой, павшей ниц. Она *чувствует*, как разливается божественное сияние, и *слышит* Божественный голос. «Все пали ниц… Умолкнул арфы звон. / Склонив главу, едва Мария дышит, / Дрожит как лист и голос Бога слышит…» [6, с. 123].

Давая понять своеобразие внутреннего узрения Бога героиней (оно в священном трепете души, прочувствованном Марией), Пушкин очень тонко прорисовывает и авторскую версию. Она отличается от персонажной. В поле авторского видения внешность и поведение Бога ближе к образности древнегреческой античной мифологии. Таким Всевышний являлся автору и в ранее приведенном примере. В этой же стилистике божественное лицо будет обрисовано после того, как Мария покинет небо, посетит свой сад и вернется в дом. Когда Властитель неба, поверив обманувшему его Гавриилу, принимает судьбоносное для христианского мира решение, Пушкин сравнивает его с Зевсом: «И Царь небес, не говоря ни слова, / С престола встал и манией бровей / Всех удалил, как древний бог Гомера, / Когда смирял бесчисленных детей…» [Там же, с. 134]. Воспроизводя античную традицию представления Бога, автор поэмы предупреждает читателя: «Но Греции навек погасла вера, / Зевеса нет, мы сделались умней!» [Там же, с. 134]. Но поскольку в сцене на небе с участием Марии авторская точка зрения объединяет два мировидения, его самого и юной героини, которую он стремится понять, постольку сбалансирован и образ

[1] «Волшебным фонарем» в XVIII веке называли своего рода проекционный фонарь, с помощью которого нанесенные на стекле или слюде фигурки, приводившиеся в движение специальным диском, оживали на экране. «Волшебный фонарь», изобретенный иезуитом Афанасием Кирхером, использовался сначала церковью, а потом перекочевал в театры и балаганы. В России получил известность в XVIII веке (см: [1, с. 101—102]).

Бога. Рисуя его, Пушкин обыгрывает мистериальные смысловые аспекты концепта «лицо», используя такое словосочетание, которое, с одной стороны, удерживает образ в семантическом антропоморфном поле, а с другой — абстрагирует, дематериализует его.

Таковым и явилось выражение, объединяющее неатропоморфное явление — «небо» — со словом «лицо» по типу «лицо природы», «лицо земли», «лицо неба», «лицо моря» и т.п. «Открыв уста, сложив умильно руки, / Лицу небес Мария предстоит» [Там же, с. 123]. Выражение «лицо небес» персонифицирует обозначение Бога Отца. Оно же и суммарный аллегорический знак небесной рати вообще. Его интегрирующая семантика отлична от образности греческой мифологии. Концептуальная направленность выражения «лицо небес» близка к попыткам умственного постижения божественного философией конца XVIII — начала XIX века.

Двунаправленный образ «мерцает». И в этом его сила. Он не жесток и поэтому не «сопротивляется» намечающемуся тут же, в поле его влияния, переходу от сверхъестественного к естественному бытию. Этот переход локализован в мироощущении юной Марии и совершается, когда ее «умильное» внимание к престолу господнему перехватывает архангел, обращая его на себя. «Но что же так волнует и манит / Ее к себе внимательные взоры? / Кто сей в толпе придворных молодых / С нее очей не сводит голубых?» [Там же, с. 123]. В таком восприятии «оживляется» принцип визуализации, и объектно-субъектно внимание к божественному содержанию концепта центрируется на вполне человеческих деталях лица — глазах. Картина, предстающая пародийной в соотнесенности с областью сверхъестественного, остается психологически точной и убедительной на уровне естественного бытия.

Здесь уместно вернуться и к сновидческому слою ее поэтики. Отношения между Марией и архангелом, завязывающиеся в ее сне, выполняют предсказательную функцию и служат прелюдией к сценам грехопадения. Поскольку мистериальная сцена повествует о благовещении — отвлечение внимания будущей Богородицы на архангела вдвойне знаменательно. Предчувствие Марией настоящего восторга любви окрашивает и восприятие облика Гавриила. Так, в поле зрения героини возникают очертания лица небожителя, младшего по чину. Это лицо проступает на портрете архангела. Оно напоминает лик и, одновременно, полно эротических намеков: «Пернатый шлем, роскошные уборы, / Сиянье крил и локонов златых, / Высокий стан, взор томный и стыдливый — / Все нравится Марии молчаливой. / Замечен он, один он сердцу мил! / Гордись, гордись, архангел Гавриил!» [Там

же, с. 123]. «Златой шелом, украшенный алмазом» и «мягкие власы» еще раз будут упомянуты при описании борьбы архангела с царем подземного мира.

Золотистый цвет волос, обрамляющих лицо Гавриила, вполне традиционен с точки зрения сопрягаемых с ним небесно-духовных ценностей (золото в данном случае не драгоценный метал, а символ солнечности), но не очень привычен, если к портрету подойти с точки зрения развиваемой в поэме эротической проблематики. Полисемантический образ волос — традиционный эротический символ. Количественная неопределенность массы волос, видных из под шлема Гавриила, их необильность, думается, эротически значимая деталь. В этом пункте мужской лицевой портрет поэмы смещает картину восприятия. Эротическая семантика образа архангела, ассоциируемая с любовными авторскими похождениями, приобретает самостоятельное художественное звучание.

Демоническое содержание концепта «лицо» персонифицируется в поэме во внешних чертах беса, соблазняющего Марию. Заметим, это осуществлено с переходом повествования от естественных и сверхъестественных форм бытия к противоестественным. Вместе с тем само существо греха в «Гавриилиаде» переосмысляется. Представляя соблазнение как прорыв к телесной красоте мира, Пушкин занимает двойственную позицию. Он бесповоротно дезавуирует происки бесовских сил, но при этом не лишает эротическую составляющую сюжета привлекательности. Авторское видение «лица» (личины) демонического персонажа, шире, авторский взгляд на его внешность отличаются от видения Марии. Простодушной Марии сатана явится загадочным. «Краса змии, цветов разнообразность, / Ее привет, огонь лукавых глаз / Понравились Марии в тот же час» [Там же, с. 126]. В авторской «версии» демон снижен до «лукавого», который узнает о Благовещении, «шатаясь в белом свете». Да и сам бесовской замысел совращения, по Пушкину, лишь следствие зависти беса к Богу, познавшему волнения Любви. «Хлопоты» беса, говорит поэма, — результат проволочек и недосмотра небес: бес начал действовать, потому что Всевышний впал в «унынье сладкое» и бездействие: «Весь мир забыл, не правил он ничем» [Там же, с. 125].

Эротическое поле с появлением в поэме беса меняется. Параллельно повествование фиксирует и смену бесовских личин. Перед тоскующей по Гавриилу Марией бес предстает, «приманчивой блистая чешуею». Захватив внимание своей простодушной собеседницы, искуситель тут же меняет свой облик: «Лукавый бес, надменно развернув / Гремучий хвост, согнув дугою шею, / С ветвей скользит — и падает

пред нею…» [Там же, с. 127]. В тот момент, когда «вниманье молодое» уже всецело поглощено эротическими мечтами, взгляду Марии предстает наиболее привлекательный антропоморфный образ Сатаны, который более всего скрывает его сущность. «И вдруг змии как будто не бывало — / И новое явленье перед ней: / Мария зрит красавца молодого. / У ног ее, не говоря ни слова, / К ней устремив чудесный блеск очей, / Чего-то он красноречиво просит…» [Там же, с. 130]. Марию мог насторожить горящий взор «красавца». Известно, что дьявола выдает блеск глаз. Но эта деталь остается не опознанной героиней поэмы. Давая читателю понять и прочувствовать ее простодушие, Пушкин «разыгрывает» сцену грехопадения, в которой эротическое начало эстетически раздваивается.

Бес смотрится и смотрит красиво. Однако в целом этот персонаж более всего унижен именно авторской стратегией изображения его лица. В образе понравившейся Марии змеи мы видим мерцание антропоморфных / неантропоморфных черт. В момент появления архангела в саду, «пред ним восстав, *смутился мрачный* бес…» [Там же, с. 131]. Сопротивление беса приводит к трансформации его внешности, описанной антропоморфно. Он осыпает архангела бранью, и его лицо искажается от ненависти, теряя привлекательные черты: «Проклятый рек и, злобою горя, / Наморщив лоб, скосясь, кусая губы, / Архангела ударил прямо в зубы…» [Там же, с. 132]. По ходу боя Пушкин упоминает широкие плечи «подземного царя», его «могучую руку». Однако следующее затем балаганное наказание черта путем поругания его низа в полной мере раскрывает авторскую стратегию создания демонических пластов семантики концепта «лицо». Эротика, как показывает Пушкин, захватывает верх и низ живого существа.

Но телесно-эротические переживания, которые нам дано прочитать на лице и в поступках, прекрасны в той мере, в какой очеловечены и не лицемерны. И в этом аспекте знаковой представляется авторская оценка внешне учтивой эротической бесовской игры как воровства: «Одной рукой цветочек ей подносит, / Другою мнет простое полотно / И крадется под ризы торопливо…» [Там же, с. 130].

Эротическое событие, которое имело место вслед за Благовещением, резко травестирует последнее. Но знаменательно, что поэма очищает эротику от иронии и двусмысленности. Обратимся вновь к портрету архангела. В эротико-семантическом поле портретного описания Гавриила интересно даваемое Пушкиным ценностное указание на «вполне человеческую» сторону его любовных чувств, означаемых «взором» — «томным и стыдливым». Существенно, что описывая сражение божественных и подземных сил, Пушкин разовьет этот мотив

переживаний архангела. О нем сообщается и перед началом поединка: «Но Гавриил, нахмуря взгляд ревнивый…» [Там же, с. 132] — и особенно после победы над бесом, когда посол Всевышнего «краснел», объясняя Марии «чувствия чужие» «в божественных словах».

Мотив стыда объединяет переживания архангела и Марии. Об этом говорят телесные детали, упомянутые в описании сцены, и лицо Марии, как бы всплывающее в потоке переживаний, а также лицо архангела, представляемое ею: «И перед ней коленопреклоненный, / Он между тем ей нежно руку жал… / Потупя взор, прекрасная вздыхала, / И Гавриил ее поцеловал. / Смутясь она краснела и молчала, / Ее груди дерзнул коснуться он… / «Оставь меня!» — Мария прошептала, / И в тот же миг лобзаньем заглушен / Невинности последний крик и стон…» [Там же, с. 133—134]. Показатели духовного состояния героини — ее смущенное молчание, потупленный взор. Свидетельство переживаемого стыда на лице Марии — краска на щеках, но это уже не прежний, как в сцене с бесом, «румянец нестыдливый».

Таким образом, при описании внешности Марии «лицо» по мере развития сюжета указывает не только на эротическую составляющую, но и на сложный внутренний духовный процесс. Когда грех Марии открывается архангелу, она от ужаса закрывает свое лицо. Семиотически значимый жест демонстрирует разлад с непреклонными нравственными устоями, которые нарушает пушкинская героиня. Особенно ярко интегрирующая (божественно-земная) функция «лица» раскрывается в важной сцене после боя Гавриила с бесом, где, радуясь победе архангела, «Красавица глядела чуть дыша; / Когда же к ней, свой подвиг соверша, / Приветливый архангел обратился, / Огонь любви в лице ее разлился / И нежностью исполнилась душа. / Ах, как была еврейка хороша!..» [Там же, с. 133].

Поэтология Благовещения показывает, что сражение божественных и дьявольских сил в поэме за перворуководство земным существованием Марии оказывается двуплановым. Внешне-формально обман Гавриилом Бога (по возвращении из сада после встречи с Марией) ставит под сомнение благостную оценку торжества божественно-духовного, чувствительно-стыдливого начала. С подобной интерпретацией сюжетного действия в поэме соотносима и сфера авторских переживаний: и здесь ситуация восторга и упоения красотой перестраивается в близкое автору стремление обладания красотою.

Рассмотрим этот вопрос с точки зрения того, как изменяются в поэме функции лица после возвращения архангела Гавриила на небеса. К этому моменту, на наш взгляд, сюжетное развитие проходит тексто-

вую вершину. Обман, совершаемый Гавриилом, и отсутствие в тексте покаяния архангела служат той чертой, начиная с которой слово «лицо» в функции обобщающего портретного описания из текста исчезает, уступая место отдельным подробностям портретного изображения и, что немаловажно, информации о телесном совершенстве Марии. Своей нижней точки движения концепт «лицо» достигает в описании героини перед знаковыми событиями «непорочного зачатия». Здесь Мария, тешась и нежась, «Довольный взор с улыбкою склонила, / И, счастлива в прелестной наготе, / Сама своей дивится красоте…» [Там же, с. 135]. На лице героини Пушкин помещает все те же, что и в начале произведения, ценностные символы: «довольные» глаза и удовлетворенный, приоткрытый в улыбке рот. Можно отметить, что во втором случае портрет описывается уже не с мужской эротической точки зрения, а с женской. Но важно другое. Фокус портрета не на лице, он смещен. Глаза героини смотрят на ее же совершенное нагое тело. И, соответственно, в эту сторону смещается семантическое поле и выразительные задачи произведения.

Названные переживания Марии знаменательны тем, что они зеркально повторяют «открытия» Евы, о которых будущая Богородица ранее могла знать из Библии, а в поэме непосредственно слышит от Сатаны. Последний рассказывает («Ты слышала, — обращается он к Марии, — как все произошло?» [Там же, с. 128]) о ветхозаветном грехопадении увлеченно, реабилитируя его не только как право человека на Познание, но и как возможность постижения красоты и совершенства человеческой телесности и человеческих переживаний. «Она свою познала красоту, / И негу чувств, и сердца трепетанье, / И юного супруга наготу» [Там же, с. 129]. Выявляемая в поэме формальная паритетность бесовской и авторской точек зрения отражает творческий замысел Пушкина — показать полноту и сложность эротического переживания. Одновременно своего предела достигает и момент выразительности, требуя осмысления подобного композиционного соположения.

Поэтология «Гавриилиады» противостоит торжественному «любовному псалмопению». Но она не дает выхода и утонченной лирической стихии. Все возвышенное, что может дать эротическая тема, в поэме перечеркивается цепью непристойных намеков и двусмысленных жестов. «Ее супруг, почтенный человек… — пишет Пушкин по поводу плотника Иосифа, — не много он смотрел / На прелести, которыми владел, / И тайный цвет, которому судьбою / Назначена была иная

честь, / На стебельке не смел еще процвесть. / Ленивый муж своею старой лейкой / В час утренний не орошал его; / Он как отец с невинной жил еврейкой, / Ее кормил — и больше ничего» [Там же, с. 122]. Вот почему, подводя итог наблюдениям о соотносительности в концепте «лицо» духовного и телесного, считаем важным еще раз вернуться к характерному для начала XIX века культурному контексту, в который Пушкин помещает изображенные в поэме сюжетные события.

На этот контекст указывает слово «шалость» в суждении Марии о приобретенном любовном опыте: «Он улетел. Усталая Мария / Подумала: "Вот шалости какие! / Один, два, три! — как это им не лень? / Могу сказать, перенесла тревогу: / Досталась я в один и тот же день / Лукавому, архангелу и богу"» [6, с. 135]. В начале XIX века словом «шалость» называли, с одной стороны, не вполне одобряемые, с другой — снисходительно прощаемые любовные похождения записных повес. О двойном ценностном статусе контекста «шалость» еще помнит словарь Даля, где это слово обозначает и «невинную шутку», и «вредную, непристойную, глупую забаву от безделья» [2, с. 620].

К последнему склоняет и пушкинский текст, предлагая игровое совмещение библейского и светского взглядов на диалектику «лица», «души» и «тела». Авторское понимание «душевного спасенья» определено центральным заданием поэта — сочинением «гимна» земной красоте. «Гимн» обозначает не только жанр, но и традицию словесного жизнеутверждения. «Песня» властителям небес уже во вступлении к поэме «разыгрывается» как мистериальное «благословение», которое, однако, тут же принимает форму пролога марионеточного представления. В этом аспекте и завершение поэмы предстает балаганно-театральным вариантом карнавальной версии сюжета о перемене «старого» и дряхлого царя (или мужа) на «молодого» и энергичного, чему, соответственно, подчинены и эротические мотивы.

В начале поэмы автор намерен «благословить» будущую Деву Марию и в шутку присваивает себе роль Верховного распорядителя. Совмещение роли живого действующего автора и «благославляющего» влияет на своеобразие видения феномена «лица» (а также «души» и «тела») героини. В фокусе авторского взгляда оно предстает метонимически в виде милых губ, улыбка которых стимулирует шуточность творчества-служения: «Любезных уст улыбкою довольный, / Царю небес и Господу-Христу / Пою стихи на лире богомольной» [Там же, с. 266]. Заканчивается поэма таким же балагурным покаянием: притворным увереньем архангела в том, что с еретической любовью покончено.

Список литературы

1. *Голдовский Б. П.* Куклы: энциклопедия. М., 2004.

2. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1978—1980. Т. 4.

3. *Исаев С. Г.* «Молчу… и втайне я страдаю…»: Антропология и поэтика концептов «лицемерие» и «приличие» в лирике Пушкина 1810—1820-х годов // Слово.ру: балтийский акцент. 2010. №1—2.

4. *Крейдлин Г. Е.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М., 2004.

5. *Пруайяр Ж.* «Лицо» и «личность» в творчестве Бориса // Пастернаковские чтения. М., 1998. Вып. 2. С. 38—62.

6. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 4: Поэмы 1817—1824. Л., 1937.

7. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 19 т. Т. 17 (дополнительный): Рукою Пушкина. Выписки и записки разного содержания. Официальные документы. М., 1998.

8. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 2 т. М., 1999. Т. 1.

9. *Семенова С.* «Всю ночь читал я твой завет…» Образ Христа в современном романе // Новый мир. 1989. №11.

10. *Строганов М. В.* Комментарий, подготовка текста поэмы А. С. Пушкина «Гавриилиада» // Пушкин А. С. Гавриилиада: поэма. Тверь, 2000.

11. *Томашевский Б. В.* История; Сюжет // Пушкин А. С. Гавриилиада. М., 1991.

12. *Флоренский П. А.* Соч.: в 4 т. М., 1994—1999.

Сергей Кибальник
(Санкт-Петербург)

ГАЙТО ГАЗДАНОВ И ВОЕННАЯ ПРОЗА ЛЬВА ТОЛСТОГО

Как уже было мной недавно показано, роман Гайто Газданова «Вечер у Клэр» написан в традициях не Марселя Пруста, а автобиографической прозы Л. Н. Толстого [2]. До настоящего времени проходили мимо внимания исследователей и существенные интертекстуальные связи между заключительными страницами «Вечера у Клэр», на которых герой-рассказчик Газданова рассказывает о своем участии в Гражданской войне, и военной прозой Толстого. Между тем они довольно значительны.

Как отмечали еще современники Толстого, его «Севастопольские рассказы» и ранняя военная проза представляли собой прежде всего «очерки разнообразных солдатских типов (и отчасти офицерских)» [3, с. 215]. Одна из главных тем этих произведений, как определяет ее Л. Д. Опульская, — это «что такое смертельная опасность и воинская доблесть, как переживается страх быть убитым и в чем заключается храбрость, побеждающая, уничтожающая этот страх» [4, с. 8]. Вот как, например, эта тема ставится в рассказе «Набег» (1852).

В самом его начале о храбрости разговаривают между собой герой-рассказчик и капитан Хлопов: «— Храбрый? храбрый? — повторил капитан с видом человека, которому в первый раз представляется подобный вопрос: — *храбрый тот, который ведет себя как следует*, — сказал он, подумав немного. Я вспомнил, что Платон определяет храбрость *знанием того, чего нужно и чего не нужно бояться,* и, несмотря на общность и неясность выражения в определении капитана, я подумал,

что основная мысль обоих не так различна, как могло бы показаться, и что даже определение капитана вернее определения греческого философа, потому что, если бы он мог выражаться так же, как Платон, он, верно, сказал бы, что храбр тот, кто боится только того, *чего следует бояться,* а не того, *чего не нужно бояться*» [5, т. 3, с. 16—17; курсив Толстого. — *С. К.*]. Мысль эта иллюстрируется в дальнейшем несколькими примерами и проверяется самим сюжетом рассказа.

Мы узнаем о «неслужащем каком-то, из испанцев, кажется», который «все, бывало, впереди ездит; где перестрелка, там и он» и которого «таки ухлопали». На реплику героя-рассказчика о нем: «— Так, стало быть, храбрый» — капитан отзывается: «— Нет, это не значит храбрый, что суется туда, где его не спрашивают...» [5, т. 3, с. 16]. В рассказе и повествуется о таком же, только уже русском герое, «хорошеньком прапорщике», который, несмотря на запреты капитана, все же «бросается на ура» и получает в результате этого смертельное ранение. Ему противопоставлен сам капитан Хлопов: «В фигуре капитана было очень мало воинственного; но зато в ней было столько истины и простоты, что она необыкновенно поразила меня. "Вот кто истинно храбр", сказалось мне невольно. Он был *точно таким же, каким я всегда видал его…*» [Там же, т. 3, с. 37; курсив Л. Н. Толстого. — *С. К.*]. «Мораль» рассказа сформулирована в нем и прямо, словами «старого солдата»: «— Ничего не боится: как же этак можно! — прибавил он, пристально глядя на раненого. — Глуп еще — вот и поплатился. — А ты разве боишься? — спросил я. — А то нет!» [Там же, т. 3, с. 38].

Герой «Рубки леса» капитан Болхов прямо признается: «— Я не могу переносить опасности... просто, я не храбр...» — и объясняет свое пребывание на Кавказе невозможностью вернуться в Россию [Там же, т. 3, с. 55]. Как бы в противоположность «Набегу» — и вслед за некоторыми другими произведениями Толстого, например «Севастопольскими рассказами» и той же «Рубкой леса», — военные сцены «Вечера у Клэр» начинаются с изображения случаев «самой ужасной трусости», которую никак не может понять герой-рассказчик [1, т. 1, с. 128]. При этом Газданов, безусловно, опирается на «Севастопольские рассказы» и «Войну и мир»: Володя Козельцов «в настоящую минуту был *жесточайшим трусом,* хотя шесть месяцев тому назад он далеко не был им» [5, т. 4, с. 68; здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, курсив наш. — *С. К.*], на Жеркова внезапно находит «непреодолимый страх» [5, т. 9, с. 225], а всем существом Николая Ростова владело «одно *нераздельное чувство страха* за свою молодую, счастливую жизнь» [Там же, т. 9, с. 229].

Только представив в беглом абрисе целую когорту редкостных трусов, Газданов переходит к рассказу об «иных» людях: полковнике Рихтере, поручике Осипове, солдате Филиппенко, об «одном из самых смелых людей», каких он «когда-либо видел» [1, т. 1, с. 132], — Данько и, наконец, об исключительном храбреце Аркадии Славине. При этом у Газданова отнюдь не проявляется закономерность, почти строго соблюдаемая у Толстого: офицеры фразерствуют, а солдаты без лишних слов выполняют свой долг. В «Вечере у Клэр» и трусы, и храбрецы встречаются как среди солдат, так и среди офицеров. Как и некоторые другие трансформации Газдановым мотивов Толстого, эта представляет собой, скорее всего, сознательную полемическую их интерпретацию.

Рассказав о «бронепоездных негодяях», герой-рассказчик Газданова вспоминает и о «самом удивительном человеке», которого он «видел на войне», «внешнее отличие которого заключалось в его непобедимой лени — Копчике» [1, т. 1, с. 140]. Обрадовавшись тому, что вследствие ранения наводчика он мог больше не подавать снаряды, Копчик «утешает» наводчика тем, что кровь у него «очень красная», а сердце «крепкое» [Там же, т. 1, с. 141]. Это напоминает финальный эпизод рассказа Толстого «Набег»: «Приехавший доктор принял от фельдшера бинты, зонд и другую принадлежность и, засучивая рукава, с ободрительной улыбкой подошел к раненому. — Что, видно, и вам сделали дырочку на целом месте, — сказал он шутливо-небрежным тоном, — покажите-ка. Прапорщик повиновался; но в выражении, с которым он взглянул на веселого доктора, были удивление и упрек, которых не заметил этот последний» [5, т. 3, с. 39]. И толстовский прапорщик, и газдановский наводчик вскоре после этого умирают. Однако если во взгляде первого на доктора были «выражение и упрек», то на лице второго — только «смертельная тревога». Неуместность подобного «утешения» у Газданова выражена имплицитно, через менее определенную деталь, подчеркивающую тяжелое состояние раненого: «наводчик с усилием посмотрел на Копчика» [1, т. 1, с. 141].

Даже примечания к «Набегу», в которых Толстой писал о значении некоторых слов «на кавказском наречии», например: «*Машпак* на кавказском наречии значит небольшая лошадь» [5, т. 3, с. 19; курсив Л.Н. Толстого. — *С.К.*] — могли подвигнуть Газданова на аналогичные ремарки в «Вечере у Клэр». Причем одна из таких ремарок почти совпадает с толстовским примечанием. Сравним у Газданова: «В глубине оврага, который на кавказско-русском языке называется балкой, тек ручей, в котором водились форели» [1, т. 1, с. 83—84] и у Толстого: «*Балка* на кавказском наречии значит овраг, ущелье» [5, т. 3, с. 19; курсив Л.Н. Толстого. — *С.К.*]. Пояснительная ремарка, у Толстого структурно выне-

сенная в подтекстовое примечание, у Газданова введена в художественную вязь самого текста. Она остается у него единственным пояснением языкового характера к кавказскому эпизоду «Вечера у Клэр», что особенно бросается в глаза на фоне целого ряда подобных примечаний Толстого к «Набегу». Впрочем, и сам этот «кавказский» эпизод романа, в отличие от военных рассказов Толстого, действие которых происходит на Кавказе, занимает в «Вечере у Клэр» всего несколько страниц.

Парадоксальность приступов трусости даже у нетрусливых людей запечатлена Толстым также, например, в рассказе «Севастополь в мае»: «Но Калугин был не штабс-капитан Михайлов, он был самолюбив и одарен деревянными нервами, то, что называют храбр, одним словом. <…> Другая бомба поднялась перед ним и, казалось, летела прямо на него. Ему вдруг сделалось страшно: он рысью пробежал шагов пять и *упал на землю*. Когда же бомба лопнула, и далеко от него, ему стало ужасно досадно на себя, и *он встал, оглядываясь, не видал ли кто-нибудь его падения, но никого не было.* Уже раз проникнув в душу, страх нескоро уступает место другому чувству; он, который всегда хвастался, что никогда не нагибается*, ускоренными шагами и чуть-чуть не ползком пошел по траншее.* <…> Калугин *решительно понять не мог, как он два раза позволил себя одолеть такой непростительной слабости*; он сердился на себя, и ему хотелось опасности, чтобы снова испытать себя» [5, т. 4, с. 39—41].

Изображение случаев «самой ужасной трусости» в «Вечере у Клэр» пронизано памятью об образах в произведениях Толстого: «Я *не понимал, как может* плакать от страха двадцатипятилетний солдат, который во время сильного обстрела и после того, как в бронированную площадку, где мы тогда находились, попало три шестидюймовых снаряда, исковеркавших ее железные стены и ранивших несколько человек, — *ползал по полу*, рыдал, кричал пронзительным голосом: ой, Боже ж мой, ой, мамочка! — и хватал за ноги других, сохранивших спокойствие» [1, т. 1, с. 128].

В рассказе Толстого «Севастополь в августе» на вопрос Володи Козельцова о Мельникове солдаты отвечают ему: «— А такой у нас, ваше благородие, глупый солдатик есть. Он *ничего как есть не боится* и теперь все на дворе ходит. Вы его извольте посмотреть: он и из себя-то *на ведмедя похож*. — Он заговор знает, — сказал медлительный голос Васина из другого угла. Мельников вошел в блиндаж. Это был толстый (что чрезвычайная редкость между солдатами), рыжий, красный мужчина, с огромным выпуклым лбом и выпуклыми ясно-голубыми глазами. — Что, ты *не боишься* бомб? — спросил его Володя. — *Чего бояться бомбов-то*! — отвечал Мельников, пожимаясь и почесываясь, — меня

из бомбы не убьют, я знаю. — Так ты бы захотел тут жить? — А известно захотел бы. *Тут весело*! — сказал он, вдруг расхохотавшись» [5, т. 4, с. 106—107].

Отзвуки разговоров толстовского Мельникова, возможно, звучат и в словах Филиппенко, не *понимавшего* «ни нервного возбуждения, владевшего людьми, ни их страха»: «— Ты *не боишься*, Филиппенко? — спрашивал его командир. — *А чего бояться?* — удивленно говорил Филиппенко. — Боязно ночью на кладбище, вот то боязно. А *днем не боязно*» [1, т. 1, с. 132]. Некоторыми чертами Мельникова отмечен и газдановский Данько: «Он был *веселый*, бесконечно добрый и бесконечно отчаянный человек. — Данько, ты поехал бы на северный полюс? — спрашивал я. — А там интересно? — Очень интересно и много белых *медведей*. — А, ни, — сказал он, — *я медведей боюсь*. — Почему же ты их *боишься*? Они тебя к высшей мере не приговорят. — А они укусят, — ответил Данько и засмеялся» [Там же, т. 1, с. 134]; «— *Как же ты, Данько, не испугался?* — спрашивали его уже после того, как он был переодет и накормлен и сидел у печи теплушки, куря папиросу из табака Стамболи. — *Кто не испугался?* — ответил Данько. — *О, я очень испугался*» [1, т. 3, с. 133] (ср. также аналогичный диалог в «Набеге»: «— *А ты разве боишься?* — спросил я. — *А то нет!*» [5, т. 3, с. 38]).

В то же время газдановский Данько, «большой любитель посмеяться и хороший товарищ» [1, с. 132], отчаянно храбрый, находчивый и изобретательный, невредимо разгуливающий под обстрелом, как будто он тоже «знает заговор», представляет собой, разумеется, полную противоположность бессмысленно храброму и не совсем психически нормальному Мельникову. Зато в этом последнем отношении Мельников, быть может, является отчасти прообразом газдановского Копчика.

Возможно, есть в «Вечере у Клэр» и образы, навеянные личностью самого Толстого. Так, деталь, относящаяся к его собственному участию в военных действиях: «Когда он наводил пушку, *неприятельская граната разбила лафет этой пушки*, разорвавшись у его ног. К счастью, Льву Николаевичу она не причинила никакого вреда» [6, с. 99] — возможно, была использована Газдановым при изображении полковника Рихтера: «Командир бронепоезда "Дым" лежал, я помню, на крыше площадки, между двумя рядами гаек, которыми были свинчены отдельные части брони. *Неприятельский снаряд, с визгом скользнув по железу, сорвал все скрепы*, бывшие слева от полковника; он даже не обернулся» [1, т. 1, с. 131].

По-видимому, в решении самого Газданова пойти на войну не последнюю роль играл пример Толстого. Во всяком случае, герой-

рассказчик «Вечера у Клэр» объясняет его не какими-либо политическими соображениями: «Я поступал в белую армию потому, что находился на ее территории, потому что так было принято; и если бы в те времена Кисловодск был занят красными войсками, я поступил бы, наверное, в красную армию» — а тем, что «хотел знать, что такое война, это было все тем же стремлением к новому и неизвестному» [Там же, т. 1, с. 116—117], то есть тем же, что подвигает на такое решение всякого начинающего писателя. В другой раз на вопрос дяди: «— А почему, собственно, ты идешь на войну?» — герой-рассказчик реагирует следующим образом: «Я не знал, что ему ответить, замялся и, наконец, неуверенно сказал: — Я думаю, что *это все-таки мой долг*» [Там же, т. 1, с. 118]. И это объяснение несколько корреспондирует — вполне закономерно отличаясь гораздо большей расплывчатостью — с мотивировкой, которую выдвигает герой «Севастополя в августе»: «Как-то совестно жить в Петербурге, когда *тут умирают за отечество*» [5, т. 4, с. 71].

Газданов вполне следует Толстому и в оценке войны как явления противоестественного: «И самые простые солдаты, единственные, которые оставались в этой обстановке прежними Ивановыми и Сидоровыми, созерцателями и бездельниками, — эти люди сильнее, чем все другие, страдали от *неправильности и неестественности происходящего* и скорее, чем другие, погибали» [1, т. 1, с. 148]. Однако у него эта противоестественность лишена руссоистского подтекста, который обычно ощущается у Толстого: «Природа дышала красотой и силой. <…> *Все недоброе в сердце человека* должно бы, кажется, исчезнуть в прикосновении с природой — этим непосредственным выражением красоты и добра» [5, т. 3, с. 29].

Образ Аркадия Славина, о котором герой-рассказчик отзывается так: «Все, что он делал, было исключительно и необыкновенно» [1, т. 1, с. 144] — так же, как и деда героя-рассказчика, — написан с явной ориентацией на повесть Толстого «Хаджи-Мурат». Проявления героями необыкновенного мужества или жестокости в самых кровавых обстоятельствах изображаются в этой повести неоднократно: «Я подбежал к палатке. Умма-Хан лежал ничком в луже крови, а Абунунцал бился с мюридами. *Половина лица у его была отрублена и висела. Он захватил ее одной рукой, а другой рубил кинжалом всех*, кто подходил к нему» [5, т. 35, с. 52], «Рядом с Гамзатом шел Асельдер, его любимый мюрид, — тот самый, который *отрубил голову* ханше» [Там же, т. 35, с. 57]. Доблесть, проявляемая в «Вечере у Клэр» Аркадием Славиным: «В бою с пехотой Махно, когда на площадке бронепоезда из четырнадцати человек команды остались только двое — остальные были убиты или ранены, —

Аркадий, с искривленной контузией челюстью, наступая на труп первого номера, которому *оторвало голову* — и безглавое тело его еще корчилось, и пальцы его уже не человеческих, отдельных рук еще царапали пол, — Аркадий, *пачкая свой френч в человеческих мозгах*, долго стрелял один из пушки в сплошную массу махновских солдат, карабкавшихся на насыпь» [1, т. 1, с. 144] — напоминает отчаянную храбрость мюридов Хаджи-Мурата.

В Славине герой-рассказчик даже подмечает «что-то азиатское»: «Его храбрость была не похожа на обычную храбрость: и все поступки Аркадия *отличались точностью, невероятной быстротой и уверенностью*; и, казалось, *сознание своего неизмеримого превосходства* над другими не покидало его никогда. *Движения его во время опасности были быстры*, как движения японского фокусника или акробата: в нем вообще было *что-то азиатское*, часть того таинственного *душевного могущества*, которым обладают люди желтой расы и которое непостижимо для белых» [1, т. 1, с. 144—145]. Аналогичные быстроту и точность Толстой описывает у Хаджи-Мурата: «Но не успел Арслан-Хан выстрелить, как Хаджи-Мурат, несмотря на свою хромоту, *как кошка*, *быстро бросился* с крыльца к Арслан-Хану» [5, т. 35, с. 94], «Хаджи-Мурат *бил без промаха,* точно так же *редко выпускал выстрел даром* Гамзало» [Там же, т. 35, с. 116]. Некоторыми своими чертами: «Вместе с тем Аркадий был *тяжел и широк*» [1, т. 1, с. 145] — Славин напоминает сына Хаджи-Мурата Юсуфа: «Широкие, несмотря на молодость, плечи, *очень широкий* юношеский *таз* и тонкий, длинный стан, длинные сильные руки и сила, *гибкость, ловкость во всех движениях* всегда радовали отца, и он всегда любовался сыном» [5, т. 35, с. 106].

Другие проявления характера Славина: «Офицеры не могли простить ему тех *презрительных усмешек*, какими он сопровождал их неудачные распоряжения во время боя» [1, т. 1, с. 145] — связывают его с самим Хаджи-Муратом. В обращении последнего с окружающими то и дело проглядывает «презрение»: «*презрительно* оглядывая присутствующих» [5, т. 35, с. 46]; «Во все время разговора Хаджи-Мурат сидел, заложив руку за рукоять кинжала, и чуть-чуть *презрительно улыбался*» [Там же, т. 35, с. 84]; «Хаджи-Мурат сбоку взглянул *презрительно* на маленького, толстого человечка в штатском и без оружия» [Там же, т. 35, с. 101]; «человек этот не только был предан Шамилю, но испытывал непреодолимое отвращение, *презрение*, гадливость и ненависть ко всем русским» [Там же, т. 35, с. 55]; «или, противно религиозному закону и чувству отвращения и *презрения* к русским, покориться им» [Там же, т. 35, с. 81]; «К Ивану Матвеевичу Хаджи-Мурат с первого знакомства с ним почувствовал отвращение и *презрение*» [5, т. 35, с. 84].

В Славине подчеркивается его красивый голос и умение петь: «Ночью мы просыпались оттого, что слышали *раскаты его сильного баритона*; он всегда пел, возвращаясь. Он вообще *пел очень хорошо*; он по-настоящему знал, что такое музыка. С побледневшим лицом, с головой, склоненной на грудь, он просиживал в купе долгие минуты совершенно неподвижно; и потом вдруг глубокий грудной звук наполнял вагон; и через секунду я не видел больше ни стен вагона с развешенными по ним винтовками, ни книг, ни ламп, ни моих товарищей — точно их никогда и не было, и все, что я знал до сих пор, было страшной ошибкой, и ничего не существовало, кроме этого голоса и белого лица Аркадия *со смеющимися глазами*, хотя он всегда *пел только печальные песни*» [1, т. 1, с. 145]. Эта черта связывает его с мюридом Хаджи-Мурата Ханефи: «Ханефи знал много горских песен и *хорошо пел их*. Хаджи-Мурат, в угождение Бутлеру, призывал Ханефи и приказывал ему петь, называя те песни, которые он считал хорошими. Голос у Ханефи был *высокий тенор*, и пел он необыкновенно отчетливо и выразительно. Одна из песен особенно нравилась Хаджи-Мурату и поразила Бутлера своим *торжественно-грустным напевом*» [5, т. 35, с. 91]. Что касается «смеющихся глаз» Аркадия Славина, то эта деталь, использованная в «Вечере у Клэр» неоднократно (например: «Открывая глаза, я видел невысокую худую женщину с большим красным ртом и *смеющимися глазами*» [1, с. 150]) — тоже толстовская. Сравним, например, в «Анне Карениной»: «— Пускай делают, как им, вам то есть, угодно, — сказал он, *смеясь только глазами*… [5, т. 18, с. 7], «— И глаза его *смеялись при чтении доклада*» [Там же, т. 18, с. 18] и в «Воскресении»: «Генерал не переставая *улыбался глазами*…» [5, т. 32, с. 301].

Военные сцены «Вечера у Клэр» содержат галерею офицеров и солдат, которые не образуют каких-либо четких типов. У Газданова есть лишь некоторые намеки на классификацию: трусы, смельчаки, негодяи... Зато у Толстого существует четкая типология: «В России есть три преобладающие типа солдат, под которые подходят солдаты всех войск: кавказских, армейских, гвардейских, пехотных, кавалерийских, артиллерийских и т.д. Главные эти типы, со многими подразделениями и соединениями, следующие: 1) покорных; 2) начальствующих и 3) отчаянных. Покорные подразделяются на a) покорных хладнокровных и b) покорных хлопотливых. Начальствующие подразделяются на a) начальствующих суровых и b) начальствующих политичных. Отчаянные подразделяются на a) отчаянных забавников и b) отчаянных развратных» [5, т. 3, с. 43].

Возможно, этот несколько рассудочный подход Толстого предопределил то, что дальнейшее изображение отношений между героем-

рассказчиком «Вечера у Клэр» и солдатами бронепоезда «Дым» строится уже как метатекст не его военной прозы, а «Записок из Мертвого дома» Достоевского. Отталкивание именно от них оказывается для Газданова тем более органичным, что «Записки…» представляют собой классический литературный текст на тему об отношениях дворянина (образованного человека) с народом, а в последующих военных эпизодах «Вечера у Клэр» речь идет не столько о войне, сколько именно о взаимоотношениях между героем-рассказчиком и солдатами.

Таким образом, в «мирных сценах» бронепоездной жизни Газданов конструирует свое художественное высказывание, отталкиваясь и переосмысляя классическую книгу Достоевского о народе. Обращаясь собственно к «войне», он создает своего рода метатекст военной прозы Толстого. Газдановский образ «человека на войне» создается при помощи неатрибутированных аллюзий и цитат из нее как трансформация аналогичного образа Толстого.

Список литературы

1. *Газданов Г.* Собр. соч.: в 5 т. М., 2009.
2. *Кибальник С.А.* Гайто Газданов, Марсель Пруст и Лев Толстой // Западный сборник: В честь 80-летия П.Р. Заборова. СПб., 2011.
3. *Некрасов Н.А.* Письмо к И.С. Тургеневу от 18 августа 1855 г. // Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. СПб., 1998. Т. 14. Кн. 1.
4. *Опульская Л.* Творческий путь Л.Н. Толстого // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 12 т. М., 1984. Т. 1.
5. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М., 1928—1958.
6. *Бирюков П.И.* Биография Льва Николаевича Толстого. М.; Пг., 1923. Т. 1.
7. *Достоевский Ф.М.* Записки из Мертвого дома // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1973. Т. 4.

ИКОНА

Праздничные службы, в которых на протяжении многих веков участвовали все члены общества, не зависимо от сословной принадлежности, возраста или образования, приобщали к миру красоты и гармонии, делали ощутимой силу божественного слова. <…> Православная вера по-детски цельная, целомудренная, одухотворяющая весь окружающий мир…

М. Коннова

Мария Коннова
(Калининград)

ИКОНА ВРЕМЕНИ: СЛОВЕСНЫЙ ОБРАЗ ПРАЗДНИКА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ[1]

Всякий пусть предложит времени свой дар — дар празднственный, большой или малый, но духовный и Богу угодный, сколько у каждого достанет на то сил… А я принесу в дар слово, как лучшее и драгоценнейшее из всего, что имею.

Святитель Григорий Богослов

Праздники — часть единой системы бытия человека. Кульминационные точки на темпорально-событийной оси[2], они структурируют непрерывное течение времени повседневной жизни, придавая высший, радостный смысл человеческому существованию.

Слово *праздник* является, ввиду наличия *-ра-*, заимствованием из церковнославянского (вместо исконно русского *порожний*) [18, т. 3, с. 353]. Его денотативное поле вплоть до конца XIX века структурируется вокруг событий цер-

[1] В православной традиции церковный календарь понимается как икона времени: «Земля, будучи местом Боговоплощения… является центром мироздания, но центром не астрономическим, а духовным. Время… творение Божие. Господь совершает освящение твари, которая причащается Его небесной жизни. Поэтому можно говорить о *церковном… календаре как об иконе… освященного времени…* Церковь Христова соединяет временное и вечное. <…> Пребывая во времени, Церковь реальным присутствием Христа преображает время, как преображает она и мир» [14, с. 722. Курсив наш. — *М. К.*].

[2] В значении самого слова *праздник* временна́я семантика переплетается с событийной: «1. День торжества, установленный в честь или память кого-, чего-н. 2. День или ряд дней, отмечаемых церковью в память религиозного события или святого… 4. День радости и торжества по поводу чего-н.» [12, с. 567].

ковных[1]. О богатых традициях церковного праздника в русской культуре XIX века свидетельствует многообразие производных слова *праздник*: *праздица* («сторона, празднующая в известный день какому-либо святому»), *праздичный* («принадлежащий к приходу, празднующему храмовой праздник»), *празднественный* («ко празднеству относящийся»), *праздничек, празднищина* («местное празднество, крестный ход»), *праздничанье / празднованье*, *праздничать* («праздновать»), *празднователь (-ница)* («празднующий что-либо»), *празднолюбезный (-любовный)* («чтущий церковные праздники») [3, с. 380—381].

Праздничные службы, в которых на протяжении многих веков участвовали все члены общества, не зависимо от сословной принадлежности, возраста или образования, приобщали к миру красоты и гармонии, делали ощутимой силу божественного слова [2, с. 319]. Велико было и эстетическое воздействие богослужебного текста, вызывающего «чувство притягивающей красоты… слова, желание повторять его, вчитываться, вслушиваться в текст, как бы вбирая его в себя или растворяясь в нем, сопереживая самому его звучанию и переливам смысла…» [9, с. 44].

Православная вера, по-детски цельная, целомудренная, одухотворяющая весь окружающий мир, является структурообразующим началом восприятия праздников в русской литературе, в основе вершинных произведений которой находится «сопряжение человеческого и Божественного планов бытия в единый художественный образ» [5, с. 15].

В этом смысле роман И. С. Шмелева «Лето Господне»[2] «не столько воспроизведение церковного годового круга, как вся жизнь под Госпо-

---

[1] В современном русском языке семантическая структура слова *праздник* неоднородна, в ней сосуществуют и близкие к исходному значению смыслы (праздник как день торжества, установленный в честь или в память кого-, чего-нибудь: — *старинные, церковные, народные, семейные праздники*; праздник как день, особо отмечаемый традицией, обычаем или церковью: — *праздник Рождества, Пасхи; праздник Нового года; Праздников праздник* — Пасха) и дополнительные, объединенные с исходным значением метонимическими связями (праздник как выходной, нерабочий день или несколько нерабочих дней подряд; праздник как день радости и торжества по поводу чего-нибудь: *устроить кому-нибудь праздник,* то есть порадовать чем-нибудь; праздник как день игр, развлечений: *спортивный, детский праздник, праздник песни*) или симиляцией (праздник как кто-, что-нибудь радостное, дающее ощущение счастья: *Встреча с таким человеком — настоящий праздник*) [15].

[2] Как отмечают исследователи творчества И. С. Шмелева, роман «Лето Господне» представляет собой редкий сплав «художественности и учительства, совершенной формы и глубокого религиозного содержания» [13].

дом, от рождения до смерти… Это рассказ о том, как русский, христиански озаренный простец строил свои будни, покоряясь солнцу планетному и молитвенно осмысливая свою жизнь солнцем Православия. Как год его жизни делался православным годом и в то же время трудовым-хозяйственным годом, протекавшим перед лицом Божиим. Это рассказ о том, в каких праздниками озаренных буднях русский народ прожил тысячу лет и построил свою Россию» [6, с. 382—383].

Пасха, Светлое воскресение Христово, — «праздников праздник» всего православного мира. Воскресение Господа Иисуса Христа является центром христианской проповеди, Благой вестью, основанием веры, ее смыслом и торжеством [17, с. 285]: «Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» (1 Кор. 15:14).

День Светлого Христова воскресения предстает в пасхальном каноне[1] единственным по торжественности и величию царем и господом (от греч. κύριος — «господь, владыка» [4, с. 130]) всех остальных праздников (от греч. σάββατον — «всякий праздник» [Там же, с. 682]): «Сей нареченный и святый день, един *суббот царь и господь, праздников праздник*, и *торжество есть торжеств*» (К., 8 п., ир.).

Вследствие величайшего значения Пасхи в годовом богослужебном круге православной церкви существует особый, посвященный этому празднику период времени, включающий Великий пост (и подготовительные к нему недели), Страстную седмицу, сам Светлый день воскресения Христова и следующие за ним 40 дней Пасхи[2].

Символ Пасхи — красный цвет: «Красное — огненное — символ рая… *Бог есть — огнь…*» (Евр. 12:29), «Аз есмь свет…» (Ин. 8:12). Но свет не безжизненный, а полный величайшего напряжения, силы:

---

[1] Канон — одна из форм православной гимнографии; ряд песнопений — ирмосов (греч. εἱρμός — «связь, соединение») и тропарей (греч. τρόπος — «оборот»), связуемых в одно целое единством предмета [11, с. 451].

[2] Празднование Воскресения Христова не оканчивается ни самим днем Пасхи, ни сорокадневным периодом после нее — каждое воскресение в течение всего года Церковь торжествует «малую Пасху». Как пишет епископ Григорий (Лебедев), «если наши сердца зажглись светом Воскресения, то, конечно, наша душа как хранилище даров Пасхи станет живым источником струй жизни. Из него забьют потоки вдохновляющей силы и заискрятся лучи радости, и вы каждый миг сможете переживать Пасху и вдохновляться святым Воскресением. Святая Церковь поэтому празднует Воскресение каждый седьмой день. Это еженедельное Воскресение и есть отблеск Пасхи. Он дается нам, чтобы подкрепить наше вдохновение, чтобы ярче блистал в нашей душе Свет Воскресения и живее была бы радость о Нем. Так Свет Воскресения льется круглый год…» [7].

«…око не видело, ухо не слышало» (1 Кор. 2:9), «Заря красная… Красное возбуждает, веселит!» [10, с. 62][1].

Семантика «красного» цвета сливается в прилагательном *красный* с его древнейшими значениями красоты, радости (ст.-слав. красьнъ аналог греч. ὡρατος — «красивый», περικαλλής — «весьма красивый», τερπνός — «радостный, любезный, восхитительный»), победы (гот. *hrōþeigs* — «победоносный») и славы (ср. новоисл. *hrós* — «слава») [18, т. 2, 367—368; 1, с. 982, 1236, 1367—1368].

В романе И.С. Шмелева слово *красный* предстает во всей полноте семантического синкретизма, входя в состав структурообразующего сочетания *Пасха красная*:

«Звон в рассвете, неумолкаемый. В солнце и звоне утро. *Пасха, красная.* <…> Отец нарядный, посвистывает. Он стоит в передней, у корзин с красными яйцами, христосуется. Тянутся из кухни, гусем. Встряхивают волосами, вытирают кулаком усы и лобызаются по три раза. "Христос воскресе!" "Воистину воскресе!" "Со светлым праздничком!" <…> Трезвоны, перезвоны, *красный*-согласный звон. *Пасха красная.* Обедают на воле, под штабелями леса. На свежих досках обедают, под трезвон. Розовые, красные, синие, желтые, зеленые скорлупки — всюду, и в луже светятся! *Пасха красная! Красен и день, и звон*» [19, с. 67. Курсив наш. — *М.К.*].

Ликующий, троекратный в шмелевском тексте, возглас *Пасха красная* восходит к четвертой стихире[2] Пасхи: «*Пасха красная*, Пасха, Господня Пасха, Пасха всечестная нам возсия. *Пасха*, радостию друг друга обымем. *О Пасха*! избавление скорби, ибо из гроба днесь яко от чертога возсияв Христос, жены радости исполни глаголя: проповедите апостолом» (стихир., гл. 5).

Красный цвет выступает в тексте И.С. Шмелева во всем многообразии оттенков — от ярко-красного (*алого, пунцового*) до *розового*: «Кумпол-то, кумпол-то..! — дергает меня Горкин. Огненный змей взметнулся, разорвался на много змей, взлетел по куполу до креста… и там растаял. В черном небе *алым Крестом воздвиглось*! Сияют кресты на крыльях, у карнизов. На белой церкви светятся мягко, как молочком,

[1] «Радуется, ликует душа… И это не просто от нас, и даже не от богослужений… а — от Бога, это — благодать, Божий дар на Пасху… все прочее, все "обряды" суть лишь выражение этой "веселой благодати"… Люди… совершенно верно схватили праздничную пасхальную суть — радость. И радуются… И радуются так, как никогда во весь год… Это чрезмерная радость… Единственная…» [10, с. 61].

[2] Стихира (греч. τὰ στιχηρά — «то, что написано стихами») — священное песнопение, состоящее из многих стихов, написанных одним размером и большей частью предваряемых стихами из Священного Писания [11, с. 463].

матово-белые кубастики, *розовые кресты* меж ними, зеленые и голубые звезды. Сияет — Х. В. На пасочной палатке тоже *пунцовый крестик*» [Там же, с. 66. Курсив наш. — *М. К.*].

В приведенном фрагменте *красный* — цвет Креста Господня (*алый Крест, розовые кресты, пунцовый крестик*), знаменующий «торжество неизреченной пламенной любви Божией к роду человеческому, явленной в Искупительном Подвиге Сына Божия» [16]. Пасхальное ликование неразрывно связано с памятью о цене Воскресения Христова, о цене победы Спасителя над грехом, диаволом и смертью — о Кресте Господнем. Посредством Креста пришла «радость всему миру», как поется в стихире часов Пасхи:

«Воскресение Христово видевше, поклонимся святому Господу Иисусу, Единому безгрешному. Кресту Твоему покланяемся, Христе, и святое воскресение Твое поем и славим: Ты бо еси Бог наш, разве Тебе иного не знаем, имя Твое именуем. Приидите вси вернии, поклонимся Святому Христову Воскресению: се бо прииде Крестом радость всему миру. Всегда благословяще Господа, поем Воскресение Его: распятие бо претерпев, смертию смерть разруши» (стихир., гл. 6).

Отдельные оттенки красного ассоциативно связаны в тексте «Лета Господня» с различными проявлениями пасхальной радости. Так, *розовый* цвет сливается с тихой, чистой радостью домашнего праздничного убранства: «*Розовый* накомодник, вышитый белыми цветами… — его только на Пасху стелят! — яркие *розы* на иконе… *Пасха*!.. — и меня *заливает радостью*» [19, с. 362. Курсив наш. — *М. К.*]. *Пунцовый* синонимичен яркой радости пасхального приветствия-целования: «На столике у постели — пасхальные подарки. Серебряное портмоне-яичко на золотой цепочке, а внутри *радостное-пунцовое*, и светится золотой и серебрецо, — подарил мне вчера отец» [Там же, с. 362. Курсив наш. — *М. К.*]. *Огненно-красный* передает атмосферу безудержного веселья, удали: «Угощение на дворе. Орудует Василь-Василич, в *пылающей* рубахе, жилетка нараспашку, — вот-вот запляшет. Зудят гармоньи» [Там же, с. 67. Курсив наш. — *М. К.*].

Характерной чертой пасхальной радости является ее всеохватность, всеобщность. В пасхальном каноне в едином микроконтексте встречаются антонимические звенья *небеса — земля*, *небо — земля — преисподняя*, *видимый — невидимый*: «*Небеса* убо достойно да *веселятся*, *земля* же да *радуется*, да *празднует* же *мир*, видимый же весь и невидимый: Христос бо воста, веселие вечное» (К., 1 п., тр.); «Ныне *вся* исполнишася света, *небо* же и *земля* и *преисподняя*: да *празднует* убо *вся тварь* востание Христово, в немже утверждается» (К., 3 п., тр.).

Обобщающее словосочетание (*вся*) *всяка тварь* (от греч. κόσμος — «мир» [4, с. 711]) подчеркивает вселенское значение Воскресения Христова как «жития вечного начало» и источника «веселия вечного»:

«Днесь *всяка тварь веселится и радуется*: яко Христос воскресе, и ад пленися» (К., 9 п., 9 прип.).

Всеобщий характер ликующей радости передается в романе И. С. Шмелева яркой пестротой цветовой и звуковой гаммы, на синтаксическом уровне подчеркиваемой нанизыванием однородных определений и обстоятельств: «Солнце, трезвон и гомон. Весь двор наш — Праздник. На *розовых* и *золотисто-белых* досках, на бревнах, на лесенках амбаров, на колодце, куда ни глянешь, — всюду пестрят рубахи, самые *яркие*, новые, пасхальные: *красные*, *розовые*, *желтые*, кубовые, в горошек, *малиновые*, *голубые*, *белые*, в поясках» [19, с. 74. Курсив наш. — *М. К.*]; «И *все* христосуется и чмокает. И я христосуюсь. У меня болят губы, щеки, но *все* хватают, сажают на руки, трут бородой, усами, мягкими, сладкими губами. <…> И веет от *всех* теплом. <…> Я уже ничего не разбираю: так *все пестро* и громко, и звон-трезвон. С неба падает звон, от стекол, от крыш и сеновалов, от голубей, с скворешни, с распушившихся к Празднику берез, льется от этих лиц, веселых и довольных, от режущих глаз рубах и поясков, от новых сапог начищенных, от мелькающих по рукам яиц» [Там же, с. 75].

Не меньшее значение, чем красный, имеет в описании пасхальных дней цвет солнечного света — *золотой*. В романе И. С. Шмелева золото, царственный цвет пасхальной радости, имеет разнообразные оттенки:

- *золотой*: «Двор затихает, дремлется. Я смотрю через *золотистое хрустальное* яичко. Горкин мне подарил, в заутреню. Все *золотое*, все: и люди *золотые*, и серые сараи *золотые*, и сад, и крыши, и видная хорошо скворешня, — что принесет на счастье? — и небо *золотое*, и вся земля. И звон немолчный кажется *золотым* мне тоже, как все вокруг» [Там же, с. 77. Курсив наш. — *М. К.*];
- *светло-золотой* с отблеском снежно-белого (*сахарный, стеклянный, хрустальный*): «Большое *сахарное* яйцо, с *золотыми* большими буквами — Х. и В., а за *стеклышком* в *золотом* овале, за цветами бессмертника, над мохом, — радостная картинка Христова Воскресения. И еще — *золотисто-хрустальное* яичко, *граненое* все, чудесное!» [Там же, с. 362. Курсив наш. — *М. К.*];
- *золотисто-солнечный*: «Если в него [яичко] смотреть, *светится все, как в солнце*, — веселое все, пасхальное. Смотрю через яичко, — ну, до чего чудесно! Вижу окошечки, много *солнц*, много воздушных шариков, вместо одного, купленного на "Вербе"… множество веток тополя, много иконок и лампадок, комодиков, яичек, мелких, как зернышки…» [Там же. Курсив наш. — *М. К.*];
- *золотисто-блестящий*: «Я просыпаюсь, радостный, меня *ослепляет блеском*, и в этом *блеске — веселый звон*. Сразу я не могу понять, отчего такой *блеск и звон*. Будто еще во сне — *звонкие золотые яблочки*, как в волшебном саду, из сказки» [Там же. Курсив наш. — *М. К.*].

Емким выражением внутренней сущности пасхальной радости становятся лексемы корневой группы *-свет-*, «радостная» семантика которых восходит к многообразию световой метафорики пасхальных песнопений, напр.: «*Светися, светися, новый Иерусалиме*: слава бо Господня на тебе возсия. Ликуй ныне, и *веселися* Сионе. Ты же, Чистая, красуйся, Богородице, о востании Рождества Твоего» (К., 9 п., ир.); «Очистим чувствия и узрим *неприступным светом воскресения*, *Христа блистающася*, и *радуйтеся*, рекуща ясно да услышим, *победную поюще*» (К., 1 п., тр.); «Яко воистинну священная, и *всепразднственная* сия спасительная нощь, и *светозарная, светоноснаго дне, востания сущи провозвестница: в нейже безлетный Свет из гроба плотски всем возсия*» (К., 7 п., тр.).

Ключевая для пасхальных песнопений метафора *света* неразрывно связана с мыслью о вечном Свете Божественном[1]. Солнце земное становится прообразом вечного Солнца правды — воскресшего Христа: «Утренюем утреннюю глубоку, и вместо мира песнь принесем Владыце, и *Христа узрим Правды Солнце, всем жизнь возсияюща*» (К., 5 п., ир.); «Яко единолетный агнец, благословенный нам венец Христос, волею за всех заклан бысть, Пасха чистительная, и паки из гроба *красное правды нам возсия Солнце*» (К., 4 п., тр.).

В тексте И. С. Шмелева именно лексемы со значением *света* передают наивысшую степень радости: «На меня *веет Праздником*, чем-то *необычайно радостным*, что видится мне в скорлупе, — *светится до того красиво*! Я начинаю прыгать» [Там же, с. 72. Курсив наш. — *М. К.*]; «Он целует мне мокрый глаз. Мне легко. *Радостно светится* скорлупка. О, чудесный, далекий день! Я его снова вижу, и голубую лужу, и новые доски мостика, и *солнце, разлившееся в воде*, и красную скорлупку, и желтый, шершавый палец, ласково вытирающий мне глаза» [Там же, с. 73. Курсив наш. — *М. К.*].

Полнота радостно-солнечного пасхального ликования передается прилагательным *яркий*, объединившим семы света, огня, блеска (*ярый* «яркий, сверкающий», укр. *ярий* «яркий, пестрый», *яркий* «горячий», болг. *ярá* «блеск, зарево», польск. *jarzyć się* «сиять, сверкать» [18, т. 4,

[1] По слову святителя Амвросия Медиоланского, «свет Христов не заграждается стенами, не разделяется стихиями, не помрачается тьмою. Свет Христов есть день без вечера, день бесконечный: он всюду блещет, везде освещает, ничто от него не укрывается. <…> Кто же есть *день неба*, как не Христос Господь? (Пс. 18: 3). Он есть день Сын, Коему день Отец открывает таинство Божества Своего; Он есть день, о коем пишется (у Соломона): *Аз сотворих, да возсияет на небеси свет непрестанный…* И так как за днем неба никогда не последует ночь, то и по явлении правды Христовой тьма грехов исчезает. Так как день всегда сияет и не может быть объят никакою тьмою, то и свет Христов сияет и не покрывается никакою темнотою грехов. Потому евангелист Иоанн и говорит: *и свет во тьме светится, и тьма Его не объят* (Ин. 1:5)» [10, с. 128—130].

с. 562]): «Открываю опять глаза — и вдруг вспоминаю: да это Пасха!.. *яркое утро-солнце, пасхальный звон*!» [19, с. 362. Курсив наш. — *М. К.*].

Исследование семантики радости в шмелевском образе праздника Пасхи сквозь призму смысловых линий цвета и света показало, что словесные особенности ее выражения глубоко укоренены в православной богослужебной традиции. И. С. Шмелев «спустился в недра… церковного благочестия», освящавшего всю жизнь русского человека [8, с. 94].

Список сокращений

гл. — глас.
ир. — ирмос.
К. — канон.
п. — песнь.
прип. — припев.
стихир. — стихира.
тр. – тропарь.

Список литературы

1. *Вейсман А. Д.* Греческо-русский словарь. М., 1991.
2. *Вендина Т. И.* Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. М., 2007.
3. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1956. Т. 3.
4. *Дьяченко Г., свящ.* Полный церковно-славянский словарь. М., 2007.
5. *Есаулов И. А.* Христианский реализм как художественный принцип русской классики // Феномен русской духовности. Калининград, 2007.
6. *Ильин И А.* Собрание сочинений: в 10 т. М., 1996.
7. *Календарь* «Православные праздники» на 2010 год. Кострома, 2009.
8. *Карташев А. А.* Певец Святой Руси // Русское Возрождение. 2006. № 84.
9. *Мечковская Н. Б.* Язык и религия. М., 1998.
10. *Митрополит Вениамин* (Федченков). Пасха. М., 2007.
11. *Митрополит Вениамин* (Федченков). Размышления о двунадесятых праздниках. М., 2008.
12. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1995.
13. *Осьминина Е. А.* Радости и скорби Ивана Шмелева // Иван Шмелев. Лето Господне. М., 1996.
14. *Пастырь* добрый. Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечева. М, 2000.
15. *Русский* семантический словарь. М., 1998. URL: http://www.slovari.ru/default.aspx?p=244 (дата обращения: 15.04.2009).
16. *Символика* цветов. URL: http://www.liturgy.ru/docs/3odejan5.php (дата обращения: 08.04.2009).
17. *Сурова Л. В.* Церковный год. М., 2000.
18. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1986.
19. *Шмелев И. С.* Лето Господне. М., 2007.

ДОКУМЕНТЫ ВРЕМЕНИ

На протяжении всего XIX века роль русско-немецкой торговли постоянно усиливалась. Кёнигсберг приобрел такое значение для двусторонних экономических связей, что его полусерьезно стали называть «русским портом»: три четверти его морского вывоза составляли товары русского происхождения. Российский консул Фридрих Вышемерский в 1880 году писал, что экономическое благополучие столицы Восточной Пруссии зависит от торговли со своим восточным соседом: «Неурожай в России — и все дела здесь почти прекращаются».

Ю. Костяшов

Юрий Костяшов
(Калининград)

РУССКИЕ НА ВОСТОЧНОЙ ЯРМАРКЕ В КЁНИГСБЕРГЕ

Участие россиян в различных восточнопрусских ярмарках было давней традицией. Первый русский консул в Кёнигсберге Иван Исаков в донесении 1785 года дал подробное описание кёнигсбергских ярмарок, на которые, по его словам, «съезжается из разных мест довольное число купцов». Особенно ему бросилась в глаза активность своих соотечественников, которые торговали традиционными русскими товарами: пушниной, кожами, черкасскими овчинами, оренбургскими тулупами, пенькой, парусиной, конопляным маслом, икрой, битыми тетеревами и рябчиками, топленым салом, свечами, а также оленьими рогами. При этом консул подчеркивал, что россияне «против всех нациев преимущества имеют, потому что с привозимых товаров или продуктов никаких пошлин не плотят» [1, с. 73—74].

На протяжении всего XIX века роль русско-немецкой торговли постоянно усиливалась. Кёнигсберг приобрел такое значение для двусторонних экономических связей, что его полусерьезно стали называть «русским портом»: три четверти его морского вывоза составляли товары русского происхождения. Российский консул Фридрих Вышемерский в 1880 году писал, что экономическое благополучие столицы Восточной Пруссии зависит от торговли со своим восточным соседом: «Неурожай в России — и все дела здесь почти прекращаются» [2, с. 92—94].

На рубеже XIX—XX веков сюда из России по железной дороге прибывали ежедневно по 400—500 вагонов с грузами [3, с. 2—3]. По свиде-

тельству консула в Мемеле Сергея Протопопова, вся лесная промышленность Восточной Пруссии «существует исключительно за счет русского леса», который служит сырьем для 31 деревообрабатывающего завода [4, с. 68].

Впрочем, по мнению многих, торговый обмен не всегда имел взаимовыгодный характер. Об этом, например, писал посетивший Кёнигсбергскую ярмарку в 1893 году Вас. И. Немирович-Данченко, ныне совсем забытый, а некогда необычайно популярный писатель, опубликовавший при жизни 80-томное собрание сочинений. На выставке он «не увидел ничего особенного»: ярмарочные павильоны построены «прочно и еще более некрасиво, точно попал в кабинет к Собакевичу». «Кёнигсберг работает дешево, но скверно», — восклицает писатель, характеризуя низкое качество представленных на ярмарке товаров местных производителей. «Из Кёнигсберга, — продолжает он, — к нам идут вина, фабрикующиеся здесь из рейнвейна. Существует целая наука, как из плохонького писспортера или цельтингера[1] приготовить хорошее токайское вино или превосходную мадеру, сделавшую, якобы, путешествие в Индию и обратно, прежде чем вам ее со всевозможной помпой золоченых пробок и этикеток подадут в петербургском или московском ресторане. Тут же приготовляются и самые настоящие шампанские вина, даже во сне не видевшие Шампани» [5, с. 15—16, 26—27].

Ироничные комментарии русского писателя, впрочем, не противоречат тому очевидному факту, что своим экономическим благополучием Кёнигсберг и Восточная Пруссия были обязаны прежде всего торговле с Россией. В начале XX века здесь предприняли беспрецедентные меры по реконструкции и модернизации портовых сооружений и транспортной системы. На берегах Преголи и в прибрежных гаванях были построены огромные склады, зернохранилища, холодильники, оборудованные по последнему слову техники, в результате чего производственные мощности кёнигсбергского порта возросли в несколько раз [6, с. 5—6].

Первая мировая война и революция в России привели к разрыву складывавшихся веками экономических связей. Вместе с тем международная изоляция, в которой оказались оба государства к началу 1920-х годов, объективно способствовала их новому сближению. Благоприятные политические рамки для восстановления двусторонних отношений были созданы после заключения 16 апреля 1922 года Рапалльского договора, который среди прочего предусматривал введение принципа

[1] Pissporter, Zeltinger — сорта недорогих столовых вин.

наибольшего благоприятствования во внешней торговле двух стран, а также открыл дорогу для возобновления работы российского консульства в Кёнигсберге [7, с. 223—224].

Одно из своих первых донесений в 1929 году из Кёнигсберга советский генеральный консул Г. К. Меерзон начал такими словами: «Едва ли найдется еще какая-нибудь провинция в Германии, где интерес к СССР был бы так велик, как в Восточной Пруссии» [8, д. 45, л. 50]. Об этом же писала председатель Всесоюзного общества связи с заграницей О. Д. Каменева (сестра Л. Д. Троцкого): «Кёнигсберг, после Берлина, самый яркий уголок в Германии в смысле связи с нами» [Там же, д. 50, л. 93—94 об.]. Такие оценки особенно впечатляют, если иметь в виду, что советские официальные лица одновременно не уставали повторять, что «Восточная Пруссия — самая реакционная германская провинция» [Там же, д. 33, л. 8—8 об.].

Действительно, ни одна германская провинция не была так заинтересована в нормализации и развитии сотрудничества с Советами, как Восточная Пруссия. Версальский договор, превративший ее в германский эксклав на Востоке, чрезвычайно осложнил экономическое положение края. Местная политическая и хозяйственная элита при поддержке берлинских властей попыталась найти выход в интенсификации региональных экономических связей. Главным инструментом этого курса решено было сделать представительную международную ярмарку, ориентированную на страны бассейна Балтийского моря, Центральной и Восточной Европы.

Рис. 1. Афиша XX Германской восточной ярмарки в Кёнигсберге, состоявшейся 21—24 августа 1932 года

С этой целью летом 1920 года учредили комитет для организации Германской восточноевропейской ярмарки в Кёнигсберге (Восточной ярмарки — Ostmesse). Первоначально ярмарка устраивалась дважды в год, в конце зимы и лета, затем (с 1929 года) стала ежегодной и проходила в августе в течение нескольких дней. Она располагалась на месте старых го-

родских укреплений недалеко от Северного вокзала. В 1925 году в восточной ее части был открыт «Дом техники» (ныне торговый комплекс «Эпицентр»), предназначавшийся преимущественно для демонстрации достижений машиностроительной промышленности Германии.

Ярмарка имела универсальный характер, представляла самые разнообразные товары промышленного и сельскохозяйственного назначения и сопровождалась целым рядом специальных мероприятий, начиная от выставок породистого скота или летательных аппаратов и заканчивая экспонированием произведений изобразительного искусства и народных промыслов. Число посетителей ярмарки в середине 1920-х годов превышало 40 тыс. человек, а к концу 1930-х превысило 300 тыс. Кёнигсбергская Остмессе являлась второй после Лейпцигской официальной немецкой ярмаркой. Ее участниками помимо Германии были скандинавские и прибалтийские государства, центрально-европейские и некоторые другие страны. Но главная ставка делалась на необъятный советский рынок [8, д. 409, л. 66—67; 9, с. 234—235; 10, с. 3—4].

Россия впервые приняла участие в V Восточной ярмарке в августе 1922 года. Дирекция Остмессе делала все возможное, чтобы закрепить и расширить представительство на ярмарке Советского Союза. В 1922 году в Кёнигсберге был основан Экономический институт для сношений с Россией и восточно-европейскими государствами, который занимался обширной издательской деятельностью и специализировался на укреплении контактов с СССР [11]. В том же году совместно с Городским банком было учреждено общество «Германо-русский товарообмен» для предоставления участникам экономических связей товарных и денежных кредитов; в Москве на Арбате открылось постоянное представительство ярмарки. В Кёнигсберге на русском языке издавались три журнала («Восточно-Европейский рынок», «Восточно-Европейский лесной рынок» и «Восточно-Европейский земледелец»); к открытию выставки местные газеты выпускали печатные приложения, посвященные СССР; радио готовило специальные передачи, проводились многочисленные собрания, заседания, лекции о жизни в СССР; во время работы Остмессе проходили немецко-русские научные конференции и конгрессы. Делегатам из России немецкая сторона оплачивала проживание, страховку экспонатов и бесплатно предоставляла экспозиционные площади [8, д. 45, л. 27—28, 49—51 об., 64; д. 409, л. 84].

Эти усилия Ярмарочного комитета не пропали даром. Уже в 1923 году подготовленная Народным комиссариатом внешней торговли (НКВТ, Внешторг) экспозиция, представлявшая главным образом продукты сельскохозяйственного производства, заняла на ярмарке целый

павильон. В 1920-е годы в Кёнигсберг приезжали многочисленные делегации, состоящие из партийных и советских работников, посланцев разных союзных и автономных республик, в том числе Республики немцев Поволжья, представителей промышленных предприятий, научных и учебных заведений. По данным генконсула Г. К. Меерзона, на Остмессе в 1927 году приехали из СССР 60 человек, а в следующем году — уже сто [Там же, д. 45, л. 50].

На XVI Восточной ярмарке, которая состоялась 11—14 августа 1928 года, советская экспозиция экспортных товаров была размещена в «Доме техники» [12, с. 23]. Характеризуя значение Восточной выставки для СССР, Г. К. Меерзон писал 16 марта 1929 года в Наркомат по иностранным делам (НКИД): «Участие наше в ежегодных кёнигсбергских Мессах играет крупную роль в деле развития и углубления культурных связей между нашей страной и Восточной Пруссией» [8, д. 409, л. 50]. Не мог скрыть своего удивления и посетивший ярмарку в том же году высокопоставленный работник НКИД Н. Я. Райвид: «В Кёнигсберге чувствуешь себя действительно как бы среди друзей. Во всех выступлениях, посвященных Восточной ярмарке, больше всего места было уделено Советскому Союзу. В неофициальных разговорах кёнигсбергцы объясняются нам в любви» [13].

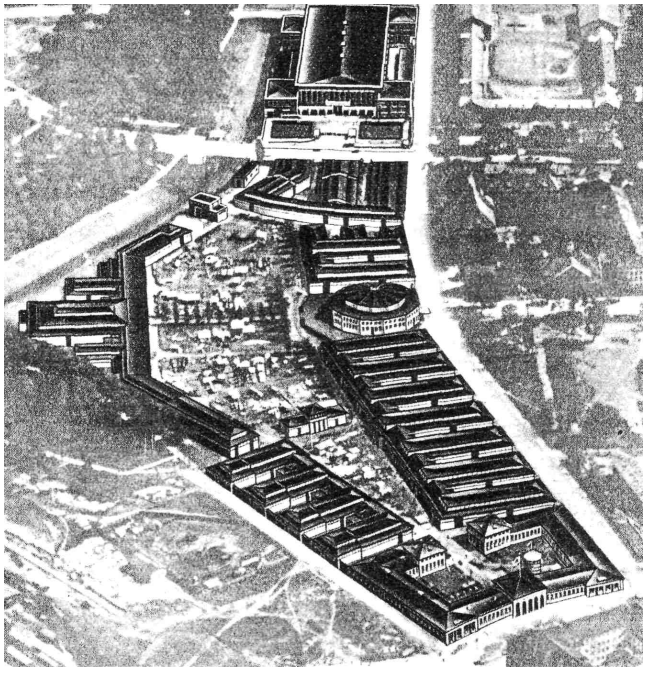

Рис. 2. Вид с птичьего полета XIX Восточной ярмарки в Кёнигсберге. 1931 год

Не все инициативы немецкой стороны находили поддержку. В начале 1929 года в советское консульство обратился профессор местной Академии искусств Герман Брахерт с предложением «организовать на предстоящей в Кёнигсберге художественной выставке советский отдел, для чего понадобилось бы небольшое количество картин, графических и скульптурных работ». Консул сделал соответствующий запрос в Москву и получил ответ, что «в виду перегруженности выставками предложение проф. Брахерта неосуществимо» [8, д. 45, л. 52]. Эта идея была реализована только во время Остмессе 1932 года, когда в Кёнигсберг из Москвы прибыли семь больших ящиков с картинами, изделиями народных промыслов и другими произведениями искусства. При этом именно картины русских художников были признаны лучшими из всех представленных на выставке [Там же, д. 409, л. 23, 44, 60, 63].

Советское генеральное консульство старалось использовать ярмарку для пропагандистской работы и распространения печатной продукции идеологической направленности, а также прилагало усилия для организации в рамках ярмарочных мероприятий выставок советского искусства, показа кинофильмов, распространения книг и т. п. [Там же, д. 2, л. 54; д. 3, л. 9; д. 409, л. 63, 94—95].

Как уже отмечалось, численность советской делегации на ярмарке из года в год росла едва ли не в геометрической прогрессии. В связи с этим в июле 1929 года заместитель председателя Совнаркома СССР Я. Э. Рудзутак затребовал отчет о целесообразности поездок больших групп чиновников в Кёнигсберг. В подготовленной для Совнаркома справке о «проделанной работе» говорилось, что в состав делегации входили 24 работника Наркомата земледелия, по 10 сотрудников Ленинградского сельскохозяйственного и Зоотехнического институтов, представители Сельхозснабжения, Госсельсиндиката, других наркоматов и ведомств, а также 30 студентов Тимирязевской академии. Продолжительность командировки составила 21 день, с 10 по 30 августа 1928 года. Советские делегаты ознакомились «со всем новым, что было в Германии в области сельскохозяйственных машин», осмотрев соответствующие павильоны ярмарки, и наметили то, что «может быть после проверки использовано в условиях СССР». Для советских представителей даже устроили наглядное испытание тракторов и других машин в полевых условиях в окрестностях Кёнигсберга. Затем они посетили Кёнигсбергскую сельскохозяйственную палату, Институт растениеводства, Молочно-хозяйственный институт и Мелиоративное бюро, познакомились с организацией счетоводства и ветеринарно-санитарного дела. Организаторы выставки провели также экскурсии на местные сельскохозяйственные предприятия: три племенных хо-

зяйства по разведению крупного рогатого скота, один свиноводческий комплекс, два крупных фермерских хозяйства и, наконец, оставивший самое сильное впечатление Тракененский государственный конный завод. Во время поездки в Эльбинг они побывали на крупнейшем в регионе предприятии по переработке молока и тракторно-автомобилльном заводе. Особенно полезной признавалась поездка в Берлин с посещением столичных скотобоен. В целом участие в Остмессе характеризовалось как «весьма ценное», и в заключение выражалась надежда, что «эти экскурсии-командировки дадут еще больше пользы, если они будут проводиться систематически, из года в год» [14].

ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКИЙ
ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ
OSTEUROPÄISCHE
LANDWIRTSCHAFTS-ZEITUNG
10-ый г. изд. № 9/10 (110/111) Сентябрь/Октябрь 1933 г.
OE
Представители и делегация Советского Союза, посетившие 21-ую Германскую восточно-европейскую ярмарку и сельско-хозяйственную выставку в Кёнигсберге Пр. в 1933-ем году. Помещение группы смотри выше.

Рис. 3. Обложка журнала «Восточно-Европейский земледелец» с фотографией руководителей советской делегации на XXI Восточной выставке в Кёнигсберге. Август 1933 года

Участие СССР в Остмессе представлялось немецкой стороне столь важным, что после ярмарки 1931 года было решено оставить советский павильон в качестве постоянно действующей выставки при кёнигсбергском Экономическом институте по изучению СССР. При этом, согласно донесению в НКИД от 23 февраля 1932 года нового генконсула Ф. В. Линде, «расходы по содержанию берет на себя Институт, в нашу обязанность входит пополнение этой выставки через каждые 3 месяца или полгода свежим материалом». Внешторг СССР поддержал это начинание, рассматривая выставку как своеобразный центр по распространению знаний о Советском Союзе, и выделил на эти цели 2400 марок в год [8, д. 409, л. 143].

Своего апогея участие Советского Союза в Остмессе достигло в начале 1930-х годов. С приходом к власти нацистов советско-германское сотрудничество во всех областях стало свертываться. НКВТ не решился аннулировать соглашение с Ярмарочным комитетом на 1933 год, однако вопрос о будущем советского павильона стал предметом оживленной дискуссии в различных ведомствах. Сотрудники Всесоюзной торговой палаты (ВТП) подготовили секретный доклад, в котором прямо признавалось: «В коммерческом отношении ярмарка для нас представляет весьма незначительный интерес. Участвовали мы больше по мотивам экономико-политического характера… Интерес со стороны широких масс населения к нашей выставке был весьма значительный…» [15, д. 502, л. 12—13]. В июле 1934 года политбюро ЦК ВКП(б) постановило «считать ненужным наше участие» в Кёнигсбергской ярмарке [16, д. 948, л. 2].

Решение высшего партийного руководства сохраняло свою силу в течение следующих пяти лет, однако с заключением в 1939 году советско-германского пакта о ненападении, а затем и договора о дружбе разорванные ранее связи стали стремительно восстанавливаться. Весной 1940 года по инициативе гауляйтера Восточной Пруссии Э. Коха состоялись переговоры об открытии на очередной Остмессе нового советского павильона. В марте 1940 года дирекция ярмарки и обербюргермейстер Кёнигсберга направили советскому послу в Берлине А. А. Шкварцеву официальное приглашение СССР принять участие в XXVIII Германской восточной ярмарке, которая должна была состояться в середине августа [15, д. 2478, л. 8]. Прибывший на переговоры с советским послом А. А. Шкварцевым в Берлин директор ярмарки Ганс Ионас апеллировал к тому факту, что «СССР всегда и раньше, за исключением периода натянутых советско-германских отношений, был представлен в самом широком объеме на выставке в Кёнигсберге». Он также подчеркнул, что столица Восточной Пруссии «является важным центром на пути советско-германской торговли» [17, с. 239—240].

Рис. 4. Дом техники — главный павильон Остмессе. 1930-е годы

Вопрос об участии в ярмарке был рассмотрен на заседании политбюро ЦК ВКП(б) 28 июня. В это время Сталин изо всех сил стремился демонстрировать лояльное отношение к своим новым нацистским друзьям. По его указанию для оборудования советского павильона Наркомвнешторгу было выделено 240,5 тыс. рублей в советской валюте и еще 36,5 тыс. германских марок [16, д. 929, л. 19]. До открытия выставки оставалось менее полутора месяцев, вот почему подготовку советской экспозиции пришлось вести в авральном порядке, этим занимались ВТП и 11 всесоюзных экспортных объединений.

Для размещения экспонатов был арендован зал площадью 400 кв. метров с дополнительными подсобными помещениями в павильоне № 5 (ранее он традиционно отводился под экспозицию вольного города Гданьска, захваченного к этому времени гитлеровцами). Зал представлял собой «деревянное одноэтажное помещение летнего типа, который сообщался с другими залами общим коридором». Тиражом 20,4 тыс. экземпляров в Германии был отпечатан — с большой переплатой из-за срочности — проспект по советскому павильону. Грузы стали поступать в Кёнигсберг с 6 августа, а таможенный досмотр, на который ушло два дня, производился прямо в павильоне. Таможенники «осмотрели тщательным образом все, что было прислано на вы-

ставку, причем каждая деталь стендов была записана и взвешена на весах». Оказалось также, что часть стендов сделана на 20—30 см выше, чем позволяла высота помещения — их пришлось подпилить. Оформительской работой занимались специалисты Берлинского торгпредства СССР и специально нанятый местный художник [18, оп. 1, д. 119, л. 40—43].

XXVIII Остмессе призвана была продемонстрировать выдающиеся успехи восточнопрусской экономики, прежде всего сельского хозяйства. Однако, по наблюдениям специалистов, в противоположность прошлым годам на этот раз индустриальная часть явно преобладала: территория ярмарки в основном была занята немецкими предприятиями, которых насчитывалось около двух тысяч. Кроме того, собственные павильоны представили как союзники Третьего рейха и порабощенные нацистами страны, так и некоторые нейтральные государства: Болгария, Венгрия, Греция, Иран, Италия, Китай и Манчжоу-Го, Норвегия, Румыния, Словакия, Турция, Финляндия, Швеция, Югославия, Япония. Свои экспозиции имели и такие «географические новости», как Протекторат Чехия и Моравия и Генерал-губернаторство (Польша).

Рис. 5. Почтовая марка, выпущенная к открытию XII Остмессе

Еще с тремя непременными странами-участниками ярмарки вышел конфуз: Литва, Латвия и Эстония буквально за несколько дней до открытия выставки, 3—6 августа, были «приняты в братскую семью советских народов». Оргкомитет нашего павильона пребывал в панике: к стендам двенадцати союзных республик, которые открывали всю советскую экспозицию, требовалось срочно прибавить еще четыре (четвертой была Молдавия), выполненных в едином стиле, однако на это не хватало ни места, ни времени, ни материалов. Поэтому, как объяснил комиссар Решетов, «пришлось ограничиться установкой двух симметрично расположенных стеклянных стоек в металлической оправе, на которых были приведены выдержки из решения сессии Верховного Совета СССР о четырех новых республиках» [15, д. 2478, л. 78; 18, оп. 1, д. 119, л. 43—44].

Сохранившиеся в архивах описи экспонатов позволяют представить содержание советской экспозиции, а вместе с тем и экспортный потенциал нашей страны.

Выставка открывалась «Вводным разделом», сплошь заполненным пропагандистскими материалами, таблицами и диаграммами. Единственным ярким пятном здесь была карта полезных ископаемых СССР. А далее по кругу располагалось несколько отраслевых экспозиций.

Раздел «Зерно и корма» представлял различные сорта зерновых, коллекцию вин и крепкие напитки, папиросы, чай, сахар, конфеты и другие продукты питания. Именно этот стенд — как сказано в итоговом отчете, «по вполне понятным причинам» — вызвал наибольший интерес посетителей. Сельское хозяйство было представлено также животным и растительным сырьем в богатом ассортименте: лен, хлопок, волокна, кишки, конский волос, щетина, пух и перо, табак, лекарственные травы, эфирные масла. Довольно непрезентабельно выглядела продукция «Экспортлеса» со штабелями бревен и досок.

Зато поражал своим богатством раздел «Пушнина» с первоклассными мехами и меховыми изделиями, достоинства которых в любое время дня бойко обсуждались пестрой толпой немецких фрау и фройлен. Не меньшим успехом пользовались ковры и изделия народных промыслов — палехские шкатулки, федоскинская миниатюра, хохломская роспись и прочее, среди которых бросались в глаза большие тарелки с выполненными в «народном» стиле портретами товарищей Сталина и Молотова.

К стендам, рекламирующим полезные ископаемые СССР, трудно было подойти: проход загораживали мешки с асбестом и костяным углем. Далее на фоне панорамы города Баку показывались сорта нефти, бензина, масел и другая продукция. При этом занимавший центральное положение макет нефтяной вышки был изготовлен чуть ли не в

натуральную величину и «оказался настолько высоким, что показатели о добычи нефти за последние годы в СССР уходили к самому потолку». Экспозицию «скрашивала только витрина драгоценных камней» с горным хрусталем и великолепными изумрудами.

«Интурист» представил плакаты и диапозитивы с видами СССР, а центральную часть раздела занимала панорама Сельскохозяйственной выставки в Москве. Учитывая профиль раздела, довольно странно выглядело отсутствие надписей на немецком языке. Объединение «Международная книга» выставляло печатную продукцию, при этом в отчете отмечено халатное отношение к отбору книг, среди которых оказались запрещенные в Германии произведения, в том числе «Манифест коммунистической партии». На большом стенде «Союзинторгкино» рекламировались отечественные фильмы («Ленин в 1918 году», «Петр Первый», «Моряки», «Подкидыш», «Минин и Пожарский» и др.). Хотя здесь надписи по-немецки присутствовали, но их разместили «почти у самого пола, что являлось неудобным для чтения и не всегда было заметным» [18, оп. 1, д. 118, л. 1—12; д. 119, л. 44—47].

Рис. 6. Афиша XXV Восточной ярмарки. 1937 год

В целом советский павильон оказался явно перегружен «наглядной агитацией» — разного рода графиками, таблицами, диаграммами и плакатами, долженствующими показать достижения первого в мире государства рабочих и крестьян.

В первый день работы выставки 11 августа советский павильон посетили министр экономики Германии Вальтер Функ, министр финансов Шверин фон Крозиг, гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох и директор выставки Ганс Ионас. Экскурсию для них проводил прибывший из Берлина советский посол в Германии А. А. Шкварцев. После ознакомления с экспонатами «министрам преподнесены были подарки (изделия «Палеха», вино, папиросы)».

«Число посетителей в советском павильоне, — записал в своем дневнике посол Шкварцев, — было значительно больше, чем в павильонах других стран. Проспекты "Интуриста" об СССР, о Сельскохозяйственной выставке в Москве, о Москве были разобраны в очень корот-

кое время. По всем внешним признакам советский павильон пользовался большим успехом. Большое число записей в Книге отзывов свидетельствует о глубоких симпатиях к СССР, скрытых в германском народе» [17, с. 522—524].

На состоявшемся в тот же день торжественном приеме и последовавшем затем банкете Э. Кох заявил, что советский павильон на ярмаарке «свидетельствует о почти неограниченных возможностях, открывающихся после заключения между СССР и Германией экономического договора[1]» [19]. Выступивший с ответным словом советский торгпред в Германии Е. И. Бабарин также указал, что участие СССР в ярмарке не случайное событие и «наши добрососедские отношения обусловлены не конъюнктурой, а основываются на важных государственных интересах» [15, д. 2478, л. 5]. А посол А. А. Шкварцев произнес прочувствованный тост за здоровье организаторов выставки, вождей нацистской партии и персонально за здоровье гауляйтера [17, с. 522—524].

По словам работников советского павильона, он «пользовался исключительным успехом», посетители интересовались не только товарами, но «также много расспрашивали о жизни Советского Союза». За четыре дня павильон посетили 325—330 тыс. человек, то есть около 90 % всех пришедших на ярмарку. В книге отзывов было оставлено «много положительных записей», правда, встречались и «отдельные немногочисленные записи контрреволюционного содержания», а среди экспонатов неизвестные попытались «распихать» антисоветские листовки «Союза украинского народа» [18, оп. 1, д. 119, л. 47—48].

В отчете об итогах работы комиссара советского павильона Решетова наркому А. И. Микояну от 15 октября 1940 года отмечалось, что на проведение выставки истрачено 25 979,74 дойчмарок, то есть смета была исполнена с экономией; перерасход традиционно давала лишь 10-я статья — «содержание соваппарата». «Поставленная перед выставкой задача в деле пропаганды успехов как народного хозяйства СССР, так и культуры, — говорилось в заключение, — была успешно выполнена. Выставка способствовала делу объективного ознакомления народов Германии с Советским Союзом» [Там же, л. 49—51].

Скромнее выглядели коммерческие результаты проведенного «мероприятия»: не было подписано ни одного контракта. Более того, служащие Берлинского торгпредства «забыли» своевременно получить у германских властей разрешение на продажу экспонатов, как это сделали другие страны. Наш дипломат в Берлине С. И. Бродовский, оценивая работу торгпредства, как-то довольно язвительно за-

[1] Здесь имеется в виду советско-германское экономическое соглашение от 11 февраля 1940 года.

метил, что немцы убеждены: мы здесь ничего не продаем и ничего не покупаем, а «только голову дурим с единственной целью замаскировать нашу пропагандистскую работу» [15, оп. 2, д. 1437, л. 50]. Пожалуй, такие слова можно было сказать и по поводу участия СССР в Кёнигсбергской восточной ярмарке.

Список литературы

1. *«Описание* Кёнигсберга» 1785 г. русского консула Ивана Исакова / публикация Ю.В. Костяшова // Калининградские архивы. Калининград, 2000. Вып. 1.

2. *Сборник* сведений по департаменту торговли и мануфактур. Консульские донесения. СПб., 1880. Т. 1.

3. *Консульские* донесения. СПб., 1889. № 63.

4. *Краткий* обзор донесений императорских российских консульских представителей за границей за 1914 год. Пг., 1915.

5. *Немирович-Данченко Вас. И.* По Германии и Голландии: Путевые очерки и впечатления. СПб., 1893.

6. *Техническое* оборудование Кёнигсбергского порта // Восточно-Европейский Земледелец. Кёнигсберг, 1926. № 2 (19).

7. *Документы* внешней политики СССР. М., 1961. Т. 5.

8. *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. 5283. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Оп. 6.

9. *Гаузе Ф.* Кёнигсберг в Пруссии: История одного европейского города. Реклингхаузен, 1994.

10. *Кёнигсберг* — город восточно-европейских ярмарок. Б. м., [1924].

11. *Восточно-Европейский* рынок. Орган Экономического института для сношений с Россией и граничащими с Германией восточно-европейскими государствами и Германской восточной ярмарки в Кёнигсберге (Пруссия). 1923. № 9. С. 4.

12. *СССР* на 16-й Восточно-Европейской ярмарке в Кёнигсберге // Восточно-Европейский земледелец. 1928. № 9. С. 23.

13. *Архив* внешней политики Российской Федерации. Ф. 0165. Посольство СССР в Германии. Оп. 8. П. 147. Д. 299. Л. 34.

14. *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. 5446. Совет министров СССР. Оп. 74. Секретариат Я.Э. Рудзутака. Д. 12. Л. 113а—115.

15. *Российский* государственный архив экономики. Ф. 413. Министерство внешней торговли СССР. Оп. 13.

16. *Российский* государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3.

17. *Из дневника* полномочного представителя СССР в Германии А.А. Шкварцева // Документы внешней политики. М., 1995. Т. 23. Кн. 1.

18. *Российский* государственный архив экономики. Ф. 635. Торгово-промышленная палата СССР.

19. *Königsberger* Tageblatt. 1940. 12 Aug.

ФИЛОСОФСКИЕ СТРАНИЦЫ

На фоне прочих русских историософов случай Мережковского кажется особым не столько из-за любви к построению почти детективных нарративов (религиозное историописание имеет к подобным сценариям естественную склонность), сколько потому, что грань между литературой, философией и историей в его случае стирается начисто.

В. Повилайтис

Владас Повилайтис
(Калининград)

ИСТОРИОСОФИЯ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО: В ПЛЕНУ МИФА

Обсуждать историософские идеи *Дмитрия Сергеевича Мережковского* (1865—1941) занятие довольно увлекательное. Глубина мысли, способность выразить себя в форме завораживающего художественного текста, не только русская, но и общеевропейская известность — все это делает его особой фигурой в русской эмиграции. Однако вопрос о методологических основаниях взглядов Мережковского на историю не так прост — художник во всем, он не выразил их холодно и отвлеченно. Более того, сама попытка сделать это помимо его воли здесь и сейчас наталкивается на глухое сопротивление материала — содержание его мысли более прочих в русской эмиграции неотделимо от ее формы[1].

На фоне прочих русских историософов случай Мережковского кажется особым не столько из-за любви к построению почти детективных нарративов (религиозное историописание имеет к подобным сценариям естественную склонность), сколько потому, что грань между литературой, философией и историей в его случае стирается начисто[2].

---

[1] Подтверждение этого находим в ироничной реплике Струве: «Должен сознаться, апокалиптических теорий Мережковского о русской революции я на французском языке не мог читать без улыбки. Блестящий русский стиль скрадывает наивность мысли. Перевод убивает стиль, и детскость мысли забавно выступает наружу» [5, с. 75].

[2] Это неопределимость Мережковского ставила в тупик многих его современников. Достаточно вспомнить Ходасевича: «Мережковский весь не о том, что "бывает", но о том, что было, есть, будет. Это решительно выводит его писания из категории романов, исторических или каких угодно иных. Найти ли-

Происходит это потому, что буйный творческий темперамент Мережковского идеально *осюжетивает* фактический материал, вписывая его в крайне субъективную картину так, словно это и есть единственная возможная интерпретация. Но надо понимать, что в нарративах, подобных тем, что создавал Мережковский, факты и единичные утверждения, даже в случае их абсолютной истинности, почти ничего не говорят о тексте в целом: он живет своей жизнью. Сделать заключение об истинности всего текста на основании достоверности отдельных суждений мы не имеем никакой возможности. То, *как* говорит Мережковский, в некотором смысле информативнее того, *что* он говорит.

Его стиль однозначно свидетельствует об убеждении в трагичности истории. Достигается это рядом приемов, и один из любимых заключается во внедрении религиозно-мифологического мировосприятия в процесс описания современности. Здесь мы имеем дело не с архаизацией — перед нами методичное и последовательное исключение всякой темпоральности. Для автора исторических романов такая позиция кажется странной, но это лишь плата за возможность, преодолев пропасть времен, спаять полулегендарное прошлое с настоящим в единое целое. Подобно Бердяеву и многим другим мыслителям, Мережковский добивается этого, находя в череде исторических эпох некое фундаментальное единство, предопределенное свыше[1]. Ходасевич был абсолютно прав, когда утверждал: «Мережковский как бы стремится до минимума свести внешнеисторическое различие, чтобы выявить внутренние подобия — прямые или обратные. Это в одинаковой степени касается и людей, и событий» [6, с. 538].

Однако, если за многообразием исторических фактов скрывается некое единство, возникает вопрос о том, как это единство может быть познано. Мережковский отказывает науке в праве открывать эти тайны: «Наше "знание" — невежество, наше "просвещение" — тьма» [4, с. 11]. Причем делает он это, не доказывая, а проповедуя — выстраивая текст, в котором статус науки снижается, а для ее характеристики используются образы *падения, греха, смерти*[2]. Такой стиль, где основную

тературное определение его произведениям я не берусь. Если угодно, они ближе к притче, нежели к роману, но и тут расстояние остается очень большим» [6, с. 538].

[1] Мережковский пишет: «Мировые круги, циклы, повторяются; конец каждого старого есть начало нового; или не начало, не конец, а только продолжение, возвращение вечного круга» [4, с. 124].

[2] Для примера см.: «Древо познания не есть Древо жизни: кто вкусит от первого, не вкусив от второго, смертью умрет. Несоединимость двух порядков, бытия и мышления, — вот источник Гильгамешевой-Фаустовой трагедии. <…> Чем больше я знаю, тем больше постигаю смерть, ибо существо знания, закон необходимости — закон смерти. <…> Я свободен в знании, а в жизни

объяснительную нагрузку несет метафора, художественный образ, в первую очередь принадлежит литературе. Но какие силы удерживают тексты Мережковского в сфере историософии?

Возможны следующие соображения: метафоричность и образность языка не просто форма подачи материала, за ней стоит определенная эпистемологическая установка. Для Мережковского иные способы описания фундаментально ущербны — пользуясь языком традиционной науки, к подлинному содержанию истории не прорваться[1]. Именно в поиске языка, который помог бы *выразить невыразимое* (след символизма), заключена задача, которую он пытался решить[2]. Понятно, что подобные проекты, являясь примером крайней религиозно-философской экзальтированности, никак не согласуются с наукой: для профессиональных ученых в этом слишком много ребячества и произвола. Язык, который создает Мережковский, несмотря на все приводимые им факты, есть *язык веры,* и именно это не только гарантирует писателю истинность его выводов, но и позволяет увидеть в них нечто большее, чем привыкла видеть в своих утверждениях наука. Однако присутствует здесь и оборотная сторона: если читателя такая манера не приворожит, то реакцией станет не сочувствие, а ирония[3].

Итак, Мережковский, пытаясь говорить о невыразимом, не может обойтись без образов и метафор, без тех выразительных средств, которые традиционно включает в себя литература. Но назвать собственное

раб. Знать — мочь? Нет, не мочь, потому что никакое знание смерти победить не может. Чем больше я знаю, тем больше умираю. Знание — смерть, вот последнее слово Гильгамешевой-Фаустовой мудрости. <…> Как не умереть, соединить Древо познания с Древом жизни? От Гильгамеша до Фауста это вопрос всего человечества» [4, с. 161—162].

[1] Мережковский, среди прочего, пишет: «Знание, великий дар Божий, искажается людьми. Наука еще не знание, она может быть и ученым невежеством. <…> Это ученое невежество, новое варварство, и есть общая основа атеизма, как буржуазного, так и пролетарского» [4, с. 9].

[2] На первых страницах «Тайны Трех», определяя сущность нашего времени в столкновении великой религиозной истины с великой религиозной ложью, говорит, что «для нашей религиозной истины у нас нет слов» [4, с. 6]. Немота нашего времени — вот что волнует Мережковского, вот что он пытается преодолеть.

[3] Игриво оправдывая формальность своей рецензии на «Иисуса Неизвестного», Куприн не без иронии пишет: «Несомненно, эту замечательную книгу должны были бы прочитать истинные философы и глубокомысленные богословы. Дать же о ней отчет могут лишь люди, чья вера в Иисуса Христа и в Евангелие свободна, проста, любовна и полна умилительной благодарности. Я сам, к сожалению, верую слабо, лениво и наивно, как веруют плотники, солдаты, деревенские бабы и пчеловоды» [2, с. 369]. И это очевидный упрек — Мережковский превратил веру в занятие интеллектуалов.

творчество литературным для него также неприемлемо — в этом в первую очередь принижение того, что он хочет сказать. Он верит, что способен понять и выразить мир в его самых существенных основаниях. В каком-то смысле он находит возможностям литературы подлинно высокое применение, тем самым преодолевая ее. Преодоление это заключается в том, что он перестает искать художественности — средствами литературы. Мережковский создает миф, который и есть онтология.

К чему она сводится? В литературе неоднократно обращалось внимание на теорию Третьего завета как ключ к пониманию историософских идей Мережковского. Напомним, что, согласно этой идее, история человечества представляет собой смену трех относительно герметичных этапов, последовательность которых укладывается в формально-диалектическую схему. Одержимый идеей троичности, Мережковский проповедовал, что неосознанному единству Бога и человека (Ветхий завет) на смену приходит осознание истины (Новый завет). Но подлинную истину нам способен дать лишь Третий завет, в котором по-гегелевски напористо и энергично откровения Отца и Сына сплавятся в единое целое в огне (или агонии?) перерождающегося мира.

Именно поэтому религия для Мережковского не просто культурно-исторический феномен. Она «связь, по преимуществу то, что связывает, скрепляет людей в общество. Если вынуть из него эту скрепу, то оно распадается, из живого тела становится мертвою "массою"» [4, с. 8]. Язык истории есть язык мифа, для которого рамки формально-логического, дискурсивного мышления губительны. Наука — это язык падшего мира, который не только несет на себе отпечаток смерти, но и сам способен убивать. Понятно, что при таких допущениях и понятием закона мыслитель пользуется крайне свободно — для него все исторические закономерности необходимо сверхисторичны, и находить их так, как это принято в науке, просто невозможно[1]. Однако и это — простое следствие часто встречающегося в текстах Мережковского тезиса, что эсхатология как метод религиозно-исторического познания точна не менее всех научных методов[2].

---

[1] «Существует закон откровений троичных, по которому каждое предыдущее исполняется в последующем: откровение Отца — в Сыне, Сына — в Духе, Духа — в Троице. Мир древний — между Отцом и Сыном, новый — между Сыном и Духом. И ныне происходит такое же, как тогда, передвижение Эонов во всемирной истории, неземных Вечностей в веках земных» [4, с. 37].

[2] На каком основании это утверждается? Логика следующая: «человекопознание есть богопознание, антропоморфизм — теоморфизм. Все, что в человеке, может быть и в Боге; и обратно, все, что в Боге, может быть и в человеке; каков человек, таков и Бог. Или другими словами: миф-мистерия говорит не только о действительно человеческом, но и о действительно божеском. Мифология есть теология, точный метод религиозного опыта» [4, с. 15—16].

Ограничившись подобными рассуждениями, причина которых в скептицизме эпохи, с которой писатель, пусть и нехотя, вынужден говорить на ее языке (для него важно придать своей гносеологии хотя бы некое подобие философской респектабельности), Мережковский переходит к той задаче, которая его действительно увлекала. Он начинает создавать свой собственный язык, свободно заимствуя его элементы из языков других культур, религий, традиций. Но, хорошо понимаемый в среде творческой интеллигенции Серебряного века, он, как было отмечено выше, оказался одинок среди профессиональных историков и философов[1]. Можно сказать, что Мережковский был одержим собственным языком, который при всем многообразии сюжетных ходов вел читателя по одному и тому же кругу: «Содержание всемирной мистерии-мифа о страдающем Боге есть событие, не однажды происшедшее, а всегда происходящее, все вновь и вновь переживаемое в жизни мира и человечества. <…> Всемирная история есть геометрическое пространство, в котором строится тело Христа» [4, с. 18].

Отметим следующее: взгляд на историю как *геометрическое пространство* при всей необычности метафоры (длительность как пространство) вполне в духе Мережковского, и он уничтожает *историческое время.* Оно останавливается, становится иллюзией. В этой эсхатологической геометрии («Если провести две линии, одну от Мемфиса до Константинополя, другую от Вавилона до Рима, то получается крест, как бы тень Креста Голгофского. Всемирная история и совершается под этим крестным знамением» [4, с. 17]) для *времени* просто не остается места. Вводя его, мы провоцируем коллапс, подобный тому, что вызвали в свое время элеаты, соединив геометрический постулат о бесконечной делимости отрезков с идеей темпоральности — можно сказать, что чем активнее вычерчиваем мы сложные фигуры истории, тем меньше остается в ней места подлинному становлению, а не формальному раскрытию уже заданных содержаний.

В этом еще одна причина особого интереса Мережковского к мифу и мистериям — так он превращает свободу выбора в иллюзию, поскольку все уникальное, историческое, случайное есть лишь завеса, скрывающая от профанов сюжетные ходы уже написанной драмы. Именно эту особенность мироощущения Мережковского удачно подметил один из рецензентов: «Для него познание прошлого — реальное общение в духе и лестница посвящений» [1, с. 362].

---

[1] Об этом точно говорил Ильин, по мнению которого Мережковский злоупотребляет историей для своего искусства и злоупотребляет искусством для своих исторических схем и конструкций.

Но именно поэтому Мережковский не допускает в свою историософию случайность — он вообще относится к ней с подозрением и изо всех сил пытается от нее избавиться[1]. *Время* и *случай* становятся тем, чему он объявляет войну, тем, что он последовательно выкорчевывает из исторической жизни, а значит, и из жизни тех, кто эту историю творит, — из жизни каждого отдельного человека. Психологизм, интерес к деталям, взаимодействие и взаимообогащение характеров, диалогичность, все это слишком человеческое для него, оно производно от *времени* и *случая* и потому не находит своего места в его картине мира[2].

Именно потому, когда Мережковский говорит о философии Платона, кажется, что он спрашивает себя: «Миф — мистерия — история в Платоновой мудрости сплетены, сотканы, как тончайшие, в органических тканях, волокна, как элементы в химических телах. Эти три порядка слиты в нем так, как дух, душа и тело в человеке. Как же их рассечь, не убивая?» [3, с. 236]. Ужас, который он испытывает перед миром без Бога, есть ужас перед миром, который утратил свою символическую природу, в котором царит случай и все есть ровно то, что есть — ничего больше.

Список литературы

1. *Бахтин Н.* Мережковский и история // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 362—364.

2. *Куприн А.* Иисус Неизвестный // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 369—370.

3. *Мережковский Д.С.* Собр. соч.: Тайна Запада. Атлантида — Европа. М., 1999,

4. *Мережковский Д.С.* Собр. соч.: Тайна Трех [1925]. М., 1999.

5. *Струве П.Б.* Спор с Д.С. Мережковским // Струве П.Б. Patriotica: политика, культура, религия, социализм. М., 1997.

6. *Ходасевич В.* О Мережковском // Ходасевич В. Колеблемый треножник: Избранное. М., 1991.

[1] В «Иисусе Неизвестном» Мережковский проповедует: «То, что Иисус родился под сенью "Римского мира", больше, чем простая случайность»; по поводу одного из собственных довольно сомнительных уподоблений в «Тайне Запада», полный праведного гнева, он пишет: «Если и это случайность, то есть ли вообще "закон вероятностей" и не вся ли история — игра случая?» и т. д. (примеры здесь можно множить без труда).

[2] Прав был Ходасевич, когда отмечал: «Лишенные жизненной и психологической выпуклости, герои Мережковского живут и движутся на плоскости, в двух измерениях. Но сами они вышелушены, очищены от всякой "психологической шелухи", так и весь мир, в котором протекает их жизнь, очищен от случайных частностей: от сплетения социальных, политических, бытовых обстоятельств — если только эти обстоятельства не стоят в прямой связи с идеями, движущими героев. Всякий историзм исключен Мережковским из сферы действия, как психологизм — из сферы характеров» [6, с. 538].

ИСТОКИ

Когда читаешь строки, написанные рукой древнерусского князя, нужно помнить, что он создавал не художественное произведение, не мемуары записывал или свои жизненные наблюдения и философские размышления, а… проживал каждое слово, в котором звучит исповедальная искренность сердца живой и удивительно чистой и честной души. И если мы приготовимся к такой прямой, открытой встрече с человеком, с его душой, обращенной к нам непосредственно, то встреча эта состоится.

Л. Дорофеева

Людмила Дорофеева
(Калининград)

«ПОМЫСЛИЛ Я В ДУШЕ СВОЕЙ...»: О ЧЕМ ПИШЕТ ВЛАДИМИР МОНОМАХ?

Под 1096 годом поместил в Лаврентьевскую летопись Владимир Мономах свое «Поучение» — одно из самых оригинальных, значимых и широко известных произведений Древней Руси. Но нужно признать, что при всей известности оно пока еще не нашло своего настоящего читателя. Нельзя же все время повторять со школьной скамьи заученное о Мономахе как о «феодальном правителе», «храбром воине», «мудром политике», обладающем «страстностью политического бойца», при этом будто не замечая ни Псалтири, которую он знает почти наизусть, ни его собственной молитвы, ни горечи размышлений о жизни, ни того покаянного чувства, которое пронизывает весь текст, ни его живого и любящего сердца, из которого изливаются слова «Поучения»!

О чем пишет Владимир Мономах, кому он пишет и зачем — вот главные вопросы, на которые все еще нет ответа. И в какой мере он возможен, этот ответ? И зачем он нужен мне, читателю XXI века? Не является ли слишком далеким то прошлое, в котором остался Владимир Мономах, превратившись для нас в некий памятник древности, который подарил нам символ истинной власти — «шапку Мономаха», а заодно и окрепшее под его началом русское государство?

Когда читаешь строки, написанные рукой древнерусского князя, нужно помнить, что он создавал не художественное произведение, не мемуары записывал или свои жизненные наблюдения и философские размышления, а, начертывая эти строки, *проживал* каждое слово, в ко-

тором звучит исповедальная искренность сердца живой и удивительно чистой и честной души. И если мы приготовимся к такой прямой, открытой встрече с *человеком*, с его душой, обращенной к нам непосредственно, то встреча эта состоится.

«Сидя на санях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил», — пишет в самом начале «Поучения» Владимир Мономах [1, с. 393], сразу включая нас в самую глубину своей душевной жизни. Ибо что может быть более глубоким, чем мысль о, возможно, скорой грядущей смерти, в которой мерцает бессмертие? Все дальнейшее повествование развивается из этой мысли и из сердечного предстояния человека перед Вечностью.

В первой части, которая и является собственно поучением, обращением к «детям или иному кому», практически нет никаких событий, кроме одного, ставшего источником глубоких размышлений и переживаний Владимира Мономаха: «Встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали: "Поспеши к нам, и выгоним Ростиславичей, и волость их отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы — сами по себе будем, а ты — сам по себе"» [1, с. 393]. И горечь охватила Мономаха, так как целовали крест братья еще совсем недавно, обещая друг другу мир и братскую любовь. И в печали своей раскрывает он Псалтирь и, читая покаянные строки величайшего библейского поэта — царя Давида, складывает их «по ряду», отвечая себе и братьям своим на вопрос о том, что такое власть и кто будет истинным обладателем земли: «…лукавые будут истреблены, послушные же Господу будут владеть землей»; «…и не будет грешника; посмотришь на место его и не найдешь его. Кроткие же унаследуют землю и многим насладятся миром» [1, с. 395].

В цитируемых Мономахом словах звучит его живая вера, бьется сердце, исполненное любви к своим ближним и к Богу, в котором он находит умирение, опору, надежду и источник жизни. И в его обращении к детям звучит любовь и забота об их душе, желание, чтобы они были не просто мирны и счастливы, но и достигли жизни вечной, то есть бессмертия. Благодаря Мономаху мы получаем образ молодого человека, в котором сочетается сила и доброта, ум и благородство, мужественность и смирение, чувство истинного достоинства и кротость. Но и здесь, в словах наставления, слышится интонация глубокого покаяния, чувство своего несовершенства — звучит голос самого Мономаха: «О владычица Богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего в ничтожной этой жизни» [1, с. 397].

Вторая часть, которую называют автобиографией, или «летописью» жизни Мономаха, знаменита описанием походов. Но в их, казалось бы, простом перечислении — 69 походов из названных 82 — есть тоже внутренняя мысль, есть *логика покаяния*. Мономах ведет к самому важному для себя: к рассказу о своем главном *внутреннем событии*, о том, как его посетила *жалость к христианским душам*, как он «пожалел… христианских душ, и сел горящих, и монастырей» [1, с. 405] и как возмутилась его душа. И из этой жалости, а также чтобы «не похвалялись язычники», он «отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль». Причем произошло это на день святого Бориса: «И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие. <…> Бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля» [1, с. 405]. Главное *событие* здесь не внешнее: произошел внутренний переворот в отношении к основному вопросу всего произведения — «владения землей». Мономах отказывается от своих завоеваний ради христианских ценностей. Происходит *перемена мыслей* (от греч. μετάνοια, букв. «после ума», «переосмысление»), что и означает покаяние: войну за власть над уделом брата Мономах осознал как свой грех, как зло для Русской земли — и переменился! На наш взгляд, это центральная часть «автобиографии», наиболее значимая в идейном смысле, так как она отвечает на вопрос об истинном смысле власти и об отказе от нее ради спасения души.

Но самым поразительным является письмо Мономаха к своему брату Олегу Святославичу. Оно было написано в 1096 году, соединено с первыми двумя частями в 1117 году и, конечно, по главному своему смыслу неразрывно с ними связано. Здесь мы встречаемся с *чудом* прощения: Мономах прощает своего брата, убившего его сына в междоусобице. Но не так просто это сделать, почему он и восклицает в самом начале своего письма: «О я, многострадальный и печальный! Много *борешься, душа, с сердцем и одолеваешь сердце мое*…» Обида в душе, боль и рождаемая ею ненависть в сердце, сопротивляющемся этому греху и вступающем с ним в борьбу, в которой победить можно только памятью о своей смерти и Страшном суде: «…все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным судьею, не покаявшись и не помирившись между собою». А. Н. Ужанков первым заметил, что мысль о Страшном суде — главная, мотивирующая поступки Мономаха, цель «Поучения» (как и его части — послания Олегу Святославичу) — «самообличение и покаяние перед Высшим Судьею» [2, с. 304].

Несомненно, образ Владимира Мономаха, возникающий при чтении написанного им произведения, поражает своей силой, цельностью, красотой души, мужественностью и глубочайшим смирением [3, с. 184—213]. Да, он, безусловно, мудрый политик, если говорить о фактах его правления; и, конечно, храбрый воин и любящий свой народ правитель. Но главное — это то, что всем своим образом поведения, мыслями, чувствами он отвечает на вопросы, современные всегда и обращенные к каждой личности: о жизни и смерти, о бессмертии и Страшном суде, о смысле власти и о спасении души. Вот только услышать и понять его можно лишь открытым к нему сердцем.

Список литературы

1. *Памятники* литературы Древней Руси: Начало русской литературы. XI — начало XII века. М., 1978.

2. *Ужанков А.Н.* О проблемах периодизации и специфике развития русской литературы XI — первой трети XVIII века. Калининград, 2007.

3. *Андрей* Рублев и мир русской культуры: к 650-летию со дня рождения: матер. междунар. науч. конф. Калининград — Клайпеда — Вильнюс. 16—22 октября 2010 г. Калининград, 2011.

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА[1]

Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов… и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на санях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, Который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет люба, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра. Если же кому не люба грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безлепицу молвил.

Ибо встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали: «Поспеши к нам, и выгоним Ростиславичей и волость их отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы — сами по себе будем, а ты — сам по себе». И ответил я: «Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить».

И, отпустив их, взял Псалтырь, в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось: «О чем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?» — и прочее. И потом собрал я эти полюбившиеся слова и расположил их по порядку и написал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите.

«Зачем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? Уповай на Бога, ибо верю в Него». «Не соревнуйся с лукавыми, не завидуй творящим беззаконие, ибо лукавые будут истреблены, послушные же Господу будут владеть землей». И еще немного: «И не будет грешника: посмотришь на место его и не найдешь его. Кроткие же унаследуют землю и многим насладятся миром. Злоумышляет грешный против праведного и скрежещет на него зубами своими; господь же посмеется над ним, ибо видит, что настанет день его. Оружие извлекли грешники, натягивают лук свой, чтобы пронзить нищего и убогого, заклать правых сердцем. Оружие их пронзит сердца их, и луки их сокрушатся. Лучше праведнику малое, нежели многое богатство грешным. Ибо сила грешных сокрушится, праведных же укрепляет Господь. Ибо грешники погибнут, — праведных же милует и одаривает. Ибо благословляющие Его наследуют землю, клянущие же Его истребятся. Господом

[1] Печатается по изданию: *Памятники* литературы Древней Руси: Начало русской литературы. XI — начало XII века. М., 1978. С. 393—413.

стопы человека направляются. Когда он упадет, то не разобьется, ибо Господь поддерживает руку его. Молод был и состарился, и не видел праведника покинутым, ни потомков его просящими хлеба. Всякий день милостыню творит праведник и взаймы дает, и племя его благословенно будет. Уклонись от зла, сотвори добро, найди мир и отгони зло, и живи во веки веков».

«Когда восстали бы люди, то живыми пожрали бы нас; когда прогневалась бы на нас ярость его, то воды бы потопили нас».

«Помилуй меня, Боже, ибо попрал меня человек; всякий день нападая, теснит меня. Попрали меня враги мои, ибо много восстающих на меня свыше». «Возвеселится праведник и, когда увидит отмщение, руки омоет свои в крови грешника. И скажет человек: «Если есть награда праведнику, значит, есть Бог, творящий суд на земле». «Освободи меня от врагов моих, Боже, и от восстающих на меня защити меня. Избави меня от творящих беззаконие и от мужа крови спаси меня, ибо уже уловили душу мою». «Ибо гнев в мгновение ярости Его, а вся жизнь в воле Его: вечером водворится плач, а наутро радость». «Ибо милость Твоя лучше, чем жизнь моя, и уста мои да восхвалят Тебя. Так благословлю Тебя при жизни моей и во имя Твое воздену руки мои». «Укрой меня от сборища лукавых и от множества делающих неправду». «Веселитесь все праведные сердцем. Благословлю Господа во всякое время, непрестанна хвала ему» и прочее.

Ибо как Василий учил, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово Господне: «Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свиреповать словом, не хулить в беседе, не много смеяться, стыдиться старших, с непутевыми женщинами не беседовать и избегать их, глаза держа книзу, а душу ввысь, не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет. Если кто из вас может другим принести пользу, от Бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится». «О владычица Богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего» в ничтожной этой жизни.

Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, «очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, Господа ради; лишаемый — не мсти, ненавидимый — люби, гонимый — терпи, хулимый — молчи, умертви грех». «Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу. Приходите да соединимся, говорит Господь. Если будут грехи ваши как обагренные, — как снег обелю их» и прочее. «Воссияет весна поста и цветок покаяния; очистим себя, братья, от всякой

крови телесной и душевной. Взывая к светодавцу, скажем: «Слава тебе, человеколюбец!»

Поистине, дети мои, разумейте, что человеколюбец Бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить, кровь его пролить вскоре. А Господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю жизнь нашу. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь Божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и царствия небесного не лишиться.

Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию.

«Что такое человек, как подумаешь о нем?» «Велик ты, Господи, и чудны дела Твои; разум человеческий не может постигнуть чудеса Твои», — и снова скажем: «Велик ты, Господи, и чудны дела Твои, и благословенно и славно имя Твое вовеки по всей земле». Ибо кто не восхвалит и не прославит силу Твою и Твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма, и свет? И земля на водах положена, Господи, Твоим промыслом! Звери различные и птицы и рыбы украшены Твоим промыслом, Господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица; если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по Божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут, и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые идут по всем землям, по Божьему повелению, чтобы наполнились леса и поля. Все же это дал Бог на пользу людям, в пищу и на радость. Велика, Господи, милость Твоя к нам, так как блага эти сотворил Ты ради человека грешного. И те же птицы небесные умудрены Тобою, Господи: когда повелишь, то запоют и людей веселят; а когда не повелишь им, то и имея язык онемеют. «И благословен, Господи, и прославлен зело!» «Всякие чудеса и эти блага сотворил и совершил. И кто не восхвалит Тебя, Господи, и не верует всем сердцем и всей душой во имя Отца и Сына и Святого Духа, да будет проклят!»

Прочитав эти божественные слова, дети мои, похвалите Бога, подавшего нам милость Свою; а то дальнейшее — это моего собственного слабого ума наставление. Послушайте меня; если не все примете, то хоть половину.

Если вам Бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: «Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал Ты, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви то делайте, и ложась. Не пропускайте ни одной ночи, — если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим человек избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «Господи помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, — нежели думать безлепицу, ездя.

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите и с любовью принимайте от них благословение, и не устраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от Бога. Паче же всего гордости но имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а заутра в гробу; все это, что Ты нам дал, не наше, но Твое, поручил нам это на несколько дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, — то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену

свою любите, но не давайте им власти над собой. А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего.

Если будете забывать это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрени воздавши богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить Бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет твой дивный!» И еще: «Господи, умножь годы мои, чтобы впредь, в остальных грехах моих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю Бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту, или на сбор дани, или лечь спать. Спанье в полдень назначено Богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди.

Рассказ Мономаха о своей жизни

А теперь поведаю вам, дети мои, о труде своем, как трудился я в разъездах и на охотах с тринадцати лет. Сначала я к Ростову пошел сквозь землю вятичей; послал меня отец, а сам он пошел к Курску; и снова вторично ходил я к Смоленску, со Ставком Гордятичем, который затем пошел к Берестью с Изяславом, а меня послал к Смоленску; а из Смоленска пошел во Владимир. Той же зимой послали меня в Берестье братья на пожарище, что поляки пожгли, и там правил я городом утишенным. Затем ходил в Переяславль к отцу, а после Пасхи из Переяславля во Владимир — в Сутейске мир заключить с поляками. Оттуда опять на лето во Владимир.

Затем послал меня Святослав в Польшу: ходил я за Глогов до Чешского леса, и ходил в земле их четыре месяца. И в том же году и сын родился у меня старший, новгородский. А оттуда ходил я в Туров, а на весну в Переяславль и опять в Туров.

И Святослав умер, и я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород; весной — Глебу в помощь. А летом с отцом — под Полоцк, а на другую зиму со Святополком под Полоцк, и выжгли Полоцк; он пошел к Новгороду, а я с половцами на Одреск войною и в Чернигов. И снова пришел я из Смоленска к отцу в Чернигов. И Олег пришел туда, из Владимира выведенный, и я позвал его к себе на обед с отцом; в Чернигове, на Красном дворе, и дал отцу триста гривен зо-

лота. И опять из Смоленска же придя, пробился я через половецкие войска с боем до Переяславля и отца застал вернувшегося из похода. Затем ходили мы опять в том же году с отцом и с Изяславом к Чернигову биться с Борисом и победили Бориса и Олега. И опять пошли в Переяславль и стали в Оброве.

И Всеслав Смоленск пожег, и я с черниговцами верхом с поводными конями помчался, но не застал… в Смоленске. В том походе за Всеславом пожег землю и повоевал ее до Лукомля и до Логожска, затем на Друцк войною и опять в Чернигов.

А в ту зиму повоевали половцы Стародуб весь, и я, идя с черниговцами и со своими половцами, на Десне взяли в плен князей Асадука и Саука, а дружину их перебили. И на следующий день за Новым Городом разбили сильное войско Белкатгина, а семечей и пленников всех отняли.

А в Вятичскую землю ходили подряд две зимы на Ходоту и на сына его и к Корьдну ходили первую зиму. И опять ходили мы и за Ростиславичами за Микулин, и не настигли их. И на ту весну — к Ярополку на совет в Броды.

В том же году гнались за Хорол за половцами, которые взяли Горошин.

На ту осень ходили с черниговцами и с половцами — читеевичами к Минску, захватили город и не оставили в нем ни челядина, ни скотины.

В ту зиму ходили к Ярополку на сбор в Броды и союз великий заключили.

И на весну посадил меня отец в Переяславле выше всей братии и ходили за Сулой. И по пути к Прилуку городу встретили нас внезапно половецкие князья, с восемью тысячами, и хотели было с ними сразиться, но оружие было отослано вперед на возах, и мы вошли в город. Только семца одного живым захватили, да смердов несколько, а наши половцев больше убили и захватили, и половцы, не смея сойти с коней, побежали к Суле в ту же ночь. И на следующий день, на Успение, пошли мы к Белой Веже, Бог нам помог и святая Богородица: перебили девятьсот половцев и двух князей взяли, Багубарсовых братьев, Осеня и Сакзя, и только два мужа убежали.

И потом на Святославль гнались за половцами, и затем на Торческ город, и потом на Юрьев за половцами. И снова на той же стороне, у Красна, половцев победили, и потом с Ростиславом же у Варина вежи взяли. И затем ходил во Владимир опять, Ярополка там посадил, и Ярополк умер.

И снова, по смерти отцами при Святополке, на Стугне бились мы с половцами до вечера, бились у Халепа, и потом мир сотворили с Тугорканом и с другими князьями половецкими, и у Глебовой чади отняли дружину свою всю.

И потом Олег на меня пришел со всеми половцами землею к Чернигову, и билась дружина моя с ними восемь дней за малый вал и не дала им войти в острог. Пожалел я христианских душ, и сел горящих, и монастырей и сказал: «Пусть не похваляются язычники!» И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около ста человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы точно волки, стоя у перевоза и на горах, — Бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля.

И сидел я в Переяславле три лета и три зимы с дружиною своею, и много бед приняли мы от войны и голода. И ходили на воинов их за Римов, и бог нам помог, перебили их, а других захватили.

И вновь Итлареву чадь перебили, и вежи их взяли, идя за Голтав.

И к Стародубу ходили на Олега, потому что он сдружился с половцами. И на Буг ходили со Святополком на Боняка, за Рось.

И в Смоленск пошли, с Давыдом помирившись. Вновь ходили во второй раз с Вороницы.

Тогда же и торки пришли ко мне с половцами — читеевичами, и ходили мы им навстречу на Сулу.

И потом снова ходили к Ростову на зиму, и три зимы ходили к Смоленску. Из Смоленска пошел я в Ростов.

И опять со Святополком гнались за Боняком, но… убили, и не настигли их. И потом за Боняком же гнались за Рось, и снова не настигли его.

И на зиму в Смоленск пошел; из Смоленска после Пасхи вышел; и Юрьева мать умерла.

В Переяславль вернувшись к лету, собрал братьев.

И Боняк пришел со всеми половцами к Кснятину; мы пошли за ними из Переяславля за Сулу, и бог нам помог, и полки их победили, и князей захватили лучших, и по Рождестве заключили мир с Аепою, и, взяв у него дочь, пошли к Смоленску. И потом пошел к Ростову.

Придя из Ростова, вновь пошел на половцев на Урусобу со Святополком, и Бог нам помог.

И потом опять ходили на Боняка к Лубну, и Бог нам помог.

И потом ходили к Воиню со Святополком, и потом снова на Дон ходили со Святополком и с Давыдом, и Бог нам помог.

И к Вырю пришли было Аепа и Боняк, хотели взять его; к Ромну пошли мы с Олегом и с детьми на них, и они, узнав, убежали.

И потом к Минску ходили на Глеба, который наших людей захватил, и Бог нам помог, и сделали то, что задумали.

И потом ходили к Владимиру на Ярославца, не стерпев злодеяний его.

А из Чернигова в Киев около ста раз ездил к отцу, за один день проезжая, до вечерни. А всего походов было восемьдесят и три великих, а остальных и не упомню меньших. И миров заключил с половецкими князьями без одного двадцать, и при отце и без отца, а раздаривал много скота и много одежды своей. И отпустил из оков лучших князей половецких столько: Шаруканевых двух братьев, Багубарсовых трех, Осеневых братьев четырех, а всего других лучших князей сто. А самих князей Бог живыми в руки давал: Коксусь с сыном, Аклан Бурчевич, таревский князь Азгулуй и иных витязей молодых пятнадцать, этих я, приведя живых, иссек и бросил в ту речку Сальню. А врозь перебил их в то время около двухсот лучших мужей.

А вот как я трудился, охотясь: пока сидел в Чернигове, а из Чернигова выйдя, и до этого года — по сотне загонял и брал без трудов, не считая другой охоты, вне Турова, где с отцом охотился на всякого зверя.

И вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал. Вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул, и Бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал, и руки и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и в стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах и о ястребах заботился.

Также и бедного смерда, и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал.

Не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтет: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю Бога и прославляю милость Его, ибо меня, грешного и ничтожного, столько лет хранил от тех смертных опасностей и не ленивым меня, дурного, создал, на всякие дела человеческие годным. Прочитав эту грамотку, потщитесь делать всякие добрые дела, славя Бога со святыми Его. Смерти, дети, не бойтесь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам Бог пошлет. Ибо если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от Бога повелено. А если случится от Бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело — остерегаться самому, то божие сбережение лучше человеческого.

Письмо Мономаха к Олегу Святославичу

О я, многострадальный и печальный! Много борешься, душа, с сердцем и одолеваешь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным судьею, не покаявшись и не помирившись между собою.

Ибо кто молвит: «Бога люблю, а брата своего не люблю», — ложь это. И еще: «Если не простите прегрешений брату, то и вам не простит Отец ваш небесный». Пророк говорит: «Не соревнуйся лукавствующим, не завидуй творящим беззаконие». «Что лучше и прекраснее, чем жить братьям вместе». Но все наущение дьявола! Были ведь войны при умных дедах наших, при добрых и при блаженных отцах наших. Дьявол ведь ссорит нас, ибо не хочет добра роду человеческому. Это я тебе написал, потому что понудил меня сын мой, крещенный тобою, что сидит близко от тебя; прислал он ко мне мужа своего и грамоту, говоря в ней так: «Договоримся и помиримся, а братцу моему Божий суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но положим то на Бога, когда предстанут они пред Богом; а Русскую землю не погубим». И я видел смирение сына моего, сжалился и, Бога устрашившись, сказал: «Он по молодости своей и неразумию так смиряется, на Бога возлагает; я же — человек, грешнее всех людей».

Послушал я сына своего, написал тебе грамоту: примешь ли ты ее по-доброму или с поруганием, то и другое увижу из твоей грамоты. Этими ведь словами я предупредил тебя, чего я ждал от тебя, смирением и покаянием желая от Бога отпущения прошлых своих грехов. Господь наш не человек, но Бог всей вселенной, — что захочет, во мгновение ока все сотворит, — и все же сам претерпел хулу, и оплевание, и удары и на смерть отдал себя, владея жизнью и смертью. А мы что такое, люди грешные и худые? Сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и в чести, а завтра в гробу и забыты. Другие собранное нами разделят.

Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили и на что им одежды? Только и есть у них, что сделали душе своей. С этими словами тебе первому, брат, надлежало послать ко мне и предупредить меня. Когда же убили дитя, мое и твое, пред тобою, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело его, увянувшее подобно цветку, впервые распустившемуся, подобно агнцу заколотому, сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: «Увы мне, что я сделал! И, воспользовавшись его неразумием, ради неправды света сего суетного нажил я грех себе, а отцу и матери его принес слезы!»

Надо было бы сказать тебе словами Давида: «Знаю, грех мой всегда передо мною». Не из-за пролития крови, а свершив прелюбодеяние, помазанник Божий Давид посыпал главу свою и плакал горько, — в тот час отпустил ему согрешенья его Бог. Богу бы тебе покаяться, а ко мне написать грамоту утешительную да сноху мою послать ко мне, — ибо нет в ней ни зла, ни добра, — чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и ту свадьбу их, вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их, за грехи мои. Ради Бога, пусти ее ко мне поскорее с первым послом, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя, и села бы она как горлица на сухом дереве, горюя, а сам бы я утешился в Боге.

Тем ведь путем шли деды и отцы наши: суд от Бога пришел ему, а не от тебя. Если бы тогда ты свою волю сотворил и Муром добыл, а Ростова бы не занимал и послал бы ко мне, то мы бы отсюда и уладились. Но сам рассуди, мне ли было достойно послать к тебе или тебе ко мне? Если бы ты велел сыну моему: «Сошлись с отцом», десять раз я бы послал.

Разве удивительно, что муж пал на войне? Умирали так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать чужого и меня в позор и в печаль вводить. Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зла. И если начнешь каяться Богу и ко мне будешь добр сердцем, послав посла своего или епископа, то напиши грамоту с правдою, тогда и волость получишь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: ни враг я тебе, ни мститель. Не хотел ведь я видеть крови твоей у Стародуба; но не дай Бог видеть кровь ни от руки твоей, ни от повеления твоего, ни от кого-либо из братьев. Если же я лгу, то Бог мне судья и крест честной! Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за язычников, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, ибо я человек.

Если тебе хорошо, то… если тебе плохо, то вот сидит подле тебя сын твой крестный с малым братом своим и хлеб едят дедовский, а ты сидишь на своем хлебе, об этом и рядись. Если же хочешь их убить, то вот они у тебя оба. Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле. А что ты хочешь добыть насильем, то мы, заботясь о тебе, давали тебе и в Стародубе отчину твою. Бог свидетель, что мы с братом твоим рядились, если он не сможет рядиться без тебя. И мы не сделали ничего дурного, не сказали: пересылайся с братом до тех пор, пока не уладимся. Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, пусть тому от Бога мира не видать душе своей на том свете!

Не от нужды говорю я это, ни от беды какой-нибудь, посланной Богом, сам поймешь, но душа своя мне дороже всего света сего.

На Страшном суде без обвинителей сам себя обличаю, и прочее.

РУССКИЕ В КЁНИГСБЕРГЕ

Артем Хачатуров представлял не только Россию, но и наш город, ведь его везде представляли как главного органиста калининградского культурного центра «Кафедральный собор». А в Германии знают, что именно наши мастера восстановили древнее здание собора, превратили недавние руины в музейный комплекс, в концертный зал с великолепной акустикой, с изумительным органным комплексом. И это свидетельствует о том, что русская культура сохраняет свои позиции в мире, что она остается великой культурой, необходимой всему человечеству.

И. Кузнецова

Ирина Кузнецова
(Калининград)

«С РУССКОЙ ДУШОЙ»

Так называлась программа, с которой выступил в Германии главный органист культурного центра «Кафедральный собор» Артем Хачатуров.

О предстоящем выступлении нашего музыканта сообщали многочисленные афиши, по радио и телевидению многократно давали анонс. Интерес к концерту определялся не только тем, что Артем Хачатуров — главный органный исполнитель культурного центра, орган которого, по словам великого органиста современности Оливье Латри, уникален. Многие немецкие любители музыки и профессиональные музыканты высоко оценили мастерство нашего музыканта. Программа, которую исполнил в Германии Артем Хачатуров, стала для немецких меломанов подлинным открытием, ведь очень немногие, даже в нашей стране, знают о глубоких традициях, которые имеет органная музыка в русской культуре.

Первые органы в Россию, как и в Западную Европу, пришли из Византии. Это случилось во времена правления князя Владимира, крестившего Русь. Именно тогда установились тесные политические и культурные контакты с Константинополем. Однако в отличие от Западной Европы, где органы стояли и стоят в храмах, где органная музыка имеет большое значение для религиозных обрядов, в Киевской Руси этот музыкальный инструмент был светским. Более того, он вошел не только в придворную, но и в народную культуру. Свидетельством этого служат фрески киевского Софийского собора, возведенного при Ярославе Мудром. На сохранившейся фреске «Скоморохи» изображен музыкант, играющий на органе-позитиве, т.е. на маленьком стационарном органе, а также два кальканта, то есть его помощники, накачивающие воздух в меха органа.

Распространенность этого инструмента в Древнерусском государстве подтверждает и выражение «бить органы», которое встречается у Даниила Заточника. Тогдашние органы имели столь большие клавиши, что по ним именно били. Подчеркнем, что органное искусство на Руси носило светский характер. Органное многоголосие соотносилось с многоголосием хоровым, которое было распространено в народном искусстве.

При Иване III, прозванном Великим, Московская Русь предстала перед изумленной Европой огромным, могучим, богатым государством. Начался процесс взаимодействия Западной Европы и Московского государства. Не касаясь политических и экономических контактов, противостояния и отстаивания своих интересов, отметим культурные последствия этих контактов. Главное событие, конечно, прибытие в Москву Аристотеля Фиораванти, который создал один из самых прекрасных русских соборов — Успенский собор Московского Кремля, ставший символом Российского государства. Надо вспомнить и о том, что в 1472 году вместе с Софьей Палеолог, ставшей супругой Ивана III, в Москву прибыла не только легендарная библиотека, но и приехал из Италии органист Джованни Сальватори. Заметим, что в Италии этого времени (эпоха Возрождения) появилось немало светской музыки, в том числе и для органа. С произведениями итальянских композиторов как раз и знакомил московитов прибывший музыкант. Выразительная музыка, исполнявшаяся Джованни Сальватори, часто звучала для Ивана III и его близких, становилась частью придворной русской культуры.

Интерес царского двора к органному искусству сохранялся и в следующем столетии, причем он ширился, выходил за стены дворцов, проникал в народное искусство. Скоморохи, странствовавшие по Руси, выступавшие на ярмарках, на свадьбах, на разного рода гуляниях, играли на органах-портативах («портатив» — от латинского слова «порто», что означает «я ношу»). Этот орган был переносным. Его несли за две ручки, ставили в нужном месте, и органист начинал играть.

Среди большого собрания народных картинок, репродукции которых опубликованы Д. А. Ровинским, встречается изображение сцен с участием скоморохов. Особенно интересна картинка под названием «Плясун и скоморох». Подпись к ней гласит: «…спасибаста, что меня увеселяешь на волынке паче органов играешь…» По этой присказке видно, что органы-портативы сопровождали пляски скоморохов наряду с волынками.

Представление об органной культуре России XVI столетия не будет полным, если не учесть таких источников, как древнерусские миниатюры. До нас дошли миниатюры XVI века с изображением органов. Первая из них принадлежит московским мастерам и входит в знаменитый Лицевой свод, насчитывающий около 16 тыс. миниатюр работы придворных художников Ивана IV. Интересующая нас миниатюра посвящена теме «Парис и Елена в Спарте». В ее правом углу мы видим беседующих Париса и Елену, остальное пространство на первом плане занимает их свита. В первом ряду стоят музыканты. Среди них исполнители на струнных инструментах — смычковых и щипковых, а также барабанщик. В самом центре изображения помещен орган-позитив и калькант, накачивающий мехи. На некоторых других миниатюрах Лицевого свода нарисованы орган без органиста, одна клавиатура, калькант без органиста.

Данные миниатюры подкрепляют мысль о довольно широком распространении органов. На это же указывает тот факт, что Стоглавый собор (1551) посчитал необходимым в своем постановлении выразить порицание тому, что «в мирских свадьбах играют глумотворцы и органики, и смехотворцы, и гусельники».

Надо заметить, что поскольку царский двор тоже переживал увлечение органом, изгнать данный инструмент из России не удалось. Более того, из-за границы продолжали приглашать мастеров следить за состоянием инструментов, играть на тех стационарных органах, которые стояли во дворцах. Так, в 1578 году в Москву прибыл голландский органист и органостроитель Готлиб Эйльгоф, которого в соответствии с традицией именовали Немчин — Данило Немчин. Он и ремонтировал имевшиеся инструменты, и строил новые, причем не только для царя. Созданные им органы звучали в домах московской знати, способствуя распространению интереса к органному искусству в русском обществе.

Увлечение органной музыкой повышало уровень музыкальной культуры слушателей. Царскую семью уже не удовлетворяли органы, созданные в московской мастерской, и были приобретены инструменты в Англии, о чем свидетельствует письмо английского посланника Джерома Горсея о покупке в 1586 году для царицы Ирины Федоровны, сестры Бориса Годунова, нескольких клавикордов и органа, построенного в Англии.

И во времена царя Бориса Годунова живописцы отметили присутствие органа в русской культуре. Так, в «Годуновской псалтири» (1594) костромского Ипатьевского монастыря имеется миниатюра, которая с большими подробностями изображает орган. Художник показал все

его главные элементы как клавишно-духового инструмента с трубами. Он нарисовал воздухонагнетательный механизм (два меха и раздувающего их кальканта), звукопроизводящую часть — трубы, не забыл и про аппарат управления — клавиатуру. Орган изображен в момент звучания: качальщик (справа) раздувает мехи, а органист, который сидит слева, играет на клавиатуре. Правда, рисунок сделан в своеобразной манере того времени: художник расположил все части органа отдельно одну от другой, словно демонстрируя устройство инструмента желающим его построить. Клавиатура с сидящим за ней органистом не соединена с корпусом инструмента. Органные трубы выглядывают из-за деревянной обшивки, т.е. из-за фасада, как цветы из вазы. Мехи, которыми управляет калькант-качальщик, поставляют воздух не во внутрь органа, а куда-то в сторону от него. Во всяком случае, данное изображение позволяет узнать, что на клавиатуре московского органа XVI столетия чередующиеся клавиши были современной окраски.

К тому же столетию относятся две миниатюры из Новгородского списка «Книги глаголемой Козмы Индикоплова». Их сюжеты одинаковы: «Царь Давид составляет псалтирь». На переднем плане миниатюр художник поместил по два органа, около каждого находятся — справа качальщик мехов, слева органист. Скамейки, на которых сидят органисты, выглядят так же, как и на миниатюре «Годуновской псалтири», на всех рисунках органисты держат ноги на одинаковых подставках. Это доказывает, что существовала определенная унификация инструментов, которые создавались на Руси.

Обе новгородские миниатюры крайне интересны тем, что подтверждают распространенное в России XVI столетия значение слова «органы» — текст, размещенный художником в центре миниатюры, имеет строку: «и органы и сопелми пояху по нему». Изображения конкретного музыкального инструмента — органа — иллюстрируют этот текст, не оставляя сомнения в том, как в большинстве случаев понимали русские люди слово «органы» в данную эпоху.

Сравнение четырех русских миниатюр XVI столетия, на которых имеются изображения органов, убеждает в том, что прототипами этих инструментов являлись бытовавшие в России органы-позитивы, т.е. органы без ножной клавиатуры. Их легко можно было переносить, но для нагнетания воздуха они требовали специальных качальщиков мехов. Органы применялись в помещении и на открытом воздухе. Так, на миниатюре Лицевого свода орган в сочетании с другими инструментами звучит на площади при стечении народа. Русские художники, создатели миниатюр, имели перед собой образцы разных типов органов-позитивов: более усовершенствованных — в Москве и более старинных — в Новгороде.

Исполнителями на органах, которых становилось все больше в России, были не только иностранцы. Обучались игре на органе и русские музыканты, что расширяло известность инструмента.

Во время правления царя Михаила Романова и затем при Алексее Михайловиче придворными органистами были русские музыканты Томила Михайлов, Борис Овсонов, Мелентий Степанов, Андрей Андреев. Кроме них в Потешной палате в Москве работали также иностранцы: поляки Ежи Проскуровский и Федор Завальский, органостроители из Голландии братья Йохан и Мельхерт Лун.

Интерес к органной музыке возрастал, музыкантов требовалось больше — и отечественных, и иностранных. Причем приглашение иностранцев имело значение и для расширения музыкального кругозора русских меломанов, ведь иноземные музыканты знакомили русских людей, прежде всего московское боярство и дворянство, с западноевропейской органной музыкой. И это была преимущественно светская музыка.

При царе Алексее Михайловиче с 1654 по 1685 год служил при дворе Симон Гутовский, музыкант и прекрасный мастер-создатель музыкальных инструментов. Он был польского происхождения, родом из Смоленска. В Москве Гутовский построил несколько органов, в 1662 году по велению царя он и четверо его подмастерьев отправились в Персию, чтобы передать один из своих инструментов в дар персидскому шаху.

Отметим, что по традиции дары выражают достижение страны. Значит, царь рассматривал орган не как инородный инструмент, а как входящий в состав русской культуры, как русский инструмент, созданием которого он гордился.

Одним из значительных событий в культурной жизни Москвы стало основание в 1672 году придворного театра, который был также оснащен органом Гутовского, что указывает на роль данного инструмента в театральной культуре России.

Петр I, который с детских лет бывал в Немецкой слободе, живо интересовался западноевропейской культурой. В 1691 году девятнадцатилетним юношей он поручил знаменитому гамбургскому органостроителю Арпу Шнитгеру построить в Москве орган с шестнадцатью регистрами, украшенный сверху фигурами из орехового дерева.

Обратим внимание: для молодого Петра орган не был экзотическим инструментом. Он слышал его и в царских покоях, и в театре, и в лютеранской церкви Немецкой слободы. И заказ его означал желание получить еще один инструмент, который привлекал бы внимание москвичей и своим нарядным обликом, и звучанием.

Арп Шнитгер выполнил заказ, а в 1697 году направил в Москву еще один, на этот раз восьмирегистровый инструмент для некоего господина Эрнхорна, по-видимому, одного из тех иностранцев, которые вели дела в России. Причем дела шли успешно, если он заказал столь дорогой инструмент как орган. И еще один вывод можно сделать. Вряд ли этот господин был выдающимся музыкантом. Орган, скорее всего, звучал на приемах, которые устраивал Эрнхорн. Исполнение органных произведений повышало статус владельца дорогого инструмента. И это тоже можно толковать как косвенное признание важности органа для русских партнеров Эрнхорна, известности его в России.

На заказе органа Шнитгеру интерес Петра к «королю инструментов» не закончился. В поездке по Германии он познакомился в городе Герлице с органистом и органостроителем Кристианом Людвигом Боксбергом, которому и поручил спроектировать грандиозный орган для Москвы. К 1715 году Боксберг подготовил проект для органа-гиганта на 92 регистра.

Вообще в годы правления царя-реформатора органы строились по всей стране, прежде всего в лютеранских и католических храмах, но было немало и небольших органов, находившихся в частных домах. В эту эпоху достоянием русской культуры стала не только светская органная музыка, но и музыка, звучавшая в костелах и кирхах, куда приходили послушать органную музыку не только католики или лютеране, но и представители иных конфессий.

В Санкт-Петербурге орган звучал в католической церкви Святой Екатерины и в протестантской церкви Святых Петра и Павла. Для этой лютеранской церкви в 1737 году орган построил Иоганн Генрих Иоахим из Митавы. С 1764 года в этой церкви еженедельно проводились концерты симфонической музыки, а также исполнялись оратории. Такие концерты начались с выступления датского органиста Иоганна Готфрида Вильгельма Пальшау. Екатерина II и весь царский двор были покорены его исполнением сложных органных произведений. Эти концерты в церкви Святых Петра и Павла, несомненно, стали частью русской культуры, ибо формировали, пусть и не у широких масс, но у образованной публики, музыкальные интересы и критерии.

В конце 1770-х годов императрица Екатерина II поручила английскому мастеру Сэмюэлю строительство органа в Санкт-Петербурге предположительно для князя Потемкина. Вряд ли она заказала бы орган для человека, не знавшего или не любившего органной музыки. Подобный подарок говорит о том, что орган представлялся ценностью, которой императрица награждала фаворитов.

Известный органостроитель Генрих Андреас Контиус из Галле (Германия), создал несколько органов в прибалтийских городах, а также в Петербурге и Нарве. Учитывая, что прибалтийские земли входили в состав Российской империи, что там проживало немало русских людей, можно считать, что работа этого органостроителя также служила распространению интереса к данному инструменту в России, в русской культуре.

Самый знаменитый строитель органов в России конца XVIII века — Франц Киршник. Аббат Георг Йозеф Фоглер, давший в апреле и мае 1788 года в Петербурге два концерта, после посещения органной мастерской Киршника был под таким сильным впечатлением от его инструментов, что пригласил в 1790 году его помощника мастера Раквица сначала в Варшаву, а затем в Роттердам. Тот факт, что органостроитель высокого класса работал в России, хотя мог выбрать для своей деятельности любую европейскую страну, говорит о том, что его инструменты пользовались большим спросом, а работа хорошо оплачивалась. И это показатель сложившейся культурной традиции в русском обществе.

В культурной жизни Москвы заметный след оставила тридцатилетняя деятельность немецкого композитора, органиста Иоганна Вильгельма Гесслера (1774—1822). Игре на органе Гесслер обучался у ученика Иоганна Себастьяна Баха Иоганна Кристиана Кителя. Поэтому в своем творчестве он придерживался традиции великого органиста лейпцигской кирхи Святого Фомы. В Россию Гесслер прибыл в 1792 году, когда был назначен императорским придворным капельмейстером в Петербурге. В 1794 году, переехав в Москву, он снискал славу лучшего фортепианного педагога, а благодаря многочисленным концертам, посвященным органному творчеству И. С. Баха, оказал огромное влияние на русских музыкантов и любителей музыки. Правда, стоит отметить, что в Москве уже были знакомы с именем и произведениями великого немецкого полифониста благодаря Якобу фон Штелену, выпускнику Лейпцигского университета и будущему российскому академику. Фон Штелен, отличавшийся глубокой образованностью и известный как почитатель творчества И. С. Баха, стал автором первых статей о русской музыке, тем самым соединив в своих исследованиях музыку как Западной, так и Восточной Европы.

В XIX веке в среде русской аристократии распространился интерес к музицированию на органе в домашних условиях. Князь Владимир Федорович Одоевский (1804—1869), один из самых замечательных наших соотечественников, друг М. Г. Глинки и автор первых в России оригинальных сочинений для органа, в конце 1840-х годов пригласил

мастера Георга Мельцеля для строительства инструмента, вошедшего в историю русской музыки как «Себастьянон», названного по имени Иоганна Себастьяна Баха. Речь шла о домашнем органе, в разработке которого принимал участие сам Одоевский. Он поставил перед собой цель сформировать у русской музыкальной общественности интерес к органу и к исключительной личности И.С. Баха. Соответственно, и программы его домашних концертов были в первую очередь посвящены творчеству великого композитора. Именно от Одоевского исходил призыв к русской общественности собрать денежные средства на восстановление баховского органа в Новой церкви (ныне Баховская церковь) в Арнштадте (Германия).

Весьма знаменательно, что именно русские поклонники творчества Баха озаботились восстановлением органа в далеком немецком городе. В этом проявилась и укорененность любви к органу в русской культуре, и способность русской души к сопереживанию, в данном случае к сопереживанию по поводу печального состояния инструмента, на котором играл великий Бах. Заметим, что в Западной Европе в этот период благодаря Феликсу Мендельсону-Бартольди возрождался интерес к творчеству И.С. Баха, но только В.Ф. Одоевскому пришла в голову мысль о том, что надо сохранить и баховский орган.

На органе В.Ф. Одоевского часто музицировал для московской и петербургской публики М.И. Глинка. Из воспоминаний его современников нам известно, что он был наделен выдающимся импровизаторским талантом. Высоко оценил органные импровизации Глинки Ф. Лист. Во время своих гастролей в Москве 4 мая 1843 года он выступил с органным концертом в протестантской церкви Святых Петра и Павла, включив в программу фугу Георга Фридриха Генделя. Все концерты Листа в России прошли с триумфальным успехом, а исполнение им органных произведений добавило популярности этому инструменту.

Стоит вспомнить, что на гастроли в Россию Ф. Лист, признанный величайшим музыкантом мира, прибыл из Кёнигсберга. Зимой 1842 года он дал несколько концертов в городе на Прегеле. Публика с огромным энтузиазмом принимала его, особый восторг и преклонение вызывало то, что немалые сборы от этих концертов великий пианист и композитор щедро отдавал на всевозможные благотворительные цели.

Всеобщее воодушевление, вызванное концертами Ф. Листа, подвигло руководство Кёнигсбергского университета на небывалое действие: Альбертина удостоила композитора звания почетного доктора, что впервые было сделано по отношению к музыканту.

Из Кёнигсберга Ф. Лист отправился в Россию. Маршрут пролегал через Ригу, Митаву. Его встречали с военными оркестрами и даже салютами, что подтверждало сложившееся за рубежом мнение об исключительной любви русских к музыке. В апреле Ф. Лист добрался до Петербурга, где все его концерты посещала императрица. А в следующем году он выступал не только в Петербурге, но и в Москве. Здесь Лист, как уже упоминалось, познакомился с Михаилом Ивановичем Глинкой, и не только с восторгом отзывался об органных импровизациях нашего соотечественника, но стал почитателем музыки великого русского композитора и в дальнейшем исполнял ее.

Успехи органных концертов способствовали тому, что в XIX столетии в России продолжали интенсивно строить органы. К 1856 году в стране имелось 2280 церковных органов, а кроме того, петербургская аристократия, московская знать полагали необходимым иметь эти инструменты в своих домах. В Петербурге в качестве фортепианного и органного мастера работал Карл Вирт, создавший несколько органов для домашнего музицирования. Помимо этого он построил инструмент, который предназначался для церкви Святой Екатерины. В 1875 году этот орган был продан в Финляндию. Правда, надо иметь в виду, что Финляндия входила в состав Российской империи и российская интеллигенция любила отдыхать в Финляндии, а значит, и посещать концерты.

В Москву, Кронштадт и Петербург поставляли свои органы английские и немецкие фирмы. Австрийская органостроительная мастерская братьев Ригер создала несколько органов в провинциальных российских городах: в Нижнем Новгороде в 1896 году, в Туле в 1901-м, в Самаре в 1905-м, в Пензе в 1906-м. Это означало распространение органной музыки, органного искусства в российской глубинке, его включенность в музыкальную культуру России. Заметим, что в провинции органы стояли не в католических или протестантских церквях, а в залах дворянского собрания, что означало продолжение идущей из веков традиции рассматривать орган как светский музыкальный инструмент.

Один из самых знаменитых органов Эберхарда Фридриха Валькера с 1840 года находился в протестантском соборе Святых Петра и Павла в Петербурге. Он был возведен по образцу построенного семью годами раньше большого органа в церкви Святого Павла во Франкфурте-на-Майне. Этот орган любил слушать Петр Ильич Чайковский.

Новый подъем в русской органной культуре начался в связи с основанием органных классов в Петербургской (1862) и Московской (1885) консерваториях. В качестве первого преподавателя органа в Пе-

тербурге был приглашен выпускник Лейпцигской консерватории, уроженец города Любека Генрих Штиль (1829—1886). Его преподавательская деятельность в Петербурге продлилась с 1862 по 1869 год. В последние годы жизни он был органистом церкви Святого Олафа в Ревеле (Таллин), тоже на территории Российской империи.

Штиль и его преемник в Петербургской консерватории Людвиг Гомилиус (1845—1908) в своей педагогической практике ориентировались прежде всего на немецкую органную школу. Занятия органного класса Петербургской консерватории в первые годы проходили в соборе Святых Петра и Павла, а среди первых студентов-органистов был П. И. Чайковский. Собственно в консерватории орган появился лишь в 1897 году. Он был установлен в Малом зале знаменитой фирмой «Эберхард Фридрих Валькер».

В 1901 году получила великолепный концертный орган и Московская консерватория. Его построила для Большого зала очень известная французская фирма «Аристрид Кавайе-Коль». В течение года этот орган был выставочным экспонатом в Русском павильоне Всемирной выставки в Париже (1900). Отметим, что французская фирма построила орган специально для зала консерватории, т. е. в отличие от немецких и французских органов, которые создавались для соборов, а значит, для церковной музыки, этот инструмент был универсальным. На нем, не перенастраивая, можно было исполнять как немецкую, так и французскую музыку. Недаром его представили в Париже как образец достижений России, ведь во Франции такие органы не использовались. Установкой этого до сих пор великолепно звучащего инструмента занимался великий французский композитор и органист Шарль Видор, который был преисполнен энтузиазма дать Москве орган, подобного которому не было в то время в европейских городах, ибо, еще раз напомним, он является универсальным. Это стало одним из последних деяний Ш. Видора: вскоре после того, как орган зазвучал в Москве, он ушел из жизни.

В дополнение к этому инструменту имелись еще два органа Ладегаста, которые в 1885 году нашли свое место в Малом зале консерватории. Больший из них пожертвовал купец и меценат Василий Хлудов, поступок которого свидетельствовал о том, что в российском обществе широко распространилось понимание высокой культурной ценности органа. Этот инструмент был в употреблении в консерватории до 1959 года, пока его не заменили на новый. Профессора и студенты регулярно участвовали в концертах в Москве и Петербурге, а выпускники обеих консерваторий концертировали также в других городах, таких, как Одесса, Саратов, Харьков, Казань и Астрахань.

Замечательный русский композитор С. Танеев не только своими сочинениями, но и научно-исследовательской деятельностью формировал интерес к полифонии вообще и русской полифонии в частности. Его влияние испытали Б. Сабанеев и Ж. Гандшин, которые и после Октябрьской революции продолжили пропаганду полифонии, а следовательно, и органа.

* * *

Однако вернемся к концертам, которые дал в Германии органист культурного центра «Кафедральный собор» Артем Хачатуров.

Первым произведением, исполненным музыкантом, стала «Пассакалия» Д. Д. Шостаковича из оперы «Катерина Измайлова». По замыслу великого композитора именно орган должен был прозвучать в опере, именно для него написана «Пассакалия». Если Д. Д. Шостакович — это признанный во всем мире классик, то имя Вячеслава Каратыгина, теоретика музыки и замечательного композитора, вряд ли было известно немецким слушателям. Его «Прелюдия и фуга», несомненно, расширила представления всех присутствовавших на концерте о русской музыкальной культуре. И само произведение, созданное в традиционной для органа форме, наполнено истинно русской певучестью и удалью.

Помимо этих произведений на концерте прозвучали шесть «Канонов» Р. Шумана. Кроме того, что 2010 год был годом 200-летнего юбилея великого романтика, Артем Хачатуров имел в виду (и об этом упомянул ведущий концерта), что Роберт Шуман и Клара Вик, его жена и великая пианистка, в 1844 году с большим успехом выступали в России. Они были одними из первых немецких музыкантов, приехавших в нашу страну на гастроли. А добирались до Петербурга через Кёнигсберг, где также дали концерт.

Стоит сказать, что «Каноны» Шумана Артем Хачатуров играет замечательно, вдохновенно, с тонким чувством эпохи и особенностей мировосприятия композитора. Недаром летом 2009 года на дневном концерте нашего органиста, когда звучал один из «Канонов», произошло чудо. Девочка, которая в результате потрясения потеряла голос и которую несколько лет безрезультатно лечили в лучших клиниках России и европейских стран, во время исполнения «Канона» вновь обрела его.

Завершил концерт Артем Хачатуров великолепной, завораживающей и потрясающей мощью пьесой Х. Кушнарева «Пассакалия и фуга». Это именно то произведение, которое И. Браудо считал самым

интересным явлением органной музыки первой половины XX века. Выбор великого сочинения Х. Кушнарева нашим музыкантом был поразительно точным. Эмоциональное воздействие «Пассакалии и фуги» столь велико, что все, кто слышал ее в исполнении А. Хачатурова, становятся горячими почитателями замечательного ленинградского композитора.

А теперь, когда читатели познакомились с программой концертов Артема Хачатурова, надо сообщить, где он выступал. Это, прежде всего, кафедральный собор Берлина, весь огромный зал которого был заполнен. Слушатели тепло встретили органиста, а после завершения концерта устроили настоящую овацию.

С этой же программой Артем выступил в Кёнигслютере. И тоже с огромным успехом, с долгими, благодарными аплодисментами.

На мой взгляд, выступления нашего молодого органиста сделали значительно больше для взаимопонимания народов, чем визиты иных политиков и депутатов, которые выезжают за границу «других посмотреть, себя показать».

Во-первых, Артем Хачатуров, играя русскую органную музыку, укрепил слушателей в осознании того, что наш народ обладает великой музыкальной культурой. Во-вторых, блестяще исполнив произведения Р. Шумана, он подтвердил высокий уровень отечественного исполнительского искусства, выразил глубокое понимание немецкой музыки. И все это способствует росту уважения и доверия к нашему народу, нашей стране.

В-третьих, Артем Хачатуров представлял не только Россию, но и наш город как главный органист калининградского культурного центра «Кафедральный собор». А в Германии знают, что именно наши мастера восстановили древнее здание собора, превратили недавние руины в музейный комплекс, в концертный зал с великолепной акустикой, с изумительным органным комплексом. И это свидетельствует о том, что русская культура сохраняет свои позиции в мире, что она остается великой культурой, необходимой всему человечеству.

ПОБЕРЕЖЬЕ

Игорь Белов *(род. в 1975 году) — поэт, переводчик. Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Континент», «Воздух», «День и ночь», «Север», «ШО» и других, переводы из польской, украинской и белорусской поэзии — в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Воздух», «Сибирские огни», «Интерпоэзия», «Новая Польша», «ШО», «TextOnly» и других. Лауреат всероссийской литературной премии «Эврика!» (2006), Волошинского фестиваля (2011), дипломант международного Волошинского конкурса (2007, 2008), стипендиат Министерства культуры РФ (2003), Шведского института (2007) и министра культуры Польши «Gaude Polonia» (2009), участник ряда литературных акций в России и за рубежом. Стихи переводились на шведский, немецкий, польский, эстонский, украинский и белорусский языки. Член Союза российских писателей и Русского ПЕН-центра. Автор книг стихов «Весь этот джаз» (Калининград, 2004), «Музыка не для толстых» (Калининград, 2008).*

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛЬСКАЯ ПОЭЗИЯ В ПЕРЕВОДАХ *Игоря Белова*

Богдан Задура

Воскресные обеды

мой взрослый ребенок
не любит воскресных обедов
(что-то мне это напоминает)

каждую неделю за одним и тем же столом
говорят об одном и том же
о том что полезно
о плюсах овощей
приготовленных на пару
о чудесных качествах фасоли и помидоров
превосходстве брокколи над цветной капустой
мороженой моркови Hortex
над морковью Bonduelle

надеюсь что однажды
мой взрослый ребенок вырастет
еще больше и заметит что
так оно и бывает с людьми

когда они идут за грибами
говорят о грибах

когда они трахаются
говорят о сексе

когда они лежат в клинике
смотрят «Санта-Барбару»

когда они идут за гробом
говорят о смерти

так отчего же обедая
не поболтать о еде

***

капля из крана
падает в рану
волосы ангелов
и стекловата

чьи-то колени
там где сад притих
свою голову месяц
опустил на них

чужие колени
а может свои
никогда не узнаешь
усни усни

Поэт говорит с народом

Пока нет лучших книг — меня читает двор.
А. Мицкевич

Уже неделю он не разговаривает со своим сыном
(было бы у него больше детей
то уж если не с этим
наверняка разговаривал бы с другим)

Уже месяц он не разговаривает с тещей
(хорошо что у него их не две
поскольку не разговаривает он
лишь с одной)

Уже шесть месяцев он не разговаривает со своим издателем
(издатель обанкротился и занялся
разведением павлинов и попугаев)
Могло быть и хуже

ведь дочки фрейлины все же в порядке
на молодежь вообще нет повода жаловаться
ксероксы работают директрисы домов культуры
улыбаются и шлют поцелуи

У него много времени
так что мог бы уже поговорить с народом
вот только народ должен
избрать какую-то делегацию

Или дирекция телевидения
должна этим заинтересоваться

Или нужно было бы взять каких-нибудь заложников
и требовать эфирное время
в качестве выкупа (время — деньги)

Но ведь кто-то же должен
отдать народу последние почести

Хоть он и не умеет играть на трубе
нет у него ни винтовки ни даже барабана
это его профессиональная обязанность

В конце концов это его старшие коллеги по перу
однажды сотворили
этот народ (и его, не считая биологических родителей)

Так кто как не он должен отдать ему
последний долг

(А ведь раньше казалось
что всегда будет наоборот)

***

эфирные тела
пещеристые тела
небесные тела

околоплодные воды
арктические воды
термальные воды

огни преисподней
огни святого Эльма
бенгальские огни

мышиный помет
коровье дерьмо
людские стихи

Именно то

Говорить кому-то то, что на самом деле хочется сказать
и одновременно то, что этот кто-то хочет услышать
это как выигрыш в лотерею. Бывало такое с нами?
Только где эта удача, номер которой мы обнаружили
среди счастливых внизу колонки как июньскую
землянику на поляне, фиолетовой из-за отцветшего
вереска, почти на опушке леса, куда она подевалась?
Спрашивать об этом значит знать какая она на вкус
это страх перед тем, что на самом деле случилось.

Будапешт

помню
как ехал двойкой
от моста Свободы
к мосту Маргариты
сорокалетним

смотрел на людей
сидящих за белыми
столиками на белых
креслах
и думал
что там
настоящая жизнь

помню
как сидел
за белым столиком
на белом кресле
пил эспрессо
и ел мороженое
сорокалетний

смотрел на людей
едущих в трамвае
от моста Свободы
до моста Маргариты
и думал
что в том трамвае
настоящая жизнь

Об авторе

Задура Богдан (род. в 1945 году) — польский поэт, прозаик, эссеист, переводчик с русского, украинского, английского и венгерского языков. Закончил философский факультет Варшавского университета. Дебютировал как поэт в 1962 году. В 1970-х годах работал директором музея в Казимеже Дольнем, заведовал литературной частью театра в Люблине. Был близок к журналам «Akcent», «Literatura na Świecie», с 2004 года — главный редактор журнала «Twórczość». С именем Задуры связывают многие процессы в современной польской поэзии после 1989 года, для значительного числа молодых поэтов этого времени он стал отправной точкой новой эстетики. Путь Задуры-поэта связан с переходом от ранних исканий в классической форме стиха до поэзии, связанной с обновлением формы и поэтического мышления. Трехтомное собрание стихотворений, двухтомники прозы и эссе Задуры изданы в 2005—2007 годах вроцлавским издательством «Biuro Literackie». «Живой классик и в то же время — самый молодой поэт Польши» — таков статус Богдана Задуры в польской литературе.

Дарек Фокс

Сараево в огне

Подсел ты на эту войну, что ли?

А мне казалось, что моя любовь
к надписям на корешках книг
никогда не угаснет. Франц

Кафка догорает в углу,
на полу. Ты все подмечаешь,
ты немного начитан и весьма плутоват,

и вообще производишь впечатление. Франц
Кафка сам об этом просил. Но
зачем ты выстрелил в Джойса?

Джеймса Джойса. Тебе это в кайф.
Еще пара таких выстрелов,
и я начну угадывать, кто будет

следующим. Передо мной одна
из величайших революций
в прозе XX века; за моей спиной

не слишком толстая стена; надо мной,
очевидно, узкий карниз;
да и сам я не из породы

толстокожих. Я надеюсь,
что около тебя не крутится
некий проныра с базукой,

которого можно поймать за руку
и спровоцировать
словами: «Видишь вон то окно?

Я ему показал, у кого он списывал,
а теперь ты ему покажи,
как кончается литература».

Привлекательные условия труда

Великий Инструктор, не сказал ли ты
ей, случайно, что нужно сделать,

чтобы растормошить поэта 90-х годов?
Она не ошиблась с формулировкой:

«Если у тебя вон тут что-нибудь есть, ты знаешь,
что написать». Палец уперся мне в сердце

и в башку. Обрати внимание на очередность,
Великий Инструктор. Ты меня втравил:

я плетусь, словно грузовик, набитый свиньями;
руки немеют, когда я слышу их визг;

если так пойдет дальше, я собьюсь с пути
и стану мясником. Великий Инструктор,

перестань впустую трепать языком,
попробуй собраться с мыслями, и просвети тех,

кто вырубает деревья, а то они доели свой завтрак
и теперь ломают голову, что им выпить.

Из шестнадцатистраничной тетрадки в свастику

Вроцлавской фабрике бумажных изделий

Где Луна?
Что случилось
с Солнцем? Почему собака
больше не друг человека?

Почему это несчастное создание
носит на шее табличку
с надписью: ТЫ МОЖЕШЬ ГЛАДИТЬ МЕНЯ
ТОЛЬКО В ПРИСУТСТВИИ МОЕГО
ВЕТЕРИНАРА? Почему надпись
сделана готическим шрифтом?

Что заставляет маленькие тучки
принимать очертания
больших животных,
которые давно вымерли?

И кто мне скажет,
черт возьми,
откуда я все это знаю,
если вокруг темнота?

Прикольная неделя

День, когда падет минарет
утреннего влечения,
а самый проворный малый в городе
загонит коллекционерам
камни из его стен.

День, когда мы зайдем в магазин,
возьмем заложников
и скажем ментам,
что только Клинт Иствуд
может им помочь.

День, когда чукчи
придут к власти, холодный ветер
не выпустит нас на улицы,
а старожилы не вспомнят
такой ранней зимы.

День, когда «Финский нож»
Анджея Бурсы
потеснят в рейтинге
«Израильские узи»
безымянного автора.

День, когда ты перестанешь
твердить, что авангард буксует,
и будешь с теми, кто считает,
что он рулит (ведь он рулит,
рулит и рулит).

День, когда Чапаев выплывет,
а горы, деревья, небо,
птицы, парочка старых корешей
и одна эта как ее
скажут: «Чапаев выплыл».

День, когда Эзра Паунд
не выдержит, сойдет с фотографии,
на которую его поместил
Анри Картье-Брессон,
и даст мне по рукам.

Об авторе

Фокс Дарек (род. в 1966 году) — польский поэт и прозаик, лауреат многих польских литературных премий. В период дебюта в конце 1980-х годов был связан с кругами, близкими к неподцензурному журналу «бруЛион» («черНовик»). Автор поэтических сборников «Стихи о парикмахерах» (1994), «Эзра Паб» (1998), «Дорожный сонет» (2000), «Сто лучших польских реклам и одна немецкая» (2009) и других, а также книг прозы «Свадебная пицца» (2000), «Что делает связная» (совместно с художником Збигневом Либерой) (2006), «Пасхальная ночь с тигром» (2008) и др. Редактор отдела прозы в журнале «Twórczość».

Геновефа Якубовска-Фиялковска

***

будет долгий август

созреют груши

осыплется
рожь

будешь
держать нож

будешь
резать свою тень

***

распеленай его

растения
путают ему руки
ноги

язык
розовый вьюнок

успокой его

***

ты с ума сошла

хочешь
съесть торт

надеть
белое платье

принять причастие

ты с ума сошла

словно собака
лижешь

край неба

***

кожи касается

нежный
нож

мужчина
не говорит

о любви

режешь себя

от гортани
до бедер

***

с тобой
я могла бы пить

крепкий портвейн
в Лиссабоне

пережила бы
фатимские откровения

Великий Инквизитор

тело в огне

***

дочки провожают
матерей

с майских богослужений

глотая у них над головами

солнечные
закаты

***

он убил
практически бесшумно
ночью

утром
дети надевают ей обувь

долго спит

дети
снимают обувь

***

дочь
Иосифа и Марии

рабочее происхождение

замужем
двое детей

галлюцинации
довели до больницы

брата
распяли

***

живешь
так долго

пожертвовал
всем чем надо

утихла вьюга
в крови

рассыпаются
кости

даже
не заснуть

***

идешь
за гробом

черная вдова

в траурной процессии
нервно курит

номер второй

***

спал
с тобой

и с ней

словно сука
ты чуяла в постели
запах чужого пота

было
и прошло

спишь одна

***

в конце лета

в домашних халатах
сидя в креслах

женщины на пособии

покуривают

курение убивает

тропическая
влажность сериалов

волосы
в подмышках
сверкают

как теплый
океан

***

плутаешь
ясным днем

без причины

это даже
не лес

пара деревьев

первое дерево
последнее дерево

Об авторе

Якубовска-Фиалковска Геновефа (род. в 1946 году) — польская поэтесса и прозаик. Дебютировала в 1972 году в журнале «Odra». В 1970—1980-х годах печатала стихотворения и рассказы в журналах и альманахах «Tygodnik Kulturalny», «Życie Literackie», «Faky», «Regiony», в 1994—2010 годах — в изданиях «Akcent», «Fraza», «Magazyn Kulturalny», «Arkusz», «Opcje», «Arkadii», «Topos», «Śląsk», «Twórczość», «Kwartalnik Artystyczny», «Zeszyty Literackie», «Red», «Wyspa» и других, а также в Интернете. На основе ее стихотворений на «Радио Катовице» было создано пять поэтических программ. Стихи переведены на чешский, словенский, сербский, немецкий, английский, русский языки. Стипендиат Министерства культуры (2006).

Збигнев Янковский

И весь умру

Мои стихи — дрожащие огоньки
в тщетном поиске
живых ладоней.
Они будут,
словно надгробные лампадки,
трепетать от Твоего
созидающего дыхания,
догорая
до Твоего дна.

В конце концов Твоя милость,
словно осенняя морось,
прижмет их к земле.

С вороной

Все чаще
каждый мой шаг
(на улице, на берегу залива, на досках мола)
делается в космической пустоте:
как будто он
вездесущ и всеобъемлющ,
завершен и бесконечен,
тождественен сам себе.

Вчера
выброшенная на берег
мокрая ворона,
пошатываясь, подошла к моим ногам.
Закрыла глаза, а я,
словно стоя среди космических глубин,
положил на нее сперва одну, потом другую
теплую руку

и мы перенеслись далеко отсюда.

Еще во сне
долго и доверчиво
она пульсировала моей вселенной.

Тот, кто нас примирил

…который Иисусом Христом примирил
нас с собою и дал нам служение примирения.
2 Кор 5:18

Он говорит:
Преступник, предатель, изгой,
выслеживаемый, преследуемый
объявлением о розыске, пулей, совестью,
оплеванный, затравленный
верными и правыми —
мой измученный сын…

не бойся, я не
Бог справедливости, медлительный
палач, караульный
подсчитанных шагов.

Я — это твой
светлый день.
Прыгай, своей головой
ты зажжешь созвездия
моего милосердия.

Узник совести

Кажется, я усыпил тебя слишком рано,
ты мог бы еще жить
день или даже два,

но у тебя был такой жесткий
прямой взгляд,
такие глаза гнило-зеленой смерти,
что я начал бояться тебя.

Кажется, я усыпил тебя слишком рано,
но ты смотрел так обреченно,
словно я уже держал в пальцах
убийственный шприц.

Тогда это случилось. Встала во мне дыбом
звериная шерсть.
В чьи-то холодные руки
я сунул
вспотевший поводок.

Блуждающая дюна

Итак, вот до чего
я должен был дойти,
до этой сухой и вязкой
дюны усталости,
от песка которой, словно от забытья,
очистишь
мои белые кости.

Это с ними,
без меня,
хочешь говорить
солнечно и ясно?

И раздался голос

И только
когда ты будешь тонуть,
и ни за какую доску не получится уцепиться,
когда расслабишь руки и ноги,
весь принадлежащий этому миру —

приблизится к тебе
и все тебе объяснит
мое светящееся дно.

Об авторе

Янковский Збигнев (род. в 1931 году) — польский поэт. Окончил факультет польской филологии Катовицкого университета. Организатор и первый председатель литературного клуба «Контакты» в Рыбнике, соорганизатор ежегодных рыбницких Дней литературы. В 1965—1971 годах жил в Колобжеге, был создателем поэтическо-художественной группы «Рейд», программно связанной с морем и широко трактующей морскую тематику. Ходил в рыбацкие рейсы на Балтике, а также в Атлантику и Тихий океан. В 1971—1975 годах был организатором и председателем Нижнесилезского отдела общества польских маринистов (Вроцлав). С 1975 года живет в Сопоте.

Мартин Светлицкий

М. — в дороге

Это место — нейтральная территория.
Эта кровать ни моя, ни твоя.
Нечего вспомнить об этом месте
ни тебе, ни мне. Невозможно
обозначить здесь наше присутствие.
Следы на простынях будут отстираны,
мусор — выброшен.

Это место — нейтральная территория.
Сложный рельеф, так что никакие военные действия
нам здесь не светят. Отбой
на сегодня и на завтра. Временное
прекращение огня. Что дальше? Дальше остается
заниматься любовью, иначе не продержаться нам
ни эту ночь, ни следующую.

У нас ментальность гостиничных постояльцев,
и вроде бы легко привыкаешь
к случайной мебели, к случайным телам.
Однако я выбрал именно твое тело,
и это все, что можно отыскать, пройдя сквозь него
(я сейчас говорю за себя, я не имею права знать,
что ты в эту минуту…) — пройдя с силой, но без отчаянья.

У нас ментальность гостиничных постояльцев,
но у нас есть при себе и персональные
мелочи: зажигалки, пачки сигарет,
ключи и карточки с номерами каких-то
нездешних телефонов, билеты, деньги,
у тебя свои женские предметы первой необходимости,
у меня — крошки табака в карманах. И хотя

часто мы похожи друг на друга,
все-таки мы очень разные, разные в смысле пола,
смерти и мелочей. Съезжаем завтра.
Забываю забыть.

Запутывая следы, в апреле

Брожу, запутывая следы. Оставляю их повсюду.
В кармане опять совершенно ненужный ключ.
Не хочу и не могу жить на вокзале,
на улице, под мостом, в машине, в отеле.
Не хочу туда. Слишком далеко зашел.

Никто не преследует, никто не идет за мной.
Это я отбрасываю эту тень. Брожу,
запутывая следы, между местом, где меня уже
нет, и местом, где меня еще нет,
— и до конца неизвестно, окажусь ли я там вообще.
Запутываю следы.

Моя куртка осталась в доме, которого нет.
Сегодня я спал в том доме, которого еще нет.
Ты дала мне утром — перед тем как я вышел в дождь —
ключи от того дома, и это еще смешнее.
Короче, как ты себя чувствуешь? В порядке. Благодарю.

Еле передвигаю ноги. Сам виноват.
Бреду через дождь с двумя комплектами
ненужных ключей. Так грустно, что даже
не до стихов. Брожу, шатаюсь,
скитаюсь, запутывая следы. Один. Никому не нужный.

В никуда, с ключами, сквозь дождь, в мокром свитере,
очертания утеряны, сломан язык.

McDonald's

Нахожу след твоих зубов в чужом городе.
Нахожу след твоих зубов на своем плече.
Нахожу след твоих зубов в зеркале.
Порой чувствую себя гамбургером.

Порой чувствую себя гамбургером.
Торчит из меня салат и течет горчица.
Порой я до смерти похож
на все остальные гамбургеры.

Первый слой: кожа.
Второй слой: кровь.
Третий слой: кости.
Четвертый слой: душа.

А след
твоих зубов
глубже всего,
глубже всего.

М. — убийство

А она лежит с ножом в спине.
Частично на паркете, частично на ковре.
Слегка скорчившись. Такие дела.
Крики. Свидетели, словно рыбы,
которых только что научили говорить.
А она лежит с ножом в спине.

А она лежит с ножом в спине.
Убийца спокойно идет коридором.
Открывает дверь и выходит в сад.
Проходит по клумбам. Выходит из калитки
на улицу. Садится в трамвай.
Едет в трамвае, едет, читая газету, доезжает до кольца.
Заходит домой. Поворачивает ключ в замке.
А она лежит с ножом в спине.

А она лежит с ножом в спине.
Частично на ковре, частично на паркете.
Слегка скорчившись. Такие дела.
Крики. Свидетели, словно рыбы,
которых только что научили говорить.
А она лежит с ножом в спине.

А она лежит с ножом в спине.
Потом встает, отряхивается.
Надевает камуфляж, вешает на плечо карабин.
Выходит на улицу, выкатывает гаубицу.
Садится в трамвай.
Едет в трамвае, едет, читая газету, доезжает до кольца.
И стучит ему в дверь.

Утренняя паства

Пол, плащ вместо кровати, свитер вместо одеяла.
С гордостью ношу шерсть домашних животных
на своей одежде, теряю человеческий облик
изящно и деликатно, получаю откровения во сне.

Здесь моя паства, мой континент.
Первый луч солнца назло старой, черной, окостеневшей земле.
Здесь у меня, мужика, нет больше повода
прятаться от лучей утреннего солнца,

от жилых домов, от женщин, от того,
куда нужно успеть добежать до вечера.

Так говорил алкоголь

Ночью я разошелся в разные стороны,
чтобы проснуться в разных кроватях
чтобы не помнить, что умер. С недавних пор
я ношу при себе запасную пару
носков и сменную футболку, зубную
щетку, все для того, чтобы не помнить,
что умер, чтобы везде быть, как дома.

Она вдруг обняла меня сквозь сон,
дважды произнесла чужое имя,
так нежно, что я не решился
взять себе это имя, принять эту нежность.
Но умер и вышел оттуда
и дальше иду сквозь пустоту, полную ветра.
Но умер — и когда нахожу

себе место поспать — то крепко вжимаюсь в подушку,
кричу подушке свое мертвое имя,
кричу подушке свое мертвое имя.

Музыка сердцевины

Какой душевный покой, мои дорогие, нужен,
чтобы написать о страданиях животных
или детей? Какой покой, мои дорогие, нужен,
чтобы воспеть с помощью простого, понятного
на любом языке, парадокса то,

о чем написали все газеты
на первых полосах? Из какого нужно быть
материала? Наверное,
не из крови, желчи и кости?

Нет
покоя, только
кулак в горле. Только
холодный пот.

Зонтики

Я что-то говорю.
Что-то говорю.
Что-то говорю, но хотел бы,
чтобы все само разговаривало,
само происходило,
само начиналось,
само заканчивалось.

Я что-то говорю, а в голове
у меня старые номера
телефонов,
неактуальные адреса,
полным-полно
грязных
ругательств.

Ладно,
иди без зонтика,
мокни.

Все остальное
никуда не денется,
как номер телефона
на спичечном коробке…

Покрась это в какой-нибудь цвет

Первомайскую демонстрацию я начинаю сразу
за дверью — маршрут неясен,
я сбиваюсь с пути среди неконкретно зеленых
зарослей рядом с Вислой, что течет прямо в море.

В конце концов наверняка попаду на улицу
Коммандос — а пока что пытливо и дотошно
разглядываю Вислу, замечая ее морщины
и наполненные водой следы ботинок
на самом дне.

Мои дневнички

Я забываю забыть. Я забыл о том,
что когда-то уже так закончил. Начинаю по новой
— и забываю забыть. Незабываемые неприятности
оживают, как в фильме, что лежит в видеопрокате

на полке «Триллеры». Встают останки
былых проблем, вот они что-то требуют,
опять, опять нужно вбить им осиновый кол,
а затем забыть, забыть.

Именно так все закончилось? Именно так я с этим покончил
— говорю и не помню, что уже так говорил
в другом месте, в другое время. Я помню только

расцветку обоев,
мои дневнички,
расцветку обоев.

Ложись!

Ничего уже больше не будет зависеть от человека.
Отдадим свои тела в руки ветра.
Отдадим свои голоса завыванию бури.
Отдадим моря океану. Ложись!

Падай в песок и лежи там.
Сколько же там надежд!
Падай в снег, ешь его,
пока не наешься.

Придет зверь и посмотрит тебе в глаза.
Придет костлявая.
Мы были первыми, станем последними.
Мы будем первыми. Времени нет. Ложись!

Вступление к ночи

По земле бродят тени
— серые, они светлее, чем земля,
которая безвозвратно темнеет,
угли костра,
минута, когда мужчины
встают, чтобы его погасить,
женщины отворачиваются,
угли шипят,
что-то движется по земле, днем и ночью,
это последний очаг сопротивления,
который остыл,
удерживая свет.

Утром

Вчера ночью небо должны были осветить
обломки хвоста погибшей кометы.
Но в таком тумане ничего не было видно,
кроме тусклых огней супермаркета.
В последнее время
все кажется каким-то нечетким.
Придет конец света,
повздыхает и уйдет.

Первый снег

За стеной сад но эхо такое
словно там еще одна комната
мыши почуяли неладное и вывели
свои отряды из этого дома

Белый пес толстый белый ангел
вчера принес весть о тебе я прогнал его
смел осколки разбитого зеркала
умылся растопил печь

Они входят выходят разглядывают все вокруг
я улыбаюсь хотя мог бы убить
когда ты заглянула в окно и подала мне знак бровями
я назло решил не выходить

Я все еще предпочитаю думать что здесь тепло
твои сани в метели не видать мне королевства
я крепко держусь за стол не видать мне королевства
я крепко держусь за стол и зрачки у меня белые

Об авторе

Светлицкий Мартин (род. в 1961 году) — польский поэт, прозаик, вокалист рок-группы «Świetliki» («Светлячки»). Учился на филологическом факультете Ягеллонского университета (Краков), откуда был отчислен за отказ от занятий военной подготовкой. Дебютировал в печати в 1992 году. Автор книг стихов «Холодные страны», «Берлин», «Третья половина», «Песни профана», «49 стихотворений о водке и сигаретах», «Музыка сердцевины», «Сломавшийся», «Избранные стихотворения», «Неочевидное», «Низменные позывы», книг прозы «Двенадцать», «Тринадцать», «Одиннадцать» и др. С группой «Świetliki» выпустил пять альбомов. Лауреат многих литературных премий. Переводы стихотворений Светлицкого на русский язык публиковались в журналах «Иностранная литература» и «Воздух». Живет в Кракове.

ПЕРСОНА

В 2011 году профессор Фарыно отметил юбилей. Уверена, что в его списке работ появились новые, а число почитателей выросло. Пусть и эта скромная работа будет нашим поздравлением. По-настоящему показать в ней все стороны творчества ученого, конечно, не удалось, но напомнить, что в Польше живет человек, который трудится над словесностью, вызывая восхищение, и желание сделать что-нибудь с ним «в одной упряжке», надеюсь, получилось. Будем считать, что моя задача выполнена, если кто-нибудь откроет для себя автора Ежи Фарыно и его словесность с ее археопоэтикой, дешифровкой и неугасающим интересом к литературе, в том числе и русской.

Т. Шмелева

Татьяна Шмелева
(Великий Новгород)

СЛОВЕСНОСТЬ ЕЖИ ФАРЫНО

Понятия *словесность* в польской научной терминологии нет. Вообще говоря, об этом можно было догадаться, ведь при характеристике этого понятия сообщается, что оно специфически русское. Но передо мной этот факт открылся при обсуждении публикации [7] с издателем и редактором — профессором Ежи Фарыно, ученым, который сформировал (хочется сказать — выпестовал) в Польше свою школу русской словесности, хотя его научное творчество связывают с семиотическим направлением литературоведческой русистики [19]. Берусь говорить о том, что делает Ежи Фарыно, именно как о словесности не потому, что не могу рассуждать в иных категориях, хотя это понятие, действительно, одно из моих любимых [6; 7; 9; 11; 12; 14; 16], а потому, что содержание его публикаций и научных дел, если можно так сказать, настолько широко, разнообразно и едино в своих методологических основах, что к ним подходит именно наш термин *словесность*. Постараюсь это доказать, представляя читателям знаменитого польского русиста.

Работая в польском городе Быдгоще[1], я получила предложение написать статью в авторитетное издание "Studia Litteraria Polono-Slavica". Мне показалось, что сюжет надо взять значительный. И именно таким осознавалось тогда возвращение словесности как интегральной филологической дисциплины, которая, с одной стороны, отсылала нас к отечественным традициям, а с другой — обещала преодолеть мучительную и бесплодную разорванность филологического сознания,

[1] На кафедре русского языкознания в Высшей педагогической школе; сейчас учебное заведение имеет другой статус — Университет имени Казимира Великого.

прежде всего барьеры между лингвистикой и литературоведением. Мне казалось, что это небезынтересно и польским русистам, которые составляют значительную часть читателей «Студий».

Статья была принята, и началось обсуждение деталей ее публикации. И тут я столкнулась с совершенно особым типом главного редактора — в лице профессора Фарыно. Он не просто складывал полученные статьи и располагал их по алфавиту, как это бывает обычно, а действительно работал с каждым автором, над каждой статьей. Мы долго обсуждали, как же быть со словесностью. Как ее перевести на польский язык? Как объяснить в аннотации по-польски? Конечно, я здесь мало чем могла помочь редактору, зная только отечественную реальность. В результате профессор принял решение оставить русский термин в переводном варианте названия, но дополнить его польским определением приблизительного соответствия: *Czy i jak wraca tradycyjna filologia («словесность»)*? В аннотации на польском языке, написанной, разумеется, редактором, разъясняется ключевое понятие и указывается, что оно приблизительно соответствует школьному предмету «польский язык», включающий знания о польском языке и литературе. Наша совместная работа показала, что мне удалось встретить филолога с широкими представлениями о польской и русской словесности и филологических традициях.

Дальнейшее общение убедило в том, что эти представления глубоки, оригинальны и исключительно конструктивны, или, как сейчас можно говорить, креативны. Профессор Фарыно порождает идеи, приводящие к возникновению новых идей и замыслов. Так, он организовал невероятные по тематике конференции. Выбирая некий смысл, он размещал его в широчайшем пространстве «язык — литература — культура», приглашал к размышлению о нем массу людей в Польше, России, Венгрии, Италии, Швеции и других странах[1]. Таким образом кристаллизовалась система мотивов и мифов как код культуры, или «Мотивика и мифологемика XIX и XX века» — так назывался проект, над которым работал Фарыно в Институте славистики Польской академии наук. Из этих конференций мне известны не все, но и они показательны в высшей степени.

В 1998 году провели конференцию «Мусор в быту, культуре / языке и искусстве / литературе»; ее материалы [21] показывают, что это оказалось интересным и подвигло на изучение этой темы лингвистов и исследователей текстов Гоголя, Достоевского, Л. Толстого, Клюева,

[1] Замечу на полях, что российским коллегам оплачивали дорогу — поддерживались не только идеи, но и возможность их реализовать.

Платонова, Бродского, второй план рассмотрения — в рамках русского романтизма и русского авангарда, символизма и акмеизма; третий — русская культура.

Среди 40 статей этого издания «Студий» два текста самого Ежи Фарыно: «Несколько общих замечаний по воду концептов "чистый / грязный"» [21, S. 59—62] и «Заключение: уроки перспективы "чистоты / грязи / мусора"» [Там же, S. 467—475]. Несколько его замечаний относятся скорее к языковой семантике: чистота первичная и как результат очистки; грязь как самостоятельная сущность и как результат загрязнения; то, что может загрязнять, само грязью не является; отсюда необходимость ввести понятие нейтрального состояния — ни чистого, ни грязного; концепты чистота / грязь транспонируются в духовное, этическое — святость / грех. Лингвистические заметки, на которые можно опираться в наблюдениях за теми или иными сущностями.

В «Заключении» Фарыно называет все это парадигмой, разработка которой еще впереди. Отмечает несколько направлений, где эта разработка может осуществляться: концепции чистого тела в восточноевропейской и западноевропейской культурах, баня как нечистое место и место публичное, мусор и «мусорные» метафоры, в частности по отношению к языку; стирка, чистое белье и состояние Раскольникова в «Преступлении и наказании». Интересно, что «Заключение» не закрывает проблему, а приоткрывает и расширяет ее.

Как отмечено в рецензии на это издание «Студий», опубликованные в нем материалы «существенно обогатили и в то же время сделали более разнообразной нашу литературоведческую действительность» [20, S. 81. Перевод наш. — *Т. Ш.*].

То же можно было бы сказать и о конференции «Morbus, medicamentum et sanus = Choroba, lek i zdrowie. = Болезнь, лекарство и здоровье», информацию о которой я публиковала в разных изданиях [8; 10]. Так получилось, что в этой конференции приняли участие главным образом литературоведы, рассуждавшие о мотиве болезни и врачевания в произведениях Симеона Полоцкого и Леонида Андреева, Пушкина и Ахматовой, Пастернака и Платонова, Солженицына и Бродского, и исследователи народной культуры, докладывавшие о персонификации болезней в заговорах, народной медицине и месте в ней воды [22]. Между тем организатору хотелось, чтобы было по его замыслу: «в языке — культуре — искусстве». И он просто «вытащил» из меня статью про языковые данные о болезни в русском и польском языках [15], как бы заполнив образовавшуюся лакуну. Сам Фарыно в завершающей издание статье «Как и чем писатели болеют и лечат сво-

их персонажей» формулирует идеи концептуализации болезни в языческой и христианской культурах, в художественных мирах Л. Толстого, Солженицына, Пастернака.

В последующих мотивологических конференциях Фарыно я уже не могла участвовать, покинув Польшу, но знаю, что их общий замысел состоял в том, чтобы создать словарь мотивов и мифологем культуры. Насколько этот замысел приблизился к осуществлению, не знаю, но его грандиозность не может не впечатлять.

Третья конференция, организованная профессором, была посвящена взглядам друг на друга поляков и русских — «Polacy w oczach Rosjan — Rosjanie w oczach Polaków = Поляки глазами русских — русские глазами поляков». Понятно, какая это деликатная тема и как трудно здесь отделить собственно исследовательские представления от национальных ощущений. Однако конференция была, действительно, интересной и разнообразной по источникам, из которых ее участники извлекали представления поляков и русских друг о друге: это социологические опросы и словари, исторические документы и драматургические произведения, тексты Хмелевской и Виктора Ерофеева. Разумеется, после конференции появилось издание, родившееся благодаря усилиям профессора и его ученика Романа Бобрика [23].

Опыт сотрудничества с Фарыно — издателем и редактором — одно из самых интересных моих научных впечатлений в Польше. Работа с участниками конференции, как я поняла, только начиналась после ее окончания. Обсуждая едва ли не каждый тезис, полемизируя с авторами, профессор погружался в переписку, о размерах которой можно только догадываться. И «поконференцийные», как их называют польские коллеги, издания не были простым отражением конференции, то есть собранием текстов прочитанных докладов. На конференции о болезнях я выступила с небольшим сообщением о метафоре болезни в русской и польской прессе, а написала, как уже было сказано, об обозначении здоровья и болезней в русском и польском языках. Кроме того, моя коллега докладывала о поэтике Бродского, но писать не стала, сославшись на то, что картина сложилась. Поскольку в обсуждениях я говорила о том, что в изучении поэтического текста можно использовать опыт семантического синтаксиса, Фарыно уговорил меня попробовать это сделать на материале поэзии Бродского [4].

Последняя конференция, в которой мне удалось поучаствовать, была организована не Ежи Фарыно, а в его честь — по случаю шестидесятилетия. Здесь, в Быдгоще можно было видеть, сколько филологов оказались под влиянием идей юбиляра, как разнообразны их конкретные научные интересы и каким плодотворным может быть обще-

ние людей, объединенных стремлением познать словесность во всех ее разнообразных проявлениях. Тут не противопоставлялись лингвисты и литературоведы, специалисты по разным векам и языкам, не делились даже на секции — шел обмен важной для всех информацией.

Конечно, в выступлениях звучали и слова признательности мэтру от разных людей — читавших его статьи и книги, слушавших его лекции и участвовавших в его уникальных конференциях. Но самой упоминаемой в таких «отступлениях признательности» была книга с неинтригующим названием «Введение в литературоведение» [17].

И я могу присоединиться к восторгам по поводу этой книги, потому что с нее начиналось мое знакомство с Фарыно как с писателем и педагогом. Как ни странно, чтение ее доставило огромное профессиональное удовольствие. Она, действительно, вводит в круг проблем современного литературоведения на мощнейшем фундаменте семиотики, теории коммуникации, общей филологии. Главную педагогическую мысль книги я бы сформулировала так: художественная литература — это особый случай коммуникации, понять специфику которой можно, имея общие представления о природе коммуникации, языка, культуры, с одной стороны, и собственные законы художественного общения — с другой. Сама по себе мысль и так оригинальна, но дело в том, что она воплощена последовательно, объемно и убедительно педагогически.

Построена книга, можно сказать, идеографически. Познакомив читателя с фундаментальными понятиями *художественный текст, поэтическая система, наука о литературе, описание – анализ – интерпретация,* она останавливается на понятии *художественный мир произведения* и начинает экскурсию по этому миру (мирам), демонстрируя его элементы: сначала рассматриваются персонажи — их имена и формы обращения, портрет и костюм, тело и его недуги, поведение… Затем читатель перемещается в мир предметный с его важнейшими «организующими инстанциями» — пространством и временем — и видит значимость для предметного мира художественного произведения различных составляющих — света / темноты, звука / тишины, запаха, фактуры, движения…

Каждая из этих глав включает анализ текстов русской (иногда польской) литературы — разборы, как предпочитают говорить польские русисты. Эти разборы, подкупающие своей основательностью и нетривиальностью, делают книгу своеобразной энциклопедией литературоведческого мастерства.

Книга написана по-русски, и издание ее в нашей стране напрашивалось само собой. И это произошло в 2004 году — она вышла в изда-

тельстве РПГУ им. Герцена [2]. Во вступительной статье подчеркивается, что книга — «учебник и одновременно научный труд… она вобрала многолетний труд монографических разборов огромного количества конкретных текстов» [1, с. 5]. Подход Е. Фарыно автор вступительной статьи квалифицирует как *функциональную поэтику*, указывая при этом на неполемическое отношение к литературоведческой традиции и прямые связи со структурно-семиотическими исследованиями.

Эта связь чрезвычайно ценится польскими коллегами, считающими, что Ежи Фарыно внес значительный вклад в польскую «структурно-семиотически-коммуникативную науку о литературе» [19]. Ставя в центр внимания проблему семиотизацию обыденного (практического) языка в художественном тексте, он сосредоточивает внимание на том, как дискретные языковые элементы в линейности текста приобретают иерархичную, экспликативную и трансформативную равнозначность. Именно в этом и состоит функциональность элемента. Экспликация как прием анализа художественного текста, выявления его зашифрованных смыслов и приводит к знаменитым «дешифровкам» Фарыно, которые тщательно изучаются исследователями текстов Цветаевой, Пастернака — русского авангарда, как именуют в Европе творчество этих и близких им авторов.

Дешифровки, или археологические раскопки поэтического смысла (отсюда термин *археопоэтика*), профессора Фарыно — увлекательное чтение, а тем более слушание в авторском исполнении. Даже если потом у тебя начнут рождаться смутные сомнения, во время доклада или чтения статьи можно только завороженно следить за ходом авторских действий и замирать от неожиданно явившегося смысла, открывшейся параллели, вдруг вырвавшегося откуда-то объяснения всему. Испытав это чувство, не удивляюсь, что у Ежи Фарыно такое число почитателей и последователей. С одной из его последовательниц в науке — Анной Маймескулов — мне довелось работать в Быдгоще, и именно ей я обязана огромной радостью знакомства с текстами профессора и с ним самим. О чем всегда думаю с благодарностью.

К своему шестидесятилетию Ежи Фарыно издал книжечку с описанием своих научных трудов [17]. Ее чтение — особое удовольствие, она как раз и показывает контуры «словесности Фарыно». Вот авторы, которых Фарыно исследовал: Хлебников, Пушкин, Евтушенко, Цветаева, Тувим, Пастернак, Светлов, Винокуров, Мандельштам, Заболоцкий, Ахматова, Фет, Шимборска, Лермонтов, Гоголь, Кубяк, Маяковский, Булгаков, Введенский, Достоевский, Чехов, Крученых… Названия работ Ежи Фарыно очень просты и символичны: «Бессонница» Марины Цветаевой. Опыт анализа цикла (1978); «Тайны ремесла» Ах-

матовой (1980); «Я помню чудное мгновенье…» Пушкина (1982); «Сеновал» Мандельштама (1984), Стихотворение Цветаевой «Прокрасться…» (1987); «Золотистого меда струя…» Мандельштама (1987). Думаю, понимающие оценят масштабы этой словесности.

Но даже это безграничное понятие — словесность — для представления творчества Ежи Фарыно оказывается недостаточно масштабным. Где в ее понятийном аспекте расположить статьи для словаря «Русская ментальность», выпущенного в 1995 году под общей редакцией А. Лазари? Это статьи «Алфавит социализма», «Дорога / путь», «Духовный / душевный», «Идея / русская идея, идейный» и десятки других. Все эти «элементарные частицы» ментальности — как их видят и формулируют польские гуманитарии — выводятся из русской литературы, а значит, тоже принадлежат словесности.

Такая ипостась словесника, как переводчик, хорошо известна Ежи Фарыно. Среди переведенных им авторов Лотман и Апресян, Холшевников и Арутюнова, Бахтин и Богатырев, Гаспаров и Егоров. За одни только эти переводы русская филология должна быть благодарна Фарыно, ведь он открывал ее для польских читателей. Заметим, что здесь литературоведение и лингвистика неразлучны, что характерно для словесности.

В 2011 году профессор Фарыно отметил юбилей. Уверена, что в списке его работ появились новые исследования, а число почитателей выросло. Пусть и эта скромная работа будет нашим поздравлением.

По-настоящему показать в ней все стороны творчества ученого, конечно, не удалось, но напомнить, что в Польше живет человек, который трудится над словесностью, вызывая восхищение и желание сделать что-нибудь с ним «в одной упряжке», надеюсь, получилось. Во всяком случае, прочитать его тексты можно и в Интернете. Будем считать, что моя задача выполнена, если кто-нибудь откроет для себя автора Ежи Фарыно и его словесность с ее археопоэтикой, дешифровкой и неугасающим интересом к литературе, в том числе и русской.

Список литературы

1. *Гончаров С.А.* Западная славистика. Ежи Фарино // Фарино Е. Введение в литературоведение: учебное пособие. СПб., 2004.

2. *Фарино Е.* Введение в литературоведение: учебное пособие. СПб., 2004.

3. *Фарыно Е.* Юрятинская читальня и библиотекарша Авдотья («Археопоэтика «Доктора Живаго» // Сб. ст. к 70-летию проф. Ю.М. Лотмана. Тарту, 1992.

4. *Шмелева Т.В.* Боль/болезнь в поэтике Иосифа Бродского // Studia Litteraria Polono-Slavica. T. 6: Morbus, medicamentum et sanus. Warszawa, 2001.

5. *Шмелева Т. В.* В кругу мотивов и мифов // ЯЛИК: информ. бюл. 2001. Янв. (№43).

6. *Шмелева Т. В.* Введение в теорию словесности: программа вузовского курса // Речеведение: науч.-метод. тетради. №2. Великий Новгород, 2000.

7. *Шмелева Т. В.* Возвращение словесности? // Studia Litteraria Polono-Slavica, 5. Warszawa, 2000.

8. *Шмелева Т. В.* Достоевский «болел» своих героев бредом // Университетская жизнь. 2001. 14 февр.

9. *Шмелева Т. В.* Колыбель русской словесности // Новгородская земля в эпоху Ярослава Мудрого (источники и исследования). Великий Новгород, 2010.

10. *Шмелева Т. В.* Конференция в Варшаве // Изв. АН. Сер. литературы и языка. 2001. Т. 60. №4.

11. *Шмелева Т. В.* Новгород в становлении русской словесности // Лихудовские чтения: матер. науч. конф. «Вторые Лихудовские чтения». Новгород, 24—25 мая 2004 г. Новгород, 2009.

12. *Шмелева Т. В.* Словесность в свете интеграции и дифференциации // Педагогика, психология, словесность: сб. ст. Новгород, 2005.

13. *Шмелева Т. В.* Словесность в университете // Классический университет в российском образовательном пространстве (к 90-летию Пермского государственного университета): матер. Междунар. науч.-метод. конф. Пермь, 11—14 октября 2006 года. Пермь, 2006.

14. *Шмелева Т. В.* Словесность возвращается // ЯЛИК: информ. бюл. 2003. Май (№54).

15. *Шмелева Т. В.* Тезаурус болезни. Русско-польские параллели // Studia Litteraria Polono-Slavica. T. 6: Morbus, medicamentum et sanus. Warszawa, 2001.

16. *Шмелева Т. В.* Ярослав Мудрый и русская словесность // Язык образования и образование языка: матер. IV Всерос. науч.-практ. конф., 29—30 июня 2005 года. Новгород, 2005.

17. *Faryno J.* Curriculum vitae — dorobek naukowy (1965—2001). Warszawa, 2001.

18. *Faryno J.* Введение в литературоведение = Wstęp do literaturoznawstwa. Część 1—3. Katowice, 1978—1980. Warszawa, 1991.

19. *Majmieskulow A.* Semiologiczna teoria literatury w polskiej rusycystyce (O kategorii literackości w pracach Jerzego Faryno) // Semiologiczna teoria rusycystyki literaturoznawczej. Katowice, 2000.

20. *Majmieskulow A.* Studia Literaria Polonico-Slavica. T. 4. Utopia czystosci i gory śmieci. Warszawa, 1999 // Przegląd Rusycystyczny. 2001. №1.

21. *Studia* Literaria Polonico-Slavica. T. 4. Utopia czystosci i gory śmieci. Warszawa, 1999.

22. *Studia* Litteraria Polono-Slavica. T. 6: Morbus, medicamentum et sanus. Warszawa, 2001.

23. *Wizerunek* sąsiadów. I. Polacy w oczach Rosjan — Rosjanie w oczach Polaków = Поляки глазами русских — русские глазами поляков: zbiór studiów. Warszawa, 2000.

Ежи Фарыно
(Польша)

«БЕССОННИЦА» МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ
(Опыт анализа цикла)

0.1. На первый взгляд, интересующий нас цикл «Бессонница» – образование случайное. В него вошло всего одиннадцать стихотворений, но создавались они довольно долго: десять из них в промежутке от 8 апреля до 23 декабря 1916 года (такова датировка открывающего текста «Обвела мне глаза кольцом…» и последнего — «Вот опять окно…»), а замыкающее («Бессонница! Друг мой!…») — пять лет спустя (оно помечено датой: май 1921). Еще позднее произошло их объединение в особый цикл — в берлинском сборнике 1923 года «Психея. Романтика».

Впечатление случайности цикла (разумеется, за исключением тематического критерия) усугубляют и некоторые другие факты.

Во-первых, тот, что одновременно со стихотворениями «Бессонницы» писались также и многие стихотворения, включенные хотя бы в такие циклы, как «Стихи о Москве» (апрель—август 1916 года), «Стихи к Блоку» (с пометами: апрель—май 1916 года), «Стихи к Ахматовой» (июнь—июль 1916 года).

Во-вторых, тот, что все тексты «Бессонницы» расположены в строгом хронологическом порядке и этим самым как будто объединены чисто механически.

В-третьих же, тот, что цветаевским циклам не чуждо известное непостоянство. Так, например, некоторые тексты, вошедшие в цикл «Стихи к Блоку», либо объединялись в самостоятельный цикл «Свете тихий» (хотя блоковский цикл уже и существовал), либо же — как стихотворение «У меня в Москве — купола горят…» — включались то в один цикл («Стихи о Москве»), то в другой («Свете тихий»).

0.2. И тем не менее, несмотря на все перечисленные обстоятельства, есть и определенные основания понимать данный цикл как некоторое единство (а не только как случайное объединение текстов).

Во-первых, это сам авторский акт вычленения и обособления под общим заголовком ряда стихотворений из значительно большего числа текстов, написанных в одном и том же временном промежутке (см. 0.1).

А во-вторых, уже отмеченный хронологический порядок их размещения (см. 0.1). Дело вот в чем. Цикл «Стихи к Блоку» хронологии не соблюдает: помеченное датой «9 мая 1916» стихотворение «Как слабый луч сквозь черный морок адов…» передвинуто за тексты с датами «13 мая 1916» и «18 мая 1916». Правда, это один из редчайших случаев нарушения хронологии у Цветаевой, но тем не менее он заставляет хотя бы посомневаться в механичности строгого хронологического размещения текстов в цветаевских циклах и выдвинуть гипотезу, что там, где хронология соблюдена, просто не было необходимости в ее нарушении, что она не противоречит и структурному принципу объединения ряда текстов в некоторое более крупное единство[1].

0.3. В результате изложенных чисто фактографических наблюдений (см. 0.1 и 0.2) весьма естественно возникают следующие вопросы.

Присуща ли стихотворениям, вошедшим в состав «Бессонницы», какая-либо межтекстовая связность или же такая связность вообще здесь не предусмотрена?

Если стихотворения «Бессонницы» каким-либо образом связаны друг с другом, то каков принцип, каков критерий связности тут осуществляется?

Поиску ответов на эти вопросы и посвящен предлагаемый в данной статье анализ цикла «Бессонница».

---

[1] Это наблюдение подсказывает и нечто другое: не исключено, что Цветаева вообще пишет (или мыслит) более крупными форматами, чем единичные стихи (то есть циклами), и, как правило, почти всегда абсолютно последовательно. Это, однако, уже проблема особенностей индивидуального цветаевского творческого процесса. Естественно, все это верно при условии, что у Цветаевой датировка ее текстов являет собой внетекстовый (комментарный) элемент, а не их составную часть, как, скажем, у Ахматовой — особенно в «Поэме без героя», где даты фиктивны, значимы, шифруют определенные события. См. по поводу датировки у Ахматовой: *Цивьян Т. В.* Заметки к дешифровке «Поэмы без героя» // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. Т. 5. С. 260.

0.4. Однако прежде чем приступить к анализу цикла, необходимо хотя бы в самых общих чертах охарактеризовать понятие связности вообще и понятие межтекстовой связности в частности.

0.4.1. В пределах одного текста связность выражается в синтагматической зависимости входящих в этот текст высказываний. Как говорит И. И. Ковтунова, форма всякого очередного высказывания «зависит от предшествующего или ряда предшествующих высказываний и не зависит от последующего или последующих высказываний»[1]. Синтагматическая же зависимость понимается как своего рода ограничение выбора темы в последующих высказываниях: «Тема и рема каждого высказывания определяются конкретным коммуникативным заданием данного высказывания, которое в свою очередь диктуется условиями контекста. В зависимости от предшествующих высказываний темой данного высказывания становятся различные компоненты синтаксической структуры предложения»[2]. Иначе говоря, то, что единит разные высказывания в одно целое, заключается в принадлежности одного и того же элемента (и позиции темы) всем объединяемым высказываниям.

С этой точки зрения проблема межтекстовой связности представляется довольно простой: в каждом очередном тексте должна присутствовать память о текстах предшествующих и выражаться в форме разнообразных отсылок, позволяющих опознавать и идентифицировать общий элемент (тему) этих текстов.

0.4.2. Как подсказывает опыт, возможны, однако, и такие тексты, в которых синтагматические связи либо сильно ослаблены, либо же вообще отсутствуют, но которые все-таки не создают впечатления бессвязных наборов слов или высказываний. Поэтому, чтобы не исключать из поля зрения и такой род текстов, целесообразно располагать и более широким понятием связности — понятием когерентности, которое во многом родственно понятию структурности или системности. Для объяснения этого понятия воспользуемся рассуждениями Н. И. Жинкина: «Будем называть системой такую совокупность элементов, каждый из которых в той или иной мере связан с какими-то другими эле-

[1] *Ковтунова И. И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976. С. 34.
[2] Там же. С. 35.

ментами той же системы. Когерентность, или взаимосвязанность, элементов позволяет судить о недоступных наблюдению элементах, если известна работа некоторой совокупности элементов той же системы.

Иначе говоря, всякая система обладает избыточной информацией; когерентность есть не что иное, как некоторая величина информации, содержащаяся в одних элементах, о наличии или функциях других»[1].

Далее, обращаясь уже к конкретному предмету своего исследования, этот же автор говорит: «Совершенно очевидно, что ряд звуков, если они генерируются в одной и той же фонационной системе, не нанизывается друг за другом подобно бусам на нитку. Между звуками всегда появится переходный акустический процесс, даже если каждый из них возбужден разными генераторами… Гортань должна перестраиваться в любых переходах от звука к звуку, будут ли в этом ряду гласные или согласные — сонорные, шумные или звонкие.

Из всего этого вытекает, что центральное управление в своих энергетических расчетах антиципирует, или управляет, предстоящий произнесению элемент в момент произнесения предшествующего элемента. Регулируемая операция упреждения предстоящего элемента и удержания уже произнесенного позволяет дискретный ряд a. b. c. d. Перевести в непрерывный слоговой ряд abcd. Тогда весь ряд приобретает избыточность: a информирует о b; b содержит информацию об a и c; c информирует о d и т. д.»[2].

Для проблемы единства высказываний с отсутствующей синтагматической подчиненностью (см. 0.4.1) из процитированных замечаний можно извлечь следующее. Чтобы ряд разъединенных высказываний (или текстов) превратился в непрерывное целое, необходимо, чтобы по крайней мере в очередном высказывании (тексте) сохранялись некоторые свойства высказывания (текста) предшествующего. Само собой разумеется, что чем большее число высказываний (текстов) будет сохранять одно и то же свойство, тем ближе такой ряд высказываний (текстов) будет напоминать своеобразную парадигму или шкалу (возрастающего либо нисходящего характера) данного свойства. Основная трудность при анализе такого рода сверхфразовых (или сверхтекстовых) единств заключается в обнаружении соответствующего общего свойства, а также и в обнаружении принципов системности вычле-

[1] *Жинкин Н. И.* О теориях голосообразования // Мышление и речь. М., 1963. С. 221.

[2] Там же. С. 267—269.

ненных исследователем свойств[1]. Безусловно, самый верный путь к решению этой проблемы — детальные последовательные наблюдения по всем возможным уровням исследуемого корпуса высказываний (или текстов)[2]. Однако, ввиду лимитированного объема данной статьи, цикл «Бессонница» мы рассмотрим лишь на двух уровнях: фабульном и семантическом[3].

1. Фабульный уровень текста

1.0. При первом прочтении цикл производит впечатление бесфабульного, хотя в некоторых отдельных его текстах событийность присутствует довольно отчетливо. Это происходит по такой простой причине, как отсутствие в последующих текстах явных отсылок к текстам

---

[1] Сама по себе повторяемость каких-либо свойств еще не гарантирует единства разных текстов, так как она ведет лишь к возникновению разрозненной серии текстов, осуществляющих те или иные общие для них закономерности (скажем, ритмические, композиционные и т. п.). Иначе говоря, единство на уровне «поэтики» избранного автора, благодаря которому вообще возможно наше интуитивное опознавание автора, стиля, жанра и т. д., нас здесь не интересует. Наша задача иная: проследить когерентность в пределах заданной последовательности текстов (а не тождественность или сходство их поэтики). Конечно, нельзя исключить и такого случая, когда очередные тексты избранного автора возобновляют свойства текстов предыдущих, но с некоторой их модификацией, выстраивающейся в более-менее строгую шкалу. Тогда творчество такого автора будет приближаться к своеобразной парадигме, и тогда тексты такого автора могут легко и естественно (без особой дополнительной интервенции самого автора) объединяться в циклы. Думается, что Цветаева принадлежит именно к этому типу поэтов и что именно поэтому так исключительны у нее случаи нарушения хронологии текстов, образующих те или иные циклы.

[2] Например, по уровням композиции отдельных текстов, их фонетической, ритмической и синтаксической организации, их лексического состава и т. д.

[3] Цикл «Бессонница» мы исследуем и цитируем по изданию: *Цветаева М.* Избр. произведения. М.; Л., 1965. С. 85—92. Для отдельных текстов цикла вводятся дальше следующие обозначения римскими цифрами (вместо более правильных арабских): I — «Обвела мне глаза кольцом…»; II — «Руки люблю…»; III — «В огромном городе моем — ночь…»; IV — «После бессонной ночи слабеет тело…»; V — «Нынче я гость небесный…»; VI — «Сегодня ночью я одна в ночи…»; VII — «Нежно-нежно, тонко-тонко…»; VIII — «Черная, как зрачок, как зрачок, сосущая…»; IX — «Кто спит по ночам? Никто не спит!..»; X — «Вот опять окно…»; XI — «Бессонница! Друг мой!..»

предшествующим, с одной стороны, а с другой — заметная противоречивость событий, называемых в соседних текстах. Однако при более внимательном прочтении некоторая событийная последовательность проступает тут довольно явственно. Итак:

1.0.1. В тексте I даются общие черты некоторой ситуации: «Обвела мне глаза кольцом / Теневым — бессонница» и, кроме того, введены два действующих лица: «я» и «бессонница». Причем оба этих персонажа присутствуют в данном тексте опосредованно — через их речь. Реляция между «я» и «бессонницей» такова: «я» вызвала «бессонницу» («Мало — меня — звала?» — говорит сама «бессонница») и за это наказана («Кликала — и накликала / Теневой венец»); тем не менее весь монолог «бессонницы» направлен на усыпление «я», в результате чего бессонница «я» устраняется и «я» засыпает («Спи, бессонная»; «Вот и разлучены»; «Вот ты и отмучилась»; «Венец — снят»).

1.0.2. В тексте II называются любимые занятия «я» и — в последней строфе — актуальная ситуация «я» («Ко сну — клонит. / Сплю почти»). Эта ситуация разительно противоречит финалу текста I, согласно которому «я» должна была уснуть.

Правда, здесь произошла смена говорящего субъекта, а это обстоятельство немаловажное. Ситуации обоих текстов позволительно толковать как одновременные, а их разъединение — как дань требованиям линейного характера языкового высказывания. С такой точки зрения единство текстов I и II сомнений не вызывает. Отметим, однако, что такое единство обеспечено здесь не языковыми средствами, а фактом, что оба текста следуют непосредственно друг за другом и принадлежат одному и тому же корпусу текстов. Поэтому весьма сомнительно, возникла ли бы идея синхронности и тождественности ситуаций I—II без отмеченных внетекстовых сигналов.

1.0.3. С появлением текста III проблема усложняется. Его событие «Из дома сонного иду — прочь» позволительно понимать как продолжение ситуации текста II — «Сплю почти», а вернее — как желание преодолеть сон. Но при таком истолковании противоречие между текстом I и II не только не устраняется, а усугубляется еще больше (см. 1.0.2).

И опять: связь между текстом II и III покоится на все тех же внетекстовых сигналах (соседство текстов; их принадлежность вычлененному корпусу «Бессонницы»; читательская презумпция связности и общно-

сти ситуации). Четкого же синтагматического выражения эта связь не получила: фразы «Сплю почти» и «Из дома сонного иду — прочь» не соблюдают единства темы и, скорее, противоречат друг другу, чем связываются между собой.

1.0.4. Несколько иначе обстоит дело с текстом IV. Наличие предлога «после» в «После бессонной ночи» можно понимать как явную отсылку к тексту III («В огромном городе моем — ночь. / Из дома сонного иду — прочь»). Однако это лишь первое впечатление. Все высказывания данного текста выражают общие суждения, которым в контекстах свойственна синтагматически независимая позиция. Любопытна здесь и судьба местоимений «я» и «мы»: если в предыдущих текстах это были личные местоимения, то теперь употреблены неопределенные универсальные «ты» и «мы» («улыбаешься людям», «одно темнеет у нас»). Все это не только не связывает данный текст с предыдущими или последующими (V—VIII), а наоборот — отъединяет от них.

1.0.5. Текст V начинается со слова «нынче» и возвращается к личной форме местоимений «я» и «ты»: «Нынче я гость небесный / В стране твоей». Если принять во внимание исключительное положение текста IV, то данный текст следовало бы счесть за продолжение текста III. Такой подход тем более логичен, что текст V завершается словами: «Потом, к шести, / Начался рассвет», совершенно неуместными после текста IV, где говорится: «После бессонной ночи».

1.0.6. Текст VI начинается с очередного противоречия. После финала V («Начался рассвет») следовало бы ожидать ситуации «утро» или «день», тем временем тут мы снова попадаем в «ночь»: «Сегодня ночью я одна в ночи».

Зато в другом отношении данный текст определенным образом продолжает фабульную линию текстов III и V, а косвенно и I: мотив «бездомности, пребывания в пути» («Сегодня ночью я одна в ночи — / Бессонная, бездомная черница!»; «Бессонница меня толкнула в путь») наличествует и в тексте V («Нынче я гость небесный / В стране твоей»), и в тексте III («Из дома сонного иду — прочь»; «Июльский ветер мне метет — путь»). Что касается текста I, то к нему нас возвращают слова «Бессонница меня толкнула в путь». Дело в том, что теперь объясняется противоречие между текстами I, II и III (см. 1.0.1—1.0.3): усыпление, засыпание и выход из дома — все это результат действий «бессонницы», причем действий синонимичных («усыпить» = «толкнуть в путь»).

Само собой, однако, разумеется, что в данном случае мы имеем дело не с синтагматической связностью, а с когерентностью, осуществляемой иными средствами.

1.0.7. Из слов «Я увидела во сне» текста VII следует, что «я» спит. А из окружающих его текстов VI и VIII следует, что «я» находится в бодрствующем состоянии: «Бессонница меня толкнула в путь»; «Сегодня ночью я целую»; «Сегодня ночью я жалею» (VI); «Голосу дай мне воспеть тебя»; «Клича тебя, славословя тебя» (VIII). Более того, «сон» в тексте VII никак не подготовлен предыдущим текстом VI, равно как не подготовлен в тексте VII переход от сна к очередному бодрствующему состоянию «я» в тексте VIII. Таким образом, и эти три текста (VI—VIII) не составляют какого-нибудь одного синтагматического целого. Нет в них также и отсылок к каким-либо иным текстам цикла — ни к I—V, ни к IX—XI.

1.0.8. Но если в случае текстов VI, VII и VIII еще можно угадывать хотя бы минимальную причастность к событийности предыдущих текстов, то в случае текста IX повторяется явление, знакомое нам по тексту IV (см. 1.0.4). Первые две строфы этого текста являют собой общие суждения («Кто спит по ночам? Никто не спит!»), а в двух последних появляется новый персонаж — «сторож», отгоняющий сон. В контексте первого стиха действия «сторожа» если не бессмысленны, то по крайней мере не мотивированы: «Никто не спит» и «А зоркий сторож из дома в дом проходит… И дробным рокотом над подушкой / Рокочет ярая колотушка: / — Не спи!». Более того: «сторож» появляется во всем цикле инцидентально — ни раньше ни позже о нем нет решительно никаких упоминаний.

1.0.9. Текст X начинается словами: «Вот опять окно, / Где опять не спят», из которых следует, что до этого тоже было какое-то окно, где тоже не спали. Просматривая все предыдущие тексты, мы обнаружим там одно упоминание об окне — в тексте III: «Есть черный тополь, и в окне — свет», с тем, однако, что текст этот завершался словами: «Друзья, поймите, что я вам — снюсь», из которых в свою очередь можно было бы заключить, что свет в окне — не признак бодрствования. Поэтому единственное, с чем позволительно связывать слова «Вот опять окно», — это передвижение, пребывание «я» в пути (ср.: «Из дома сонного иду — прочь» — III; «Бессонница меня толкнула в путь» — VI; см. также 1.0.6).

Самое интересное, однако, то, что дальнейшее развитие текста X как будто снимает и идею передвижения: «И в моем дому / Завелось такое». В результате получается нечто в роде «пребывания в пути, оставаясь на месте».

Это наблюдение подтверждается также и текстом XI. Здесь происходит повторная встреча с Бессонницей: «Бессонница! Друг мой! / Опять твою руку / С протянутым кубком / Встречаю», и, надо полагать, происходит она в «домашних» обстоятельствах (аналогично первой): «Всей негой уст / Резного кубка край / Возьми — / Втяни, / Глотни» и дальше «А если спросят… С Бессонницей кучу, скажи, / С Бессонницей кучу…» (ср. в тексте I: «Ляжешь, легка лицом. <…> Спи, подруженька»).

Интересно отметить еще, что слово «опять» не отсылает тут к какому-либо предшествующему тексту, поскольку относится к «руке»: «Опять твою руку / С протянутым кубком / Встречаю…», а это значит, что у «опять» функция не синтагматическая, а семантическая, указывающая на многократность таких «встреч».

И в заключение обратим внимание на повторение здесь мотива путешествия в словах Бессонницы: «Пригубь! / Не в высь, / А в глубь — / Веду…», которое окончательно снимает идею передвижения в пространстве и преобразует ее в идею «передвижения на месте», то есть в некоторое перемещение по вертикали («В глубь»).

1.1.0. Подведем итоги изложенным наблюдениям.

1.1.1. В синтагматическом отношении тексты «Бессонницы» не осуществляют межтекстовой связности. И даже наоборот, их возможная синтагматическая связность последовательно разрушается — особенно в тех случаях, когда возникают наилучшие условия для ее установления (см. 1.0.2—1.0.3, 1.0.5—1.0.6). Причем разрушение связности происходит не столько за счет отсутствия отсылочных языковых средств, сколько за счет их противоречивого употребления и противоречий событийного плана текстов.

О том, что данное явление — закономерность, а не случайность, убедительнее всего свидетельствует аналогичная противоречивость и внутри отдельных текстов-частей данного цикла (см. хотя бы тексты: I — с усыпляющей бессонницей; III — со сном неспящих: «…в окне — свет… <…> …я вам — снюсь»; IX — со сторожем, который не позволяет спать неспящим; X — с «я», находящейся одновременно и вне дома и внутри дома).

1.1.2. Но ни внутритекстовые, ни межтекстовые противоречия все-таки не устраняют некоторой фабульности цикла. Тексты расположены друг за другом так, что создается впечатление последовательного хода событий. Конечно, основная причина такого впечатления (как уже говорилось в 1.0.3) — читательская презумпция связности, возникающая из-за таких внетекстовых сигналов, как непосредственное соседство текстов и их вычлененность под общим заглавием.

Абстрагируясь от разрушенной синтагматической связности и от обследованных противоречий, событийность цикла можно представить в следующем виде (римскими цифрами обозначены порядковые номера текстов цикла):

I. Появление «бессонницы» и устранение бессонности, то есть усыпление «я»: «Вот и разлучены»; «Вот ты и отмучилась»; «Сон — свят. / Все — спят. / Венец — снят».

II. То же усыпление дано как бы с точки зрения «я» — «я», действительно, почти засыпает: «Ко сну — клонит. / Сплю почти».

III. «Я» бежит ото сна и от дневных связей: «Из дома сонного иду — прочь»; «Освободите от дневных уз, / Друзья, поймите, что я вам — снюсь».

IV. Завершение бессонной ночи и описание нового состояния: «После бессонной ночи слабеет тело».

V. Попадание «я» в какое-то новое измерение и качественное изменение «я»: «Нынче я гость небесный / В стране твоей». А также наступление дня: «Потом, к шести, / Начался рассвет».

VI. Ночь продолжается, и «я» также продолжает свой путь: «…я одна в ночи — / Бессонная, бездомная, черница!»; «Бессонница меня толкнула в путь».

VII. Неожиданный ход событий — «я» как бы засыпает: «Я увидела во сне», а содержание сна сродни кошмару: «Ходит по сердцу пила». Этот неожиданный переход ко сну можно, видимо, истолковать и как своеобразное продолжение пути «я» в каком-то ином измерении (аналогичном «стране твоей» из текста V).

VIII. Еще более загадочный поворот действия: «я» обращается к ночи с речью, построенной по образцу молитвенного гимна — «Голосу дай мне воспеть тебя, о праматерь»; «Испепели меня, черное солнце — ночь!» В контексте текста VII это обращение можно, по всей вероятности, понимать, как просьбу освободить от кошмарного сновидения (аналогичную просьбе в тексте III: «Освободите от дневных уз, / Друзья»).

IX. Дается объективная внешняя ситуация: «Никто не спит!»; «…сторож из дома в дом / Проходит… <…> Не спи! крепись! говорю добром! / А то — вечный сон! а то — вечный дом!», сформулированная в виде предостережения перед засыпанием.

X. Пребывание «я» в пути как будто продолжается: «Вот опять окно, / Где опять не спят». Продолжается и наваждение «я»: «И в моем дому / Завелось такое. / Помолись, дружок, за бессонный дом».

XI. Происходит очередная встреча с Бессонницей. Теперь бессонница уже полностью персонифицирована — записывается в тексте с большой буквы («С Бессонницей кучу…»). В отличие от первого посещения «я» Бессонницей, когда гостья наказывает и усыпляет «я», это посещение превращается в совместный кутеж и в освобождение «я» от всех связей и наваждений: «Испей! / От всех страстей — / Устой, / От всех вестей — / Покой».

После предложенной реконструкции фабульной последовательности текстов цикла очередная наша задача — проследить ее когерентность на уровне семантическом.

2. Семантический уровень текста

2.0. Согласно изложенному в 0.4.2 пониманию когерентности естественно ожидать, что если цикл действительно являет собой одно сверхтекстовое целое, то семантический уровень этого целого должен напоминать по своему строению некоторую парадигму или даже непрерывную шкалу. И далее: если семантике данного цикла действительно присуща парадигматичность или шкалярность, то естественно в свою очередь ожидать, что в плане выражения это свойство проявит-

ся в виде семантического сходства использованных в цикле языковых средств (по крайней мере, лексических единиц), иначе говоря — в виде семантических повторов.

Ввиду сравнительно большой величины анализируемого корпуса текстов, а также сложности и громоздкости процедуры поиска семантических повторов[1], мы проследим лишь некоторые семантические ряды цикла, главным образом те, которые выражены в тексте при помощи повторов лексических. А среди лексических повторов выберем наиболее заметные: употребление личных местоимений «я» и «ты»; соматическую лексику — «тело», «руки», «губы», «глаза»; и соответственно — коммуникативную, связывающую с внешним миром: «призывы», «свет», «звук» и «слух»; называющую компоненты внешнего мира — «окно», «дом», «вода», «ветер»; и наконец лексику, связанную с вынесенным в объединяющее заглавие понятием бессонницы: «ночь», «спать», «не-спать» и «снить».

2.1. Местоимения «Я» и «Ты»

2.1.1. В тексте I местоимения «я» и «ты» употребляются почти исключительно персонифицированной бессонницей, причем «ты» обращено в данном случае к героине-субъекту всего цикла (далее обозначаемой нами большой буквой «Я»).

В монологе Бессонницы[2] «Я» включается в следующие небезынтересные реляции.

В строфе:

> И кому с тобой ни писали писем,
> И кому с тобой ни клялись мы…
> Спи себе

разница между Бессонницей и «Я» снимается, обе героини объединяются одним общим местоимением «мы», явно противопоставленным

---

[1] В известной мере мы здесь исходим из предложения С. И. Гиндина, изложенного в статье: *Гиндин С. И.* Опыты анализа структуры текста с помощью семантических словарей. Статья I // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1972. Вып. 16. Польский перевод в издании: *Pamiętnik* Literacki. 1975. Z. 1. Но нас здесь интересует не столько общность семантики, сколько ее вариативность и поиск градации внутри обнаруженных вариантов.

[2] Слово «Бессонница» мы пишем с большой буквы и без кавычек в тех случаях, когда имеем в виду персонажа цикла, а не понятие «бессонница» или «Бессонница» (это различие оговаривается в параграфе 2.6).

каким-то третьим лицам, обозначенным в тексте словом «кому». Более того, из этой же строфы следует, что между «мы» и «третьими» существовала в свое время явная связь: «мы» «писали письма» и «клялись», но в данный момент эта связь расторгнута — на это указывает не только прошедшее время в процитированной строфе, но и смысл очередной строфы:

Вот и разлучены
Неразлучные.

В последней строфе текста наблюдается явление противоположное:

Сон — свят.
Все — спят.
Венец — снят.

Тут опять появляются какие-то третьи лица, обозначенные местоимением «все». Однако на этот раз устанавливается определенная родственность «Я» со «всеми» по признаку «быть спящим», «быть сопричастным сну», который — «свят».

На этом основании возникает предположение (конечно, требующее в дальнейшем проверки и подтверждения), что тут мы имеем дело с качественным изменением реляции «Я» — «другие»: от опосредствованной связи, покоящейся на писании писем и клятвах, до связи, основанной на сходстве, то есть — непосредственной (аналогичной той, которая позволяет Бессоннице о себе и о «Я» говорить «мы»).

Подчеркнем, однако, факт, что все эти реляции «Я» с Бессонницей и «Я» с другими даны в тексте с точки зрения Бессонницы, а не самого «Я».

С точки зрения «Я» наблюдается в тексте лишь одна реляция: с Бессонницей. Эту реляцию «Я» мыслит как разъединенность себя и Бессонницы: Бессонница в речи «Я» дается как некий внешний объект, действия которого направлены на «Я», причем все они носят ограничивающий, стесняющий характер:

Обвела мне глаза кольцом
Теневым — бессонница.
Оплела мне глаза бессонница
Теневым венцом.

Различие между «Я» и Бессонницей выражено в тексте и еще иначе. В речи Бессонницы все наименования «Я» получили форму жен-

ского рода («Идолопоклонница», «бледноликая», «подруженька», «жемчужинка», «бессонная» и т. д.). О том, что это не только грамматической род, а и признак пола, свидетельствует появившееся в речи Бессонницы слово «женщина»:

Спи, увенчана,
Женщина.

Себя же Бессонница в этой же речи называет по-разному, располагая друг возле друга наименования и женского, и мужского рода одновременно:

Буду тебе чтецом
Я, бессонница:
<…>
Буду — тебе — певчим.

Не исключено, что такое употребление грамматических родов подразумевает мифологический характер Бессонницы, ее андрогинную сущность. «Я» же в этом контексте остается пока на обычном, «земном» уровне.

2.1.2. В последнем — XI — тексте реляция «Я» — Бессонница принципиально меняется, хотя формальная структура текста тождественна структуре текста I: первая строфа являет собой речь «Я», а остальная часть текста — речь Бессонницы.

В обращении «Я» к Бессоннице наблюдаются следующие существенные сдвиги. Во-первых, для «Я» Бессонница уже не некий внешний объект и не некто третий, а партнер, связь с которым непосредственна и интимна. Все это выражается переходом обращения «Я» к Бессоннице на «ты»: «Опять твою руку встречаю», а также употреблением обращения «друг» — «Бессонница! Друг мой!» Во-вторых, в речи «Я» возникает столкновение двух грамматических родов в наименованиях Бессонницы — «Бессонница!» и «Друг мой!», что можно истолковать как понятность, доступность сущности Бессонницы для «Я». В-третьих же, на основании употребления формы «в ночи» можно предполагать, что Бессонница мыслится тут как нечто включенное в «Я».

Это последнее наблюдение нуждается в дополнительном объяснении. Во всем цикле Цветаева пользуется двумя явно неэквивалентными формами: «в ночи» с проставленным ударением на втором слоге и

формой «ночь, ночью, ночи» с ударением на первом слоге. И если вторая форма соотнесена с объективизированным внешним временным и пространственным континуумом, то первая («в ночи») соотнесена с внутренним состоянием «Я» и образует если даже и не составной компонент «Я», то по крайней мере сугубо личностный континуум (ср. в тексте VII: «Так в ночи моей прекрасной / Ходит по сердцу пила»). И именно поэтому повторение формы «в ночи» в XI тексте («Бессонница! Друг мой! / Опять твою руку <…> Встречаю в… ночи») можно рассматривать как признак включения Бессонницы в интимный, личностный континуум «Я».

Определенный сдвиг (на фоне текста I) наблюдается также и в обращении Бессонницы к «Я». В наименованиях «Я» появляется теперь и женский, и мужской род одновременно: «Голубка! Друг!», «Подруга!», «О друг!» и «ласточка моя!» Короче говоря, «Я» обладает теперь такой же двойственной натурой, как и сама Бессонница: «Я» тоже присущ характер андрогина.

Самое интересное, однако, то, что перенаименования «Я» Бессонницей завершаются так:

С каким любовником кутеж
С моим
— Дитя —
Сравним?

Обращение «дитя» окончательно снимает проблему пола и устанавливает категорию половой нейтральности. В том, что интерпретация эволюции «Я» должна идти именно в этом направлении, дополнительно убеждает упоминание здесь «любовника»[1].

2.1.3. В промежуточных текстах цикла (II—X) местоимение «я» употребляется исключительно героиней-субъектом «Я». Но это «я» не нейтрально — оно включено в несколько неодинаковых реляций.

В тексте III местоимение «я» противопоставлено «другим»:

И люди думают: жена, дочь, —
А я запомнила одно: ночь.
<…>

[1] О свойствах и существе андрогина, а также о его судьбах в культуре XX века см.: *Eliade M.* Méphistophélès et l'Androgyne. Gallimard, 1962. Польский перевод см. в издании: *Eliade M.* Sacrum, mit, historia. Warszawa, 1970.

И шаг вот этот — никому — вслед,
И тень вот эта, а меня — нет.
<…>
Освободите от дневных уз,
Друзья, поймите, что я вам — снюсь.

Это противопоставление основано на признаке ‘непонимание — знание’, ‘догадка, заблуждение — уверенность’: «люди думают (догадываются, полагают) ↔ А я запомнила» и дальнейшее «поймите», за употреблением которого подразумевается заблуждение, непонимание («друзей»).

Более того, «Я» противопоставляет себя не только «другим» («людям»), но и миру по признаку ‘быть, существовать ↔ не быть, не существовать’: «Есть… И шаг… И тень ↔ а меня — нет»; и по признаку ‘действительность, реальность ↔ сновидение’: «Люди думают: жена, дочь ↔ я вам — снюсь»; и по признаку ‘дневной ↔ ночной’: дневные категории «люди» распространяют на ночной мир, тогда как для «Я» — это категории взаимоисключающиеся в том смысле, что дневные ограничивают, сковывают «Я» («Освободите от дневных уз, / Друзья…»), которой предпочтительнее ночные категории («…Люди думают: жена, дочь, — / А я запомнила одно: ночь»). В результате «Я» и «люди» пребывают как бы в совершенно разных измерениях («я вам — снюсь»)[1].

На первый взгляд, текст IV противоречит предложенной интерпретации: ведь тут «Я» как бы устанавливает свое сходство и единство с «другими» — «После бессонной ночи… <…> Только одно темнеет у нас — глаза». Присмотревшись внимательнее, мы заметим, что в тексте III речь идет о тех, кто спит («я вам — снюсь») и руководствуется дневными категориями, а в тексте IV — о тех, кто не спит («После бессонной ночи… <…> Только одно темнеет у нас — глаза»). «Я» солидаризируется здесь именно с не-спящими. Отметим еще, что в остальных текстах цикла (V—X) речь уже пойдет исключительно о не-спящих, бессонных.

Таким образом, эволюция реляции «Я» — «другие» идет по пути освобождения от «дневных уз» и нарастания признаков бессонности.

[1] Очень интересно, но с несколько иной точки зрения этот текст цикла проанализирован в статье: *Фрейдин Ю. Л.* Анализ стихотворения Марины Цветаевой «В огромном городе моем — ночь…» // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Mouton, 1968. Vol. 11. P. 132—136.

2.1.4. Начиная с текста V в речи героини-субъекта — «Я» — появляется местоимение «ты».

По одному тексту V установить адресата — «ты» — почти невозможно. Из слов «Нынче я гость небесный / В стране твоей» следует, что «ты» родственно фантастическим (сказочным, мифологическим) существам, располагающим своей «страной» (аналогичной обычному пространству — с «полями» и «лесами»: «Я видела бессонницу леса / И сон полей»).

Далее в этом же тексте говорится: «Расскажу тебе… <…> Про сторожа-гуся / И спящих гусей», из чего следует, что «Я» устанавливает с «ты» интимные отношения («Расскажу тебе с грустью, / С нежностью всей»). По форме и содержанию рассказа («Про сторожа-гуся / И спящих гусей») позволительно предположить, что он адресован Бессоннице: с точки зрения Бессонницы, сказочным, необычным может быть именно мир дневной. О том, что в рассказе «Я» говорится о мире дневном, можно, в свою очередь, судить как по тому, что речь идет о спящих (ср. 2.1.3), так и по тому, что под «гусями» могут подразумеваться дни (как в загадках)[1].

В тексте VIII местоимение «ты» относится к «ночи»: «…Люблю тебя, зоркая ночь». Поскольку дальше в этом тексте говорится: «Клича тебя, славословя тебя… <…> Ночь!» и поскольку в тексте I говорилось: «Мало — меня — звала?» (где «меня» = Бессонницу), то не трудно заключить, что «ночь» является здесь одновременно и Бессонницей. Данное наблюдение интересно в двух отношениях. В предыдущих текстах, особенно в VI, ночь и Бессонница разъединялись в сознании «Я» — теперь же они объединяются в одно целое. Отношение «Я» к Бессоннице-ночи становится еще более интимным (ср. «Оплела мне глаза бессонница / Теневым венцом» → «Нынче я гость небесный / В стране твоей» → «люблю тебя, зоркая ночь».

В предпоследнем тексте — X — обращение «ты» претерпевает очередное изменение: заменяется словом «друг»: «В каждом доме, друг, / Есть окно такое. <…> Помолись, дружок, за бессонный дом, / За окно с огнем!». О том, что «друг, дружок» относится к Бессоннице, свидетельствует употребление слова «помолись». С его разновидностью мы уже встречались в тексте I, где Бессонница усыпляет «Я» и говорит следующее: «Буду тебе чтецом» и «Буду — тебе — певчим».

---

[1] К солярной символике отсылают здесь и два других элемента: «подковы» (предполагающие, по всей вероятности, колесницу солнца) и «корова». «Пес» же явно отсылает к символике лунарной (см. 2.2.3).

Эволюция отношения «Я» — Бессонница завершается включением Бессонницы в континуум «Я» в тексте XI (см. 2.1.2).

2.1.5. Вне нашего рассмотрения остались еще два употребления местоимения «ты»: «О, как же ты прекрасен, тусклый Кремль / мой!» в тексте VI и «Крик разлук и встреч — / Ты, окно в ночи!» в тексте X. По наличию «ты» можно предполагать, что и «Кремль» и «окно» являются компонентами Бессонницы-ночи, пока, однако, доказать это трудно. В данном случае необходимо проанализировать их семантику и связь с остальными элементами мира цикла.

2.2. Тело — губы — глаза

2.2.1. В речи Бессонницы «Я» претерпевает следующую эволюцию. Если в тексте I говорится:

Ляжешь легка лицом.
Люди поклонятся.
Буду тебе чтецом
Я, бессонница, —

то в тексте XI Бессонница называет «Я» ласточкой: «Пей, ласточка моя!» и дальше поучает:

А если спросят (научу!),
Что, дескать, щечки не свежи, —
С Бессонницей кучу, скажи,
С Бессонницей кучу…

Изменение наблюдается здесь по двум признакам: ‘прекрасное («легка лицом») → безобразное («щечки не свежи»)’ и ‘телесное («легка лицом») → духовное («ласточка»)’.

Второе изменение просто: «Я» теряет свою телесность и становится психеей, т. е. вдуновением, душой[1].

[1] По всему контексту ясно, что «ласточка-психея» продолжает сохранять и смысл эротического начала. В связи с этим весьма любопытно, что во всем цикле отчетливо проведена и следующая парадигма: «серафим (IV) — гость небесный (V) — [‘звериное начало’ («не волосы — а мех» (VI) — ‘акватическое начало’ («я только / Раковина») — VIII] — ласточка (XI)», т. е. парадигма по возрастанию языческого и убыванию сакрального. Это тем более обосновано, что согласно греческой мифологии Психея являет собой не только душу, но и дуновение, воплощенное в возлюбленную Эроса.

Сложнее первое изменение. Наличие слов «Буду тебе чтецом» и «Буду — тебе — певчим» (текст I) указывает на переход «Я» в мир потусторонний, так как явно провоцирует ассоциацию с обрядом отпевания усопшего. Наличие же слов «щечки не свежи» и «С Бессонницей кучу, скажи» (текст XI) указывает на переход «Я» из мира потустороннего в реальный, земной, так как ассоциируется с общением с миром колдовским, иным.

В промежуточных текстах эта эволюция представляется весьма последовательной. В тексте II признак телесности «Я» еще сохраняется: «Люблю… Голову сжав, / Слушать». В тексте III этот признак преобразуется довольно существенно в сторону убывания: «нынче ветру до зари — дуть / Сквозь стенки тонкие груди — в грудь», где тело «Я» («грудь») свободно продувается ветром, но еще являет собой некое отграниченное внутреннее пространство. В тексте IV тело уже отчуждается от «Я»: «После бессонной ночи слабеет тело, / Милым становится и не своим, — ничьим».

С исчезновением, отчуждением тела само «Я» все-таки не исчезает. В тексте V говорится: «Нынче я гость небесный / В стране твоей», из чего следовало бы, что «Я» становится бесплотным сверхъестественным существом. Однако сути этого существа установить на основании этих строк еще нельзя. Она проясняется лишь в тексте VI, где сказано:

> Вздымаются не волосы — а мех,
> И душный ветер прямо в душу дует.

Как видно, у ветра уже нет никаких помех вроде предыдущей: «Сквозь стенки тонкие груди — в грудь» (текст III), он дует «прямо в душу». Но одновременный переход с «волос» на «мех» указывает на «звериный» характер этой души (а не «ангельский», как можно было судить по тексту V: «Нынче я гость небесный»)[1].

По отношению к Цветаевой так понимать «ласточку» позволительно еще и потому, что в стихотворении «Психея» (1918) все отмеченные смыслы даны в эксплицитной форме: Я — страсть твоя, воскресный отдых твой, / Твой день седьмой, твое седьмое небо. <…> — Возлюбленный! — Ужель не узнаешь? / Я ласточка твоя — Психея! См.: *Цветаева М.* Указ. соч. С. 126).

[1] С одной стороны, появление «меха» и стоящего за ним ‘звериного’ начала мотивируется наличием «ночи», которой в разных мифологиях (в том числе и в славянской) присваивается связь с отрицательным, земным, хтоническим, женским и т. п. См.: *Иванов Вяч., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период) М., 1965. С. 100 и далее.

Окончательно эволюция телесно-душевного образа «Я» завершается в тексте VIII, где «Я» называет себя «раковиной»:

Клича тебя, славословя тебя, я только
Раковина, где еще не умолк океан.

С одной стороны, раковина может здесь обозначать самую низкую ступень эволюции, сошествие «в глубь»: «я гость небесный» → «не волосы — а мех» → «я только / Раковина, где еще не умолк океан» (показательно, что в тексте XI Бессонница говорит «Я»: «Не в высь, / А в глубь — / Веду…»). С другой — повторное обретение осязательности, но в иной плоскости (ср. отчуждение тела в тексте IV, перевоплощение в сверхъестественное существо в тексте V, обретение звериного признака в тексте VI и, наконец, превращение в раковину, «где еще не умолк океан»). В то же время «раковину» позволительно здесь понимать и как приобщение к мифологическому — лунарно-акватическому — пониманию себя и мира[1].

Теперь завершающее перенаименование «Я» в «ласточку» в тексте XI можно интерпретировать не только как признак духовного, но и эротического начала (а если это так, то появление слов: «С каким любовником кутеж / С моим / — Дитя — /Сравним?» совершенно закономерно — см. 2.1.2).

2.2.2. Губы (и родственное — рот) упоминаются в цикле всего в четырех текстах — III, IV, IX и XI.

С другой же — превращение «волос» в «мех», как и вообще появление «волос» в контексте окончательного снятия преграды между «Я» и «ветром» («не волосы — а мех, / И душный ветер прямо в душу дует») восходит к фольклорному представлению о «волосах» как о вместилище души. Об этом см.: *Неклюдов С.Ю.* Душа убиваемая и мстящая // Труды по знаковым система. Тарту, 1975. Т. 7. С. 66, 69.

[1] На тему лунарной и акватической символики см.: *Eliade M.* Traité d'histoire des religions. Польский перевод с исправленного авторского экземпляра: *Eliade M.* Traktat o historii religii. Warszawa, 1966 (особенно главы IV и V). Постоянное обращение (или вернее: воскрешение) к архаическому символизму объясняется у Цветаевой более принципиальными причинами — основами ее поэтики. На эту тему см.: *Фарино Е.* Некоторые вопросы теории поэтического языка (Язык как моделирующая система. Поэтический язык Цветаевой) // Semiotyka i struktura tekstu. Studia poświęcone VII Międzynarodowemu Kongresowi Slawistów (Warszawa, 1973): praca zbiorowa / pod red. M.R. Mayenowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973.

В тексте III функция рта вполне реальна и телесна, что подчеркнуто упоминанием о вкусовом ощущении: «Ночного листика во рту — вкус». Однако факт, что речь здесь идет о «ночном листике», подсказывает и другое: приобщение «Я» к ночи или даже самой Бессоннице, так как единственная мотивация появления «листика» может усматриваться в упоминании «венца» в тексте I («Оплела мне глаза бессонница / Теневым венцом»).

Связь «листика» с «венцом» нам кажется весьма естественной по следующим соображениям. Последняя строфа текста III построена так, что ее парные и непарные стихи реализуют оппозицию «ночной ↔ ↔ дневной» и «свободный — ограниченный, скованный» («ночного листика» ↔ «дневных уз»; и рифмы: «вкус; снюсь» ↔ «(нити золотых) бус; (дневных) уз»; см. также 2.1.3). Более того: эпитет «ночной» явно перекликается с эпитетом «теневой» (венец); «венец» также включен в семантическое поле «узы, связь» («Обвела мне глаза кольцом / Теневым — бессонница. / Оплела мне глаза бессонница / Теневым венцом») с тем, однако, что установлению «брачных уз» с бессонницей сопутствует одновременно расторжение «уз дневных и обычных (реальных)» («Вот и разлучены / Неразлученные» — см. 2.1.1).

Показательно, что в тексте IV, где происходит отчуждение тела, «губы» не подлежат такому же отчуждению, а лишь меняют свой ранг: «После бессонной ночи… Нежно светлеют губы» — и продолжают существовать как бы самостоятельно — вне телесного образа «Я».

Общий смысл «губ» раскрывается в тексте IX. Тут «губы» — знак любви:

Кто молод — с милою говорит,
Ей в губы дышит, в глаза глядит.

Но в особом смысле — как слияние дыханий, а точнее — как вдуновение: «в губы дышит».

В завершающем — XI — тексте этот смысл «губ» возобновляется. Бессонница говорит:

Губами приголубь!
Голубка! Друг!
Пригубь!
Прельстись!

Звуковая организация этого фрагмента такова, что слово «пригубь» начинает восприниматься как редуцированное «приголубь».

Такое фонетическое объединение этих двух слов возможно благодаря наличию в них некоторого общего семантического признака — смысла ‘обнять, включить, инкорпорировать’. Дополнительный смысл — эротический — возникает тут за счет слова «приголубь» и заключительного «Прельстись!».

В дальнейшем развитии данного текста «губы» претерпевают еще одно изменение — становятся «устами»:

Раздвинь уста!
Всей негой уст
Резного кубка край
Возьми —
Втяни,
Глотни:
— Не будь! —
О друг! Не обессудь!
Прельстись!
Испей!
Из всех страстей —
Страстнейшая, из всех смертей —
Нежнейшая…

Архаическое «уста» на фоне предыдущих «рот» и «губы», а также высокое «испей» в контексте предшествующего «пригубь» и «втяни, / Глотни» всю эту сцену переводят в ранг магического обряда. Смысл же обряда — «бракосочетание со смертью»: «из всех смертей — / Нежнейшая…»; «Не будь!»; но бракосочетания сладострастного: «Прельстись!»; «Из всех страстей — / Страстнейшая».

Таким образом, «губы» эволюционируют в цикле вполне последовательно: «рот → губы → уста»; «вкус → глоток»; «вкусовое ощущение → → предел страсти и смерти».

2.2.3. Наряду с «губами» сохраняются на протяжении всего цикла также и «руки». В контексте оговоренной уже эволюции тела в сторону его дематериализации (см. 2.2.1) естественно предположить, что «рукам» (равно как и «губам» — см. 2.2.2) придается в тексте некий нетелесный смысл. В основных своих чертах этот смысл раскрывается уже в тексте I:

И кому ни писали писем,
И кому с тобой ни клялись мы…
Спи себе.

Вот и разлучены
Неразлучные.
Вот и выпущены из рук
Твои рученьки.
Вот ты и отмучилась,
Милая мученица.

Тождественность конструкций с «Вот и…» и семантическое родство слов «разлучены», «выпущены», «отмучилась» заставляют понимать «руки» как род контакта, связи «Я» с «другими», аналогичный «письмам» и «клятвам», а слова «Вот и выпущены из рук / Твои рученьки» — как ‘Вот тебя и освободили от всяких связей’.

Из параллелизма во второй строфе процитированного фрагмента явно следует, что ‘соединенность рук’ подразумевает смысл ‘неразлучность’, а ‘разъятие рук’ — ‘разобщенность’. Смысл же ‘неразлучность’ выведен тут непосредственно из ‘писания писем’ и ‘клятвы’. Таким образом, «клятва» и «руки» становятся здесь семантическими эквивалентами. Не думается, однако, что это произвольная, окказиональная эквиваленция. Ее корни восходят, по всей вероятности, к вербально-жестовому способу выражения клятвы, когда клятве словесной сопутствует жест руки, символика последнего уходит еще глубже — в мифологию, согласно которой руки понимаются как «вместилище» души, с одной стороны, а с другой — как «властитель» чужой (человеческой) души, жизни, судьбы и т. д.[1]

На этом основании ‘соединенность’ рук позволительно истолковать и как единство душ, и как зависимость от чужой воли; разъединение же рук — как разлучение душ (разъятие неразъемлемого) и как

[1] Следы представления о руках как вместилище неистребимой души сохранились в фольклоре под видом отрастания отсекаемых конечностей у разных чудовищ; в мифологиях и разных религиях — в качестве многоруких божеств; в христианской религии одним из первых к этому мотиву обратился Микеланджело: «Библейский мотив вдыхания жизни в бездушную плоть в картине (Сотворение Адама. — *Е. Ф.*) получил конкретное звучание: Адам поднимает свою руку навстречу протянутой ему руке Бога, которая испускает оживляющую энергию» (*Arnheim R.* Art and Visual Perception. The New Version. Berkeley; Los Angeles, 1974. P. 152. Русский перевод цитируется по изданию: *Арнхейм Р.* Искусство и визуальное восприятие. М., 1974. С. 147 (также см. с. 380).

освобождение от чужой воли[1]. В процитированном фрагменте из текста I на первый план выдвинут смысл второй: «Вот ты и отмучилась, / Милая мученица». За сохранением же «рук» до конца цикла (на фоне несомненного отчуждения «тела») стоит смысл первый — рука как вместилище души. В этом отношении особенно любопытен текст II:

Руки люблю
Целовать, и люблю
Имена раздавать,
И еще — раскрывать
Двери!
— Настежь — в темную ночь!

Тут выражения «целовать руки», «раздавать имена» и «раскрывать дверь настежь» получают вид явлений однородных. Все действия направлены вовне. Этим действиям присущ и еще один общий признак: ‘отказываться от себя’. Отчетливее всего он наблюдается в «раздавать имена», где «раздавать» не тождественно «давать» или «именовать» и реализует скорее смысл «отдавать». Если учесть, что в тексте I у «Я» не одно имя, а несколько (Бессонница называет «Я» по-разному: «идолопоклонница», «бледноликая», «женщина», «жемчужинка», «мученица» и т.д.), то «раздавать имена» позволительно истолковать как ‘снимать с себя имена’ и ‘отчуждаться от предписанного ими статуса’, ‘становиться кем-то другим’.

Довольно просто истолковать также и «раскрывать / Двери! / — Настежь — в темную ночь!». Раскрытые двери снимают границу между внешним миром и внутренним. «Я» устраняет тут как бы свою отъединенность от «ночи»: «раскрывать… в темную ночь!» и сливается с «ночью». Но в этом случае «двери» не могут обозначать реального входа или выхода в доме — они должны подразумевать ‘телесную оболочку «Я»’. Такая интерпретация дверей получает свое подтвер-

[1] Эквиваленция «рука — душа», «рука — сердце», «рука — вдохновение» — постоянное свойство цветаевского кода. Ср.: в стихотворении «Мне нравится, что вы больны не мной…» (1915. С. 69): «Спасибо вам и сердцем и рукой»; в стихотворении «Как правая и левая рука…» (1918. С. 130): «Как правая и левая рука — / Твоя душа моей душе близка. / Мы смежены, блаженно и тепло, / Как правое и левое крыло»; в стихотворении «Рас-стояние: версты, мили…» (1925. С. 274): «Рас-стояние: версты, дали… Нас расклеили, / В две руки развели, распяв, / И не знали, что это — сплав / Вдохновений и сухожилий…»

ждение в тексте III, где говорится о «груди», что у нее есть «стенки»: «Сквозь стенки тонкие груди — в грудь»[1]. Есть этому и внетекстовые подтверждения: тело как обиталище, «дом» души; а также фразеологизмы типа: «быть открытым, откровенным», «душа нараспашку» и прочие.

Итак: «Я» избавляется от своих прежних имен, от своей прежней ипостаси и от своего тела.

В этом контексте «целовать руки» следует читать как ‘объединяться с кем-то другим’, выражать, по крайней мере частично, свою принадлежность кому-то другому.

Конечно, описанная смена ипостаси «Я» дана в разбираемом тексте не как свершение, а как возможность, как пристрастия «Я»: «Руки люблю / Целовать, и люблю…»

Текст III построен на явном противопоставлении «"Я" — внешний мир», где внешний мир дан как существующий, а «Я» как «призрак» («а меня — нет»; «я вам — снюсь»). Внешний, существующий мир распадается в свою очередь на «мир людской» и «мир ночи», причем последний представлен лишь тремя элементами: общим названием «ночь» («А я запомнила одно: ночь»), «ветром» («Ах, нынче ветру до зари — дуть») и «ночным листиком» («Ночного листика во рту — вкус»). «Людской» же мир представлен множеством деталей, с одной стороны, а с другой — также множественным грамматическим числом («люди думают», «Огни — как нити золотых бус»; «Освободите от дневных уз, / Друзья, поймите»; «стенки тонкие груди»[2]). Вся строфа третья посвящена перечислению деталей внешнего «людского» мира. Среди них находится также и «рука»:

Есть черный тополь и в окне — свет,
И звон на башне, и в руке — цвет,
И шаг вот этот — никому — вслед,
И тень вот эта, а меня — нет.

---

[1] Контекст иных стихотворений Цветаевой подтверждает правильность предлагаемого толкования еще убедительнее. В тексте «Другие — с очами и с личиком светлым…» 1920 года (С. 165): «Другие всей плотью по плоти плутают, / Из уст пересохших — дыханье глотают… / А я — руки настежь! — застыла! — столбняк! / Чтоб душу мне выдул — российский сквозняк!» А в тексте «Сон» («Врылась, забылась — и вот как с тысяче…», 1924. С. 264): «Тело, что все свои двери заперло, — / Тщетно!»

[2] Множественное число выражения «стенки тонкие» подсказывает, что и собственное тело рассматривает «Я» как преграду, как нечто принадлежащее внешнему, обыденному миру, а этим самым — подлежащее отчуждению.

Контекст тут таков («черный тополь»; «шаг… никому — вслед»; «тень»), что детали «и в окне — свет» и «и в руке — цвет» тоже окрашиваются отрицательным смыслом. Если учесть, что в предыдущих текстах (I и II) слово «рука» употреблялось во множественном числе, то единственное число в данном случае должно подразумевать смысл ‘разлуки’ (а «шаг… никому — вслед» — смысл ‘поиска покинувшего’). Но для «Я» это разлука ‘дневная’, входящая в «дневные узы», от которых «Я» стремится освободиться: «Освободите от дневных уз»[1].

Поэтому, когда в тексте IV говорится: «После бессонной ночи слабеют руки», то тут имеется в виду тот смысл «рук», который предполагает связь с «другими». Неслучайно после этой строки даются следующие слова: «И глубоко равнодушен и враг и друг», т.е. внешние, человеческие реляции становятся безразличны, несущественны.

Таким образом, до текста IV «руки» обладают двумя смыслами: они выражают и взаимозависимость, и духовное единство. Эволюция же наблюдается по линии убывания первого смысла в сторону безразличия или даже освобождения.

Принципиально «руки» меняются в тексте V: «Руки тонули в песьей шерсти. / Пес был — сед». Тут опять возобновляется множественное грамматическое число, и — аналогично тексту II — направленность вовне: «тонули в песьей шерсти».

Совершенно неожиданно в этом тексте упоминаются разные животные: конь (правда, лишь метонимически: «подковы»), корова, гуси и пес. Их появление может объясняться сказочным или онейрическим характером пространства, в которое попадает «Я»: «Нынче я гость небесный / В стране твоей». Но выбор именно этих животных произведен по иным соображениям. Конь, корова и гуси являют собой зооморфные мифологические образы солнца и дней. Солнце (и дни)

[1] Прослеживая путь взгляда и слуха в этом стихотворении, Ю.Л. Фрейдин приходит к выводу, что исчезновение «Я» («а меня — нет») — результат выхода взгляда и слуха в даль (См.: *Фрейдин Ю.Л.* Указ. соч. С. 135). Вывод этот основан, по всей вероятности, на ошибочном причислении «шага» и «тени» к самой «Я», тогда как эти явления к «Я» не имеют никакого отношения и составляют ее внешнее окружение. Исчезновение «Я» произошло раньше — в момент раскрытия дверей «настежь» и выхода из «дома». Более того: по Фрейдину и слова «и в руке — цвет» следовало бы отнести к «Я». Но это совершенно невозможно, так как «цвет» символизирует в текстах Цветаевой нечто ложное, обман, прельщение, разлуку и другие подобные категории «людского» мира.

присутствует здесь лишь потенциально: «Где-то в ночи подковы / Взрывали траву. / Тяжко вздохнула корова / В сонном хлеву»; «Расскажу тебе… Про сторожа — гуся / И спящих гусей». Пес же занимает особую позицию. Это тоже мифологический зооморфный образ, но не солнца, а — луны и ночи. С категорией «ночь» «пес» легко связывается и в пределах самого цикла: одним из свойств «ночи» в тексте II было то, что в ней можно «утонуть»: «Где-то в ночи / Человек тонет». А с «Я» пес связывается через мифологический смысл рук как «вместилища» души: погружение «рук» «в песьей шерсти» есть приобщение «Я» к «ночи». Заметим еще, что после этого в тексте V «Я» обнаруживает уже свое «звериное начало»: «Вздымаются не волосы — а мех» (см. 2.2.1). Более того: уже здесь намечается связь «Я» с лунарно-акватической картиной мира — пес через свою связь с луной является также и символом лунарным[1].

В остальных текстах цикла «руки» «Я» уже не упоминаются. Но само понятие не исчезает. В тексте VIII руки превращаются в «длань», т.е. меняют ранг, получают более высокий ценностный статус. Эта «длань» принадлежит «ночи» — «праматери песен» и управляет всеми четырьмя ветрами: «Голосу дай мне воспеть тебя, о праматерь / Песен, в чьей длани узда четырех ветров». Можно догадываться, что «длань» является тут «жизнедержательницей», истоком жизни и вдохновения («праматерь песен»), однако полный ее смысл раскроется лишь после определения смысла «ветра».

В тексте X снова появляется слово «руки», но уже в смысле любовного единства: «Или просто рук / Не разнимут двое». Смысл этот явно подготовлен текстом V — лунарный символ «пса» объемлет также и эротическое начало.

В последнем тексте (XI) «Я» снова встречает «руку» Бессонницы, которая в речи самой Бессонницы превращается в «горсти»: «Из двух горстей / Моих — прельстись! — испей!». Интересно, что если в начале текста говорилось о руке «с протянутым кубком», то теперь «руки» и «кубок» — одно и то же, а точнее: «руки» получают функцию «кубка». И таким образом происходит полное приобщение «Я» к Бессоннице, «Я» как будто впитывает в себя саму Бессонницу, идентифицирует ее с собой.

2.2.4. Первое упоминание «глаз» появляется в самом начале цикла — в первой строфе текста I:

[1] См. сноску 1 на с. 278.

Обвела мне глаза кольцом
Теневым — бессонница.
Оплела мне глаза бессонница
Теневым венцом.

Содержание начальных двух стихов основано на естественном явлении — возникновении темных полукружий под глазами вследствие бессонницы. Очередных же два стиха переводят это явление в совершенно другой план: «обвесть» превращается в «оплесть», в результате чего и само «обвесть» кроме смысла ‘начертать (круг)’ приобретает дополнительный — ‘провести’; «кольцо» уступает место «венцу», в связи с чем «кольцо» получает смысл не обычного ‘круга’, а ‘обручального кольца’. Действие Бессонницы приобретает, таким образом, характер обряда, аналогичного обряду ‘венчальному’. Самое интересное, однако, то, что «кольцо» и «венец» возлагаются тут не на палец и голову, а на «глаза». Такое отклонение от привычного порядка обряда подсказывает, что «глазам» тут приписывается та же функция, что и рукам и голове. Но если возложение кольца и венца символизирует воссоединение душ, то очевидно этот же смысл должны перенять также и «глаза». В самом этом тексте данный смысл нигде не подтверждается. Поэтому можно здесь говорить о нем лишь как о потенциальной возможности, которая может (но не обязательно должна) получить свое развитие в последующих текстах цикла.

Следующее упоминание «глаз» встречается в тексте IV, в тексте, где происходит отчуждение «тела». Из всех «телесных» элементов «Я» сохраняются здесь лишь «руки» (они «слабеют»), «губы» («светлеют») и «глаза»:

После бессонной ночи слабеют руки,
<…>
Нежно светлеют губы, и тень золоче
Возле запавших глаз. Это ночь зажгла
Этот светлейший лик, — и от темной ночи
Только одно темнеет у нас — глаза.

Как видно, «глаза» особо вычленяются изо всех сохраняющихся компонентов — они «темнеют» (тогда как даже «тень» становится «золоче», т. е. светлеет): «Только одно темнеет у нас — глаза». Потемнение

«глаз» ставится в прямой зависимости от «ночи» — и по двум признакам сразу. С одной стороны, «ночь» названа здесь «темной», а с другой — синтаксическая структура такова, что «ночь» превращается в причину потемнения «глаз»: «и от темной ночи / Только одно темнеет у нас — глаза». Короче говоря, «ночь» не только властвует над «глазами», но и уподобляет их себе (по признаку темноты). В итоге «глаза» становятся тут как бы ‘ночными глазами’.

После этого превращения в текстах V—VII «глаза» уже не упоминаются — вместо них появляются глаголы «видеть» и «увидеть». Однако это «видение» отнюдь не результат физического зрения. Оно получает внутренний характер.

В тексте V «Я» видит принципиально невидимое: «бессонницу леса» и «сон полей», но все еще внешнее по отношению к «Я». Зато в тексте VII видение «Я» переводится целиком вовнутрь «Я»: «Черноглазого ребенка / Я увидела во сне». Видение превращается, таким образом, в ‘сновидение’.

С переходом на внутреннее зрение появляется в тексте и еще одна разновидность «глаз» — не своих, а чужих: «Я увидела во сне» «Черноглазого ребенка», и уже не «темных», а «черных».

Эпитет «черный» употреблен во всем цикле только один раз — в тексте III: «Есть черный тополь, и в окне — свет», где вводит смысл ‘разлуки, страдания’, а может быть, и ‘траура’. Если в цикле, действительно, осуществляется его семантическая когерентность, то эпитет «черноглазый (ребенок)» следовало бы читать как ‘обреченный’, а все сочетание «черноглазого ребенка» — как амбивалентное, содержащее в себе одновременно и смысл смерти, и смысл жизни. В менее отчетливой форме этот смысл содержался уже в тексте V — в «лесе» и «поле»[1]. А в более откровенном виде он будет возобновлен в тексте IX:

Ребенок в люльке своей кричит,
Старик над смертью своей сидит,
Кто молод — с милою говорит,

где предлог «над» позволительно читать двояко — и так, что «старик» и «ребенок» никак друг с другом не связаны, и так, что «старик» сидит

[1] В обнаженном виде этот смысл дан в тексте «Я тебя отвоюю у всех земель…» (1916. С. 108): «Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес, / Оттого что лес — моя колыбель, и могила — лес». Об одинаковости функций «леса» и «поля» в фольклоре см.: *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Указ. соч. С. 174—175.

над люлькой ребенка (последнее прочтение вероятно также и потому, что в очередном стихе упоминаемые персонажи объединены в пару: «Кто молод — с милою говорит»).

В связи с предложенными наблюдениями нельзя исключить, что в тексте VII «черноглазый ребенок» символизирует откровение перед «Я» ее собственной судьбы (внешние знаки смерти-жизни в тексте V передвинуты теперь вовнутрь «Я», получая несколько иной — более близкий для «Я» — план выражения).

Текст VIII меняет «глаза» на «зрачок», т.е. переносит внимание на тот элемент глаз, который по обычным представлениям является непосредственным отражением состояния души человека. Отметим, что «зрачок» здесь раздваивается — одна его разновидность носит человеческий характер, а другая — принадлежит самой «ночи». От первой «Я» решительно отказывается: «Ночь! Я уже нагляделась в зрачки человека! / Испепели меня, черное солнце — ночь!». К другой же отношение «Я» положительное:

Черная, как зрачок, как зрачок, сосущая
Свет — люблю тебя, зоркая ночь.

Теперь «черный» приписывается «ночи» и получает положительный смысл. Дело, по всей вероятности, в следующем: преодолеть смерть можно лишь пережив ее. Отсюда и возглас «Испепели меня… ночь!»

В остальных текстах цикла (IX—XI) ни глаза «Я», ни глаза ночи уже не упоминаются. В связи с этим немножко странным может показаться появление «глаз» («чужих») в тексте IX. Но тут «глаза» претерпевают еще одну смысловую эволюцию — они несут уже не экзистенциальный смысл, а смысл ‘любовной коммуникации’:

Кто молод — с милою говорит,
Ей в губы дышит, в глаза глядит,

где «в глаза глядеть» поставлено в одном ряду с «говорить» и «в губы дышать». Однако тут введено одно существенное ограничение — возрастное: «кто молод», равно отдаленное и от колыбели («ребенок в люльке»), и от гроба («Старик над смертью своей сидит»), подчеркивающее временность такого состояния, а тем самым и его потенциальную амбивалентность.

2.3. Свет — звук — слух

2.3.1. Встречаемые во всем цикле упоминания о свете отчетливо распадаются на две группы. Одна из них называет свет естественный (дневной), другая же — свет искусственный (ночной).

Первый раз ночной, искусственный свет появляется в тексте III: «Есть черный тополь, и в окне — свет» и «Огни — как нити золотых бус». «Свет» в окне — признак бессонницы, того, что в этом доме не спят. Окружающий контекст этот смысл дополняет и еще одним: ‘тревогой, разлукой, трауром’ (см. 2.2.3).

Последнее четверостишие этого текста вводит понятие «дневных уз», одним из воплощений которых являются здесь «огни»: «Огни — как нити золотых бус» (см. 2.1.1). Результат таков, что искусственный, ночной свет — категория дневного мира (от которого «Я» стремится уйти). А отсюда следует, что и дневной свет должен пониматься в цикле как категория отрицательная.

И действительно, в тексте I упоминался свет солнечный:

Мало — тебе — дня,
Солнечного огня!
Пару моих колец
Носи бледноликая!

Из этого упоминания ясно, что «Я» была в свое время «поклонницей» дневного света (и «дневного мира») и поклонялась ему даже ночью. За это «Я» наказана Бессонницей и названа эпитетом с пренебрежительным оттенком «идолопоклонница».

Связь между текстом I и III очевидна: отношение «Я» к свету (и дневному, и ночному) принципиально меняется в сторону освобождения от него.

Ночной, искусственный свет во второй раз появляется лишь под конец цикла — в тексте X. Тут светящееся окно снова повторяет смысл бессонницы, но одновременно превращается в амбивалентную категорию:

Вот опять окно,
Где опять не спят
<…>

Крик разлук и встреч —
Ты, окно в ночи!
Может — сотни свеч,
Может — три свечи
<…>
Помолись, дружок, за бессонный дом,
За окно с огнем!

Амбивалентность выражена словом «крик», относящемся и к «разлукам», и ко «встречам», а также количеством «свеч»: «сотни свеч» подразумевают веселье, пиршество, а «три свечи» — погребальный обряд.

Таким образом, ночной свет претерпевает тут четкую эволюцию в направлении амбивалентного, нерасчлененного, двусмысленного, конфликтного.

Естественный дневной свет в остальных текстах цикла наделен ограничительной функцией: он как бы очерчивает пределы ‘ночного мира’ или даже ‘владений ночи’: «Ах, нынче ветру до зари — дуть» (текст III) и «Потом, к шести / Начался рассвет» (текст V). Но, как уже говорилось в главе I, выхода в день нигде нет, несмотря на упоминания типа: «После бессонной ночи» или только что процитированного. Все это указывает на замкнутость, отъединенность ‘мира ночи’ (и так объясняется, видимо, отсутствие синтагматической связи между текстами IV—VI).

Окончательно дневной свет исчезает в тексте VIII — знаменательно, что он делает это совершенно физически: его всасывает в себя «ночь»: «Черная, как зрачок, как зрачок, сосущая / Свет — люблю тебя, зоркая ночь». Аналогично исчезает и упомянутое в тексте I «солнце» — оно становится самой «ночью»: «Испепели меня, черное солнце — ночь!» За этим событием стоит, по всей вероятности, более сложный смысл. Слово «свет» в данном тексте может обозначать также и «мир» — тогда «ночь» поглощала бы в себя и все сущее. С другой стороны, «черное солнце» может подразумевать и возврат к первичному состоянию мира, когда свет и темнота не были еще расчленены. На такую возможность указывает также и появление в предшествующем двустишии «раковины», а точнее — превращение «Я» в «раковину» (см. 2.1.1)

На этом судьба «света» в цикле не заканчивается. У него есть и еще одна разновидность.

В тексте V употреблено слово «тусклый», в тексте IV — «светлеть» и «светлейший» («губы», «лик»). Они предполагают смысл ‘внутреннего

свечения', 'света имманентного' и 'не-физического'. Хотя «губы» у «Я» и сохраняются, но они меняют свой статус, становятся явлением сродни сверхъестественному. Также сверхъестественен и «Кремль» в тексте VI: «О, как же ты прекрасен, тусклый Кремль мой!». В своем новом состоянии «Я» как бы наконец постигает суть ночного мира, но все еще не приобщается к ней (некоторая дистанция сохраняется, хотя бы в виде восхищения). Дистанция снимается лишь в конце цикла, когда Бессонница поит «Я» из горстей и говорит:

Ты море пьешь,
Ты зори пьешь.

Теперь и «Я» впитывает в себя свет и весь мир (подобно «ночи» в тексте VIII). Но ясно, что это не физический дневной свет, а свет космогонический, изначальный.

2.3.2. Интересную эволюцию претерпевает в цикле и акустический аспект мира. В текстах II и III звуки отъединены от «Я» и разобщены: «люблю… Голову сжав, / Слушать, как тяжкий шаг / Где-то легчает»; «И где-то музыка в окне — чуть»; «И звон на башне»; «И шаг вот этот». В тексте IV звуки сохраняют свою обособленность от «Я», но зато объединяются в одно целое: «Целая радуга — в каждом случайном звуке, / И на морозе Флоренцией пахнет вдруг». Все это происходит «после бессонной ночи». Для процитированного текста характерно не только снятие разобщенности звуков, но и их слияние с цветовым и обонятельным характером восприятия и самого мира: «Целая радуга — в каждом случайном звуке»; «пахнет». Кроме того, к этому синкретическому единству присоединяется также и термическое ощущение: «на морозе пахнет Флоренцией». На этом основании можно предположить, что тут миру возвращается его естественное первичное синкретическое состояние. Это тем более вероятно, что в последнем тексте говорится:

Опять твою руку
<…>
Встречаю в беззвучно —
Звенящей ночи.

Как видно, звук как явление физическое тут совершенно исчез («беззвучно»), но сохранился в каком-то сверхъестественном аспекте

(«звенящей») — как звук неслышимый или как некий празвук, а может быть, и как способ существования «ночи».

Аналогична судьба и «Я»: из текста VIII следует, что после превращений звуковая характеристика свойственна и самой «Я» — «я только / Раковина, где еще не умолк океан», хотя тут «не умолк» можно понимать и как ‘не успокоился’, и как ‘не стих’. И все-таки присутствие «океана» и «раковины» ввергает «Я» в изначальное состояние всего сущего, к его истокам. Так и здесь подготавливается отождествление «Я» и «ночи-мира» в заключительном тексте цикла.

Конечно, звуки встречаются и в других текстах. «Музыка» из текста III превращается в тексте X в «крик», в знак отчаяния или радости. Подчеркнем и различие: если «музыка» существует физически (звучит), то «крик» здесь неслышим — это крик души (криком названо ведь «окно»: «Крик разлук и встреч / Ты, окно в ночи!», причем «окно», которое одновременно и светится: «Помолись <…> За окно с огнем!»).

2.4. Ветер — вода

2.4.1. Слово «ветер» встречается в цикле четыре раза: в текстах II, III, VI и VIII. Его эволюция сводится к следующему. Если в тексте II существует «ветер» как явление физическое и обособленное от «Я» («люблю <…> Слушать <…> Как ветер качает / Сонный, бессонный / Лес»), то уже в тексте III он входит в непосредственный контакт с «Я»: не только определяет дорогу «Я» («Июльский ветер мне метет — путь»), но и проникает вовнутрь «Я» («Ах, нынче ветру до зари — дуть / Сквозь стенки тонкие груди — в грудь»). В тексте VI это проникновение «ветра» в «Я» еще сильнее: «И душный ветер прямо в душу дует». Определение «душный» в контексте слова «душа» ставит знак равенства между «ветром» и «душой», а повторение этого же корня в глаголе «дуть» ставит знак равенства в обратном направлении — воскрешает связь слова «душа» со словом «вдуновение», а этим самым и с «ветром». Таким образом, здесь происходит отождествление «ветра» и «души» «Я». На этом эволюция «ветра» завершается.

Текст VIII еще раз возвращается к теме «ветра» и окончательно выясняет его экзистенциальный статус. Теперь оказывается, что это не обычное природное явление, а некий праветер, родственный изначальному космическому веянию:

> Голосу дай мне воспеть тебя, о праматерь
> Песен, в чьей длани узда четырех ветров.

Причем тут же выясняется и то, что «ветер» есть составная часть «ночи». А это значит, что отождествление «Я» с «ветром» есть одновременно отождествление «Я» с «ночью».

Более того: присутствие слов «дай мне воспеть тебя» и «праматерь песен» устанавливает связь «ветра» и «ночи» с творческим (поэтическим) вдохновением. Поэтому можно сказать, что здесь мы наблюдаем также перевод «ветра» и «ночи» в ранг изначальной творческой энергии, изначальной творящей силы.

2.4.2. Упоминаемые в цикле объекты, связанные со значением «вода», выстраиваются по шкале количественного характера. Если в тексте II названы лишь «ручьи» («Ах, ночь! Где-то бегут ключи, / Ко сну — клонит»), то в текстах VIII и XI говорится уже об «океане» («я только Раковина, где еще не умолк океан») и «море» («Ты море пьешь»). Но одновременно с количественным переименованием «воды» происходит и изменение ее семантики.

В тексте II «вода» (аналогично «ветру» — см. 2.4.1) существует как бы вне «Я». В тексте же VIII «вода» уже включена в «Я», да и сама «Я» приобретает вид обитателя воды: «я только / Раковина, где еще не умолк океан». В результате здесь происходит парадоксальное взаимовключение: «Я» является обитателем «океана», а «океан» в свою очередь помещен внутрь «Я». Последнее превращение «воды» в «море» и факт его «выпивания» (т.е. включения в «Я») могут показаться с этой точки зрения избыточными. Такая констатация кажется нам, однако, сомнительной — строгая, последовательная эволюция уже прослеженных мотивов цикла заставляет нас предположить, что такая последовательность должна присутствовать и в данном случае. Поэтому еще раз вернемся к тексту II.

Слово «ключи» предполагает понятие «истока», «начала». Смысл «начала» содержится также и в словах «Ко сну — клонит. / Сплю почти» как ‘начало сна’, ‘начало нового состояния «Я»’. Более того «ключи» и «засыпание» объединены в одном предложении: «Где-то бегут ключи, / Ко сну — клонит», в результате чего между ними возникает реляция эквиваленции, и «ключи» в каком-то смысле становятся носителями «сна».

В последнем тексте напиток, предлагаемый Бессонницей, истолковывается в категориях предельной страсти и смерти, после чего он переименован в «море» (и «зори»). «Море», таким образом, наделяется здесь и признаком «страсти», и признаком «смерти». «Океан» же в тексте VIII предполагал лишь смысл «стихии» лунарного (эротического) характера.

После этих разъяснений эволюция от «ключей» к «морю» очевидна: ‘погружение в дремотное состояние («ключи») → идентификация с водой по признаку страсти («океан») → объединение страсти и смерти в одном целом, где смерть — предельная разновидность сна («море»)’.

С категорией «вода» ассоциируется и встречаемое в данном цикле слово «тонуть».

В тексте II «тонуть» относится к «ночи»: «Где-то в ночи / Человек тонет», в результате чего «ночь» приобретает некоторый признак «воды». Отметим еще, что пока это событие дается в отрыве от «Я» — как нечто внешнее («где-то»).

В тексте V «тонуть» отнесено к «песьей шерсти» и опять вписывает в «ночь» признак «воды», так как «пес» является здесь символом луны и ночи (см. 2.2.3). По отношению к тексту II сдвиг наблюдается в реляции «Я» — ее окружение: теперь «тонуть» объемлет саму «Я» («руки тонули»). А на этом фоне превращение «Я» в «раковину» (текст VIII) представляется уже весьма закономерным.

Последний раз «тонуть» встречается в тексте XI, но в несколько модифицированной форме — как «затопленные» и «растопленные». Эти причастия относятся непосредственно к «миру» и к «Я»:

Мир без вести пропал. В нигде —
Затопленные берега …
— Пей, ласточка моя! На дне
Растопленные жемчуга…

Ты море пьешь,
Ты зори пьешь.

«Вода», как видно, поглощает здесь весь мир, но сама тоже превращается в какое-то идеальное бытие (теряет свои реальные физические признаки) или даже в небытие («В нигде / Затопленные берега…»).

Судьба же «Я» строится тут несколько иначе. С одной стороны, «Я» становится «психеей, душой» (см. 2.1.2 и 2.2.1). С другой же — «Я» приобщается к «мировой душе», окончательно теряет свою отъединенность от «других». Этот смысл легко вывести, если вспомнить, что в тексте I Бессонница называла «Я» «жемчужинкой» («Спи, жемчужинка, / Спи, бессонная»), и если учесть, что жемчуг символизирует человеческую душу. Далее: стоит напомнить что латинское название жемчуга — «перла» — обозначает буквально «морскую раковину». «Я» это

название сохраняет за собой в тексте VIII, когда говорит «я только / Раковина». Теперь же, в тексте XI, «Я» пьет напиток, в котором находятся «растопленные жемчуга». Но ведь в предыдущих текстах (II и V) речь шла об «утопании» «человека» и «рук» «Я». А это подсказывает, что теперь «Я», действительно, впитывает в себя и одновременно приобщается к «растворенным душам».

В заключение отметим и еще одни возможный смысл — «На дне / Растопленные жемчуга» можно читать и как окончательный разрыв с 'дневным миром', окончательное устранение всяких связей формального порядка (типа «писем» и «клятв») и установление принципиального единства по признаку тождественности и родства. Дело в том, что в тексте III упоминались «бусы» как «узы», а «жемчуг» беспрепятственно может ассоциироваться с понятием украшений типа «бус». Кроме того, в параграфе 2.1.1 мы оговаривали две разновидности связи с «другими» — внешнюю, конвенциональную, от которой «Я» стремится освободиться, и внутреннюю, построенную на родстве или даже идентичности с «другими». Вторая возможна лишь после отказа от первой и погружения в «сон», а в пределе — в небытие.

2.5. Дом — окно

2.5.1. В тексте III «дом» определен как «сонный», от которого бежит «Я»: «Из дома сонного иду — прочь». Уход «Я» понимается поэтому и как выход во внешнее пространство (ср. в тексте V — «лес», «поля»), и как выход из пространства сонного. Категория «сонного пространства» не сводится в этом тексте к одному лишь «дому» — это все обычное, физическое пространство целиком: «Огни — как нити золотых бус… Друзья… я вам — снюсь». Совершенно логично, что антитезисом этого пространства является не наружное окружение «дома», а именно «лес» и «поля» (см. текст V), но тоже не в физическом плане, так как они принадлежат «стране твоей», т.е. стране ночи или Бессонницы.

В тексте VI «Я» называет себя «бездомной» и одинокой, причем «бездомность» следует тут понимать как 'пребывание в пути': «Сегодня ночью я одна в ночи — / Бессонная, бездомная черница! <…> Бессонница меня толкнула в путь». Среди наименований «Я» употреблено здесь и «черница», т.е. монашенка, что, в свою очередь, 'пребыванию в пути' придает оттенок 'паломничества'. Путь-поломничество «Я» заканчивается в тексте VIII, построенном по образцу гимна или молитвы, обращенной к «ночи».

Но на этом мотив «дома» не заканчивается. Он возобновляется в тексте IX, в котором «дом» получает двойное истолкование. Раз — это человеческое жилище: «А зоркий сторож из дома в дом / Проходит», другой же — абстрактное понятие «вечный дом». Последнему в этом тексте предпослан иной его эквивалент — «вечный сон»: «— Не спи! крепись! говорю добром! / А то — вечный сон! а то — вечный дом!» Таким образом, здесь ставится знак равенства между «сном» и «домом». Дальнейшее объяснение этого равенства требует прочтения смысла «сна» (об этом см. 2.6). Несомненно другое: «дом» претерпевает эволюцию от единичного, конкретного «дома сонного» (текст III) до абстрактного, метафорического «вечного дома-сна» (текст IX).

В тексте X появляется, в свою очередь, некий иной «дом», являющийся антитезисом «дома сонного», — это «бессонный дом»: «Помолись, дружок, за бессонный дом, / За окно с огнем!» И опять же: определение его смысла требует выяснения смысла «сна» и «бессонницы» (см. 2.6).

2.5.2. Тема окна встречается в цикле только два раза — в текстах III и X. В тексте III оно принадлежит внешнему миру и определено тоже лишь внешними признаками долетающих звуков музыки и света: «И где-то музыка в окне — чуть», «и в окне — свет».

В тексте X «окно» превращается уже в универсальный признак каждого дома: «В каждом доме, друг, / Есть окно такое», а этим самым входит также в состав мира «Я» — «И в моем дому / Завелось такое».

Более того: «окно» превращается тут в признак бессонницы: «Вот опять окно, / Где опять не спят» и в беззвучный амбивалентный «крик»: «Крик разлук и встреч — / Ты, окно в ночи!» (см. 2.3.2). В итоге «окно» переводится в ранг душевного состояния и вместе с «домом» образует аналог «души» и ее обиталища («тела») (ср. «Нет и нет уму / Моему — покоя. / И в моем дому / Завелось такое»; а также текст II — см. 2.2.3). Ср.:

Одна половина окна растворилась.
Одна половина души показалась.
Давайте откроем — и ту половину
И ту половину окна!

2.6. Бессонница

2.6.1. Хотя в тексте I «бессонница» и персонифицирована, само ее название тут пишется еще с маленькой буквы («Обвела мне глаза кольцом / Теневым — бессонница» и т. п.) и этим самым не вычленя-

ется из обычного представления о бессоннице как о ‘невозможности уснуть’. В последнем же тексте цикла слово «Бессонница» дано с прописной буквы: «С Бессонницей кучу, скажи, / С Бессонницей кучу…» и этим самым переведено в иной ранг — мифологического явления или какого-то универсального изначального понятия.

Однако в дальнейших партиях текста I (в речи «Бессонницы») наблюдаются очевидные семантические сдвиги. Бессонница ведет себя вопреки бытовым представлениям о бессоннице и, скорее, похожа на сон: все ее действия направлены на усыпление «Я»: «Спи, бессонная» и т. д. Более того: оказывается, что с «Бессонницей» можно также и спать: «Мало — меня — звала? / Мало — со мной — спала?» и даже призывать ее, чтобы уснуть.

Примирить такое противоречие можно лишь путем отказа от обычного понимания слова «бессонница» и установления его связи с понятием «сон», «спать».

Согласно контекстам текста I «сон» подразумевает покой, освобождение от дневных связей с «другими» (см. 2.1.1), умиротворенность. Кроме того, в конце текста «сон» переводится в некую возвышенную категорию: «Сон — свят», освобождающую также и от бремени бессонницы. Последнее легко вывести из такого факта: в начале текста Бессонница наказывает «Я», возлагая на «Я» «теневые кольца» и «теневой венец»: «Пару моих колец / Носи, бледноликая! — и накликала / Теневой венец»; в конце же текста говорится: «Сон — свят. / Все — спят. / Венец — снят», где снятие «венца» позволительно истолковать как снятие наказания, как своего рода отпущение.

Из предложенных наблюдений ясно, что «сон» здесь не противоречит обычным представлениям о сне как отключении от внешнего мира. Странно именно только то, что «сон» вызван тут его собственной противоположностью — бессонницей.

2.6.2. Чтобы решить создавшееся противоречие, необходимо вернуться к эволюции «Я» во всем цикле. Говоря наиболее абстрактно, сюжет цикла сводится к преображению «Я», по ходу которого «Я» претерпевает раздвоение на телесную ипостась и душевную, становясь в последнем тексте психеей («ласточкой») — см. 2.1.1. Из телесных компонентов «Я» сохраняются лишь «губы» и «руки», но тоже в ином варианте: как соответствия «души». Попутно меняется и их словесное оформление: «губы → уста» (см. 2.2.2), «руки → длань» (см. 2.2.3), «глаза → зрачок» (см. 2.2.4). Аналогично меняется и внешний мир: «свет»

превращается в «черное солнце» и «крик» (см. 2.3.1.); «звук» — в звук беззвучный (см. 2.3.1); «ветер» проникает вовнутрь «Я» и становится эквивалентом космического дыхания, а также праветром в «длани» «ночи» (см. 2.4.1); «ключи» — в «море» с двойным смыслом творящего начала и смерти, а в результате — бессмертия (см. 2.4.2); связи с «другими» устраняются, но устанавливаются на более глубоком уровне изначального единства душ (см. 2.4.2).

Теперь легко заметить, что все прослеженные элементы резко меняют свой ранг в сторону изначальных космогонических праэлементов. Этому переходу и смене ранга способствует не что иное, как «сон», «усыпление» «Я», но не всей «Я», а лишь ее обычной, бытовой ипостаси. Усыпляется все то, что связано с привычным, эмпирическим восприятием мира, а взамен обостряется внутреннее видение. Таким образом, под бессонницей подразумевается тут активность внутреннего, душевного плана «Я» (и, может быть, человеческого бытия вообще).

Как видно, в основе цикла покоится двойственная концепция человека и его связи с миром: ему присущи две ипостаси и два рода связи. Плоть и поверхностный контакт с окружением; «душа» и внутренние органы связи с миром, но тоже на его глубинном уровне. Переход на уровень глубинный требует отказа и отчуждения от уровня внешнего, плотского (и обыденного). Такому отчуждению в данном цикле присваивается категория «сна» или «усыпления». Погружению же на глубинный уровень и глубинный контакт с сутью мироздания присваивается категория «бессонница». В итоге становится совершенно понятным, что «усыпление» «Я» Бессонницей есть отключение «Я» от поверхностного, обычного уровня (усыплению подлежит, фигурально выражаясь, лишь тело)[1]. Отмеченное выше противоречие между характером бессонницы и ее действиями («усыплением») снимается весьма просто (см. 2.6.1).

2.6.3. В свете сказанного не сложно заметить, что во всем цикле присутствуют две разных категории, выраженные омонимом «сон», «спать» и т.д. Первую разновидность мы уже оговорили (см. 2.6.2).

[1] О двойственном понимании структуры человека лучше всего свидетельствует у Цветаевой ее стихотворение «На заре…» (1922. С. 192): «На заре — наимедленнейшая кровь, / На заре — наиявственнейшая тишь. / Дух от плоти косной берет развод, / Птица клетке костной дает развод, / Око зрит — невидимейшую даль, / Сердце зрит — невидимейшую связь… / Ухо пьет — неслыханнейшую молвь … / Над разбитым Игорем плачет Див».

Вторая же подразумевает «усыпленное состояние» внутреннего, глубинного уровня. Когда в тексте IX говорится, например, «— Не спи! крепись! говорю добром! / А то — вечный сон! а то — вечный дом!», то эти слова следует понимать как предостережение перед усыплением именно глубинных, внутренних форм связей с миром, а «вечный сон» — как выключенность из мира (хотя физически можно и не спать, но внутренне находиться в вечном сне). Этот второй смысл «сна» явно отрицается лирическим субъектом цикла — «Я». Для «Я» приемлем лишь «сон» поверхностного уровня. Аналогично и отношение к бессоннице: физическая бессонница являет собой отрицаемую категорию, взамен же постулируется бессонница глубинного уровня[1]. Зная это, теперь легко преодолеть и все остальные кажущиеся противоречия цикла, а также проделать некоторую корректуру всех вышеизложенных наблюдений.

***

3.0. Как показал семантический анализ цикла, стихи, вошедшие в него, создают одно когерентное целое. Тексты цикла расположены в такой последовательности, что попадающие в них смысловые элементы тоже выстраиваются в строгую последовательность: возобновляя смысл предыдущих текстов, они один из его аспектов усиливают, а другой постепенно теряют.

Кроме такой шкалярной или парадигматической когерентности здесь также наблюдается и когерентность структурного типа: смысловые элементы взаимосвязаны и сохраняют эту взаимосвязанность на всем протяжении цикла. Более того: смысловые элементы, подлежащие в цикле той или иной эволюции, создают строго параллельные ряды, хотя на поверхностном уровне наблюдаемые изменения не всегда происходят в пределах одного и того же текста. Смена ранга отдельных компонентов мира не всегда происходит одновременно (ср: «тело» и «губы» в тексте IV, но «руки» и «глаза» лишь в тексте VIII). Думается, что эта неодновременность и создает впечатление синтагма-

[1] Предельно четко все эти оттенки «сна» и «бессонницы» даны в стихотворении «Восхищенной и восхищённой…» (1920. С. 161—162); «Восхищенной и восхищённой, / Сны видящей средь бела дня, / Все спящей видели меня, / Никто меня не видел сонной. / И оттого, что целый день, / Сны преплывают пред глазами / Уж ночью мне ложиться — лень. / И вот, тоскующая тень, / Стою над спящими друзьями».

тической несвязности фабульного уровня цикла (см. 2.0). Впечатление несвязности возникает еще и за счет нашего незнания «языка», на котором данный цикл написан. Проникнув же в семантику, влагаемую в употребленные в отдельных текстах компоненты языка и мира, мы без труда обнаружим, что и на этом — фабульном — уровне возникает довольно строгая последовательность, а тем самым — и связность. Но это уже связность вторичного порядка, базирующая на семантической и структурной когерентности.

Статья печатается с авторского согласия по изданию: *Faryno J.* «Бессонница» Марины Цветаевой: (Опыт анализа цикла) // Zbornik za Slavistiku 15. Novi Sad: Matica Srpska, 1978. С. 117—148.

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

Сегодня «Русский диктант» следует считать неотъемлемым компонентом научно-образовательного сотрудничества БФУ им. И. Канта и партнерских вузов в Республике Польша. Победители диктанта имеют прекрасную возможность приехать в Калининград, познакомиться с организацией учебного процесса в нашем университете, найти новых друзей среди его студентов, погрузиться в неформальное общение в международном молодежном лагере «Балтийский Артек».

И. Лукьяненко, О. Вертинская

Studia Baltica собрала свыше 40 студентов из России, Литвы, Латвии, Эстонии, Польши и Германии. <…> «Мы прилагаем усилия, чтобы наш университет стал базой исследований стран региона Балтийского моря. Калининград остается в центре политических дискуссий, здесь мы формируем общую ценностную и теоретико-методологическую базу для обсуждения наших актуальных проблем», — заявил на открытии школы ректор БФУ им. И. Канта А. П. Клемешев.

В. Балобаев

Последние два десятилетия сопровождались глубокими политическими трансформациями в ряде стран Балтийского региона… Спустя 20 лет после начала преобразований ведущие российские и зарубежные специалисты собрались в самом западном регионе России, чтобы подвести промежуточные итоги формирования «новых политических элит» и обсудить перспективы развития этой области научных исследований в Балтийском регионе.

В. Сутырин

…я встречала русских женщин, которые на протяжении всей жизни в Польше привносили в свое окружение богатство российской истории и культуры… Ведь для них быть русскими всегда означало: хотеть быть русскими.

О. Красецкая

Ирина Лукьяненко, Ольга Вертинская
(Калининград)

В ПОЛЬШЕ ПИШУТ ПО-РУССКИ

Как известно, сотрудничество с ведущими вузами, научно-исследовательскими центрами, образовательными структурами Республики Польша является приоритетным направлением международной деятельности БФУ им. И. Канта. Год от года совершенствуются его формы и содержание, налаживаются новые международные контакты, расширяется их география. Важнейшую роль во взаимодействии с ближайшими соседями и партнерами играет университетский научно-образовательный центр «Русская Балтика», который проводит последовательную и целенаправленную работу по продвижению и пропаганде русского языка. В этом аспекте одним из значимых компонентов деятельности центра следует признать организацию и проведение ежегодного конкурса «Русский диктант» в Польше.

История этого культурно-образовательного мероприятия началась в 2007 году, когда по инициативе Ю. Д. Рожкова-Юрьевского, занимавшего на тот момент должность ответственного секретаря российско-польского Совета по сотрудничеству Калининградской области с польскими воеводствами, в Гданьском университете был организован и проведен диктант по русскому языку для 50 старшеклассников

Поморского воеводства. Конкурс на знание русского языка получил поддержку генерального консула России в Гданьске Ю. М. Алексеева и ректора нашего университета А. П. Клемешева. Он прошел при непосредственном участии преподавателей факультета филологии и журналистики, в церемонии открытия принял участие ректор Гданьского университета А. Цейнова. Победители соревнования получили подарки от БФУ им. И. Канта, генконсульства России, Российского центра науки и культуры в Гданьске и Представительства Калининградской области в Польше.

Идея организации этого своеобразного дидактического соревнования оказалась весьма перспективной, так как она находилась в русле общей культурно-просветительской политики БФУ им. И. Канта в международной образовательной деятельности. Начиная с 2000 года «соревнования» по польскому языку уже проводились для россиян, живущих в Польше, а в 2004 году на базе нашего университета при поддержке и под патронатом польского консульства в Калининграде состоялся первый диктант по польскому языку, адресованный всем желающим принять в нем участие. Так что идея эквивалентной формы межкультурных контактов, что называется, витала в воздухе. Значение проведенного мероприятия, его успех и общественный резонанс трудно переоценить, так как спустя короткое время он приобрел много новых сторонников.

Уже в следующем, 2008, году инициатива получила развитие. Желание принять у себя «Русский диктант» высказал Торуньский университет им. Николая Коперника, который не только имеет давние традиции обучения русскому языку, но и является многолетним партнером БФУ им. И. Канта в образовательной сфере. Этот опыт оказался столь плодотворным, что было принято решение о ежегодном проведении конкурса, тогда же выработали четкий регламент и сформулировали основные правила проведения этого ответственного состязания.

С этого времени «Русский диктант» в Польше при непосредственном и активном участии филологов-русистов научно-образовательного центра «Русская Балтика» приобрел характер системной и многоаспектной просветительской акции. В 2010 году к ней присоединились жители Великопольского воеводства, а сам конкурс стал открытым для всех желающих принять в нем участие. В Познаньском университете им. Адама Мицкевича состоялось уникальное по масштабу и значимости мероприятие, которое широко освещалось польским телевидени-

ем и прессой; любви к русскому языку в Познани оказались «все возрасты покорны»: самому старшему участнику диктанта было 62 года, а самому младшему — 16 лет. Международная образовательная акция смогла состояться благодаря таким энтузиастам развития русско-польских образовательных и культурных связей, как директор Института русской филологии Познаньского университета профессор А. Ситарский, генеральный консул РФ в Познани В. В. Ткачев и представитель консулата Ю. Д. Рожков-Юрьевский.

Студенты Варминьско-Мазурского университета в городе Ольштыне дебютировали в качестве участников диктанта 18 марта 2011 года. Организаторами конкурса, как и прежде, выступили сотрудники научно-образовательного центра «Русская Балтика», существенную помощь в проведении им оказали коллеги-русисты из Института восточной славистики Варминьско-Мазурского университета. В умении правильно писать по-русски состязалось уже более 100 ольштынских студентов и лицеистов. Особую важность событию придал тот факт, что «Русский диктант» стал одним из ключевых мероприятий в рамках Дней Калининградской области в Варминьско-Мазурском воеводстве. Торжественное открытие конкурса провели губернатор Калининградской области Н. Н. Цуканов и ректор БФУ им. И. Канта А. П. Клемешев, победители и лауреаты были награждены почетными дипломами и памятными призами от ректората нашего университета и правительства Калининградской области. Таким образом, конкурс на знание русского языка в Ольштыне приобрел не только культурно-просветительскую, но и общественно-политическую значимость. Не менее важно, что он прошел под знаком творчества А. П. Чехова, чей 150-летний юбилей Россия и весь мир отмечали в 2010 году.

О том, что «Русский диктант» завоевал заметное место в образовательном пространстве Польши, свидетельствует и неослабевающий интерес польской общественности к этому мероприятию. Так, например, весной 2011 года в актовом зале корпуса гуманитарных факультетов Гданьского университета в рамках проведения очередного конкурса собралось уже 170 студентов и лицеистов, пожелавших состязаться в знании русского языка. Пал и рекорд прошлых лет по составу участников. В конкурсе приняли участие не только те студенты Гданьского университета, которые изучают русский язык в рамках профессиональной подготовки, но и учащиеся многих других гуманитарных специальностей — политологии, психологии, американистики, юриспруденции.

Достойную конкуренцию им составили будущие инженеры и энергетики из Гданьского политехнического института, студенты Военно-морской академии, а также лицеисты из Гданьска, Сопота, Гдыни и других городов Поморского воеводства.

Сегодня «Русский диктант» следует считать неотъемлемым компонентом научно-образовательного сотрудничества БФУ им. И. Канта и партнерских вузов в Республике Польша. Победители диктанта имеют прекрасную возможность приехать в Калининград, познакомиться с организацией учебного процесса в нашем университете, найти новых друзей среди его студентов, погрузиться в неформальное общение в международном молодежном лагере «Балтийский Артек». Вместе с тем конкурс стал заметным событием, ориентированным на учащуюся молодежь, их наставников, на всех, кто заинтересован в продвижении русского языка, национальной литературы и культуры, поскольку достаточно эффективным и нетривиальным способом пропагандирует наш «великий и могучий» ближайшим соседям.

Владимир Балобаев
(Калининград)

МЕЖДУНАРОДНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА STUDIA BALTICA: НАЧАЛО НОВОЙ ТРАДИЦИИ

В августе 2011 года в Балтийском федеральном университете им. И. Канта прошла первая молодежная Летняя школа по международным отношениям и политическим наукам Studia Baltica: «Россия и ЕС: новые институты, новые элиты, новые образы». Организаторами школы выступили Центр Европейского союза БФУ им. И. Канта, факультет политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Центр общественно-политических исследований «Русская Балтика».

Studia Baltica собрала свыше 40 студентов из России, Литвы, Латвии, Эстонии, Польши и Германии. Такой формат обучения, как летняя школа, успешно используется многими ведущими университетами уже не первый год; БФУ им. И. Канта также имеет большой опыт проведения таких мероприятий, но летняя школа в области международных отношений и политологии стала первой в своем роде, собравшей студентов, аспирантов и молодых исследователей сразу из шести стран. То, что именно Калининград стал площадкой проведения школы, весьма символично ввиду особого геополитического положения региона. «Мы прилагаем усилия, чтобы наш университет стал базой исследований стран региона Балтийского моря. Калининград остается в центре политических дискуссий, здесь мы формируем общую ценностную и теоретико-методологическую базу для обсуждения наших актуальных проблем: экономики, энергетики, охраны окружающей среды, культурных взаимоотношений», — заявил на открытии школы ректор БФУ им. И. Канта А.П. Клемешев.

Школа не только предоставила участникам возможность получить новые знания, но и стала площадкой для открытого обсуждения различных точек зрения, поиска новых идей и формирования будущей повестки дня в отношения РФ и ЕС, приобретения новых международных контактов. В ходе работы школы перед молодыми исследователями выступили ведущие представители академического сообщества и эксперты-практики из России, Литвы, Латвии и Польши, которые прочитали лекции и провели мастер-классы по проблемам и перспективам отношений России и Европейского союза. Кроме обширного курса лекций известных ученых школа предоставила участникам широкие возможности для самостоятельной исследовательской работы, в ходе которой студентами были подготовлены доклады с высказанными в них предложениями по улучшению взаимоотношений России и ЕС.

О высокой значимости школы говорит тот факт, что в церемонии ее открытия приняли участие начальник отдела ЕС департамента общеевропейского сотрудничества МИД России Г. В. Михно и заместитель главы Представительства Еврокомиссии в РФ М. Вэбба, которые выступили перед студентами школы с рамочными докладами. В своей речи Г. В. Михно, представляя точку зрения российского МИД на двусторонние отношения, высказал мнение, что «либерализация границ России с ЕС — sine qua none[1]». В свою очередь М. Вебб призвал студентов школы внести свой вклад в улучшение отношений РФ и ЕС: «Мы не можем просто перевести часы назад. После вступления трех балтийских государств в состав ЕС в отношениях между ними и Россией были определенные проблемы. Но сегодня дела обстоят намного лучше, и у всех есть возможность решать различные вопросы, которые важны для взаимоотношения Евросоюза и России».

Все дни работы школы были посвящены обсуждению возможных решений существующих проблем. Так, в первый лекционный день Т. В. Евгеньева, доцент кафедры социологии и психологии политики МГУ им. М. В. Ломоносова, выступила перед студентами с сообщением о проблемах взаимного восприятия государств в современных международных отношениях, а Ф. А. Климкин, руководитель проекта «Russia Beyond the Headlines» (ИД «Российская газета»), рассказал о практических аспектах самопрезентации России в зарубежных медиа.

Среди экспертов, принимавших участие в работе школы, были также и действующие политики, зачастую поднимавшие в своих выступлениях довольно острые вопросы. В. Андрюкайтис, заместитель председателя комитета по делам ЕС Сейма Литвы, говоря о новых политические элитах в странах Балтии, отметил, что «странам Балтий-

[1] Лат. — то, без чего нельзя обойтись; непременное условие.

ского региона пора вступать в диалог с соседями, а не бередить прошлые раны». Декан факультета социальных наук Латвийского университета профессор Ю. Розенвалдс в своем выступлении высказал мнение о том, что «тезис о балтийском единстве — это иллюзия и миф, и все страны Балтии были едины, только когда у них был один враг — советская система»; по словам Ю. Розенвалдса, политическая элита Латвии и Эстонии излишне «герметизирована».

Один из дней работы школы специально посвятили региональному аспекту отношений РФ и ЕС, поэтому для выступления были приглашены ведущие эксперты в этой сфере. С российской стороны выступил доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Российского института стратегических исследований А.Н. Сытин, который представил студентам свой взгляд на то, как фактор России используется в избирательных кампаниях стран Балтии в последние годы. Его коллега из Клайпедского университета профессор А. Бучинскас, декан факультета социальных наук, говорил о поисках «компаса в будущее» в отношениях России и Литвы. Также он представил студентам для обсуждения ряд проблем, которые мешают улучшению взаимоотношений двух стран, в частности подробно изложил позицию политических элит Литвы по вопросу строительства Балтийской атомной электростанции.

Итоги работы участников школы подвело экспертное жюри, возглавляемое ректором БФУ им. И. Канта профессором А.П. Клемешевым, деканом факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова профессором А. Шутовым и заведующим кафедрой государственной политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова профессором В. Якуниным. Ознакомившись с представленными концепциями по улучшения взаимоотношений Российской Федерации со странами Европейского союза, жюри высоко оценило усилия интернациональных молодежных групп, готовивших свои предложения. Все участники получили дипломы, наиболее отличившиеся — памятные подарки от БФУ им. И. Канта, а В. Якунин как председатель Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» отметил авторов лучшей концепции поездкой на молодежный Родосский форум. В 2012 году БФУ им. И. Канта примет в своих стенах участников второй Летней школы Studia Baltica.

Вячеслав Сутырин
(Калининград)

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ СТРАН БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА В 1991—2011 ГОДАХ. ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

В Калининграде 16 сентября 2011 года состоялась международная научная конференция «Политические элиты стран Балтийского региона в 1991—2011 гг. Итоги и перспективы», организованная Балтийским федеральным университетом им. Иммануила Канта, центром общественно-политических исследований «Русская Балтика» и Российской ассоциацией политической науки. Последние два десятилетия сопровождались глубокими политическими трансформациями в ряде стран Балтийского региона, и важнейшую роль в этом процессе сыграли политические элиты. Спустя 20 лет после начала преобразований ведущие российские и зарубежные специалисты собрались в самом западном регионе России, чтобы подвести промежуточные итоги формирования «новых политических элит» и обсудить перспективы развития этой области научных исследований в Балтийском регионе.

Открылась конференция вступительным словом проректора по научной работе БФУ им. И. Канта профессора Г.М. Федорова, который от имени ректора университета профессора А.П. Клемешева приветствовал участников конференции и отметил, что помимо подготовки кадров университет выполняет важную функцию по установлению прочной связи между Россией и странами Балтийского регио-

на. Существующие в нем институты и центры позволяют выполнять значимые для обеих сторон страноведческие исследования.

С приветственным словом перед участниками конференции выступила президент Российской ассоциации политической науки, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО О. В. Гаман-Голутвина, которая выразила благодарность руководству БФУ им. И. Канта за реализацию совместной инициативы по проведению конференции, отметив важность развития российских исследований политических элит как главного фактора политических преобразований в постсоветский период. В настоящее время в России существует несколько центров, ведущих деятельность в этой области. О. В. Гаман-Голутвина выразила надежду на то, что в скором времени такой центр по изучению политических элит с фокусом на страны Балтийского региона будет создан и в Калининграде на базе БФУ им. И. Канта.

В ходе дискуссии участники обсуждали особенности формирования «новых политических элит» Балтийских стран и их роль в отношениях России и ЕС, проблемы исследования этого вопроса и пути их решения. С докладами выступили ведущие ученые и эксперты из Москвы, Санкт-Петербурга, Калининграда, Будапешта, Таллина, Риги, Вильнюса, Варшавы и Йены. Важной темой дискуссии стала проблема восприятия России политическими элитами стран Балтийского региона. Так, профессор социологии Университета им. Фридриха Шиллера Хайнрих Бест в своем докладе «Российская угроза и процесс европейской интеграции: взгляд на европейские политические элиты» подробно проанализировал влияние советской, а затем и российской угрозы на ускорение процессов объединения Европы. Ученый представил результаты социологического исследования, из которых следует, что политические элиты стран Балтии возглавляют список государств, видящих в России наивысшую угрозу, что значительно затрудняет способность их политического руководства к конструктивному диалогу. Вице-президент Литовской ассоциации политической науки профессор Каунасского университета управления и экономики Ирмина Матоните, рассматривая случай Литвы, указала на то, что в обществе имеется множество различных фобий, поэтому наряду с «российской угрозой» существуют также и «турецкая», и «американская».

Следует отметить, что относительно стран Балтии значительное влияние на формирование политической системы в целом оказал процесс обретения государственности, актуализировавший фактор «исторической памяти», что вполне закономерно наложило свой отпечаток на ориентации властных групп. Российское «присутствие» в политике

стран Балтийского региона (будь то русские члены политической элиты или близость российских границ) превратилось в фактор-ирритант для значительной части национальных политических элит. В то же время необходимо принимать во внимание сохраняющиеся различия в конкретных страновых спецификах трех Балтийских государств. Так, доцент кафедры международных отношений Таллинского технического университета Михаил Родин, сравнивая отношение к России политических элит Латвии и Эстонии, пришел к выводу о более высоком уровне «рациональности» и, следовательно, меньшей тенденциозности, свойственной позиции многих эстонских политиков. Одним из основных в докладе ученого при этом стал тезис о зависимости элит стран Балтии от политики США.

В рамках работы конференции также прозвучали доклады, описывающие ситуацию, сложившуюся в отношении российских элит. Профессор кафедры анализа социальных институтов НИУ «Высшая школа экономики» В.Г. Ледяев представил свое видение основных характеристик и форм власти, авторитета и господства в современной России. Заведующий сектором социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН А.В. Дука выступил с докладом по проблемам мобильности российских региональных элит.

В ходе оживленной дискуссии были затронуты множество других актуальных вопросов. Профессор факультета политологии Университета им. Фридриха Шиллера Михаэль Эдингер обратился к теме вертикальной и горизонтальной интеграции политических элит в странах Балтии и — шире — Центральной и Восточной Европы. В частности, ученый рассказал о результатах своих многочисленных исследований, посвященных отношениям между властными группами (горизонтальная интеграция элит), а также проблемам взаимодействия и взаимного доверия народных представителей и избирателей (вертикальная интеграция). Советник министра иностранных дел Эстонии Приит Каллакас представил проведенное им исследование об эволюции участия в политических партиях Эстонии.

Президент Юридической академии Тартуского университета, советник президента СССР М.С. Горбачева (1989—1991 годы) Рейн Мюллерсон расширил границы обсуждения, осветив роль элит в процессе смены политических режимов в современном мире. Начальник отдела социальных теорий Литовского центра общественных исследований Владас Гайдис затронул комплекс проблем, связанных с доверием к публичным политикам в Литве. Профессор Центрального европейского университета Андраш Бозоки и декан факультета гуманитарных и социальных наук Варшавской школы социальных и гуманитар-

ных наук Яцек Василевски выступили по вопросам будущей повестки дня в отношении исследования политических элит.

Прошедшая конференция в очередной раз подтвердила растущий статус БФУ им. И. Канта как широкой площадки для дискуссий между европейскими и российскими академическими и экспертными сообществами. Обсуждая в рамках конференции проблемы и перспективы развития российской политической науки и, в частности, исследований политических элит, О. В. Гаман-Голутвина отметила особую роль Калининградской области в данном процессе как динамично развивающегося политологического центра.

В данный момент в БФУ им. И. Канта под научным руководством доктора политических наук, профессора А. П. Клемешева реализуется ряд исследовательских проектов в области политической науки. Проректор по международным связям, кандидат политических наук И. И. Жуковский возглавляет проектный коллектив исследования в рамках гранта президента РФ для молодых ученых «Механизмы рекрутации и воспроизводства политических элит в посткоммунистических обществах на примере Республики Польша». Заместитель директора Социально-гуманитарного парка БФУ им. И. Канта В. А. Смирнов, занимающийся реализацией исследовательского проекта «Политические элиты Литвы 1991—2011», представил в рамках прошедшей конференции промежуточные результаты исследования, включающего методы сетевого анализа, экспертных оценок и глубинных интервью с ведущими литовскими политиками. Сложившаяся ситуация активного научного поиска в контексте интенсивного взаимодействия с отечественными и европейскими политологическими сообществами представляет широкие перспективы для развития динамичного центра политической науки в самом западном регионе Российской Федерации.

Ольга Красецкая
(Легница, Польша)

ЕСТЬ РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ В ПОЛЬСКИХ СЕЛЕНЬЯХ...

Я приехала в Польшу в 1975 году, почти сразу после окончания Ленинградского университета, с дипломом филолога-слависта, переводчика, преподавателя русского языка и литературы. Приехала к польскому мужу по большой светлой любви, оставив дружную семью, верных друзей и любимый город. Позади 38 лет моей жизни в Польше, и я уже могу смело назвать себя здешним старожилом: я многое видела, была свидетелем многих событий, у меня огромное количество учеников и студентов, знакомых и друзей как в этой стране, так и за ее границами. Но особое, исключительное место в моем сердце и душе занимают мои соотечественники.

В прошлом году польская русскоязычная газета «Европа.RU» и общество «Российский дом» по заказу Министерства иностранных дел РФ издали книгу «Русские в Польше». В течение года журналисты «Европы.RU» собирали по польским архивам и музеям исторические материалы о вкладе русских в науку, культуру и искусство Польши. Объем русского наследия в Польше нас поразил. Перед нами прошла целая плеяда русских: от старообрядцев, казаков и венценосных особ до современных представителей русской цивилизации в зарубежье. Мы нашли такой обширный материал, что он не смог вместиться в ограниченные рамки книги. Но факты собраны, фотографии описаны, и они дожидаются следующего издания. Ведь все это — наше национальное достояние, которое нас, русских, проживающих в Польше, ко многому обязывает.

Книга «Русские в Польше» вышла в конце 2009 года и сразу стала раритетом. А мне как одному из ее соавторов чрезвычайно жаль, что

пока не написано о наших соотечественниках из последней волны эмиграции, что ничего неизвестно о русских ученых, учителях, врачах, деятелях искусства, проживающих в Польше и продолжающих дело доблестных предшественников.

В «лихие 90-е» Россия потеряла много ценных специалистов, которые теперь работают за границей. Они часто были вынуждены менять профессию, отказываться от своего призвания, чтобы любым способом заработать и остаться на плаву. Было трудно. Иные сломались, но очень многие выжили. Вопреки всему. Невероятно, но большая часть русских эмигрантов живет вполне прилично, хотя в чужой стране и в чужом обществе намного труднее найти свое место и быть востребованным. И это феномен нашей русской нации: невероятная выживаемость и способность адаптироваться к любым условиям. Прав был Александр Розенбаум, когда пел:

Я помню, давно учили меня отец мой и мать:
Лечить так лечить!
Любить так любить!
Гулять так гулять!
Стрелять так стрелять!

А я как педагог с большим опытом добавлю: учить так учить!

Мы все делаем взахлеб и по полной, у нас нет полутонов, полусредств и полуметодов, все очень серьезно, от всего сердца и щедрой рукой: отсюда — и до вечности, или пан — или пропал! Это качество живет в нас, наверное, на генетическом уровне. Оно от бескрайних просторов нашей огромной территории, где приходилось не столько жить, сколько выживать, от безудержной удали наших предков, чья кровь вобрала примеси кровей многих народов. Поэтому мы всегда воскресаем, поднимаемся с колен, восстаем из пепла. Поэтому среди нас здесь, в Польше, есть харизматичные учителя, всеми любимые и уважаемые врачи, есть владельцы фирм и директора больших предприятий, прекрасные организаторы и управленцы, специалисты разных профилей — люди профессионально состоявшиеся и успешные, уважаемые и хорошо известные в польской среде. Меня всегда охватывает гордость за наших людей, за их феноменальную способность адаптироваться к чужой жизни и достигать в ней высоких позиций, несмотря на обстоятельства и условия, зачастую не очень благоприятные и дружеские. Этот непреклонный дух в нас из нашей общей исторической Родины. Он дает нам силу. Питает наши души.

Особенно добрым словом мне хочется вспомнить наших прекрасных русских женщин. Скромные, красивые той внутренней красотой, которая способна озарить других и вдохновить на подвиг, трудолюби-

вые, сердечные. И такие любимые: мужьями, учениками, студентами, пациентами, друзьями. Безусловно, на моем пути встречались и те, для кого родина там, где налоги ниже и зарплаты выше. Но таких единицы. В основном же я встречала русских женщин, которые на протяжении всей жизни в Польше привносили в свое окружение богатство российской истории и культуры, высокую одаренность и интеллектуальный потенциал своего народа. Ведь для них быть русскими всегда означало: хотеть быть русскими. Вести себя по-русски. Быть людьми русской культуры. Это пароль их внутреннего состояния, и они всегда хранили в душе русскую культуру, которую считают истинно своей.

Здесь, в Польше, они щедро делятся богатством этой культуры и фундаментальными знаниями, полученными на исторической Родине, вкладывают талант, душу, мастерство, умение неординарно мыслить в создание на территории своего проживания русского пространства любви и творчества. Меня охватывает чувство гордости за них и накрывает волна такой безмерной нежности, что поневоле вспоминаются слова Некрасова: «Есть женщины в русских селеньях…» Эти строки, которые мы все знаем из обязательной школьной программы, для меня наполнились истинным смыслом только в Польше. Ведь со времен Некрасова ничего не изменилось: русская женщина и сейчас «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет!»

Чистые сердцем, светлые умом, сильные духом — они, сродни декабристкам, ежедневно выполняют долг национальной ответственности. Это по ним судят о России, это они, как бессменные послы, по зову сердца и по велению души каждый день выходят на арену очень непростых польско-российских отношений. И держат оборону. С достоинством. Это они своей любовью, сердечностью, умением договариваться, не ссорясь и уважая национальные ценности и гордость поляков, на рабочих местах, в семье, среди друзей добиваются всеединства в вопросах, казалось бы, безнадежных и неразрешимых. Своей жизнью, отношением к работе, участием в общественной жизни Польши они ломают в сознании европейцев стереотипы и мифы о русских.

Есть русские женщины в польских селеньях… Честь им и хвала!

* * *

Два года назад я прочитала рассказ «Почти Рождественская история» Лены Языковой. Историю о ее большой любви я читала с замирающим сердцем и пылающим лицом. Талантливо! Живо! Прекрасный стиль! В тексте присутствовала какая-то чарующая магия: я по-

гружалась в описание, и все происходящее буквально вставало перед моими глазами — встречи с известным голландским ученым на конференциях в разных странах, беседы в венском кафе, прогулки по Амстердаму, расставания и все более частые электронные письма, приезд Джона в Польшу на Рождество, его знакомство с семьей Лены, — и я страдала, думала, сомневалась и в конце рассказа радовалась их свадьбе вместе с автором. Многие мои знакомые и коллеги точно так же «переживали» Ленин рассказ. Позже я прочитала и ее стихи — хорошие, добрые, спокойные. Талантливые.

Кто же эта Лена? Да… и живет она от меня совсем близко: от Легницы до Ополе по автостраде всего-то 150 км. Но, несмотря на это, с Леной я познакомилась лишь спустя год — на международной конференции «Русские в Польше», которая состоялась в Варшаве. Мы даже не поговорили как следует: времени было мало, а после конференции все сразу разъехались по домам. Но я уже знала, что Лена родом из Питера и тоже окончила Ленинградский университет, как и я. А это значит, что мы почти родные люди: ведь мы ходили по одним и тем же улицам (правда, не в одном временном пространстве), из окон наших университетских аудиторий тысячу раз рассматривали одни и те же здания Адмиралтейства и Исаакиевского собора; мы ощущали ту же красоту, воспринимая гармонию расходящихся от Невы проспектов, широкие пролеты мостов, размах площадей и великолепие архитектурных ансамблей как некую музыку… Для нас обеих Петербург звучал — он звучал, как Седьмая симфония Шостаковича («Ленинградская»). Мы до сих пор одинаково помним запах сирени на Марсовом поле в белые ночи… Город Петра, как огромная кристаллическая решетка, вписался в наши души и создал основу, характер. Нас воспитала одна Альма матер.

Когда мы наконец встретились ранней осенью прошлого года, у нас сразу как-то все заладилось. Стали частыми поездки — Ленины ко мне в Легницу, мои к ней в Ополе; ночи напролет, как в былые советские времена в Ленинграде, мы просиживали на наших теперь уже польских кухнях и говорили, говорили. Мы лучше узнавали друг друга и становились ближе.

Лена родилась 5 декабря 1964 года в городе Юрге Кемеровской области. В 1982 году окончила среднюю школу №280 Ленинграда. В 16 лет впервые поехала в геологическую экспедицию на Чукотку вместе со своей тетей, известным ленинградским геологом. Красота природы Дальнего Востока, раскопки под внимательным и мудрым руководством, романтические костры в конце дня и песни под гитару до утра

покорили сердце моей подруги. Так на широких просторах Чукотки родился будущий ученый — родилась любовь Лены к геологии, и все, что с того момента происходило в ее жизни, стало связано с геологией (точнее, палеонтологией), было подчинено этой великой страсти. И всегда рядом с ней находилась ее верная наставница — кандидат геолого-минералогических наук Т.Д. Зонова, первый учитель и самый строгий рецензент, соавтор научных проектов Лены и ее тетя.

Вернувшись с Чукотки, Лена поступила сначала на Малый геологический факультет при ЛГУ, потом — на первый курс геологического факультета, а в 1987 году под руководством профессора Г.Я. Крымгольца блестяще защитила на кафедре исторической геологии ЛГУ дипломную работу на тему «Биостратиграфия сеноман-туронских отложений бассейна р. Келинейвеем (Корякское нагорье)». Лена всегда была перфекционисткой: получить «тройку» ей было стыдно, а из-за «двойки» она вообще могла умереть, особенно если это касалось профильных предметов. Сокурсники помнят ее как веселую, открытую, готовую помочь в любую минуту подругу.

Как же все-таки важно, чтобы в определенный момент нашей жизни рядом оказался мудрый человек, профессионал, который увидел бы в нас божью искру призвания, указал на нее и помог сделать правильный выбор! Подлинное счастье, когда работа становится жизненным хобби. Я смотрю на фотографии моей подруги из разных периодов ее жизни: научные экспедиции, встречи с друзьями, конференции в своей стране и за границей, присвоение очередных научных степеней, лекции в университетах разных стран — и везде она жизнерадостная, везде улыбающаяся, часто с гитарой, всегда любит и окружена любовью. Лена действительно счастливый человек и состоявшийся ученый с мировым именем. За десятилетие, с 1987 по 1997 год, она прошла путь от инженера до старшего научного сотрудника Всероссийского научно-исследовательского геологического института им. А.П. Карпинского (ВСЕГЕИ), защитила кандидатскую диссертацию, получила награду РАН за научные достижения, успела поработать на Сахалине, Курилах, Чукотке, представляла российскую науку на международных конференциях и симпозиумах в Польше, Бельгии, Голландии, Германии, Венгрии, США, Англии, Испании, Словакии.

Впечатляет, не правда ли?

Жизнь и карьера подающего большие надежды российского ученого Елены Языковой — как, впрочем, и судьбы многих наших сограждан — в страшные 1990-е годы в одночасье рассыпалась, словно картинка из пазлов. Во ВСЕГЕИ перестали платить зарплату, а на руках у

Лены дочка и мама-пенсионерка, ну а муж, как многие тогда, где-то потерялся в водовороте трагических событий. Надо было как-то выживать. По великому блату (!) Лена устраивается на работу уборщицей — грустно, обидно, но там хоть платят деньги… По вечерам она дает частные уроки английского, по утрам машет шваброй в компьютерной фирме, а ночами пишет научные статьи в иностранные журналы. Все чаще посещают мысли навсегда уйти из науки и поискать работу в каком-нибудь «черном» бизнесе. И в самый критический момент ее жизни от коллеги из Катовиц приходит приглашение поработать на его кафедре в Силезском университете, которое Лена принимает. Так известный польский ученый спас российского ученого для мировой науки, а Польша на многие годы, а может быть, и навсегда вписалась в судьбу моей подруги и ее семьи.

В 1998 году Лена приезжает в Силезский университет работать на кафедре экосистемной стратиграфии факультета наук о земле в Сосновце. В 2002 году она удостаивается коллективной, в 2005-м — индивидуальной награды ректора Силезского университета, а 21 мая 2010 года на факультете наук о земле и жизни Свободного университета в Амстердаме проходит защита ее докторской диссертации (на английском языке). С 1998 года по настоящее время она читает лекции и ведет семинары для студентов и аспирантов, осуществляет научное руководство дипломными и кандидатскими работами, организует международные научные конференции и симпозиумы, научно-исследовательские экспедиции «Крым-2002» и «Крым-2005», научные экскурсии «Палеонтологические музеи Варшавы» (2008—2010), «Музей мамонтов в Прерове» (Чехия, 2010), «Санкт Петербург: история, культура, наука» (2003, 2009). Лена постоянно окружена студентами: и на работе, и на практике, и в частной жизни. Многие пишут, звонят, навещают, и для каждого есть время и доброе слово Учителя. Эта черта Лены мне особенно близка — может быть потому, что это и мой принцип отношений со студентами. И это нормально: мы же выпускницы Питерского университета, а его девиз — «HIC TUTA PERENNAT» («Здесь в безопасности пребывает»)!

* * *

Есть под городом Ополе маленькая деревенька Красеев, которая с недавних пор становится все более известна и популярна, причем не только в Польше. Развитие этого места тоже непосредственно связано с именем нашей героини. Здесь обнаружено уникальное и самое

большое местонахождение позвоночных позднего триаса, возраст которых насчитывает более 200 миллионов лет. Пять лет назад в чистом поле студенты Опольского университета проводили раскопки под руководством доктора Елены Языковой, а сегодня на месте этих раскопок вырос самый большой в Польше динопарк — «Jura-park».

Прошлой осенью я побывала в этом парке, и Лена выступила моим экскурсоводом. И дело вовсе не в том, что это прекрасное развлекательное место со множеством аттракционов, баров и кафе, с музеем, с фигурами динозавров в натуральную величину и даже кинотеатром, где в формате 5D можно посмотреть кино о зарождении жизни на нашей Земле, — дело в том, КАК Лена рассказывала о каждом представителе животного мира, жившем на Земле 250 миллионов лет тому назад! Профессионально, понятно для слушателя любого уровня знаний, вдохновенно, захватывающе! Поневоле начинаешь интересоваться каждым из этих животных, периодом, в который они жили, ищешь в Интернете, что же за наука эта палеонтология и почему она такая увлекательная.

А ведь она действительно интересная! Я даже побывала у Лены в Опольском университете. Пятнадцатого декабря прошлого года сквозь снега и сугробы, невзирая на мороз и полнейший хаос на польских железных дорогах, традиционно вызванный внезапно начавшейся зимой, я отправилась на доклад профессора Гжегожа Рацкого из Силезского университета «Открытие иридовой аномалии на границе мелового периода и палеогена близ Хелма — польский след убийцы динозавров». Чтобы так заинтересовать филолога ископаемыми животными, надо иметь действительно огромный талант! Теперь мне понятна реакция Витольда Шимули, случайно попавшего на экскурсию в Красеев к Лене, которая сумела настолько заинтересовать его тайнами палеонтологии, что он приложил все усилия, чтобы войти в коммерческое общество «Delta» и… стать администратором динопарка.

У Шимули большие планы на будущее: общество «Delta» планирует построить здесь самый большой в Польше палеонтологический музей, где кроме выставочных залов будут и лаборатории, и хранилище для образцов, и полевая база для студентов и ученых, приезжающих проводить исследования. Уже сейчас «Delta» выступает спонсором раскопок, проводимых Опольским университетом. Раскопки под Ополем, которые проводит Лена, уже стали международными: сюда приезжают студенты из России, Литвы, Чехии, Голландии, Германии. Ходят упорные слухи, что в Опольском университете планируется открытие новой специальности — палеобиологии!

В декабре прошлого года мы с Леной, объединив наши усилия и общую страсть к путешествиям и масштабным мероприятиям, организовали общество «Русский центр культуры и науки» и собрали в его ряды соотечественников, проживающих в Верхней и Нижней Силезиях. Планы у общества грандиозные, а членов становится все больше с каждым днем: это ученые, преподаватели, учителя, есть руководитель одного из отделов крупного химического завода под Ополем родом из Иркутска, есть известный хирург, есть преподаватель музыкальной школы и оперный певец. Есть молодые и не очень, но всех нас объединяет любовь к русской культуре и желание сохранить ее для потомков. А совсем недавно мы познакомились с еще одной уроженкой Петербурга — единственным русскоговорящим юристом в Велькопольском воеводстве. Она является председателем культурного общества «Славянка», с которым мы намерены сотрудничать.

* * *

А может быть, в трагедии 1990-х все-таки есть высший Божий промысел и не так уж важно, кто где живет? Ведь главное — чтобы человек творил добро и любовь. А они, как известно, спасут мир!

SUMMARY

In the opening **Feature** one of our editors, Vadim Smirnov, interviews professor Oksana Gaman-Golutvina, the President of Russian Political Science Association, about the ways in which political elites developed in the former USSR Baltic respublics; the role that Russia now plays in the post-Soviet space; and the research potential of a recent (September 2011) conference, *Political Elites of the Baltic Sea States in 1991—2011. Conclusions and Prospects.* The interview is followed by the transcript of an open lecture by the President of Russian Railways, doctor of political science Vladimir Yakunin, on the main problems of Russia/EU interaction.

In the next chapter, **Society: Tracing Current Discussions,** Maria Mchedlova calalogues major approaches to the study of 'Russian civilization'. Andrey Melkov theorises about Christian values that unite Europe and Russia. Juris Rosenvalds, doctor of humanities, talks about the possibilities Russian-speaking minorities have in Latvian and Estonian political life of today; his article is echoed by the study of socio-cultural identity of Russians in contemporary Lithuania (Baltic Federal University: professor Vladimir Bryushinkin, associate professor Natalia Andreychuk, assistant Julia Mazur).

As usual, **Language: The Pulse of Life** displays a wide array of research interests of its authors**.** Alla Botnikova discusses two 'Russian national hobbies': reading and the pull to the spiritual and moral. The status of Russian language in Lithuania, its use and functions are under careful scturiny of Danute Balsaityte. Tatiana Shmeleva studies the outburst of paronomasia in media discourse of Moscow (her focus is on newspapers and journals) that immediately followed the resignation of Yuri Luzhkov.

The **Signs of History** chapter is a collection of materials on the history of Russia. Igor Danilevsky writes about the emblematic role of the Battle of Grunwald and reinterprets a Russian national myth of the 1242 Battle of the Ice. Marina Yakovleva concludes her series of publications (see issues 1—2) on the history of the Yusupovs. Ilia Maksimov finalizes the chapter analyzing political and economic repercussions of the Russo-German trade treaty of 1904. The Russian-German theme is followed up in the **Documents of Time:** in his article Yuri Kostyashov talks about the participation of Soviet delegates in East-Prussian fairs in Kőnigsberg. The article contains a lot of interesting visual material as well.

The **Art of Letters** chapter is dedicated to poetics of Russian literature of the turn of the century. The contributors focus on a variety of topics: the part Antony Pogorelsky played in the development of the 19th century Russian prose and the significance of his novel *Monastyrka* (Natalia Zhilina); the play of the Biblical and secular approaches to the dilalectics of the 'face', the 'soul' and the 'body' in A. Pushkin's *Gavriiliada* (Sergey Isayev); the influence of Tolstoy and Dostoyevsky on the poetics of Gaito Gazdanov's novel, *An Evening with Claire* (Sergey Kibalnik). Maria Konnova contributes to the discussion about the spiritual foundations of Russian literature: her article on the color/light semantics and the image of Easter in Ivan Shmelev's *The Summer of the Lord* opens the next chapter, **Icons.** The discussion further continues in **Notes on Philosophy,** where Vladas Povilaitis talks about the balance of the mythological and the artistic in historical and philosophical legacy of Dmitry Merezhkovsky.

In **Origins,** Ludmila Dorofeyeva presents her comments and thoughts on *Vladimir Monomakh's Instruction.*

Following an already-established tradition, the issue dedicates a chapter to the Russo-German cultural and historical connections (**Russians in Kőnigsberg**). This time, professor Irina Kuznetsova takes a closer look at the history of organ-playing in Russia and at the role of German organ players and composers in the development of Russian musical culture.

Two penultimate chapters have a distinctly Polish twist. In **Along the Coast** the reader will find very interesting samples of contemporary Polish poetry traslated by a Kaliningrad poet Igor Belov. The next chapter, **Special Guest,** will definitely draw the attention of all who appreciate the history of Russian literature. Here, we reprint a hard-to-find analysis of Tsvetaeva's *Insomnia* by Jerzy Faryno. The reprint has a foreword on the methodology of this famous Polish scholar of Slavistics (by Tatiana Shmeleva).

The final section of the journal, **Reviews,** goes over the recent events organized by the Baltic Federal University. It contains reviews and reflections about the Russian Language Contest, *The Russian Dictation,* in Polish universities (Irina Lukianenko and Olga Vertinskaya report); international youth summer school *Studia Baltica* (Vladimir Balobaev); and the international research conference of September 2011, *Political Elites of the Baltic Sea States in 1991 – 2011. Conclusions and Prospects* (Vyacheslav Sutyrin). Olga Krasetskaya, one of the editors of the collection of papers *Russians in Poland* recently published in Warsaw, concludes this chapter with her thoughts on the role of Russian women in Polish culture and academia.

Об авторах

Андрейчук Наталья Вениаминовна — канд. филос. наук, доц. кафедры философии БФУ им. И. Канта (Калининград), NAndreichuk@kantiana.ru

Бабенко Наталья Григорьевна – д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой общего и русского языкознания БФУ им. И. Канта (Калининград), banagr@rambler.ru

Балобаев Владимир Андреевич — директор Центра общественно-политических исследований «Русская Балтика» (Калининград), vbalobaev@gmail.com

Балшайтите Дануте — д-р гуманитарных наук, проф. Института иностранных языков Вильнюсского университета (Вильнюс, Литва), danute.balsaityte@uki.vu.lt

Белов Игорь Леонидович — поэт, переводчик, зам. председателя Калининградской писательской организации (Калининград), ilbelov@mail.ru

Ботникова Алла Борисовна — д-р филол. наук, проф. кафедры зарубежной литературы Воронежского государственного университета (Воронеж), botnikova@yandex.ru

Брюшинкин Владимир Никифорович — д-р филос. наук, проф., зав. кафедрой философии БФУ им. И. Канта (Калининград), VBriushinkin@kantiana.ru

Вертинская Ольга Михайловна — канд. филол. наук, начальник научно-методического отдела научно-образовательного центра «Русская Балтика» БФУ им. И. Канта (Калининград), helga@au.ru

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна — д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой сравнительной политологии факультета политологии МГИМО (У) МИД России, президент Российской ассоциации политической науки (Москва), ogaman@mail.ru

Грешных Владимир Иванович — д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой зарубежной филологии БФУ им. И. Канта (Калининград), greshnykh@ya.ru

Данилевский Игорь Николаевич — д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Москва), viddanin@mail.ru

Дорофеева Людмила Григорьевна — канд. филол. наук, доц. кафедры истории русской литературы БФУ им. И. Канта (Калининград), lgdorofeeva@mail.ru

Жилина Наталья Павловна — д-р филол. наук, доц. кафедры истории русской литературы БФУ им. И. Канта (Калининград), nzhilina@rambler.ru

Исаев Сергей Георгиевич — д-р филол. наук, проф. Новгородского университета имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород), isaev_2042@mail.ru

Кибальник Сергей Акимович — д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург), kibalnik007@mail.ru

Коннова Мария Николаевна — канд. филол. наук, доц. кафедры зарубежной филологии БФУ им. И. Канта (Калининград), maria.konnova@rambler.ru

Костяшов Юрий Владимирович — д-р ист. наук, проф. кафедры зарубежной истории и международных отношений БФУ им. И. Канта (Калининград), kostyashov55@mail.ru

Красецкая Ольга — переводчик, член редакционной коллегии газеты «Европа.ru» (Легница, Польша), Olga99961@mail.ru

Кузнецова Ирина Сергеевна — д-р филос. наук, проф. кафедры философии БФУ им. И. Канта (Калининград), IKuznetsova@kantiana.ru

Лукьяненко Ирина Николаевна — канд. филол. наук, старший научный сотрудник научно-методического отдела научно-образовательного центра «Русская Балтика» БФУ им. И. Канта (Калининград), ilukijanenko@gmail.com

Мазур Юлия Юрьевна — ассист. кафедры философии БФУ им. И. Канта (Калининград), IMazur@kantiana.ru

Максимов Илья Павлович — канд. ист. наук, доц. кафедры политологии и социологии БФУ им. И. Канта (Калининград), iliamaks@mail.ru

Мельков Андрей Сергеевич — канд. ист. наук, декан историко-филологического факультета Российского православного института св. Иоанна Богослова (Москва), as@melkow.ru

Мчедлова Мария Мирановна — канд. филос. наук, доц. кафедры сравнительной политологии РУДН, ведущий научный сотрудник центра «Религия в современном обществе» Института социологии РАН (Москва), mchedlova@yandex.ru

Повилайтис Владас Ионо — канд. филос. наук, доц. кафедры философии БФУ им. И. Канта (Калининград), povilaitis@mail.ru

Розенвалдс Юрис — д-р гуманитарных наук, декан факультета социальных наук Латвийского университета (Рига, Латвия), Juris.Rozenvalds@lu.lv

Смирнов Вадим Анатольевич — зам. директора Социально-гуманитарного парка БФУ им. И. Канта (Калининград), vsmirnov@kantiana.ru

Сутырин Вячеслав Валерьевич — помощник по проектной работе проректора по научной работе БФУ им. Канта (Калининград), slava.sutyrin@gmail.com

Фарыно Ежи — д-р филологии, проф. Института славистики Польской академии наук (Варшава, Польша), faryno@wp.pl

Шмелева Татьяна Викторовна — д-р филол. наук, проф. кафедры журналистики НовГУ им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород), szmiel@mail.ru

Яковлева Марина Алексеевна — зав. сектором научно-методической работы музея «Юсуповский дворец на Мойке» (Санкт-Петербург), marina-yakovleva@mail.ru

Якунин Владимир Иванович — д-р полит. наук, зав. кафедрой государственной политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва), info@polit.msu.ru

About authors

Andreychuk Natalia Veniaminovna – Ph. D. (Philosophy), associate professor of the Philosophy department of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), NAndreichuk@kantiana.ru

Babenko Natalia Grigorievna – doctor of philology, professor, head of department of General and Russian Linguistics of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), banagr@rambler.ru

Balobaev Vladimir Andreyevich — head of Information and Analytics Department (International Office) (Kaliningrad), vbalobaev@kantiana.ru

Balsaityte Danute — doctor of humanities, professor of the Institute of Foreign Languages at Vilnius University (Vilnius, Lithuania), danute.balsaityte@uki.vu.lt

Belov Igor Leonidovich — poet, translator, deputy chair of Kaliningrad Pen Club (Kaliningrad), ilbelov@mail.ru

Botnikova Alla Borisovna — doctor of Philology, professor of Foreign Literature department of Voronezh State University (Voronezh), botnikova@yandex.ru

Bryushinkin Vladimir Nikiforovich — doctor of Philosophy, professor, head of Philosophy department of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), VBriushinkin@kantiana.ru

Vertinskaya Olga Mihailovna — Ph. D. (Philology), head of Research and Methodology department of Russian Baltics at Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), helga@au.ru

Gaman-Golutvina Oksana Viktorovna – doctor of Political Science, professor, head of Comparative Political Science department of Moscow State Institute of International Relations, president of Russian Political Science Association (Moscow), ogaman@mail.ru

Greshnykh Vladimir Ivanovich — doctor of philology, professor, head of the department of Foreign Philology of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), greshnykh@ya.ru

Danilevsky Igor Nikolayevich – doctor of history, professor, head of the department of the History of Ideas and Methods of Historical Research of the Faculty of History of Higher School of Economics (Moscow), viddanin@mail.ru

Dorofeyeva Ludmila Grigoryevna – Ph. D. (philology), associate professor of the department of the History of Russian Literature of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), lgdorofeeva@mail.ru

Zhilina Natalia Pavlovna – doctor of philology, associate professor of the department of the History of Russian Literature of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), nzhilina@rambler.ru

Isayev Sergey Georgievich – doctor of philology, professor of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod), isaev_2042@mail.ru

Kibalnik Sergey Akimovich – doctor of philology, senior researcher at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of Russian Academy of Science (St. Petersburg), kibalnik007@mail.ru

Konnova Maria Nikolayevna – Ph. D. (Philology), associate professor of the department of Foreign Philology of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), maria.konnova@rambler.ru

Kostyashov Yuri Vladimirovich – doctor of history, professor of department of Foreign History and International Relations of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), kostyashov55@mail.ru

Krasetskaya Olga – translator, member of the board of editors of *Europa.ru* newspaper (Legnica, Poland), Olga99961@mail.ru

Kuznetsova Irina Sergeyevna – doctor of philosophy, professor, head of department of Philosophy and Cultural Studies of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), IKuznetsova@kantiana.ru

Lukianenko Irina Nikolayevna – Ph. D. (Philology), senior researcher of Research and Methodology department of the Russian Baltics at Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), ilukijanenko@gmail.com

Mazur Julia Yurievna – assistant at the department of Philosophy of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), IMazur@kantiana.ru

Maksimov Ilia Pavlovich – Ph. D. (History), associate professor of the department of Political and Social Sciences of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), iliamaks@mail.ru

Melkov Andrey Sergeyevich – Ph. D. (History), dean of the faculty of History and Philology of John the Apostle Russian Orthodox University (Moscow), as@melkow.ru

Mchedlova Maria Miranovna — Ph. D. (Philosophy), associate professor of Comparative Political Science department of Peoples' Friendship University of Russia, senior researcher of Religion in Contemporary Society research center of the Institute of Social Science of Russian Academy of Science (Moscow), mchedlova@yandex.ru

Povilaitis Vladas Iono — Ph. D. (Philosophy), associate professor of the department pf Philosophy and Cultural Studies of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), povilaitis@mail.ru

Rozenvalds Juris — doctor of humanities, dean of the Social Sciences faculty of Latvian University (Riga, Latvia), Juris.Rozenvalds@lu.lv.

Smirnov Vadim Anatolievich — deputy head of the Center for Social Science and Humanities of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), vsmirnov@kantiana.ru

Sutyrin Vyacheslav Valerievich — assistant project manager to the vice-rector for science and research of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), slava.sutyrin@gmail.com

Faryno Jerzy — doctor of philology, professor of the Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Science (Warsaw, Poland), faryno@wp.pl

Shmeleva Tatiana Viktorovna — doctor of philology, professor of the department of Journalism of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod), szmiel@mail.ru

Yakovleva Marina Alekseyevna — head of research and methodology department of Yusupov Palace on the Moika River museum (St. Petersburg), marina-yakovleva@mail.ru

Yakunin Vladimir Ivanovich — doctor of political science, head of Public Policy department of the Political Science faculty of Moscow State University (Moscow), info@polit.msu.ru

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

2011

№ 3—4

Редактор *Е. Т. Иванова*. Корректор *Е. А. Алексеева*
Оригинал-макет подготовлен *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 30.11.2011 г.
Бумага для множительных аппаратов. Формат 70×100 1/16
Гарнитура «Book Antiqua». Ризограф. Усл. печ. л. 26,8. Уч.-изд. л. 20,4
Тираж 1000 экз. Заказ 7

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14